В.Г. ТРУХАНОВСКИЙ

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

В.Г. ТРУХАНОВСКИЙ

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

В.Г. ТРУХАНОВСКИЙ

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1982

ББК 66.4(0)
Т 80

1

Памяти безвременно
ушедшего из жизни
сына Григория

МАЛООБЕЩАЮЩЕЕ НАЧАЛО

Долгие годы политические противники Уинстона Черчилля называли его «молодым человеком, который вечно спешит». Это верно не только для стиля его политической и государственной деятельности, но даже и для его рождения. Он действительно поторопился родиться, появившись на свет за два месяца до положенного природой срока.

Его мать, красивая, живая, любящая развлечения женщина, 30 ноября 1874 г. вопреки советам родных решила принять участие в бале, который герцог Мальборо давал в своем родовом дворце Бленхейм. В середине вечера леди Черчилль неожиданно почувствовала себя плохо, и ее еле успели доставить в одну из ближайших комнат, которая по случаю бала была превращена в дамскую раздевалку. В этой необычайной обстановке — на грудах пальто, шляп и горжеток — и появился на свет Уинстон Черчилль.

Младенец был хотя и скороспелый, но весьма энергичный. Он так неистово кричал, нарушая покой чопорного роскошного дворца, что шокированная герцогиня Мальборо заметила: «Я сама произвела на свет немало детей, и все они имели прекрасные голосовые данные. Но такого ужасающего крика, как у этого новорожденного, я еще никогда не слышала». Вскоре в соответствии с существующими в английском правящем обществе традициями на первой полосе газеты «Таймс» появилось объявление, состоящее из одной фразы: «30 ноября во дворце Бленхейм леди Рандольф Черчилль преждевременно разрешилась от бремени сыном». Нужно, правда, отметить, что один из последних биографов Черчилля, Г. Пеллинг, выражает сомнения в справедливости такой формулировки. Свои рассуждения на этот счет он заключает следующим

образом: «Итак, мы не можем пока утверждать, объяснялось ли раннее появление на свет Уинстона его собственной торопливостью или тем же качеством лорда Рандольфа».

Хозяева Бленхейма были недовольны, что потомок герцога Мальборо родился в раздевалке, а не в каком-нибудь другом, более подходящем для такого события помещении дворца. В наше время, когда во дворец Бленхейм открыт доступ туристам, им показывают комнату, где появился на свет Уинстон Черчилль. Комната имеет хотя и скромный, но вполне благопристойный вид. Никакого напоминания о том, в каком состоянии она была в тот знаменательный вечер 30 ноября 1874 г.

Ребенок был рыжий. Тупым и вздернутым носом он походил на своих предков из рода Мальборо. Его отец лорд Рандольф Черчилль был третьим сыном седьмого герцога Мальборо — Джона Уинстона Спенсера Черчилля и герцогини Фрэнсис, урожденной маркизы Лондондерри. Кроме королевской фамилии в Англии было не более двадцати герцогских семей, и среди них Мальборо считались десятыми по старшинству. Английские, как, впрочем, и любые другие, аристократы придают большое значение древности рода и, если к тому представляется малейшая возможность, пытаются доказать свое происхождение от норманских, французских и итальянских феодалов, пришедших на Британские острова с Вильгельмом Завоевателем в XI в. Герцоги Мальборо также ведут свою родословную от норманских соратников Вильгельма Завоевателя. Однако большинство биографов Черчилля скептически относятся к этим упражнениям в генеалогии.

Первым точно установленным предком Черчилля считается Джон Черчилль, о котором известно, что он жил в XVII в., был юристом в графстве Дорсет и ярым роялистом. Джон Черчилль женился на Саре, дочери сэра Генри Уинстона из Глочестершира. Приставка «сэр» означала, что Уинстон был баронетом. У Джона Черчилля в 1620 г. родился сын Уинстон, который в 22 года вступил в армию и затем воевал на стороне короля Карла I во время английской буржуазной революции XVII в.

В один из периодов затишья в военных действиях, в мае 1643 г., Уинстон Черчилль, дослужившийся к этому времени уже до капитана кавалерии, женился на дочери леди Дрейк. Невеста происходила из семьи сэра Фрэнси-

са Дрейка, прославившегося в XVI в. пиратскими экспедициями и грабежом испанских владений в Вест-Индии. Он награбил огромные сокровища, которыми делился с английской королевой Елизаветой I. Фрэнсис Дрейк пользовался покровительством королевы и получил от нее рыцарское звание.

Семьи Уинстона Черчилля и Елизаветы Дрейк находились в противоположных политических лагерях в развернувшейся в то время гражданской войне. Капитан Черчилль сражался за короля, а семья его жены боролась на стороне революционных войск Кромвеля. Однако обе стороны считали, что политические расхождения не должны помешать браку. Эта знаменательная черта в далеком прошлом рода Черчиллей будет много раз повторяться в жизни его последующих поколений. Черчилли никогда не ставили верность политическому принципу выше соображений выгоды.

Буржуазная революция в Англии победила, король Карл I был обезглавлен. Капитан Черчилль вернулся с войны раненым и, как участник активной борьбы на стороне короля, был наказан победителями. Ему пришлось уплатить огромный по тем временам штраф — 446 фунтов 8 шиллингов. Дом Черчилля был разорен. В довершение всего поместье семьи Дрейк подверглось нападению роялистов и оказалось сильно разрушенным. Капитан Черчилль обосновался в этом поместье вместе с семьей жены. Здесь он чувствовал себя безопаснее, ибо Дрейки, сражавшиеся на стороне революции, могли рассчитывать на защиту со стороны новых властей. В течение 12 лет капитан Черчилль занимался генеалогией и написал книгу, в которой обосновывал божественное происхождение королевской власти. Уинстон Черчилль ждал лучших времен. Он надеялся на реставрацию монархии.

Действительно, 1660 год принес долгожданную перемену. 3 мая король Карл II высадился в Дувре, и вскоре в Англии была восстановлена монархия. Уинстон Черчилль, захватив свои рукописи, немедленно направился в Лондон, чтобы получить награду за верность монархии. В этом нелегком деле он проявил большую напористость. Известный английский историк Маколей называет его «бедным мелким кавалером-рыцарем, который все время околачивался в Уайтхолле и сделал себя смешным, опубликовав скучный, жеманный и уже давно забытый том во

славу монархии и монархов». Однако в конце концов настойчивость Уинстона Черчилля дала свои результаты. Он был избран в парламент, приобрел дом в Лондоне, затем получил выгодный пост в Ирландии, а вернувшись в Англию, служил в управлении королевским имуществом. Его тщеславие было в известной мере удовлетворено тем, что король даровал ему право именоваться сэром и иметь собственный герб. И все же Черчилль считал королевские благодеяния далеко не соответствующими его заслугам. Поэтому он избрал для герба девиз: «Верный, но неудачливый». Этот девиз до сих пор остается девизом семьи Черчиллей, несмотря на то что три века ее истории свидетельствуют об обратном: удача Черчиллям сопутствовала довольно часто, а о верности они никогда особенно не заботились.

Елизавета Дрейк родила Уинстону Черчиллю 12 детей. Семеро из них умерли в раннем детстве, а остальные оказались весьма предприимчивыми и смогли многого добиться в жизни. Правда, они подчас действовали довольно сомнительными методами. Особенно преуспели дочь Арабелла и сын Джон, который родился в 1650 г.

Автор одной из биографий нашего героя Льюис Брод пишет: «Черчилли, как и некоторые другие герцогские фамилии, обязаны своим первоначальным взлетом падению женщины». Женщиной, принесшей успех роду Черчиллей и содействовавшей его славе, была Арабелла Черчилль. Отцу ее не без труда удалось пристроить дочь в свиту брата Карла II — герцога Йоркского, будущего короля Якова II. На первых порах Арабелла далеко не преуспевала в роли фрейлины герцогини Йоркской. Она была очень некрасива. «Высокое, с бледным лицом создание, ну просто кожа и кости», — замечает Л. Брод. Но неожиданно ее положение изменилось. Об этом рассказывает французский граф Граммон, состоявший в то время в свите герцога. Однажды во время прогулки верхом лошадь Арабеллы пустилась галопом, и всадница, потеряв равновесие, упала. «Удар от падения при такой быстрой езде, — пишет Граммон, — вероятно, был очень сильным и мог причинить большую боль, но он оказался для Арабеллы полезным во всех отношениях. Не получив никаких повреждений, она перед всеми опровергла неблагоприятное мнение о своей персоне, сложившееся под впечатлением ее лица. Герцог спешился, чтобы помочь

пострадавшей... Те, кто собрался вокруг Арабеллы, увидели ее лежащей в весьма небрежной позе. Они едва поверили, что ноги такой исключительной красоты могли принадлежать столь непривлекательной особе, как мисс Черчилль. После этого инцидента, — заканчивает свой рассказ Граммон, — нежность герцога к Арабелле увеличивалась с каждым днем». От связи с герцогом Йоркским у Арабеллы родилось четверо детей, занявших видные места среди английской знати, а ее брат Джон получил возможность быстро сделать великолепную карьеру.

Уже 22 лет Джон Черчилль был капитаном кавалерии, а через два года стал полковником драгунского полка. В 35 лет он получил титул барона. В июне 1685 г. Джон Черчилль в крупном деле показал, на что он способен. Один из претендентов на английский трон, герцог Монмаус, высадился на Британских островах и двинулся на Бристоль. Уинстон Черчилль и его сын Джон немедленно явились к королю Якову II с предложением своих услуг. Джон Черчилль тут же получил ранг бригадного генерала и приказ подавить мятеж. В сражении 6 июля Монмаус был разгромлен, взят в плен и затем обезглавлен. Барон Джон Черчилль получил звание генерал-майора, а через несколько лет и титул графа.

Молодой генерал был энергичен, красив и отличался разносторонностью интересов. Он уделял большое внимание богатым придворным дамам и делал это далеко не бескорыстно. «Циники утверждают,— пишет один из биографов Черчилля, Джозеф Мак Кейб,— что легко получать повышение, если ваша сестра — любовница короля, или, раскапывая древние архивы, заявляют, что Джон получал по нескольку тысяч гиней то здесь, то там за услуги, оказываемые им богатым дамам». Джон Черчилль, или, как его называли в свое время, красавчик Джон, принес большую славу и состояние роду Черчиллей и положил основание династии герцогов Мальборо. Наибольшего успеха он достиг в годы войны за испанское наследство, когда командовал в Европе англо-голландскими войсками, действовавшими против Франции.

Английская историография в целом очень сочувственно относится к Джону Черчиллю, как правило изображая его великим полководцем, дипломатом и национальным героем. Однако далеко не все историки разделяют это мнение. Свифт, Поп, Теккерей и Маколей отзываются о

Джоне Черчилле весьма отрицательно. «Многие авторитетные историки,— пишет английский лейборист Эмрис Хьюз в биографии Уинстона Черчилля,— считают великого Мальборо бандитом и мерзавцем, поскольку этот славный генерал любил не только воевать, но и грабить». Джон Черчилль в новое время и в новых условиях повторял подвиги своего предка — пирата Фрэнсиса Дрейка.

Положение командующего коалиционными войсками в Европе Джон Черчилль использовал для того, чтобы не только грабить на Европейском материке, но и вымогать огромные взятки в самой Англии у оптовых поставщиков снаряжения для армии. Так военную славу он превращал в золото.

Джон Черчилль был женат на Саре Дженнингс, женщине энергичной и предприимчивой, пользовавшейся большим влиянием на королеву Анну. За различные занимаемые ими прибыльные посты супруги получали ежегодно из казны жалованье в 64 325 ф. ст., что по тем временам составляло колоссальную сумму. Королева не скупилась на награды Джону Черчиллю. Она возвела его в 1702 г. в герцогское достоинство, после чего он стал именоваться первым герцогом Мальборо. Ему была назначена пенсия в 5 тыс. ф. ст. в год. Но земли и поместий он не имел. После сражения при Бленхейме 13 августа 1704 г., где Мальборо командовал войсками, одержавшими победу над Францией и ее союзниками, ему был дарован большой земельный участок в местности Вудсток и 500 тыс. ф. ст. на постройку роскошного дворца и приведение в порядок имения. Парк, окружающий дворец Бленхейм, который назван так в честь победы 13 августа 1704 г., состоит из 15 тыс. акров земли. Кроме того, в награду за победу под Бленхеймом германский император даровал герцогу Мальборо титул князя Римской империи. Этот титул и по сей день принадлежит потомкам герцога Мальборо. В результате обильных денежных наград от государства и лихоимства, а также путем спекуляций, в которые пускались герцог Мальборо и его жена, они собрали огромное состояние, поступившее в распоряжение семьи Черчиллей.

Первый Мальборо умер от апоплексического удара в 1722 г. Он не оставил прямого наследника: оба его сына умерли в юности. Титул и владения рода Мальборо специальным актом парламента были переданы его дочери Генриетте, от которой вскоре перешли к ее племяннику

Чарльзу Спенсеру. С тех пор фамильным именем герцогов Мальборо стало имя Спенсер Черчилль.

Потомки первого Мальборо не совершили никаких выдающихся дел и ничем себя не прославили. Их активность и интерес к государственным делам не выходили за рамки графства, где были расположены их владения. Герцоги Мальборо энергично проживали созданное Джоном Черчиллем состояние. Когда же финансовое положение рода стало затруднительным, молодые Мальборо начали поправлять свои дела путем женитьбы на богатых американках. Начало этим выгодным бракам положил Рандольф Черчилль (1849—1895), отец Уинстона Черчилля.

По английским законам титул и все владения наследует старший сын. Младшие сыновья должны делать карьеру и зарабатывать собственное состояние на государственной службе, в армии, в колониальной администрации или в церковной иерархии. Рандольф Черчилль, не имевший прав на титул и поместья Мальборо, довольно успешно закончил университет, и предполагалось, что он будет делать политическую карьеру.

В 1873 г., когда Рандольфу было 24 года, он встретился с путешествующей по Европе семьей американского миллионера Джерома и решил жениться на одной из его дочерей — Дженни. Отец Дженни Леонард Джером был человеком энергичным, темпераментным, не любившим, да и не хотевшим сдерживать себя в чем бы то ни было. Его страсти раздваивались между скаковыми лошадьми и оперными певицами. Он построил первые два американских ипподрома и организовал собственную частную оперу. Женат он был на красавице американке, в жилах которой текла значительная часть индейской крови. Одно время Леонард Джером занимал пост американского консула в Триесте. Но спокойная дипломатическая служба была не для него. Бросив консульские дела, он стал одним из совладельцев газеты «Нью-Йорк таймс». Бизнес удерживал Джерома в Америке, тогда как его жена и две дочери проводили бóльшую часть времени в Европе.

В августе 1873 г. герцог Мальборо получил от сына Рандольфа письмо, в котором тот сообщал о своем намерении жениться на Дженни Джером. Отец весьма сдержанно отнесся к скоропалительному решению сына, но тот упорно настаивал на своем. Рандольфу пришлось принять условие отца — отложить свадьбу до того, как он пройдет

в парламент от избирательного округа Вудсток, где находился дворец Бленхейм и где полностью распоряжались герцоги Мальборо. В парламент Рандольф, конечно, был избран, и в апреле 1874 г. состоялся его брак с Дженни Джером. Он взял в приданое за женой 50 тыс. ф. ст., которые давали ему годовой доход примерно 3 тыс. ф. ст. От отца Рандольф получил 1100 ф. ст. в год и удобный дом в Лондоне. В этот период интересы Рандольфа Черчилля ограничивались светской жизнью, которую он и его молодая жена вели в Лондоне.

30 ноября 1874 г. у них появился сын, названный всеми традиционными фамильными именами — Уинстон Леонард Спенсер Черчилль. Имя Леонард было дано по американскому дедушке Леонарду Джерому.

Род матери также был знатным, разумеется по американским критериям. Во всяком случае установлено отдаленное родство У. Черчилля и Ф. Рузвельта. «Оба,— повествует биограф Ф. Рузвельта Д. Баптер,— могли проследить общего предка, некоего Джона Кука, прибывшего в Америку на борту «Мейфлауера». Джон женился на Саре Уоррен, одна из их дочерей была прапрапрапрапрабабушкой Сары Делано — матери Ф. Рузвельта, а другая приходилась предком по прямой линии матери Черчилля — американки Дженни Джером».

Уинстон рос в лондонском доме своего отца, отданный на попечение няни по фамилии Эверест. Молодым родителям было не до него. По существовавшим в то время в Англии традициям люди этого круга сами воспитанием детей не занимались. Уинстон рос, по существу не зная родителей, и все больше и больше привязывался к няне, которую горячо любил до самой ее смерти. Впоследствии, когда Черчилль был крупным государственным деятелем, портрет няни всегда находился у него в кабинете.

Появление на свет маленького Уинстона вызвало большую тревогу у обитателей дворца Бленхейм. Дело в том, что у старшего брата его отца, маркиза Блэндфорда, будущего восьмого герцога Мальборо, был только один сын, и, в случае если бы с этим единственным наследником что-либо случилось, титул и владения герцогов Мальборо должны были перейти к Уинстону Черчиллю. Более 20 лет Уинстон не терял права стать наследником титула и родового поместья Мальборо. В 1895 г., когда 18-летняя Консуэла Вандербильт, дочь известного американского мил-

лионера, прибыла в Бленхейм в качестве жены девятого герцога Мальборо, старая герцогиня — бабушка ее мужа и Уинстона Черчилля — заявила ей: «Вашим главным долгом является рождение ребенка. И это должен быть сын, ибо было бы невыносимо, если бы этот недоносок Уинстон унаследовал титул герцога». Консуэла Вандербильт успешно справилась с поставленной перед ней задачей, а «недоносок» Уинстон тем самым навсегда утратил возможность стать герцогом Мальборо. Вряд ли впоследствии он сожалел об этом. Его честолюбие было значительно больше, и оно, безусловно, не могло быть удовлетворено лишь этим высоким титулом.

Мать Уинстона не любили в Бленхейме. Вероятно, потому, что и внешностью, и обаянием, и умом, и живостью характера она превосходила титулованных обитательниц дворца. Рандольф Черчилль и его жена предпочитали жить в Лондоне.

Ежегодный доход молодой семьи был вполне достаточным, чтобы жить не только безбедно, но и с комфортом. Но поскольку оба супруга с детства привыкли тратить не считая, они не укладывались в рамки своего бюджета. Дженни с восторгом предавалась дорогостоящим светским развлечениям. Рандольф любил щедро угостить друзей, устраивая в своем доме званые обеды. Страстный любитель скачек, он проигрывал большие суммы, делая азартные ставки.

Лондонское общество с распростертыми объятиями приняло молодых супругов. Этому способствовали красота и остроумие Дженни, прекрасные манеры, приобретенные ею за время многолетнего пребывания с матерью в Париже, где они вращались в самых высокопоставленных кругах. К тому же Дженни была прекрасной пианисткой, талантливой художницей, писала интересные и изящные письма. Дом Черчиллей посещали выдающиеся представители английской знати. Любил бывать там лидер консерваторов премьер-министр Дизраэли.

Вскоре, однако, положение молодой четы в лондонском аристократическом обществе радикально изменилось в связи с громким великосветским скандалом. Большинство биографов Черчилля замалчивают происшедшее. Сам Уинстон посвящает этому событию лишь несколько тщательно отредактированных фраз. «Ввязавшись в спор своего брата с присущей ему горячностью и безрассудной привер-

женностью,— пишет Уинстон,— лорд Рандольф вызвал глубокое недовольство высочайших персон. Высший свет больше не улыбался. Всесильные враги желали унизить его. Его собственная чувствительность и гордость превращали холодность в оскорбление. Лондон стал ненавистен ему. Рана не была залечена даже более чем через восемь лет».

Эта тирада ничего не говорит о существе дела и может быть понята лишь людьми, знающими факты. А между тем скандальное событие, о котором идет речь, характеризует не только английские нравы конца XIX в., но и черты характера Рандольфа Черчилля, проявившиеся в его дальнейшей политической деятельности. Более того, существует убеждение, что, не будь этого скандала, Рандольф, вероятно, вообще не обратился бы к политической карьере и, как многие английские аристократы, провел бы жизнь в бездумных светских развлечениях.

Дело было в следующем. Старший брат Рандольфа Блэндфорд, наследник титула и владений герцогов Мальборо, будучи женатым и имея детей, начал настойчиво ухаживать за графиней Эдит Эйлисфорд. Случай был заурядный, но дело осложнилось тем, что сын королевы Виктории принц Уэльский, наследник английского престола (будущий король Эдуард VII), также уделял повышенное внимание молодой графине. Принц Уэльский приблизил к своей особе графа Эйлисфорда и взял его с собой в официальную поездку в Индию. Блэндфорд, воспользовавшись их отсутствием, далеко зашел в своих отношениях с молодой графиней. По возвращении путешественников в Лондон разразился открытый скандал. Принц Уэльский потребовал от графа, чтобы тот возбудил бракоразводный процесс, выдвинув в качестве причины развода отношения его жены с Блэндфордом. Это означало, что наследник титула герцогов Мальборо был бы опозорен. К тому же принц Уэльский настаивал на разводе Блэндфорда с женой и на его женитьбе на графине Эйлисфорд, от чего последний категорически отказался. Вскоре положение еще больше запуталось в связи с тем, что у Эдит Эйлисфорд родился ребенок.

Высшее общество раскололось: часть симпатизировала Блэндфорду, другие были на стороне наследника престола. Рандольф Черчилль безоговорочно принял сторону брата и в борьбе за его интересы допустил большую несдержан-

ность и опрометчивость. Он заявил, что если дело дойдет до суда, то «увидят свет несколько дружественных писем, которые вышли из-под пера принца Уэльского». Речь шла о любовных письмах принца к Эдит Эйлисфорд. Эта попытка запугать наследника престола была величайшей дерзостью и привела его в бешенство. Принц послал Черчиллю вызов на дуэль через своего личного секретаря Фрэнсиса Ноланса, который, кстати сказать, был шафером на свадьбе Рандольфа. Черчилль ответил, что он может драться с каждым, кого назначит принц вместо себя, но не поднимет руку на будущего короля. Скандал достиг ушей королевы Виктории, в его улаживании принимали участие премьер-министр Дизраэли и лидер оппозиции лорд Хартингтон. В конце концов Рандольф был вынужден принести письменные извинения принцу Уэльскому в выражениях, продиктованных лордом-канцлером. Однако принц этим не удовлетворился: он заявил, что не войдет ни в один дом, где будут принимать Рандольфа Черчилля. Естественно, что никто не рискнул пойти на открытый разрыв с королевским двором, и все двери с треском захлопнулись перед Рандольфом и его супругой. Высший свет строго соблюдал указания о бойкоте.

Для Черчиллей это было катастрофой. Временный выход из положения помог найти премьер-министр Дизраэли. Он предложил отцу Рандольфа герцогу Мальборо пост вице-короля Ирландии, с тем чтобы герцог взял с собой Рандольфа в качестве секретаря. Хотя этот пост был связан с большими расходами, но другого выхода не нашлось, и герцог принял предложение. Вместе с сыном и невесткой Мальборо направился в Дублин. Там они жили в течение трех лет, пока в 1880 г. не пришло к власти правительство либерала Гладстона, которое освободило герцога от этого поста.

Осознав, что все возможности когда-либо в будущем блистать в светском обществе для него отрезаны раз и навсегда, Рандольф Черчилль смертельно возненавидел свет. Но одной ненавистью жить нельзя, нужно было чем-то заняться, тем более что Рандольф считал себя в высшей степени одаренным, если не гениальным человеком, способным на великие дела. Ему страшно хотелось и отомстить как можно более жестоко отвергнувшему его свету и доказать свое превосходство, совершив что-то поистине выдающееся. Это честолюбивое стремление побудило его

заняться политической деятельностью и попытаться добиться большой власти. Историки отмечают, что впервые Рандольф Черчилль начал серьезно интересоваться политическими вопросами в Ирландии. Он неоднократно выступал с требованием немедленного разрешения ирландского вопроса и принятия английским парламентом примирительного для Ирландии законодательства. Рандольф не был в то время сколько-нибудь значительной политической фигурой, и эти заявления прошли незамеченными. Правда, они причинили некоторые неприятности его отцу, который в письме к одному из друзей заметил, что Рандольф, вероятно, или был пьян, или временно лишился рассудка, когда делал такие заявления.

Рандольф взял с собой в Дублин двухлетнего сына, но и здесь родители им не занимались. Маленький Уинни (так Уинстона Черчилля ласкательно называли даже в преклонном возрасте) находился полностью на попечении нянь и гувернанток. Он рос крепким, но далеко не красивым ребенком. У мальчика был крупный дефект речи: он заикался и шепелявил. Вместе с тем он был страшный болтун и почти непрестанно разговаривал с тех пор, как научился произносить слова. Уинни отличался чрезмерной самоуверенностью и упрямством. Эти качества усиливались по мере того, как мальчик подрастал.

С самого начала Уинстон обнаружил полнейшее нежелание учиться так, как учатся все дети. Он обладал великолепной памятью, но усваивал очень легко и быстро лишь то, что его интересовало. Все, что ему не нравилось, он категорически не желал учить. Впоследствии Уинстон сам признавал, что был до крайности плохим учеником. Невзлюбив цифры с самых первых дней учебы, он так никогда и не примирился с математикой. Уинстон терпеть не мог классические языки и за многие годы усвоил из латинского и греческого лишь алфавит, да и то не очень твердо. Зато он очень любил английский язык и хорошо знал его.

Детство и юность Черчилля протекали в переломный для его страны период. Третья четверть XIX в. стала для Англии временем ее наивысшего расцвета — это был золотой викторианский век. К середине XIX столетия Англия оказалась в весьма выгодном по отношению к другим государствам положении. Она имела самую передовую и мощную для того времени промышленность. Ее товары

забивали товары других держав своим высоким качеством и сравнительно низкой стоимостью. Поэтому Англия располагала фактически монопольным положением на мировом рынке. Она превратилась в «мастерскую мира», для которой другие страны являлись поставщиками сырья и покупателями производимых на Британских островах товаров. «Англия господствует над мировым рынком», она «демиург буржуазного космоса»,— утверждали Маркс и Энгельс. Англия располагала самыми обширными колониальными владениями в мире. Колонии были не только чрезвычайно выгодным рынком сбыта английских товаров, но и надежными поставщиками дешевого сырья. Все это обеспечивало английской буржуазии огромные прибыли. В то же время это означало, что Англия значительно ранее других стран вступила в империалистический период своего развития.

Производство огромных масс товаров для внешнего рынка при одновременном получении большого количества сырья и продовольствия из других стран, или, как говорят в Англии, из-за моря, вызвало бурный рост внешней торговли. За английскими товарами в заморские страны устремлялись английские капиталы. Британская буржуазия превратилась в мирового банкира, а Лондон стал финансовым центром мира. Английский фунт пользовался безупречной репутацией и играл главную роль в международных кредитных и торговых расчетах.

Разумеется, выгоды от этого монопольного положения Англии в мире извлекала буржуазия. Золото Сити — это не только кровь и пот многих миллионов колониальных рабов, миллионов трудящихся других стран, с которыми Англия поддерживала неравноправные и невзаимовыгодные экономические отношения. Это в то же время кровь и пот английского рабочего класса. Однако в положении рабочих, в основном их верхушки, в этот период происходят некоторые улучшения. У руководителей буржуазной Англии было еще свежо в памяти чартистское движение, не так давно потрясшее страну до самых основ. Английская буржуазия, напуганная чартистским движением и революционными событиями в Европе, предпочла уделять из огромных прибылей, которые она получала в колониях и на зарубежных рынках, определенную и в общем не очень большую долю на улучшение положения верхушки рабочего класса.

К последней четверти XIX в. положение Англии начинает радикальным образом изменяться к худшему. Однако в 1874 г., когда родился Уинстон Черчилль, даже самые мудрые буржуазные деятели не понимали, в каком направлении развитие Англии пойдет дальше и какие трудности и опасности поджидают страну в ближайшие десятилетия.

Последняя четверть XIX в. представляет собой для Англии переходный период к империализму. На первый взгляд могло показаться, что ее положение как мировой державы не изменилось. Тем не менее уже можно различить новые тенденции в мировом развитии. Поднимаются молодые индустриальные державы — Германия и Соединенные Штаты Америки. Они быстро рвутся вперед, и Англия все больше и больше отстает от них по темпам роста промышленности, а это означает, что скоро, очень скоро ее мировая промышленная монополия должна будет уйти в прошлое. Аналогичное положение наблюдалось и во внешней торговле.

Серьезное влияние оказал на экономическое развитие Англии в последней четверти XIX в. длительный экономический кризис, растянувшийся с небольшими перерывами почти на 20 лет. Это был самый продолжительный и интенсивный кризис, через который когда-либо проходила Англия. Промышленный кризис сопровождался кризисом сельского хозяйства. Следствием этих процессов явился рост классовых противоречий в стране, обострение антагонизмов между Англией и другими державами, а также появление новых тенденций в политической жизни страны.

В 80-х годах XIX в. на почве экономического кризиса оживляется английское рабочее движение, появляется ряд социалистических организаций и расширяется пропаганда социализма в Англии. О возросшем влиянии социалистических идей свидетельствовало возникновение Социалистической лиги и Социал-демократической федерации. В то же время появляется так называемое Фабианское общество, внешне представляющее собой социалистическую организацию, а в действительности стремящееся отвлечь трудящихся от революционного социализма. Создается Независимая рабочая партия с официальной целью борьбы за самостоятельное представительство рабочего класса в парламенте. Ее организаторы утверждали, что намерены бо-

роться за социализм, хотя в действительности они отвергали путь пролетарской революции и классовой борьбы и находились в плену у буржуазной идеологии. Лидеры этих оппортунистических организаций вольно или невольно являлись проводниками буржуазной идеологии в среде английского рабочего класса.

Новые экономические и политические условия заставили английские политические партии взяться за радикальную перестройку своей деятельности. Консервативная и либеральная партии в том виде, как они существовали на рубеже XIX и XX вв. и в основном существуют и поныне, сформировались в начале второй половины XIX в., когда в капиталистической Англии произошло довольно четкое размежевание между классовыми группировками. Примерно в это же время сложилась и двухпартийная политическая система Англии. Смысл ее состоит в том, что в стране существуют две основные политические партии (в то время это были консерваторы и либералы), которые чередуются у власти. Одна из них, получившая большинство на выборах в палату общин, образует «правительство его величества», а другая представляет собой «оппозицию его величества» в парламенте. Находящаяся в оппозиции партия всегда готова заменить у руля правления правящую партию. Руководство партиями находится в руках сравнительно узкой группы лидеров, которые, как правило, занимают или готовы занять в будущем министерские посты в правительстве.

Рост роли народных масс в экономической и политической жизни страны, повышение, хотя и медленное, их грамотности, а также развитие классовой борьбы вынуждали обе основные английские политические партии осуществлять парламентские реформы, постепенно расширявшие контингент избирателей. В 1867 г. реформа избирательного права увеличила число избирателей с 1 млн. до 2 млн. человек и предоставила избирательное право наряду с имущими классами также и верхушке рабочего класса. В 1884 г. в результате новой избирательной реформы число избирателей снова возросло более чем в 2 раза и составило 5 млн. человек. Значительно увеличилась доля избирателей из среды рабочих.

Новые тенденции в экономическом развитии Англии и втягивание широких масс в политическую жизнь страны настоятельно диктовали консерваторам и либералам необ-

ходимость активных поисков новых идей во внутренней и внешней политике, чтобы в меняющихся условиях сохранить влияние на все расширяющийся контингент избирателей. Параллельно с поисками идей шла разработка организационных форм деятельности политических партий. Консерваторы соревновались с либералами в том, кто наилучшим образом может выступить в качестве представителя народных масс. Консервативный лидер Дизраэли выступил с туманной программой так называемого демократического торизма.

Либеральная партия переживала первый этап начавшегося разложения. Ранее она выступала под знаменем фритреда, т. е. свободы торговли и предпринимательской инициативы. В середине XIX в. при монопольном положении Англии в мире эта концепция себя оправдывала. В конце века, когда развернулась ожесточенная конкурентная борьба на мировом рынке, фритред уже оказался несозвучным эпохе, и часть промышленной буржуазии, изменив этому принципу, ушла в лагерь консерваторов. Но все же фритред остался символом веры либеральной партии еще на многие годы.

Консерваторы и либералы постепенно создают модернизированную организационную структуру своих партий, в несколько видоизмененном виде существующую и поныне. Она целиком подчинена задачам избирательной борьбы за проведение в парламент наибольшего числа своих представителей. В 1877 г. была создана Национальная либеральная федерация, объединившая местные организации либеральной партии. Активную роль в ее создании сыграл видный либеральный деятель Джозеф Чемберлен— крупный промышленник из Бирмингама. Организационная перестройка партии либералов помогла им победить консерваторов на всеобщих выборах 1880 г. Созданный консерваторами Национальный союз консервативных ассоциаций в то время еще не проявил себя достаточно активно.

После поражения на выборах в 1880 г. перед консерваторами встал вопрос: кто повинен в неудаче? Возникли естественные в подобном случае споры между руководящими деятелями партии. Положение осложнилось в связи со смертью признанного лидера консерваторов Дизраэли. В партии не осталось человека, равного ему по калибру. К этому времени герцог Мальборо и Рандольф

Черчилль вернулись из Ирландии в Англию. Рандольф решил использовать создавшуюся в консервативной партии ситуацию для выхода на арену политической борьбы и достижения своих честолюбивых целей.

Рандольф Черчилль не придерживался определенных политических принципов. Для него было не так уж важно, с чем выступать; представлялось важным лишь одно: чтобы его выступления принесли ему популярность и проложили путь к власти. Учитывая обстановку, Рандольф, во-первых, выступил в качестве глашатая новых идей, которые должны были, по его мнению, восстановить авторитет консервативной партии у избирателей, и, во-вторых, повел борьбу за совершенствование организационной структуры партии с тем, чтобы, как он говорил, обеспечить ее деятельность в соответствии с интересами народа.

Было бы неправильно утверждать, что выступления Рандольфа Черчилля представляли собой лишь карьеристскую демагогию. Он формулировал свои предложения с учетом настроений, господствовавших в то время в определенной части консервативной партии. Проведение избирательных кампаний возлагало на плечи деятелей местных организаций консервативной партии и большие расходы, и большие заботы. Однако когда после победы на выборах консервативные лидеры приступали к дележу государственного пирога и распределению мест в формируемых правительствах, то на долю второстепенных деятелей партии оставалось очень немногое. Им приходилось довольствоваться моральным удовлетворением от того, что какой-либо видный деятель партии пожмет им руки и поблагодарит за помощь, оказанную делу консерватизма. Рандольф учитывал недовольство этих второразрядных деятелей засильем группы старых вождей партии, или, как он их именовал, «старой банды», и ловко играл на нем.

Свои речи, подготовленные с большой тщательностью и выученные затем наизусть, Черчилль произносил с подлинно актерским искусством. Его оружием был смех. Рандольф сразу же привлек к себе внимание дерзкими выступлениями, в которых он в оскорбительном тоне поносил не только деятелей либерального правительства, но и лидеров консервативной партии. Кампания, которую он вел против признанных руководителей своей партии, вскоре была перенесена из палаты общин на страницы газет и

трибуны митингов и собраний. Очень быстро Рандольф завоевал своими выступлениями и статьями в печати большую популярность. Однако в парламенте у него было лишь несколько последователей, причем далеко не искренних. Вместе с ними он основал так называемую «четвертую партию».

После смерти Дизраэли руководство консервативной партией оказалось по существу в руках двух людей: лорда Солсбери, являвшегося лидером консерваторов в палате лордов, и сэра Стаффорда Норткота, возглавлявшего консерваторов в палате общин. Рандольф Черчилль выступил против того, чтобы роль лидера исполнялась двумя лицами. Явно мечтая о посте лидера консерваторов, который в случае их победы на выборах автоматически дал бы ему пост премьер-министра, Рандольф требовал, чтобы было покончено с «коллективным руководством» в партии. Он утверждал, что партия богата талантливыми людьми, среди которых без труда можно выбрать лидера, который «не боится встретиться лицом к лицу с народом и знает, как повести за собой огромные массы рабочего класса». Хотя все это говорилось будто бы о Солсбери, но всем было ясно, что Рандольф считает таким человеком только себя и что он намерен добиваться поста лидера партии. В то время ему было 34 года.

Парламентские реформы расширили контингент избирателей, и, для того чтобы получить большинство на выборах, консерваторы вынуждены были заигрывать с верхушкой рабочего класса и мелкой буржуазией. Следовательно, их программные выступления должны были в какой-то мере отвечать интересам этой части избирателей.

Рандольф Черчилль настойчиво заигрывал с рабочим классом. Если Дизраэли в своих демагогических выступлениях ратовал за союз всех классов в целях сохранения институтов государства, то Рандольф сделал шаг дальше. «Консервативная партия,— говорил он,— никогда не восстановит свою мощь, покуда она не завоюет доверие рабочего класса. Наши интересы будут в полной безопасности в его руках, если мы будем доверять ему... Мы должны пригласить его к участию в партии и обеспечить ему реальную роль в управлении ее делами».

В том же направлении шли требования Рандольфа Черчилля и его единомышленников о допуске к руководству консервативной партией представителей различных

классов и о ликвидации монопольного влияния на партийные дела группы лидеров-аристократов. В 1882 г. в журнале «Фортнайтли ревью» появилась статья, в которой два ближайших соратника Рандольфа Черчилля — Д. Вольф и Д. Горст сформулировали нечто вроде программы их группировки. «Если партия консерваторов хочет получить власть в государстве, нужно, чтобы она стала популярной,— писали они.— К несчастью для консерватизма, его лидеры принадлежат к одному классу. Они составляют замкнутую группу, состоящую из аристократов, земельных собственников и их сторонников, главным достоинством которых является прислужничество... Они чувствуют к народу нечто среднее между страхом и презрением».

Далее отмечалось, что местные консервативные ассоциации, которые были недавно созданы в стране, добились победы на выборах, но, «как только был достигнут успех, стоящие во главе партии аристократы, державшиеся с 1868 г. в стороне, бросились делить добычу. Было создано правительство, состоящее исключительно из пэров... Те, кто действовал в избирательную кампанию и добился победы, были забыты... Сословное влияние приобрело господствующее положение. Всякое проявление независимой политической мысли жестоко наказывалось... Следствием всего этого было то, что ассоциации утратили жизнеспособность, что место настоящих работников заняли шумливые партийцы, единственной заботой которых было понравиться лидерам партии. Вскоре пришло поражение... Вся организация партии тори должна быть радикально изменена».

Рандольф вел атаку против аристократической клики, которая господствовала в партии. Однако сам он был типичным представителем английской аристократии, сыном герцога. Если следовать логике, то выполнение сформулированных Рандольфом требований предполагало устранение от руководства партией таких людей, как он. Но это был лишь тактический лозунг. Рандольф рассчитывал заменить «старую банду» новой группой руководителей партии, в которой он сам должен был играть главенствующую роль. Вероятно, к этому времени он уже сумел убедить себя в том, что является представителем народа, а не аристократии. Замысел Рандольфа обнаружился, когда он решил, что цель близка. Добившись избрания на пост президента Национального союза консервативных ас-

социаций и решив, что скоро пост лидера партии окажется в его руках, он отбросил в сторону лозунг о демократизации руководства консервативной партии.

Рандольф Черчилль широко пользовался лозунгами, заимствованными из арсенала либералов. Он любил повторять: «Доверяйте народу, и он будет верить вам». Одновременно, перекликаясь с Дизраэли, Рандольф много говорил о «демократическом торизме», но что означало это понятие, он не очень четко себе представлял. «Я все время боюсь,— признавался он одному из своих друзей,— что мне кто-либо задаст этот вопрос публично. Думаю, что демократический торизм — это в общем-то оппортунизм». Однако в другой раз Рандольф дал исчерпывающее определение этого термина. «Демократический торизм, — заявил он, — это демократия, которая поддерживает консерваторов».

Многие консерваторы принимали за чистую монету то, что говорили Рандольф и другие деятели «четвертой партии». Именно поэтому ему удалось добиться избрания на пост главы Национального союза консервативных ассоциаций. Рандольф создал наряду с официальной партийной машиной неофициальную партийную организацию, которая называлась Консервативной лигой подснежника. Она ставила своей целью возродить партию в духе идей Дизраэли (любимым цветком которого считался подснежник). В течение нескольких месяцев Рандольф и его сторонники вели сложную борьбу против лидеров партии. В конце концов между ним и Солсбери было заключено соглашение, в соответствии с которым Черчилль, обязавшийся прекратить нападки на верхушку консервативной партии, был включен в число ее руководящих деятелей. Казалось, что события развиваются так, как и планировал Рандольф: пройдет немного времени, и он сменит Солсбери на посту лидера партии и затем станет премьер-министром Англии.

Консервативные лидеры очень внимательно следили за деятельностью Рандольфа Черчилля. Время от времени из тактических соображений им приходилось отступать и соглашаться на его выдвижение, но они терпеливо выжидали момента, когда Рандольф поставит себя в такое положение, что с ним можно будет раз и навсегда покончить как с политическим деятелем. Дерзость, безграничное самомнение, полнейшее нежелание считаться со своими со-

ратниками и карьеризм Рандольфа все больше и больше отталкивали от него людей, которые в ином случае могли бы явиться для него опорой. В 1884 г. Артур Бальфур, племянник Солсбери и будущий консервативный премьер-министр, говорил: «Я склонен считать, что мы должны избегать каких бы то ни было столкновений, покуда Рандольф окончательно и бесповоротно не поставит себя в совершенно нетерпимое положение каким-либо нелояльным актом в отношении партии».

Парламентские выборы 1885 г. принесли победу консерваторам. Было бы неправильно считать, что успех объяснялся лишь демагогической деятельностью Рандольфа Черчилля и «четвертой партии». Бесспорно, однако, что активизация консервативной партии, связанная с кампанией, которую вел Рандольф, явилась одним из факторов, принесших победу консерваторам.

В соответствии с итогами выборов правительство сформировал Солсбери. Рандольф Черчилль получил в нем важнейший по значению после премьер-министра пост министра финансов. Он стал также лидером палаты общин. В 35 лет Рандольф занял второе место в правительстве, и казалось, что очень скоро он сможет сделать последний шаг и добиться высшей власти в государстве. Когда в ноябре 1885 г. один из его друзей спросил, как ему рисуется будущее, Рандольф ответил: «Я буду возглавлять оппозицию на протяжении пяти лет. Затем пять лет я буду премьер-министром. Затем я умру». Сравнительно молодой Рандольф торопился. Как-то он назвал маститого лидера либералов Гладстона «спешащим стариком». Карикатурист английского юмористического журнала «Панч» назвал Рандольфа Черчилля «великим молодым человеком», и вскоре над ним потешались как над «великим спешащим молодым человеком». В дальнейшем этот эпитет перешел к его сыну Уинстону и надолго за ним закрепился.

Рандольф не желал ограничивать свою деятельность финансовой сферой. Он вмешивался во внешнюю политику, публично требуя сближения с Германией и Австрией. В декабре 1886 г. Рандольф выступил за сокращение военных расходов. Адмиралтейство согласилось, но военное министерство отказалось принять его требование. Рандольф припугнул Солсбери отставкой. Он до этого дважды шантажировал премьер-министра угрозой отставки. Дважды тот уступал. Рандольф был абсолютно уверен,

что, поскольку он незаменим в правительстве, Солсбери отступит и на этот раз. Однако старый лидер консерваторов имел свой замысел. Он намеревался дать решительный бой Рандольфу. Солсбери поймал его на слове, и нетерпеливому карьеристу ничего не оставалось, как уйти в отставку. Он пробыл министром финансов всего лишь пять месяцев.

Рандольф Черчилль рассчитывал, что его отставка вызовет возмущение в консервативной партии, что от Солсбери потребуют принять предложение Рандольфа, касающееся военного бюджета, а его самого возвратить в правительство. Если бы так произошло, Солсбери вынужден был бы уйти в отставку. Это означало бы окончательную победу Рандольфа, который наверняка стал бы лидером партии и заменил Солсбери на посту премьер-министра.

Только этим можно объяснить, что, написав 22 декабря 1886 г. письмо об отставке, Рандольф немедленно направился в редакцию газеты «Таймс», где и сообщил ее редактору сенсационную новость, разрешив опубликовать ее немедленно. Однако он просчитался. Ожидаемого бунта консерваторов против Солсбери не последовало. Рандольф оказался выброшенным с капитанского мостика консервативного корабля, а корабль как ни в чем не бывало последовал дальше. Как выразился личный секретарь Рандольфа по министерству финансов, «Черчилль сам прыгнул с верха лестницы, и ему туда уже никогда не взобраться». Вместо Рандольфа министром финансов назначили Гошена. Когда впоследствии Рандольфа спросили, почему он рискнул уйти в отставку, которая являлась концом его политической карьеры, он ответил: «Все великие делают ошибки. Наполеон забыл о Блюхере, я забыл о Гошене». Гошен здесь был, конечно, ни при чем. Зато в этом замечании интересна оценка, которую Рандольф дал самому себе. Так закончилась молниеносная политическая карьера отца Уинстона Черчилля.

Рандольф Черчилль трудно переживал свое вынужденное политическое безделье. К тому же здоровье его быстро разрушалось. Он пытался вести активную работу в консервативной партии, выступал на митингах, собраниях, однако слушали его все меньше и меньше, пресса уделяла ему мало внимания. Рандольф надеялся рассеяться в путешествиях. В 1887 г. он едет в Алжир, Тунис,

Турцию, Италию, а затем вместе с женой в Россию и Германию. Через три года он направляется в Египет, а в 1891 г. в Южную Африку. Из Африки он посылает ряд очень высокооплаченных, но малоинтересных статей для газеты «Дейли грэфик». Когда в 1890 г. популярность правительства Солсбери и консервативной партии упала, это вызвало злобную радость у Рандольфа. В некоторых консервативных кругах в связи с падением престижа консерваторов раздавались призывы: «Верните Рандольфа!» Но Солсбери остался тверд, а крикуны не имели какой-либо значительной поддержки. Это приводило Рандольфа в бешенство. Во время выборов 1892 г. консерваторы потерпели поражение. Лидер либералов Гладстон сменил Солсбери на посту премьер-министра. Рандольф весьма обрадовался такому обороту событий. Он надеялся, что, оказавшись в оппозиции, консерваторы все-таки обратятся к нему за помощью. Но все его надежды оказались иллюзорными. Рандольф, сам того не подозревая, уже давно был политическим мертвецом.

Иссякали и его физические силы. Летом 1882 г. последовал длительный приступ тяжелой болезни. Уход, лечение, свежий воздух несколько восстановили его силы. Но диагноз, который поставили врачи,— прогрессирующий паралич — говорил о скором и неизбежном конце.

Маленький Уинни жил в это время довольно сложной жизнью. В семь лет его отдали в закрытую приготовительную школу в Аскоте. Это была фешенебельная и очень дорогая школа, гордившаяся своими традициями. Уинни пришлось здесь очень трудно. Руководители школы уделяли значительно больше внимания воспитанию, чем обучению детей. Уинстон, уже к этому времени проявивший свое необычайное упрямство, обнаружил полнейшее нежелание считаться с жесткими правилами внутреннего распорядка и дисциплины, которые с большим усердием насаждались воспитателями. Вскоре он на себе испытал, к чему ведет непослушание. Раз в неделю мальчиков собирали в библиотеке, отбирали самых строптивых из них и в соседней комнате безжалостно пороли. Естественно, что Уинни не замедлил получить свою порцию розог. Для него это было большим потрясением. На многие годы он сохранил ненависть к школе и к воспитателю, который его выпорол. Уже будучи в военном училище (в возрасте 18 лет), Уинстон приехал в Аскот, чтобы свести

счеты со своим старым обидчиком. Однако к тому времени хозяин школы умер, и она была закрыта.

Пребывание в Асксте плохо сказалось на здоровье Уинни, и по совету домашнего врача его перевели в приготовительную школу в Брайтоне. Здесь все было по-другому. Физическое наказание уже не грозило мальчику, хотя его отношение к дисциплине ничуть не изменилось. Брайтонские воспитатели вспоминают о нем как о самом упрямом и недисциплинированном ученике. Здесь Уинни сделал первые шаги в изучении французского языка, истории, выучил на память множество стихов. Кроме того, он научился плавать, и, что ему особенно нравилось, ездить верхом.

Более чем трехлетнее пребывание в Брайтоне должно было подготовить Уинстона к переходу в закрытую среднюю школу. По существующим в Англии традициям аристократические отпрыски и дети крупной буржуазии получают образование в специальных закрытых школах, где их готовят к поступлению в университет. Пребывание в той или иной закрытой школе является свидетельством принадлежности к высшим классам английского общества. Из рода в род высокопоставленные семьи направляют своих детей в одни и те же закрытые школы. Для Черчиллей это был Итон. Однако в нарушение традиции Уинстон был направлен в Хэрроу. Как утверждают его биографы, причиной послужило то, что Итон расположен в низине, а Хэрроу на холмах. Расположение Хэрроу было сочтено более благоприятным для некрепкого здоровьем Уинстона. Можно, однако, допустить и то, что кроме микроклимата сыграла свою роль и недисциплинированность Уинстона, который вряд ли смог бы справиться с требованиями, предъявляемыми к ученикам в Итоне. В Хэрроу эти требования были несколько мягче.

Годы, проведенные в Хэрроу, Черчилль вспоминает с тоской и глубокой неудовлетворенностью. Здесь у него появилась масса неприятностей. Они начались со вступительного экзамена. Поступающим нужно было написать письменную работу по-латыни. Черчилль сам с иронией повествует о том, как он за два часа сумел поставить на экзаменационном листе единицу, взять ее в скобки, затем добавить к этому жирную кляксу и несколько чернильных пятен. И это было все. Несмотря на такой плачевный результат экзамена, Уинстон был принят в школу.

Успехи Уинстона в Хэрроу были незавидными. Он упорно не хотел учить латынь, хотя классические языки рассматривались в школе как главный предмет. Полнейшее нежелание или неспособность Уинстона справиться с ними лишали его перспектив на какой бы то ни было прогресс в учебе и поступление в дальнейшем в университет.

Уинстон был самым последним учеником в школе. Его считали тупым и неспособным. Однако современники и биографы сходятся на том, что отставание Черчилля в школе объясняется лишь его безграничным упрямством. В Хэрроу обнаружилось, что Уинстон унаследовал от отца превосходную память. Однажды, к удивлению преподавателей и учеников, он получил премию, прочитав на память без единой ошибки 1200 строк из книги Маколея о Древнем Риме. Он знал наизусть большие сцены из пьес Шекспира и не упускал случая поправить преподавателя, если тот ошибался, цитируя «Отелло» или «Гамлета».

Мальчик учил только те предметы, которые ему хотелось, и отвергал все остальные. Он даже выбирал учителей, у которых готов был учиться, отказываясь от тех, кто ему не нравился. Уинстон нарушал почти все правила поведения, установленные как воспитателями, так и самими учащимися. Вспоминают, что однажды руководитель школы сделал ему выговор. «Черчилль,— сказал он,— у меня есть очень серьезные основания быть недовольным тобой».— «А я, сэр,— ответил Уинстон,— имею весьма серьезные основания быть недовольным вами».

Неудачи Уинстона в школе глубоко огорчали его родителей. Отец пришел к мысли, что сын недостаточно умен, чтобы сделать юридическую карьеру. Но если не юриспруденция, то что тогда? Утверждают, что принять решение помог случай. Уинстон любил разыгрывать военные баталии со своим младшим братом Джоном. У него было до полутора тысяч оловянных солдатиков, которых он водил в сражения с большой выдумкой и изобретательностью. Однажды отец зашел в комнату, где дети разыгрывали очередную битву. Увидев, чем заняты сыновья, он спросил Уинстона: «Кем ты хочешь быть?» «Военным, конечно»,— ответил сын. Это предопределило решение родителей: последние годы в Хэрроу Уинстон обучался в классах, которые готовят учащихся для поступления в военную школу.

Поскольку с латынью дело обстояло плохо, необходимо было вплотную заняться изучением какого-либо иностранного языка. С этой целью родители Уинстона отправили его на месяц во Францию, где он жил в частном семействе в Версале. Хотя поездка была организована вопреки желанию Уинстона, она пошла ему на пользу — впоследствии Черчилль бегло говорил по-французски.

Несмотря на целенаправленную подготовку, Уинстон дважды провалился на вступительных экзаменах в Сэндхерст — известное английское военное училище. После второго провала семья решила пойти на крайнее средство, чтобы протолкнуть его в Сэндхерст. Он покидает Хэрроу и переходит в распоряжение капитана Джеймса, который руководил весьма интересным учреждением. Его «школа» занималась натаскиванием молодых людей, не обладающих достаточными способностями и знаниями, чтобы на общих основаниях сдать экзамены в военное училище. «Говорили,— пишет Черчилль в своих воспоминаниях,— что если ты не круглый идиот, то не можешь не попасть оттуда в армию». Абсолютно точно зная все вопросы, которые могли быть поставлены перед поступающими в военную школу, учреждение Джеймса вдалбливало в головы своих клиентов ответы на эти вопросы.

Новый ученик пришелся не по душе капитану Джеймсу, поскольку, как тот писал Черчиллю-старшему, «обнаруживал слишком явное желание поучать своих инструкторов». Пребывание Уинстона в заведении Джеймса было прервано в связи с несчастным случаем. Как-то в пылу игры он прыгнул с моста на растущие рядом ели, надеясь по веткам безопасно соскользнуть на землю. Расчет не оправдался: высота была большая, и он, ударившись о землю, потерял сознание. Юноша получил тяжелое сотрясение мозга, три дня не приходил в сознание и лишь через три месяца начал подниматься с постели.

Для восстановления здоровья потребовался год. В течение этого времени, находясь под родительским кровом, Уинстон наблюдал за многочисленными высокопоставленными политическими деятелями, которые были частыми гостями в доме Черчиллей. Разговор вертелся почти исключительно вокруг политических проблем.

В это время у Уинстона появляется известный интерес к политике. Выздоровев, он начинает посещать заседания палаты общин и следит за происходящими там дебатами.

Он задумывается над незавидным положением своего отца. Вероятно, под впечатлением услышанных разговоров Уинстон приходит к выводу, что отставка отца из правительства Солсбери была трагической и непоправимой ошибкой. Молодой Черчилль предается смутным мечтаниям о том, что когда-нибудь Рандольф вернется к политической деятельности, а он сам займется политикой и будет поддерживать отца во всех его битвах.

Поправившись и пройдя курс у капитана Джеймса, Уинстон предпринял третью попытку поступить в Сэндхерст. В августе 1893 г. он все-таки был зачислен в школу, но — увы! — не в пехотное училище, как рассчитывал отец. Несмотря на добросовестную работу капитана Джеймса, знаний Уинстона хватило лишь на то, чтобы попасть в кавалерийскую школу. В кавалерии такие факторы, как способности и знания, играли второстепенную роль. В пехоте офицеру надо содержать лишь самого себя. В кавалерии же и содержание самого офицера стоило дороже и, кроме того, ему приходилось иметь еще по нескольку лошадей: для служебных целей, для спорта и охоты. Следовательно, кандидатов для зачисления в кавалерию было значительно меньше, и вопрос решался по существу лишь тем, может ли будущий кавалерист обеспечить себе необходимое содержание.

Уинстон снова причинил своему в высшей степени самолюбивому родителю сильную боль. И дело заключалось не только в том, что у Черчиллей, живших на широкую ногу, было плохо с деньгами и теперь предстояли дополнительные крупные расходы по содержанию будущего кавалерийского офицера. Значительно важнее было другое. Уверенный, что его сын все-таки вытянет на пехотного офицера, Рандольф Черчилль заранее обратился к шефу 60-го пехотного полка герцогу Коннаутскому с просьбой зарезервировать для его сына место в полку. Герцог ответил согласием. Теперь же приходилось отказаться от этого места, причем по такой унизительной причине, как неспособность сына сдать необходимые для службы в пехоте экзамены. Для Рандольфа Черчилля это был большой удар и большое унижение. Он написал сыну раздраженное письмо, в котором предупредил Уинстона, что тот может стать совершенно никудышным и бесполезным для общества человеком.

Уинстон любил отца и был очень огорчен его письмом.

Однако в своих воспоминаниях обо всех перипетиях, связанных с поступлением в Сэндхерст, он пишет с легкой иронией. Правда, воспоминания писались через 30 лет после происходивших событий, когда Черчилль уже стал одним из крупнейших деятелей Англии и когда можно было иронизировать по поводу заведения капитана Джеймса.

В Сэндхерсте Уинстон почувствовал себя хорошо. Отвратительной латыни, греческого и прочих ненавистных предметов, которые отравляли ему существование в Хэрроу, теперь и в помине не было. Здесь его ум особенно не утруждали. Правда, он читал много книг по военному делу. Однако было бы неправильно полагать, что Уинстон получил в Сэндхерсте солидную теоретическую военную подготовку. Ведь это был не штабной колледж, а лишь кавалерийское училище с 18-месячным сроком обучения. Большое удовольствие доставляли Черчиллю занятия на ипподроме. Любовь к верховой езде и к лошадям он сохранил на многие годы. В то время Уинстон мечтал о военной карьере, равной карьере его предка Джона Черчилля — первого герцога Мальборо. Будущего кавалерийского офицера тревожит лишь то, что в мире (это был конец XIX в.) не происходит больших войн, которые дали бы ему возможность проявить себя и добиться большой славы. «К счастью, однако, — вспоминал он о своих размышлениях по этому поводу, — были еще дикари и варварские народы. Были зулусы и афганцы, а также дервиши в Судане. Некоторые из них могут, оказавшись в подходящем настроении, однажды «устроить представление». Может произойти даже восстание или бунт в Индии». Уинстон мечтает о том, как он будет командовать войсками на равнинах Индии, получать медали и отличия и поднимется до высших командных постов, как в свое время поднялся Клайв — английский колониальный администратор и военачальник, положивший начало превращению Индии в английскую колонию.

Тем временем здоровье отца Уинстона продолжало ухудшаться. Биографы Черчилля утверждают, что причиной этого было заболевание сифилисом, приведшее его к помешательству. 24 января 1895 г. Рандольф скончался в возрасте 46 лет. Его смерть явилась тяжким ударом для сына. В июле Уинстона постигла и другая утрата — умерла его няня миссис Эверест, к которой он был горячо при-

вязан. В тот год юноша сильно повзрослел. Сдав свой последний экзамен в Сэндхерсте, он оказался 20-м среди 130 выпускников. Это был значительный прогресс для неудачливого питомца капитана Джеймса. Впрочем, наибольшего успеха он добился в верховой езде. По окончании кавалерийского училища Уинстон решил, что лучшее место службы для него — 4-й гусарский полк. Леди Рандольф удалось получить согласие на его назначение главнокомандующего английской армии герцога Кэмбриджского и командира полка полковника Брабазона. Теперь перед юным лейтенантом открывалась военная карьера. Он вступил на самую нижнюю ступеньку ее лестницы.

2

СЕРЕБРЯНАЯ ЛОЖКА

И сам Черчилль и его биографы любят подчеркивать, что Уинстону в начале своей самостоятельной жизни пришлось столкнуться с бедностью. Так ли это было на самом деле? Верно, что Рандольф не приумножил богатства семьи. Чтобы рассчитаться с долгами после его смерти, пришлось продать ценные бумаги. Долги были оплачены, и у семьи остались главным образом доходы, которые получала мать от приданого, привезенного в свое время из Америки. Это составляло достаточно большую сумму, чтобы молодая, очаровательная, жизнерадостная вдова могла вести веселую жизнь в высших кругах лондонского света. Доходов от ее приданого, по словам самого Черчилля, «было вполне достаточно для того, чтобы она могла пользоваться комфортом и независимостью и жить в свое удовольствие». Однако Дженни Черчилль не умела считать деньги. О ней говорили, что в денежных вопросах она не знала чувства меры. Деньги для нее ничего не значили — имело значение лишь то, что можно было на них купить. Оставшись вдовой, Дженни очень скоро наделала много новых долгов. Но сын не осуждал ее. «Я сочувствую всем вашим излишествам, — писал он матери, — даже больше, чем вы моим. Мне так же кажется самоубийством тратить 200 фунтов на бальное платье, как вам — покупать нового пони для игры в поло за 100 фунтов. И все же я уверен, что вам необходимо платье, а мне — пони. Вся беда в том, что мы чертовски бедны».

Уинстон получал за службу в армии 14 шилл. в день. Чтобы жить так, как жили его товарищи по полку, нужны были другие, во много раз более крупные средства. Мать давала ему 500 ф. ст. в год, выплачивая их четырьмя частями раз в квартал. По тем временам это были

большие деньги. Но молодому гусару их не хватало. Служба была нетрудной, развлечений масса, да к тому же ежегодно предоставлялся пятимесячный отпуск. Для всего этого требовалось много денег.

Черчилль часто повторял, что пробился к высшей власти в государстве и завоевал себе положение в обществе собственными силами, начав почти с ничего. Это, конечно, преувеличение. Он не получил в наследство большого состояния, однако начинать и делать карьеру ему было сравнительно легко, ибо он пользовался могущественной поддержкой. Черчилль сам говорил, что он был членом одной из «нескольких сот крупных фамилий, управлявших в то время Англией, теснейшим образом связанных друг с другом путем браков». Связи герцогов Мальборо, семей Черчиллей и Джеромов были очень обширны. Они распространялись на королевский двор, аристократические круги, на верхушки консервативной и либеральной партий, на высшую интеллигенцию и деятелей искусства. Дженни Черчилль принимала королева Виктория в Виндзоре, она имела дружеские отношения с членами королевской семьи, Бернард Шоу и Оскар Уайльд обедали в доме Черчиллей.

Оставшись одна, мать Черчилля направила свою энергию и силы на то, чтобы помочь сыну сделать карьеру. Все ее связи были поставлены на службу этому. «Она открывала для своего сына многие двери, — пишет один из его биографов, — и расчищала для него путь». Это значило очень многое, особенно если учесть, что в Англии существует традиция, когда младшим отпрыскам крупных фамилий, не получающим наследства, их каста оказывает всяческую поддержку, с тем чтобы они могли сделать карьеру и составить состояние на государственной службе или в области предпринимательства.

Уинстон, как говорят в Англии, родился с серебряной ложкой во рту. Ему часто везло в жизни, уже с самого ее начала. Будь он прямым наследником в семье герцогов, он унаследовал бы титул и состояние, но выпужден был бы ограничить свою политическую деятельность рамками палаты лордов и, следовательно, большой карьеры не сделал бы. Ему помешал бы избыток материальных средств и благ, притупляющий жизненную активность, а также то, что в XX в. титулованные представители аристократических фамилий уже не имели шансов возглавлять прави-

тельство Англии. Развитие политической жизни в стране требовало большей демократизации фасада государственной власти. Случилось так, что, оказавшись вынужденным самостоятельно делать политическую карьеру, Уинстон получил возможность проявить свои, бесспорно обширные и выдающиеся, способности. Он в конце концов достиг крупного успеха, на который ни в коем случае не мог бы рассчитывать при других обстоятельствах.

Значение серебряной ложки обнаружилось сразу же после того, как Уинстон, начав службу в полку, попытался предпринять самостоятельный шаг. С первых же дней стало ясно, что рутинная служба в армии с медленным и последовательным прохождением всех ступеней военной карьеры не для него. Его натура не принимала медленного движения вперед. Уинстон был чрезвычайно честолюбивым человеком, ему не терпелось как можно скорее добиться влияния и власти. Бесцеремонно расталкивая соратников и соперников локтями, не скрывая убеждения, что он всех их считает ниже себя, Черчилль наживал себе гораздо больше врагов и противников, чем если бы продвигался по государственной лестнице так, как большинство других. Это, вероятно, кончилось бы для него катастрофой, как для его отца, если бы он имел дело на своем жизненном пути с более сильными и одаренными людьми и если бы его не баловали судьба и случай.

Уинстон, как он сам писал впоследствии, тосковал о том, что «возможности приобрести военный опыт и вести жизнь, полную приключений, стали в английской армии весьма ограниченными». На горизонте не предвиделось большой войны, и казалось, она не скоро возникнет. Во всяком случае таково было впечатление в 1895 г. В тот год стреляли лишь на Кубе, куда был направлен испанский маршал Мартинец Кампо с войсками, чтобы подавить национально-освободительное движение местного населения против испанского владычества, принявшее к этому времени характер партизанской войны. Получив очередной отпуск на пять месяцев, Уинстон со своим товарищем лейтенантом Барнсом решил понюхать пороху на Кубе. Однако для этого следовало иметь разрешение испанского правительства. Лейтенант Черчилль пишет английскому послу в Мадриде, старому другу своего отца, и посол получает для него необходимое разрешение. Если бы речь шла не о сыне Рандольфа Черчилля и внуке гер-

цога Мальборо, посол ее величества едва ли стал бы заниматься этим вопросом и молодому гусару не пришлось бы побывать на кубинском фронте. Мало того. Требовалось получить формальное разрешение на подобное путешествие у высшего командования. И здесь помогли отцовские связи. Сам главнокомандующий лорд Вулсли, только сменивший на этом посту герцога Кэмбриджского, помня свою дружбу с Рандольфом, принял его сына и распорядился, чтобы поездка Уинстона на Кубу была обставлена как нечто вроде командировки — ему поручалось выяснить качество новых пуль, применявшихся в испанской армии.

Направляясь на Кубу, Уинстон предложил газете «Дейли грэфик» свои услуги в качестве ее военного корреспондента. Деньги всегда играли для него важную роль. Он начал делать себе состояние раньше, чем всерьез взялся за политическую карьеру. Восстание на Кубе не вызывало большого интереса у английской публики, однако предложение Уинстона было принято. Ему назначили гонорар в 5 ф. ст. за статью. Если эту сумму сравнить с тем, что Черчилль получал в дальнейшем, она покажется мизерной, но она была ничуть не ниже обычных гонораров опытных журналистов. Уинстон же до тех пор не опубликовал ни одной строчки, и было совершенно неизвестно, сможет ли он дать интересные материалы. Почему же все-таки газета заключила соглашение с молодым, неопытным в журналистике гусаром? «Совершенно определенно, — пишет один из биографов Черчилля — П. Мендельсон, — что его имя и связи его матери в обществе дали ему с самого начала значительные преимущества по сравнению с его коллегами по Флит-стрит».

Черчилль и Барнс в ноябре 1895 г. добрались пароходом до Нью-Йорка, а оттуда прибыли в Гавану. Испанские власти встретили их весьма любезно. Оба лейтенанта провели три дня вместе с маршевой колонной испанцев в кубинских джунглях. Крупных военных действий колонна не вела, но под небольшой обстрел молодые гусары попали. Первое боевое крещение Уинстон получил 30 ноября — в свой двадцать первый день рождения. Понюхав, хоть и немного, пороху, Черчилль и Барнс отплыли в Англию. Оба они были награждены испанским орденом Красного Креста — за «отвагу» в походе, который они наблюдали. Уинстон успел с 13 декабря 1895 г. по 13 января

1896 г. направить в «Дейли грэфик» пять корреспонденций, которые и были опубликованы. Первая военно-журналистская вылазка Уинстона закончилась в общем успешно. На Кубе Черчилль пристрастился к сигарам и перенял у испанцев привычку отдыхать в постели среди дня.

Уинстон вступил в самостоятельную жизнь в период, когда Англия расширяла и укрепляла свою колониальную монополию, но уже теряла одну позицию за другой в иных областях. Быстрое экономическое развитие США и Германии, борьба этих стран против промышленной и торговой монополии Англии вызвали изменения в структуре английской промышленности. Легкая промышленность начала отходить на второй план, а тяжелая промышленность стала приобретать все большее и большее значение. Это оказало соответствующее воздействие на структуру внешней торговли страны. Изменилась и роль финансового капитала. Если ранее английская буржуазия стремилась главным образом к захвату и расширению рынков сбыта, то теперь она уже добивалась обладания источниками сырья и приобретения концессий на сооружение за рубежом крупных предприятий. Это повлекло за собой усиление империалистических тенденций в английской политике и активизацию колониальных захватов. Дух колониализма пронизывает область идеологии. Британская империя быстро растет. В 1880 г. ее площадь составляла около 20 млн. кв. км с населением 200 млн. человек, в конце же века площадь колониальной империи достигла уже 33 млн. кв. км, а население в 1900 г. выросло до 370 млн. человек. Если учесть, что население в самой Англии в 1901 г. составляло 37 млн. человек, то получается, что на каждого англичанина трудились за морями 10 колониальных рабов.

Агрессивная английская колониальная политика, с одной стороны, вызывала обострение противоречий между Англией и другими империалистическими державами — Германией, Францией, Соединенными Штатами и Россией, и, с другой — наталкивалась на все усиливающийся отпор колониальных народов. Нарастала ожесточенная борьба в Ирландии — самой старой английской колонии. Жестокие репрессии и преследования ирландских патриотов английскими властями давали лишь временный результат. В правящих кругах Англии понимали, что так

долго продолжаться не может, и активно искали компромисса, который дал бы какое-то удовлетворение ирландскому народу и в то же время позволил сохранить над ним английское господство. В конце века растет национально-освободительное движение в Индии, особенно в ее северных районах, труднодоступных для английской администрации. В 1881 г. вспыхивает война против английских захватчиков в Судане, закончившаяся тяжким поражением колонизаторов. В Африке Англия вела в то время наиболее активную политику захвата новых колониальных территорий. Все эти события предопределили географическую сферу деятельности лейтенанта Черчилля на ближайшие годы.

4-й гусарский полк, в котором он служил, был направлен осенью 1896 г. в Индию. При высадке в Бомбее с Уинстоном произошел несчастный случай. Подойдя к берегу на маленькой лодочке при довольно значительном волнении, он схватился правой рукой за большое металлическое кольцо, вделанное в стену пристани. Лодка ушла из-под ног, Уинстон повис на руке и вывихнул плечо. Впоследствии вывих все время сказывался, и Черчилль мог пользоваться правой рукой весьма ограниченно. Он был страстным игроком в поло, и его очень огорчало, что вывих не давал ему возможности в полной мере развернуть свои спортивные способности. Важнее, однако, было другое. Ослабленная правая рука мешала Уинстону пользоваться традиционным оружием кавалеристов — шашкой. Пришлось сменить шашку на автоматический пистолет маузер.

Гусарский полк Уинстона входил в состав гарнизона, расположенного в Бангалоре. Климат в этой части Индии прекрасный, служба в полку была легкой. Молодой лейтенант занимал бунгало с большим прекрасным садом. Он имел несколько собственных лошадей для игры в поло, за каждой из которых ухаживал отдельный грум. О нем самом заботились дворецкий и мальчик для услуг. На трех офицеров полагался один садовник, три водоноса, четыре прачки и сторож. Такой штат обслуживал лейтенанта, находящегося на самой нижней ступени своей военной карьеры! Можно себе представить, как жили в Индии английские военные высоких рангов.

Игра в поло составляла основное занятие офицеров. Как пишет Черчилль, это была даже не игра, а «серьез-

ная цель в жизни». Всякая другая деятельность, включая и несение военной службы, рассматривалась лишь как досадный перерыв в игре в поло. Уинстон равнодушно относился к военным занятиям и с азартом играл в поло. Ему пришлось накрепко привязывать вывихнутую руку к туловищу, чтобы боль в плече не мешала во время игры.

Исполнение служебных обязанностей и подготовка к соревнованиям по поло оставляли большой досуг, которым офицеры пользовались по-разному. Коллеги Черчилля по полку в жаркое время дня спали или играли в карты, или потягивали охлажденное виски с содовой. Следует отдать должное Уинстону: его такая жизнь не устраивала. Свободные от службы и спорта часы Уинстон посвящал ловле бабочек для своей коллекции и главным образом чтению. Вероятно, в то же время он понял, что является совершенно необразованным человеком и что для осуществления его честолюбивых замыслов необходим хотя бы какой-то минимум знаний в определенных областях.

Уинстон писал матери, что жизнь, которую он ведет в Индии, «глупа, скучна и неинтересна», просил прислать книги по истории, философии, религии и экономике. Мать с удовольствием шлет посылку за посылкой с трудами Гиббона и Маколея, Платона и Шопенгауэра, Леки и Мальтуса, Дарвина и др. «С ноября до мая, — писал позднее Черчилль, — я читал по 4 или 5 часов в день книги по истории и философии». В общем это не так уж много, учитывая его слабую подготовку. Но благодаря своим недюжинным способностям Уинстон за короткое время смог почерпнуть из этих книг очень многое. Трудолюбие, огромная работоспособность, умение концентрировать внимание и волю на решении избранной задачи в сочетании с незаурядными способностями дали Уинстону возможность в дальнейшем сравняться в интеллектуальном отношении с людьми, имевшими университетское образование.

Впоследствии, уже в возрасте 76 лет, Черчилль сказал: «У меня никогда не было возможности получить университетское образование. Но в этом и состоит большое преимущество, и чем больше оно распространено, тем лучше для страны». Говоря так, он, конечно, кокетничал, потому что прекрасно понимал пользу университетского образования. Однажды, вернувшись в отпуск из Индии, он размышлял в Лондоне, не пойти ли ему в Оксфорд или Кэмбридж, чтобы получить полноценное систематическое образова-

ние, которое не может заменить самостоятельная работа над книгами. Это намерение Уинстон не осуществил потому, что поступление в университет было связано с необходимостью изучения классических языков и других дисциплин, к которым у него по-прежнему не лежала душа.

Особенно Черчилля интересовала история. Он с увлечением изучает труды Маколея, штудирует Гиббона и целиком подпадает под влияние этих историков. Помпезный, высокопарный и величественный стиль Гиббона оказал сильнейшее воздействие на формирование его литературного стиля. По просьбе Уинстона мать прислала ему несколько томов ежегодника политических событий, чтобы он мог заняться английской политической историей новейшего времени.

Самообразование не поглощало всей энергии Уинстона. Его натура стремилась к бурной и энергичной деятельности. Вскоре для этого представился случай. Восстало одно из племен патанов вблизи Малакандского перевала на северо-восточной границе Индии. Для подавления восстания направлялись экспедиционные силы, состоявшие из трех бригад, под командованием генерала Биндона Блада. Уинстон, ранее знакомый с генералом, обратился к нему с просьбой взять его в экспедицию. Штаты уже были заполнены, и генерал предложил Уинстону принять участие в походе в качестве военного корреспондента. Лейтенант Черчилль получил отпуск из полка и условился с газетой «Пионер», выходящей в Аллахабаде, в Индии, о том, что он будет ее военным корреспондентом. Одновременно в Лондоне Дженни Черчилль договорилась с газетой «Дейли телеграф» о том, что ее сын будет присылать корреспонденции из Индии.

Экспедиция была трудной. Восставшие дрались ожесточенно, и англичане несли большие потери. Черчиллю пришлось участвовать в настоящем сражении, и он проявил себя энергичным и инициативным командиром, обнаружив незаурядную личную смелость. Его статьи в обеих газетах свидетельствовали, что он неплохо уловил общую обстановку на северо-восточной границе Индии.

Корреспонденции, подписанные «Молодой офицер», читатели встретили благожелательно. Это навело Черчилля на мысль использовать собранный в походе материал, как он впоследствии заметил, для «постройки небольшого ли-

тературного дома». Теперь те часы, которые ранее Черчилль посвящал самообразованию, используются им для написания книги. Начинающий автор работает быстро и в течение двух месяцев заканчивает свой первый труд. Рукопись посылается в Лондон матери, которая находит издательство, готовое опубликовать книгу. В марте 1898 г. выходит в свет первая книга Уинстона Черчилля под названием «Повесть о малакандской полевой армии, 1897 год. Эпизод пограничной войны». Она составила том примерно в 300 страниц. Книге сопутствовал успех. В 1899 г. вышло второе, тщательно переработанное автором издание.

Для 23-летнего офицера с весьма ограниченным образованием это было большим достижением. Своей книгой Черчилль начал создавать себе имя в журналистике и завоевывать известность. Одновременно он стал приобретать и врагов. Молодой лейтенант позволил себе критиковать действия высших командиров в Индии и делать замечания о системе национальной обороны Англии, что пришлось не по вкусу как командованию английских войск в Индии, так и военным кругам в Лондоне. Разумеется, это не могло пройти безнаказанно для лейтенанта Черчилля, и когда в 1898 г. он попросил разрешения принять участие в новой карательной экспедиции на севере Индии, то получил холодный отказ.

После появления первой книги Уинстон, как он сам пишет, «приобрел привычку писать». Зимние месяцы, проведенные в Бангалоре, Уинстон использовал для того, чтобы написать свою вторую книгу. В новую военную экспедицию он не попал и, следовательно, фактическим материалом для книги не мог располагать. Но это не останавливает молодого автора. Он решает писать роман.

Уинстон не собирался ни в то время, ни впоследствии стать профессиональным романистом или жить исключительно литературным трудом. Планы и намерения у него были значительно шире. Но он знал, что знаменитый Дизраэли, который в свое время был кумиром консервативной партии, начинал как романист и от литературы пришел к политике. Более того, сумма идей Дизраэли, известная в дальнейшем как «демократический торизм», вначале была изложена в его литературных произведениях. Может быть, это явилось одним из мотивов, почему Уинстон решил попробовать свои силы в области художественного

творчества. Во всяком случае, в его первом (он оказался и последним) романе, так же как и в книгах Дизраэли, можно обнаружить взгляды автора на политику и политических деятелей.

Черчилль всегда работал продуктивно и быстро. И теперь, когда его сослуживцы-офицеры предавались отдыху и развлечениям, Уинстон писал, писал и писал. Не прошло и двух месяцев, как из-под его пера вышел законченный роман. Он назвал его «Саврола».

Автор выгодно, разумеется не без помощи матери, пристроил свое литературное произведение. Вначале он продал журналу «Макмилланс мэгэзин» права на печатание романа по частям, а затем, поскольку публика приняла книгу довольно благожелательно, выпустил роман в виде отдельного тома объемом в 345 страниц. Первое издание увидело свет в 1900 г.

По общему признанию критиков, художественные достоинства романа невелики. Черчилль и сам скептически относился к своему единственному художественному произведению и не очень стремился к его переизданию. Тем не менее оно несколько раз увидело свет впоследствии и в последний раз было издано в ноябре 1954 г. по случаю 80-летия автора.

Сюжет романа необычен. Правда, в нем присутствует и любовная история, которую, как утверждают, помогла Черчиллю создать одна из его родственниц. Однако это лишь побочная линия книги. Главной темой было революционное выступление народа в вымышленной стране Лаурания, расположенной где-то в районе Средиземного моря. Народ выступает против реакционного диктаторского режима, и в результате этот режим оказывается свергнутым. Но завоеваниям народа угрожает революция, которую подготавливают социалисты и коммунисты. Повествование достигает наибольшего напряжения в сцене бомбардировки столицы Лаурании бронированным флотом с целью обуздать левые силы.

Наиболее отрицательные черты человеческой натуры воплощены в романе «Саврола» в образах социалистов и коммунистов. Это знаменательно. Глубокая антипатия Черчилля к социализму и коммунизму определилась, таким образом, уже в то время и не иссякала до самых последних дней его долгой жизни.

По ходу повествования автор рассказывает, как в ответ на полную достоинства ноту правительства Лаурании Англия направляет против нее военный корабль под названием «Агрессор». Нынешние рецензенты романа чувствуют себя несколько неловко по поводу такого названия английского судна. Они выходят из положения, утверждая, что, вероятно, тогда, когда Уинстон писал свой роман, термин «агрессор» не имел такого одиозного значения, как в наши дни.

Все сходятся на том, что «Саврола» — это и автобиографическое произведение и в то же время политический манифест автора. Черчилль, изображая Лауранию, несомненно, рисует многие черты современной ему политической жизни Англии. Савроле, главному действующему лицу романа, благородному революционному вождю народа Лаурании, автор придает многие собственные черты. Кабинет Савролы — это будущий кабинет самого Уинстона. Подбор книг в кабинете, где на первом месте фигурируют любимые Гиббон и Маколей, отражает вкусы и симпатии самого автора. Когда Уинстон пишет об отношении Савролы к политической деятельности, он излагает собственные мысли на этот счет.

Нарисовав картину расстрела демонстрантов на площади перед президентским дворцом, автор следующим образом показывает реакцию героя романа на то, что он там видел. «Его нервный темперамент, — пишет Уинстон, — не мог не быть до крайности возбужден яркими сценами, свидетелем которых он был недавно. А подавленное состояние лишь усиливало внутренний огонь. Стоит ли игра свеч? Борьба, труд, непрерывный поток событий, отказ от многих вещей, которые делают жизнь легкой и приятной, — во имя чего все это? Благо народа! Его оно мало интересовало... Он прекрасно понимал, что главной движущей силой всех его дел было честолюбие, но он был бессилен ему сопротивляться. Он мог понять и оценить наслаждение художника, ведущего жизнь, наполненную поисками прекрасного, или спортсмена, получающего глубокое удовлетворение от своих занятий. Жить в тишине, в состоянии философского спокойствия в каком-либо прекрасном саду, вдали от шума людского и с полным отрешением от дел, которое может дать искусство и интеллектуальная жизнь, было бы более спокойно и приятно. И все же он знал, что не мог бы вынести такую жизнь. Склад

его ума был неистовым, сильным и дерзким. Жизнь, полная волнений, стремлений и тревог, была для него единственно возможной. Он должен идти до конца».

В этом описании весь Черчилль и в свои 23 года, когда он писал «Савролу», и через полвека после этого, когда он уже заканчивал свою политическую карьеру. Безграничное честолюбие Савролы, во имя удовлетворения которого он отказывается от многих удовольствий жизни и готов идти до конца самыми трудными путями, — вот что двигало Черчиллем на протяжении всей его жизни.

Даже самые благожелательные биографы Уинстона сходятся на том, что честолюбие было главным стимулом его деятельности. Известный английский публицист и государственный деятель конца XIX — начала XX в. Чарлз Дилк как-то писал, что английский премьер-министр в конце XIX в. Розбери был самым честолюбивым человеком, которого он когда-либо встречал. Через несколько лет после этого Дилк добавил: «С тех пор я узнал Уинстона Черчилля».

Рассказывают, что через 50 лет после написания «Савролы» маститый политик, будучи уже на склоне лет, както зашел в курительную комнату палаты общин. Он сел рядом с молодым, только что избранным в парламент депутатом. Поворчав о чем-то про себя, Черчилль вдруг спросил своего соседа: «Молодой человек, я думаю, что вы иногда размышляете, какая чертовщина заставила меня пойти в политику?» Молодой человек застенчиво отвечал, что он, конечно, хотел бы получить ответ на этот вопрос. «Честолюбие, молодой человек! Абсолютно голое честолюбие!» — ответил ему Черчилль. Некоторые утверждают, что это анекдот. Знаменательно, однако, что он проник в биографии Черчилля, написанные весьма благожелательно к нему относящимися авторами. Случиться так могло только потому, что этот рассказ считают характерным для понимания натуры Черчилля.

Критика встретила появление романа прохладно. «Уинстон Черчилль, — писал анонимный рецензент в газете «Таймс», — является хорошим военным корреспондентом, но не романист... Его писания неинтересны. Первая часть книги просто скучна... Когда Черчилль будет писать роман в следующий раз, ему следует просто выбросить вводные главы и сразу же начать с описания перипетий борьбы».

По мнению биографов Черчилля, не стоит сожалеть о том, что он написал только один роман. Однако они считают весьма удачным, что этот роман увидел свет: без него трудно было бы понять внутренний мир самого молодого Уинстона.

Закончив роман, Черчилль решил принять участие в войне в Судане. Английская экспедиция с целью завоевания Судана готовилась на протяжении нескольких лет. Ей предшествовали неприятные для Лондона события в районе южнее Египта. В начале 70-х годов Англия, захватив Египет, прибрала к рукам и Судан. Однако в Судане в 1881 г. началось восстание под руководством Махди Суданского. Махди объявил себя посланником аллаха на земле, мессией и возглавил национально-освободительную борьбу народа Судана против англичан. Борьба приняла в значительной степени религиозную окраску. Суданцы одержали ряд побед и в начале 1885 г. почти полностью очистили свою страну от иностранных войск. Губернатор Судана английский генерал Гордон был убит.

Такой оборот событий вызвал в Англии мощный взрыв шовинизма. Политические деятели и печать требовали страшной мести за смерть Гордона. Разумеется, ответственность за кровопролитие возлагалась на махдистов, которые посмели защищать собственную страну от колониальных захватчиков. К «мести за Гордона» готовились долго, и в 1896 г. Англия начала войну против суданского государства. Приближались решающие сражения этой войны. Черчилль решил, что он обязательно должен принять в них участие. Однако на его пути встретилось не слишком неожиданное, но серьезное препятствие.

Вспоминая тот период, Черчилль пишет: «Я теперь понял, что в то время было много плохо осведомленных и нехорошо относившихся ко мне людей, которые неодобрительно рассматривали мою деятельность. Они говорили приблизительно следующее: «Что за черт этот парень? Как он умудряется пристраиваться к этим различным походам? Почему он должен одновременно писать в газеты и служить офицером? Почему младший офицер позволяет себе хвалить или критиковать своих старших начальников? Почему он так часто получает отпуск из полка?». Другие начали просто ругать меня. Они употребляли выражения «охотник за медалями» и „саморекламщик"».

Обращение Уинстона к начальству с просьбой о переводе было категорически отклонено. Действующую там английскую армию возглавлял способный и властный генерал Китченер. Отказ на просьбу Черчилля о переводе в Египет, поддержанную военным министерством, последовал, несомненно, от самого сардара, как называли Китченера (он являлся командующим не только английской, но и египетской армий). «Я почувствовал, — пишет Черчилль, — нескрываемое неодобрение и враждебность со стороны сардара египетской армии, сэра Герберта Китченера». Тогда в дело вмешалась энергичная мать Уинстона и пустила в ход все свои связи. Вновь обратились к Китченеру, но и на просьбу очаровательной леди Рандольф Черчилль генерал ответил хотя и вежливым, но твердым отказом. Премьер-министр Солсбери, прочитав книгу Уинстона о походе на северо-западной границе Индии, по своей инициативе принял молодого лейтенанта для беседы. Никогда не страдавший излишней застенчивостью, Уинстон тут же обратился к Солсбери с просьбой посодействовать зачислению в армию, действующую против Судана. Премьер-министр послал телеграмму Китченеру, но тот и ему отказал. Тем не менее это, казалось бы окончательное, решение не остановило леди Черчилль. Искусно используя трения между высшими чинами военного министерства и Китченером, она все же добилась прикомандирования сына к полку, направлявшемуся в распоряжение сардара. Черчилль очень беспокоился относительно реакции Китченера на его прибытие. Но беспокойство оказалось напрасным: генерал лишь с удивлением пожал плечами.

По уже сложившейся привычке Уинстон направлялся в Судан не только на войну, но и для описания боевых действий. К тому времени он подружился с сыном владельца консервативной газеты «Морнинг пост» Оливером Бортвиком и договорился с ним о том, что газета опубликует серию его статей о суданской кампании. Газета согласилась платить по 15 ф. ст. за каждую колонку его корреспонденций.

Уинстон вовремя прибывает в действующую армию и принимает участие в решающем сражении в сентябре 1898 г. К этому времени Махди уже умер, и суданскими войсками командовал его преемник Халиф. Суданская армия была многочисленной, однако ее вооружение и так-

тика находились на средневековом уровне. Против нее выступала небольшая, но первоклассно вооруженная и снаряженная по последнему слову военной техники того времени английская армия, поддерживаемая египетскими войсками. Столкновение феодальной и современной армий дало результат, предопределенный заранее. Сражение превратилось в побоище. «Теперь мы сами видим, — писал Черчилль, — то, что в свое время видели крестоносцы». В битве при Омдурмане армия суданских дервишей была разгромлена, после чего победители несколько раз прошли по полю сражения, добивая раненых врагов. Черчилля возмущала такая жестокость и потворство ей со стороны Китченера. «Он может быть генералом, — писал Уинстон матери, — но он никогда не станет джентльменом».

Черчилль, находясь в составе уланского полка, участвовал в сражении. Это была довольно эффектная и последняя в английской военной истории кавалерийская атака против пехоты. Из-за вывихнутого правого плеча Черчилль шел в атаку с маузером, а не с саблей. Вероятно, это пошло ему на пользу, ибо он сумел застрелить несколько дервишей и выйти из сражения невредимым.

Омдурман был занят армией Китченера, война по существу закончилась, и Уинстон отправился на пароходе вниз по реке Нил в Каир. Здесь же он начал работу над своим следующим произведением. Выдумывать сюжет не пришлось: война англичан за завоевание Судана давала богатый материал для книги.

Одновременно Уинстон размышляет о том, как быть дальше с военной службой. Конечно, соблазн добиться в конце концов командования большой армией и прославиться на полях сражений, как это сделал его великий предок, первый герцог Мальборо, был очень велик. Но теперь уже наступили другие времена. Уинстон понял, что должно пройти много лет, заполненных рутинной военной службой, возможно, в самых захолустных гарнизонах империи, прежде чем ему удастся дослужиться до чина, позволяющего командовать более или менее крупным соединением. Да и эта перспектива стала весьма проблематичной после того, как он своими выходящими за рамки существующей субординации поучениями в адрес английских высших военных кругов вконец испортил с ними отношения. Генералы явно не проявляли склонность помогать бойкому и дерзкому лейтенанту делать карьеру быст-

рее, чем они сделали ее сами. Значит, надо было искать другие, может быть, и нелегкие, но, во всяком случае, более быстрые пути, которые дали бы возможность выдвинуться. К тому же и материальная сторона службы в армии его не устраивала. Содержания, которое он получал от двух леди — от королевы Виктории за службу в армии и от матери, помогавшей сыну, ему не хватало. Уинстон медленно, но верно залезал в долги.

В то же время журналистика, как он убедился, давала возможность приобрести известность и деньги, а в дальнейшем могла принести и большую популярность. За корреспонденции, которые Уинстон лишь в течение одного месяца посылал из Судана в «Морнинг пост», он получил более 300 ф. ст. За это же время его жалованье лейтенанта составило лишь 12,5 ф. ст. Журналистика приобретала смысл и как средство сделать политическую карьеру, поскольку мечты Уинстона все больше и больше концентрировались на политической деятельности. «Чем больше я наблюдаю солдатскую жизнь, — писал он матери, — тем больше она мне не нравится и тем больше я убеждаюсь, что это не мое призвание».

После суданской кампании Черчилль решил уйти из армии и заняться литературным трудом с намерением переключиться в дальнейшем на политическую деятельность. Но прежде чем покончить с профессией военного, он едет из Англии в Индию для участия в соревнованиях по поло в команде своего полка. Полк выиграл эти соревнования, а Черчилль, успешно выступив в них, уже был занят обдумыванием книги о войне в Судане. Возвращаясь из Индии домой, Уинстон заезжает в Каир, чтобы собрать дополнительный материал о войне, беседует с крупнейшими специалистами по истории Судана, получает обширную информацию от активных участников недавних событий. Вернувшись в Англию, он целиком погрузился в работу над книгой, которую назвал «Речная война». Ее первое издание вышло в двух томах в октябре 1899 г.

Считается общепризнанным, что двухтомная работа Черчилля «Речная война», которую он написал в 24 года, была крупным успехом молодого автора. Книга свидетельствует о большом интересе Черчилля к истории. Он не только излагает события кампании, в которой сам участвовал, но по существу пишет историю завоевания англичанами Египта и Судана. Черчилль, не получивший

сколько-нибудь удовлетворительного образования, подготавливая эту книгу, обнаружил большой вкус к научно-исследовательской работе в области истории. Необходимо отметить большое внимание, которое автор уделил собиранию различных источников. Он тщательно разрабатывает структуру книги, добиваясь максимальной четкости, ясности и логичности в изложении событий. В результате из-под пера Уинстона вышел двухтомный обширный труд, который и сейчас читается с интересом. В то время Черчилль впервые испытал не покидавшее его до конца дней большое творческое удовлетворение и даже наслаждение от занятий литературным трудом, имеющим исторический аспект.

Генералы не любили молодого офицера-журналиста, который их бесцеремонно поучал. Он платил им взаимностью. Теперь, когда Уинстон ушел из армии, ему нечего было опасаться немилости «бронзовых шлемов», как в Англии иногда называют высших военных, и в новой книге он дал волю своим чувствам.

Критика в адрес его недоброжелателя генерала Китченера была убийственной. Эти страницы и сейчас ценны тем, что они вскрывают некоторые истинные черты английской политики того времени, показывают отталкивающий лик английского колониализма. Черчилль возмущается глумлением Китченера над могилой и прахом Махди. Он изображает его действия не просто как гнусные и варварские, а как глубочайшее оскорбление и издевательство над суданцами, которые чтили могилу Махди как святыню. «По приказу сэра Герберта Китченера, — пишет Черчилль, — могила была осквернена и сровнена с землей. Останки Махди были выкопаны, голова была отделена от туловища... и, переходя из рук в руки, доставлена в Каир. Здесь она оставалась в качестве интересного трофея... Конечности и туловище были брошены в Нил. Таково было рыцарство победителей. Ни один человек, который придерживается блестящих традиций старой либеральной партии, ни один человек, который симпатизирует идеям прогрессивного торизма, не может одобрить такое поведение».

Уинстон не ограничился осуждением действий Китченера. Он в известной степени критически расценил и саму войну против Судана. «Есть много людей в Англии и, вероятно, в других местах, — пишет он, — которые, кажется,

не способны предпринять военные действия для достижения определенных политических целей, покуда не убедят себя в том, что их враг является исключительно и безнадежно подлым. В этих целях дервиши от Махди до Халифа подвергались самым различным поношениям, им приписывались все преступления, которые только удавалось придумать. Может быть, это было очень удобно для филантропов, находящихся в Англии, но когда армия на поле сражения проникается мыслью, что враг представляет собой не что иное, как паразитов, оскверняющих своим существованием землю, то результатом этого очень легко могут явиться случаи варварства. Кроме того, это безграничное осуждение настолько же несправедливо, насколько опасно и ненужно... Нам говорят, что английская и египетская армии вступили в Омдурман, чтобы освободить народ от ярма Халифа. Никогда еще освободители не были менее желательны... Это лицемерие — утверждать, что война велась с целью наказать злобное поведение дервишей».

Понятно, что такие места в книге вызвали возмущение официального Лондона. Вскоре Черчилль сам понял, что перехватил. Подобные высказывания могли поссорить его, и весьма серьезно, на этот раз уже с политическими руководителями страны. Последнее не входило в его намерения. В 1902 г. появилось новое издание книги, уже в одном томе. Приведенные выше и некоторые другие подобные рассуждения автор убрал. Ему пришлось сократить свой труд на одну треть.

В июне 1899 г. Уинстон, вернувшись в Англию, нанес визит в Центральное бюро консервативной партии. Это было уже не первое его посещение штаба консерваторов. Некоторое время назад он заходил сюда, чтобы выяснить возможность выставления своей кандидатуры на выборах в парламент. Сына Рандольфа Черчилля встретили приветливо и объяснили, что все упирается в деньги. Нужно иметь достаточно денег, чтобы оплатить расходы по избирательной кампании. Если Уинстон хочет получить надежный избирательный округ, откуда он почти наверняка попадет в парламент, то для этого необходимо примерно 1 тыс. ф. ст. в год. Рискованный избирательный округ будет дешевле, безнадежным и совсем недорогим. Необходимыми средствами Уинстон тогда не располагал, и разговор кончился ничем. Условились лишь о том, что буду-

щий кандидат в депутаты пока попробует свои силы в выступлениях на митингах, организуемых консервативной партией. Одно такое выступление действительно состоялось, и дружески относящаяся к Уинстону газета «Морнинг пост» даже дала о нем доброжелательный отзыв.

Теперь, в июне 1899 г., штаб консерваторов предложил Черчиллю выставить его кандидатуру в избирательном округе Олдэм, где в связи со смертью консервативного депутата предстояли внеочередные выборы в парламент. Этот округ находился в самом сердце промышленного Ланкашира. Избиратели состояли в основном из рабочих местных предприятий текстильной промышленности. Это был совершенно чуждый Уинстону мир. Он не знал ни нужд избирателей, ни их интересов и совершенно не представлял себе, как заставить их поверить, что отпрыск герцога Мальборо будет их достойным представителем в парламенте. Выступления Уинстона в ходе избирательной кампании, содержавшие банальные заявления о том, что английская нация движется по пути прогресса, о величии империи и т. п., не производили впечатления на аудиторию. Такой же результат дали и усилия его верного союзника — леди Рандольф Черчилль, которая разъезжала по избирательному округу в открытом ландо и горячо агитировала за избрание своего сына. Первая попытка Уинстона пройти в парламент провалилась.

Вскоре Уинстон снова оказался в действующей армии, на этот раз уже в Южной Африке. На протяжении нескольких лет Англия пыталась захватить две южноафриканские республики — Трансвааль и Оранжевую Республику. Обе они были заселены бурами — выходцами из Голландии, подчинившими себе местное население. Неоднократные попытки Англии превратить эти независимые республики в свои колонии заканчивались провалами, причинявшими ей зачастую большой политический ущерб. Теперь, в 1899 г., английское правительство решило применить военную силу для достижения своих целей. Особую активность развил в этом направлении министр колоний в консервативном правительстве Джозеф Чемберлен.

В октябре 1899 г. началась англо-бурская война, затянувшаяся почти на четыре года. Сразу же после начала войны Черчилль направляется в Южную Африку, но уже не как офицер, а как военный корреспондент газеты «Морнинг пост». Его популярность как журналиста к это-

му времени была настолько велика, что ему предложили чрезвычайно выгодные условия. Он должен был получать 250 ф. ст. в месяц, причем все его расходы по пребыванию в Южной Африке покрывала газета. Она предоставила ему полную свободу передвижения и выражения своего мнения. Никогда ранее английские газеты не платили такого высокого вознаграждения своим военным корреспондентам. Перед отъездом в Южную Африку Черчилля принял Джозеф Чемберлен. Из Лондона Уинстон отплыл на пароходе, которым следовал в Южную Африку английский главнокомандующий генерал Буллер со своим штабом. И Черчилль, и военные, находившиеся на борту парохода, беспокоились лишь об одном — что война закончится до их прибытия на место. Когда же они высадились в Кейптауне, обнаружилось, что их беспокойство оказалось напрасным. Англичане терпели поражение за поражением, и стало ясно, что война затянется на долгое время.

Уинстон Черчилль не любил спокойной обстановки, и, если жизнь не приносила ему приключений, он сам направлялся на их поиски. Так получилось и здесь. Вскоре после прибытия на фронт он принял участие в разведке, которую проводило на бронированном поезде одно из воинских подразделений. Бронепоезд углубился на занятую бурами территорию, был обстрелян, и несколько его платформ сошло с рельсов. Паровоз и часть платформ оказались блокированными. Черчилль не был военнослужащим, но принял энергичные меры с целью вывести паровоз и уцелевшие платформы из-под огня, спасти раненых и доставить в безопасное место персонал бронепоезда. Покуда командовавший пехотой старый друг Черчилля Холдейн прикрывал бронепоезд огнем, Черчилль организовал разблокирование пути, и паровоз с уцелевшими платформами двинулся обратно. Однако отступление завершилось неудачно: сначала Холдейн и его солдаты, а затем и Черчилль были взяты в плен.

Уинстон оказался в чрезвычайно опасной ситуации. Дело в том, что, будучи штатским лицом, он принимал участие в сражении и буры это видели. Следовательно, по законам военного времени он должен был немедленно предстать перед военно-полевым судом и через несколько минут мог быть расстрелян под грохот барабанов. Казалось, к этому дело и идет, когда после доставки партии

военнопленных англичан в штаб буров Черчиллю приказано было отойти в сторону от группы. Он потребовал своего освобождения, ссылаясь на то, что является корреспондентом. Но сам Черчилль, так же как и буры, хорошо понимал, что его участие в сражении зачеркивает все его аргументы. Вскоре, однако, Черчилля присоединили к общей группе военнопленных, и он вздохнул с облегчением. Один из командиров-буров заметил: «Мы не намерены отпустить тебя, старина, хотя ты и военный корреспондент. Мы не каждый день берем в плен сыновей лордов». В то же время буры не хотели расстрелом отпрыска знатной фамилии усилить гнев англичан и вызвать месть с их стороны.

Пленные были доставлены в Преторию и размещены в здании государственной образцовой школы. Настойчивые требования Черчилля освободить его как военного корреспондента результатов не давали, и он вместе с Холдейном и еще одним офицером начал готовить побег.

Однажды ночью, когда охрана зазевалась, Уинстон перебрался через стену, ограждавшую территорию школы. Два спутника последовать за ним не смогли. Он оказался во вражеском городе ночью без товарищей, без оружия, вдали от линии фронта. Уинстон решил выйти к железной дороге, чтобы в поезде пересечь находящуюся под властью буров территорию и добраться до португальской колонии. На улицах Претории его никто не остановил. Добравшись до железнодорожного пути, Черчилль вскарабкался на медленно проходивший товарный состав и спрятался под пустыми мешками из-под угля. На рассвете он покинул поезд, опасаясь, что днем при разгрузке мешков его обнаружат.

Опасения были не напрасны. Буры предприняли энергичный розыск бежавшего. За его голову была объявлена награда в 25 ф. ст. — сумма в общем-то не очень большая. На следующий вечер Уинстону не удалось забраться на проходящие поезда и продолжать путь, как он рассчитывал. Ночью, голодный и обессиленный, упавший духом, он направился на огонек в окне какого-то здания, почти наверняка рискуя попасть в руки буров или быть выданным им. И здесь ему опять повезло. Случилось так, что он постучал в дверь единственного на многие десятки миль дома, где жил англичанин. Он был оставлен бурами для того, чтобы сохранить в порядке законсервированные

угольные шахты. Англичанин вместе со своими друзьями укрыл Уинстона в шахте, а через несколько дней, когда поиски беглеца прекратились, спрятал его в товарном вагоне поезда, идущего в португальскую колонию. 19 декабря 1899 г. Уинстон добрался до порта Лоренсу-Маркиш, находившегося под властью Португалии.

Приключения Уинстона Черчилля в Южной Африке совершенно неожиданно принесли ему огромный политический капитал. Оказавшись на свободе, он немедленно направил в «Морнинг пост» подробное описание своего побега из лагеря военнопленных, умолчав лишь о прятавшем его англичанине, чтобы не подвергать его опасности. Повествование читалось как приключенческий роман и привлекло к себе внимание публики.

Когда из Лоренсу-Маркиша Черчилль прибыл в Дурбан в Южной Африке, английское командование встретило его с распростертыми объятиями, как героя. «Меня принимали так, — пишет Уинстон, — как если бы я одержал великую победу». Толпа чуть не разорвала его на части, выражая свой восторг. «Молодые дамы посылали мне шерстяные вещи, — вспоминает он, — а старые леди снабжали своими фотографиями».

Разгадка этого шума вокруг персоны Черчилля была простой. В течение недели, пока он находился в бегах, английская армия в Южной Африке потерпела ряд новых серьезных поражений. Англичане несли потери, невиданные со времен Крымской войны. В историю англо-бурской войны эта неделя вошла как «черная неделя» английской армии. Дерзкий и удачный побег Уинстона являлся единственным светлым пятном на фоне «черной недели».

Чтобы отвлечь внимание общественности от поражений на фронте, английская печать ухватилась за приключения Черчилля. Впоследствии сам Уинстон признавал, что пресса подавала материал о нем как сенсацию и непомерно раздувала его приключения, не останавливаясь перед выдумыванием живописных подробностей.

Черчилль немедленно извлек выгоду из своего изменившегося положения. Те генералы, которые ранее не желали его замечать, теперь охотно давали ему аудиенцию. Когда его принял Буллер, Черчилль попросил о зачислении в действующую армию. Просьбу было трудно удовлетворить. После того как Черчилль поучал генералов в своих корреспонденциях из Индии, а затем и из Судана,

военное министерство издало приказ, запрещающий офицерам, находящимся на действительной военной службе, сотрудничать в газетах. Буллер, желая пойти навстречу Черчиллю, обошел приказ, зачислив его в армию без выплаты содержания.

В связи с поражением, понесенным англичанами в войне с бурами, Буллер вскоре был заменен на посту главнокомандующего лордом Робертсом. Появлявшиеся в «Морнинг пост» корреспонденции содержали довольно ядовитую критику в адрес Робертса и других английских генералов в Южной Африке, что никак не содействовало росту симпатий к Черчиллю в военных кругах.

Уинстон побывал в нескольких сражениях в Южной Африке, но судьба его хранила. Его брат Джон, прибывший в действующую армию, был ранен в первом же бою. В англо-бурской войне участвовал и кузен Уинстона девятый герцог Мальборо, который был прикомандирован к штабу Робертса. Мать Уинстона вместе с герцогиней Мальборо и некоторыми другими дамами высшего света зафрахтовали американское госпитальное судно «Мэн» и на нем прибыли в Дурбан для того, чтобы заботиться о раненых.

Некоторые биографы Уинстона дают понять, что кроме традиционной благотворительности и филантропии появление Дженни Черчилль в Южной Африке объяснялось и одним особым соображением. К этому времени у нее возник интерес к молодому офицеру Корнуэллис-Весту, за которого она вскоре вышла замуж. Жених был ровесником ее старшего сына. Летом 1900 г. Уинстон Черчилль вернулся из Южной Африки в Лондон и как раз успел на свадьбу матери[1].

Вернувшись с фронта, Уинстон, конечно, засел за очередную книгу, основу которой, как и в предыдущих случаях, составили его корреспонденции с театра военных действий в «Морнинг пост». Уже в то время обнаружилась характерная черта литературного стиля Черчилля — мно-

[1] В своих мемуарах Уинстон Черчилль обходит молчанием дальнейшую личную жизнь матери. Через 13 лет Дженни Черчилль, бывшая на двадцать лет старше своего мужа, разошлась с ним и в 1918 г., когда ей было уже за шестьдесят, вышла замуж в третий раз. В 1921 г. она умерла и была похоронена на семейном кладбище Черчиллей в Бладоне, неподалеку от Бленхейма, рядом со своим первым мужем Рандольфом Черчиллем.

гословие. «Речная война» в первом варианте получилась в двух томах. Описание англо-бурской войны, в котором очень большое место уделяется рассказу о приключениях самого автора, также заняло два тома. Оба тома были изданы в 1900 г. Автор мог поздравить себя с новым успехом. Менее чем за три года он опубликовал шесть томов.

Южная Африка дала возможность Черчиллю не только написать две книги, но и пройти в парламент. Премьер-министр консерватор Солсбери распустил в 1900 г. парламент и объявил выборы в палату общин. Консерваторы понимали, что победы над бурами, с огромными жертвами одержанные к тому времени английскими войсками, еще не означали окончания войны. Лишь люди не осведомленные и не искушенные в политике могли предположить, что занятие англичанами столиц обеих бурских республик положит конец военным действиям. Буры были очень упорными противниками, и существовала опасность, что они будут продолжать борьбу, применив тактику партизанской войны. Так оно и случилось.

Предвидя такую возможность, консерваторы использовали шовинистический угар, который охватил Англию в ходе англо-бурской войны, чтобы провести выборы в парламент и получить на них большинство. Они выступали под лозунгом доведения войны в Южной Африке до победного конца. Их противники — либералы были ослаблены, ибо партия раскололась по вопросу об отношении к войне. Существовали группа либералов-империалистов, группа пробурски настроенных радикалов, а также промежуточная группа. Чемберлен, выступая во время выборов, заявлял: «Каждое место в парламенте, которое потеряет правительство, будет местом, выигранным бурами». Однако народные массы не разделяли шовинизма консерваторов, и на выборах они получили несколько меньше мест, чем до этого имели в парламенте, но все же сохранили свое большинство в палате общин.

Естественно, что Черчилль был одним из кандидатов консерваторов на выборах. Его кандидатуру выставили в том же избирательном округе, что и ранее, — в Олдэме. Теперь он выступал как военный герой. Реклама, сделанная его побегу, использовалась консерваторами на выборах в полной мере. О нем слагали стихи и песни, в мюзик-холлах певцы воспевали Черчилля в своих куплетах. Сам Великий Джо — Чемберлен явился в Олдэм, чтобы высту-

пить в поддержку Черчилля. Кузен Уинстона герцог Мальборо, приезжавший вместе с ним в Олдэм, обещал 400 фунтов на покрытие расходов по проведению предвыборной кампании и 100 фунтов ежегодно на поддержку местной партийной организации. Однако, несмотря на такую поддержку, Черчилль с трудом победил на выборах: он прошел большинством лишь в 130 голосов. Но это уже не имело значения, главное, что он стал теперь членом парламента.

Консерваторы до конца использовали популярность Уинстона в своих партийных интересах. «Герой войны против буров» без конца выступал в различных избирательных округах и призывал голосовать за кандидатов-консерваторов. Артур Бальфур пригласил Уинстона выступить в Манчестере на митинге в поддержку его кандидатуры. Благодаря этому Уинстон получил широкую аудиторию и дополнительную возможность увеличить собственную популярность.

Убедившись в том, что во время выступлений аудитория его охотно слушает и хорошо принимает, Черчилль решает приобрести себе хотя бы небольшое состояние, выступая с платными лекциями в различных городах страны. Для занятия политикой требовались деньги. В то время члены парламента никакого вознаграждения за свою деятельность в палате общин не получали. Они должны были иметь собственные средства для существования и покрытия расходов по избирательным кампаниям. Оплата членов палаты общин была введена лишь в 1911 г.

К моменту избрания в парламент журналистика и публицистика принесли Черчиллю несколько более 4 тыс. ф. ст. Это составляло значительную сумму для человека 26 лет. В то время реальная стоимость фунта стерлингов была во много раз выше, чем в наши дни, а налоги были настолько мизерными, что их не следовало принимать в расчет.

Но Уинстону этого казалось мало для того, чтобы свободно заниматься политической деятельностью и вести образ жизни, принятый в правящих кругах Англии того времени.

После выборов он предпринимает турне с чтением лекций об англо-бурской войне. Центральное место в лекциях отводилось, конечно, занимательному рассказу о его приключениях в Южной Африке. Турне было политически

выгодно консерваторам. Черчилль по существу вел ту же пропаганду, что и во время избирательной кампании, поэтому влиятельные люди поддерживали его. Не будь этой поддержки, он не смог бы за один месяц, как он выражается, «поместить в банк более 4,5 тыс. ф. ст.». Однако лекции приносили Черчиллю не только деньги, но и популярность. Они служили хорошей рекламой для начинающего политического деятеля. А значение такой рекламы убедительно показал опыт борьбы самого же Черчилля за место в парламенте.

Успех лекционного турне по Англии натолкнул Черчилля на мысль о попытке предпринять такое же турне в США и Канаде. Здесь, однако, зарабатывать доллары было труднее. Американский антрепренер Черчилля не стеснялся в рекламе своего лектора. Он подавал Уинстона публике как «героя пяти войн, автора шести книг и будущего премьер-министра Англии». Даже тщеславному Уинстону это показалось уж слишком, хотя в душе он твердо надеялся, что когда-либо добьется такого поста. Пока же подобная реклама могла произвести сомнительное впечатление в Англии, и он потребовал, чтобы антрепренер умерил свой пыл.

Выступления Уинстона в США осложнялись тем, что американцы ирландского происхождения не упускали случая причинить неприятности лектору и провести параллель между английской политикой в Южной Африке и колониальной политикой Англии в Ирландии. Но все же значительный материальный результат был достигнут и в Америке, где, как выразилась американская газета, Черчилль «торговал вразнос страшными рассказами о своем побеге от буров, от которых волосы становились дыбом».

По возвращении из Америки и Канады Уинстон до конца января 1901 г. продолжает выступать с лекциями в Англии. В результате он собрал 10 тыс. ф. ст. и поместил их у банкира Эрнста Касселя, услугами которого пользовался еще его отец. Доходы с этой суммы должны были позволить Черчиллю всецело посвятить себя политической деятельности.

В январе 1901 г. умерла королева Виктория. Она занимала английский престол в течение 64 лет. Это были годы наивысшего расцвета капиталистической Англии. Сменивший Викторию король Эдуард VII вступил на престол в переломный момент, когда в Англии капитализм

перешел в империалистическую стадию своего развития. В это время Англия оставалась одной из самых богатых и могущественных в экономическом и политическом отношении стран. Однако тогда уже было ясно, что лучшие времена буржуазной Англии в прошлом, что «золотой» викторианский век английского капитализма закончился, а будущее представляется мрачным, неопределенным и, безусловно, полным труднейшей борьбы с быстро поднимающимися империалистическими противниками Англии. Изменялось и внутриполитическое положение Англии, трансформировалось соотношение классовых сил в стране: быстро возрастала роль рабочего класса и народных масс; в высших сферах английского общества уменьшалось влияние аристократии и соответственно возрастала роль буржуазных кругов. Все это сказывалось на расстановке сил в парламенте и в правительстве. В таких условиях Черчилль начал свою политическую карьеру.

3

ПЕРВЫЙ УСПЕХ ДОБЫВАЕТСЯ РЕНЕГАТСТВОМ

Возвращаясь с войны в Судане в 1898 г., Черчилль встретился на борту парохода с корреспондентом газеты «Дейли мейл» блестящим журналистом Дж. У. Стивенсом. Уинстон произвел на него сильное впечатление. Стивенс рассказал о Черчилле владельцу газеты Хармсворсу. Тот предложил: «Опиши-ка ты его как следует», что Стивенс и выполнил охотно. В результате в «Дейли мейл» появилась статья под названием «Самый молодой мужчина в Европе», в которой содержится проницательный анализ личности Уинстона того времени.

«По годам, — писал Стивенс, — он еще мальчишка, по темпераменту также, но по своим намерениям, по тщательно разработанным планам, целям, подбору средств для достижения этих целей он уже зрелый мужчина. Любой другой на его месте, будучи младшим офицером гусарского полка, был бы шумным, простым, чувствительным и пустоголовым мальчишкой. Но Черчилль — это мужчина с твердо определившимися намерениями, с намеченными действиями, которые должны быть предприняты для их осуществления, с точными, почти сверхъестественными суждениями об эффективности средств, которые должны привести его к цели... Уинстон Спенсер Черчилль, — продолжает Стивенс, — в свои 24 года очень мало знаком с работой правительства, парламента и с юридической деятельностью. Но он вращается в этих сферах с их центрами притяжения если не со знаниями, то с легкостью ветерана — государственного деятеля... Он может обладать или не обладать качествами будущего великого генерала, но, во всяком случае, они никогда не разовьются в нем должным образом, ибо над ними превалируют качества, которые могут сделать его в зависимости от его желания

или великим народным лидером, или великим журналистом, или владельцем крупнейшей рекламной фирмы». «Уинстон Черчилль, — пишет Стивенс, — даже на вид нескромен. Особенно в армии... его самоуверенность часто приводила к тому, что его обрывали. Но Уинстона Черчилля нельзя оборвать. Его самоуверенность непреодолима, хотя ни его возраст, ни здравый смысл, ни сами факты не дают для этого оснований... Он честолюбив и расчетлив. Он не столько рассчитывает, как сделать успешную карьеру... сколько занимается глубоким самоанализом, и этот самоанализ говорит ему, что он обладает даром и характером, которые сделают его фигуру сенсационной. Он не учился, как стать демагогом. Он рожден демагогом, и случилось так, что он знает это... В настоящее время он называет себя демократическим консерватором. Консерватизм, то есть убеждения, может измениться, демократизм как метод никогда не изменится, ибо его завтра лежит в XX веке».

Стивенс нарисовал в общем верный портрет Черчилля, каким он был за два года до избрания в парламент. Действия Черчилля впоследствии подтвердили справедливость оценок журналиста. Не рискуя ошибиться, можно утверждать, что черты, отмеченные Стивенсом у молодого Черчилля, в основном сохранились до конца его политической карьеры. Разумеется, под воздействием обстоятельств, времени, событий и опыта эти черты несколько видоизменялись, хотя в принципе оставались теми же.

Каковы же были убеждения молодого честолюбца, энергично начинавшего политическую карьеру на рубеже XIX и XX вв.? Ни в начале своей карьеры, ни в ее конце Черчилль не имел четко определенной и продуманной системы взглядов или установившегося мировоззрения. «Если бы Черчилля спросили, — пишет его биограф Мендельсон, — какие, по его мнению, следует произвести изменения в мире, что в нем надо переделать, он оказался бы в затруднительном положении и не смог бы их назвать... Короче говоря, он не имел мировоззрения. Он не имел продуманных взглядов, но у него были свои мнения. Он не имел определенной системы философских взглядов, но у него были некоторые идеи... Он был переполнен честолюбием и энергией, стремлением к действию, нетерпеливой решимостью продвинуться с периферии к центру событий».

Черчилль не отличался особенной религиозностью. Он уделял церкви лишь самое необходимое внимание и относился к ней с уважением как к одному из древних институтов государства, выгодных его классу. «Я, — пишет Черчилль, — в самом начале жизни принял систему взглядов, состоящую в том, что я верил в то, во что хотел верить, давая в то же время возможность разуму двигаться по тому пути, по которому он был в состоянии следовать. Меня не беспокоила несовместимость мыслить в одном направлении и верить в другом».

Не будем пытаться установить систему научных взглядов Черчилля на жизнь в широком смысле этого слова, ибо подобные попытки не могут увенчаться успехом. Дело в том, что Черчилль не имел достаточной подготовки для выработки такой системы взглядов. Его образование было крайне поверхностным, случайным и обрывочным. Он почти ничего не понимал в экономических и финансовых вопросах. Социальные проблемы оставались для него тайной за семью печатями, к раскрытию которой он и не стремился.

Всю жизнь Черчилль придерживался убеждения, что историю делают выдающиеся личности, герои. Из этой предпосылки он исходил и в политике, и при написании своих многочисленных книг. Себя он считал предназначенным судьбой играть именно такую выдающуюся роль. Этим убеждением отмечены его первые шаги в парламенте. Он был абсолютно уверен, что его призвание — править английским народом. Кроме Черчилля в то время в английском парламенте уже подвизался другой способный карьерист — Дэвид Ллойд Джордж. Один из биографов Черчилля пишет: если бы в то время Черчилля и Ллойд Джорджа спросили, зачем они пошли в парламент, то, будь они искренни, они бы ответили: «Чтобы стать министрами». А зачем стать министрами? Оба с уверенностью могли бы сказать: «Для того, чтобы стать премьер-министром». А зачем? Черчилль на этот вопрос ответил бы: «Для того, чтобы быть премьер-министром».

Но в 1901 г. до этого было еще очень и очень далеко. Пока Черчиллю предстояло сделать первый официальный шаг в парламенте, являющийся своеобразным крещением нового члена палаты общин. Он должен был произнести свою первую речь, так называемую «мейден спич». Будучи молодым человеком, Черчилль

слишком много говорил за столом, когда его приглашали в общество, и вызывал улыбки хозяев и гостей своим многословием и безапелляционностью суждений даже по тем вопросам, в которых вовсе не разбирался. Однако светский разговор за столом — одно, а первая речь в парламенте — совершенно другое. Она создает впечатление о начинающем политике. Здесь важны и форма изложения, и дикция, и, главное, содержание.

Черчилль, особенно в зрелом возрасте, был хорошим оратором. Правда, его речи зачастую были сильны не столько глубиной мысли и логикой, сколько эмоциональным воздействием на слушателей. Черчилль понимал, что ораторское искусство — необходимый элемент для успешной карьеры политического деятеля. Ему стоило громадных усилий достичь успехов в этой области. Прежде всего необходимо было преодолеть дефект речи, от которого он не смог окончательно избавиться до конца своей жизни: Черчилль не выговаривал букву «с». Поэтому приходилось строго и постоянно следить за своим произношением, выработав такие приемы, которые бы максимально скрывали врожденный дефект. Кроме этого ему нужно было научиться выступать и вести полемику без предварительной подготовки. По традициям английского парламента прения в нем должны вестись в форме даже не диалога, а непринужденной беседы. Разумеется, в английском парламенте основные выступления всегда готовятся заранее, но оратора часто перебивают репликами и вопросами. Искусный парламентарий должен обладать быстрой реакцией и немедленно и эффективно парировать попытки сбить его или поставить в затруднительное положение.

Справиться с этим Черчиллю в первые годы было трудно. Он тщательно готовил свои речи в письменном виде. Поскольку он не всегда мог предвидеть ход прений, ему приходилось делать несколько вариантов, чтобы быть готовым к различным поворотам в развитии дискуссии. В подготовке парламентских речей Черчилль обнаруживал величайшее усердие и трудолюбие. Всю свою политическую жизнь, даже тогда, когда он уже был премьер-министром и распоряжался огромным аппаратом чиновников, Черчилль писал свои речи сам. Более того, он делал это с большим тщанием,

интересом и удовольствием. Поскольку чтение речей по бумажке в английской палате общин считается дурным тоном, Черчиллю приходилось заучивать наизусть свои речи, зачастую в нескольких вариантах. Хотя он обладал великолепной памятью, это было нелегким делом. Его подстерегала опасность в ходе выступления спутать один вариант с другим. Как-то раз в первые годы парламентской деятельности Черчилль посреди своего выступления вдруг забыл дальнейший текст и вынужден был, не закончив, в смущении сесть на место. С тех пор, опасаясь подобных провалов памяти, во время выступлений он держал в руке полный текст своей речи. Утверждают, что к концу политической карьеры Черчилль перестал заучивать свои речи наизусть и приобрел навыки выступления экспромтом и ведения полемики по неожиданно возникающим вопросам без предварительной подготовки. Совершенно бесспорным, однако, является то, что до конца жизни он писал все свои основные выступления заранее и тщательно отрабатывал их форму и содержание.

Депутаты парламента еще хорошо помнили Рандольфа Черчилля и поэтому с интересом ожидали первого появления в палате его сына. Уинстон сел на место, которое занимал в палате его отец после ухода в отставку, — крайнее место над проходом, прямо позади передней скамьи. Один из депутатов парламента рассказывал, что «не прошло и пяти минут с момента появления в палате общин Уинстона Черчилля, как мы увидели, что он сидит развалившись, надвинув на лоб цилиндр, скрестив вытянутые ноги, глубоко засунув руки в карманы, и оглядывается вокруг так, будто бы он был не самым молодым, а старейшим депутатом».

В парламенте существует традиция, согласно которой новые депутаты выступают с речью не сразу, а по прошествии по меньшей мере месячного срока с момента появления в палате общин. Черчилля эта традиция не устраивала, он не хотел тратить время на ожидание и уже через четыре дня произнес свою первую речь.

Выступление было в общем удачным. Члены парламента встретили его тепло. Черчиллю аплодировали обе стороны палаты общин — и консерваторы, и либералы. Однако лидеры консерваторов хмурились. Речь

молодого консервативного депутата шла вразрез с официальной линией партии. Консерваторы выступали за доведение войны против буров до конца и за суровое обращение с ними. Черчилль же, сделавший темой своего первого выступления англо-бурскую войну — это было разумно, ибо немногие лучше него разбирались в том, что в то время происходило в Южной Африке, — высказался за сравнительно мягкое обращение с побежденными. Его речь была проникнута известной симпатией к бурам. «Ни один народ, — говорил он, — не получал так много выражений сочувствия на словах и так мало практической поддержки на деле, как буры».

Выслушав речь Черчилля, Джозеф Чемберлен сказал на ухо своему соседу: «Вот так выбрасываются на ветер парламентские места».

Выступление Уинстона в первой же речи против политики собственной партии объяснялось не просто смелостью молодого депутата. Это была дерзость, в данном случае явно рассчитанная дерзость. Уинстон тем самым как бы заявил, что пойдет по стопам своего отца. А тактика Рандольфа, как известно, состояла в том, чтобы нападками на лидеров собственной же партии заставить их откупиться от него, дав ему крупный пост в руководстве партией и правительстве.

Людям, недостаточно знакомым с традициями английского парламента и политическими нравами Англии, может показаться удивительным, почему Рандольф и Уинстон Черчилли так быстро выдвинулись и стали играть видную роль в парламенте. Они были, бесспорно, способными людьми, наделенными большой энергией, особенно Уинстон. Конечно, в английском парламенте были и другие люди с незаурядными способностями государственных деятелей. Но совершенно неправильно предполагать, что весь парламент или его большинство состояли из таких людей. В этом случае Рандольф и Уинстон, несмотря на свои способности и предприимчивость, могли бы ничего не добиться. Лорд Мильнер, один из крупных консервативных политических деятелей, в начале XX в. писал об английском парламенте, что «эта гнилая ассамблея в Вестминстере... состоит из людей, которые были избраны в парламент за их способность успешно руководить столичными трамваями или провинциальными пивными».

Возможно, здесь есть некоторое полемическое преувеличение, но в принципе Мильнер хорошо знал парламент.

Уинстон не только усвоил тактику своего отца в парламенте, но в значительной степени заимствовал и его лозунги. Он атаковал лидеров собственной партии с «левых» позиций. Разумеется, никаким «левым» он не был. В свое время Стивенс справедливо предположил, что, имея реакционные убеждения, Уинстон будет добиваться своих целей «демократическими методами», т. е. демагогически выступать якобы в интересах широких народных масс. Первое выступление Черчилля в палате общин по вопросу об англо-бурской войне было построено по этому принципу.

С этих же позиций Уинстон атаковал вскоре проект реорганизации английской армии, предложенный правительством. Военный министр Бродрик, исходя из опыта англо-бурской войны, внес в парламент от имени правительства законопроект, предусматривающий создание шести армейских корпусов, из которых три должны были находиться в состоянии полной готовности, с тем чтобы их можно было в любой момент отправить за пределы Англии. «Мы стали военной нацией, — заявил министр, — и мы должны попытаться в дальнейшем остаться таковой».

Это не было наивным предложением. В его пользу говорила активизация национально-освободительной борьбы в Британской империи, а также нарастание противоречий между Англией и Германией. Дело шло к большой войне. В области внешней политики консервативное правительство, предприняв неудачную попытку договориться с Германией и убедившись в ее нарастающей враждебности и нежелании идти на соглашение, развернуло активную деятельность по созданию союзов, направленных против Германии. В этих условиях вполне логичной была идея расширения и реорганизации английской армии в соответствии с меняющейся международной обстановкой. Черчилль повел атаку против законопроекта Бродрика. Он вспоминал впоследствии, что на подготовку речи по этому вопросу потратил шесть недель и выучил ее наизусть настолько хорошо, что мог произнести начиная с любого места и в любом порядке.

Для споров с Бродриком в том плане, в каком Черчилль задумал свою атаку, нужны были цифры. Он всегда с отвращением относился к цифрам и ко всему, что с ними связано (не считая, разумеется, личных доходов). Поэтому самостоятельно справиться с вычислениями, касающимися расходов на армию, Черчилль не мог. Он привлек для этой цели сэра Френсиса Мовата, который и снабжал его в то время, а также в дальнейшем соответствующими цифровыми данными, фактическим материалом и аргументами. Так в первые месяцы пребывания Черчилля в парламенте проявилась характерная черта его политической и государственной деятельности. На протяжении всей жизни он широко пользовался помощью сведущих людей для подготовки публичных выступлений и при работе над книгами. Именно в этом содержится ответ на недоуменные вопросы о том, как мог Черчилль написать за свою жизнь так много книг, статей и речей по самому широкому кругу проблем.

Молодой парламентарий выступил категорически против увеличения расходов на армию, предусмотренных планом Бродрика. Он дал понять, что экономия на расходах на армию должна быть обращена на улучшение положения трудящихся. Отметив, что Бродрик требует увеличения этих расходов в 2 раза, Черчилль воскликнул: «Неужели в стране исчезла нищета?» Он напомнил о том, что его отец в свое время также выступал против увеличения расходов на армию.

В своей кампании против реформы армии Черчилль преследовал ряд целей. Ему нужно было показать правительству, что он является серьезной фигурой и с ним надо считаться. Он стремился завоевать авторитет в массах, выступая в качестве поборника народных интересов, с целью увеличить свой вес в глазах лидеров партии. Наконец, его атака против Бродрика была своеобразной местью консерваторам за то, что они в свое время бесцеремонно выбросили за борт политического корабля его отца. Консервативный депутат парламента Артур Ли резко заметил Черчиллю: «Не надо смешивать сыновнюю преданность с общественным долгом. Не время и не место демонстрировать и пропагандировать традиции семьи».

Выступление Уинстона против реформы армии было

глубоко противоречивым. Уже в то время Черчилль проявил себя как агрессивный империалист. Он считал, что долгом Англии является подчинение колониальной империи. Во имя этого он участвовал в военных действиях на северо-западной границе Индии, в Судане, в Южной Африке. Предложение правительства о создании более мощной армии диктовалось также империалистическими соображениями. Следовательно, выступления Черчилля против этих предложений были совершенно лишены логики, если, разумеется, не принимать в расчет своеобразную логику карьеризма. Бродрик весьма удачно ему ответил: «Черчилль пришел в палату общин для того, чтобы проповедовать империализм, но он не готов нести бремя расходов, налагаемых проведением империалистической политики... Это наследственное желание вести дешевую империалистическую политику». Уинстон не смог ничего вразумительного ответить на подобное замечание.

Проект реформы армии в течение двух лет обсуждался в парламенте и за его пределами. Черчилль развил бурную активность. Свои речи по этому вопросу он издал в виде небольшой книжицы. Правительственное предложение было провалено. Разумеется, дело заключалось не в одном Черчилле. Сыграло свою роль и то, что буржуазное общественное мнение страны не понимало еще, что мощная армия может понадобиться Англии буквально через 10—12 лет. Очень сильна была вера в то, что она в состоянии с успехом защищать свои интересы силами одного военно-морского флота. Черчилль шумно пропагандировал эту идею. Будущее показало, что он был глубоко неправ, хотя его и считают знатоком всего, что связано с военно-морским флотом. И в первой и во второй мировых войнах одного флота оказалось совершенно недостаточно для достижения военных целей Англии. Английскому правительству пришлось уже в ходе военных действий развертывать массовые армии.

Выступления Уинстона против реформы армии лишний раз показали, что он принял политическую тактику и стратегию отца. Условия не позволяли ему создать по примеру отца собственную партию внутри консервативной партии. Но все же Уинстону удалось собрать вокруг себя группу единомышленников, со-

стоящую из подобных ему молодых честолюбцев. Одним из видных членов этой группы был лорд Хью Сесиль, младший сын премьер-министра. От его имени пошло название этой группы — «Хьюлиганс». Вскоре название трансформировалось, и сам Черчилль в автобиографии называет членов группы просто «хулиганы». К завоеванию подобной репутации участники группы упорно стремились.

Группа Черчилля часто организовывала встречи с видными деятелями различных партий, на которых обсуждались политические вопросы. В апреле 1902 г. «хулиганы» пригласили на обед Джозефа Чемберлена. «Великий Джо» приглашение принял, хотя и заметил хозяевам, что он «обедает в очень плохой компании». Прощаясь, он заявил: «Вы, молодые джентльмены, принимали меня по-королевски. И за это я сообщу вам один бесценный секрет. Тарифы! В этом суть политики будущего, и ближайшего будущего. Изучайте их как следует. Овладейте этим вопросом до конца. И вы не пожалеете о гостеприимстве, которое вы мне оказали».

15 мая 1903 г. Чемберлен выступил в своем избирательном округе в Бирмингаме с речью, получившей огромный резонанс в английской политической жизни. В это время Англия придерживалась свободы торговли, т. е. принципа, предусматривавшего невмешательство государства в экономическую жизнь страны, в свободную игру экономических сил. Этот принцип разделяли и консерваторы, и либералы. В период монопольного положения Англии в мировой экономике принцип фритреда был созвучен эпохе, отвечал существующим условиям и принес английскому капитализму большие выгоды. С утратой же Англией монопольного положения на мировых рынках и в области промышленности, с крайним обострением конкуренции с ее империалистическими противниками фритред уже перестал отвечать складывавшимся в мире новым условиям. Это понял Чемберлен, поняли и многие другие.

Конкуренты Англии, и прежде всего Германия и США, ограждали свой внутренний рынок и промышленность мощной стеной таможенных тарифов. Чемберлен предложил по их примеру создать таможенный союз, в который входили бы Англия и ее владения. Предлагалось оградить страны Британской империи от

проникновения товаров третьих стран таможенными тарифами, производимые же внутри Британской империи товары должны были пользоваться предпочтительными тарифными льготами — преференциями. Чемберлен утверждал, что эта система даст возможность английской экономике достичь нового, невиданного ранее расцвета.

Принятие этого предложения изменило бы коренным образом экономическую политику страны. Одним отраслям промышленности, прежде всего тяжелой промышленности, с которой был связан Джозеф Чемберлен, тарифы должны были принести немедленные выгоды. Легкая же промышленность и судостроение не могли получить от их введения никакого выигрыша. Торговые круги также не были уверены в пользе тарифов. Введение преференций повлекло бы за собой повышение цен на ввозимое в Англию продовольствие. Это означало, что жизненный уровень трудящихся понизился бы. Поэтому они были настроены против отказа от фритреда. Страна еще не созрела для принятия предложенной Чемберленом политики. Потребовалось почти три десятилетия, чтобы борьба внутри страны по вопросу о тарифах привела в конце концов к тому, что Англия отказалась от свободы торговли и перешла к протекционизму.

Выступление Джозефа Чемберлена мгновенно преобразило политическую жизнь страны. Отныне вопрос о тарифах на годы стал предметом горячих дискуссий в парламенте и в прессе. Расколовшиеся в связи с англо-бурской войной либералы мгновенно объединились, как только возникла угроза их кредо. Партия консерваторов и правительство раскололись на сторонников тарифов и их противников. Вначале этот раскол был не очень заметен, но с течением времени он становился все более и более явным. Если Джозеф Чемберлен выступал за тарифы, то премьер-министр Бальфур придерживался принципа свободы торговли. И тот и другой имели своих горячих сторонников.

Черчилль правильно оценил обстановку. Идея протекционизма имела много противников. Следовательно, выступая против нее, можно было причинить большие неприятности правительству, часть которого выступила за введение протекционизма, и заручиться поддержкой со стороны противников тарифов.

Уже через неделю после речи Чемберлена в Бирмингаме Черчилль выступил против него. Аргументы Уинстона были аргументами, которые выдвигала в защиту фритреда либеральная партия. Как это часто бывало с Черчиллем, в его выступлениях концы с концами не сходились. «Система свободной торговли и дешевого продовольствия, — говорил он, — дала возможность английскому народу из глубины нищеты и страданий подняться на первое место среди народов мира». Черчилль делал вид, будто не знает, что в это время Чарлз Бут и Сибом Раунтри провели обследование жизни английских трудящихся в ряде районов и неопровержимо доказали, что одна треть населения Англии находится на грани голода. Весьма вероятно, что он действительно не имел представления об этом в силу своего безразличия и даже антипатии к социальным проблемам. Это не мешало Черчиллю с непередаваемым апломбом утверждать, что условия существования английского народа великолепны. Здесь же, не смущаясь противоречием, он выступал за проведение социальных реформ. «Политика консервативной партии, — говорил он, — должна быть политикой империализма. Но не одностороннего империализма... Лорд Биконсфильд (Дизраэли. — *В. Т.*)... не пренебрегал великими вопросами социальных реформ. В его уме первое и главное место занимала судьба и процветание английского народа... Следуя этому примеру, мы наилучшим образом будем служить интересам партии и государства». Черчилль связал вопрос о тарифах с проблемой «демократического торизма», чтобы еще больше осложнить положение правительства.

А оно и без того было крайне трудным. Чемберлен, угрожая отставкой, требовал, чтобы Бальфур официально встал на позиции протекционизма. Сторонники свободы торговли в правительстве нажимали на Бальфура с другой стороны. 9 сентября 1903 г. и Чемберлен, и министры-фритредеры подали в отставку. Бальфур приступил к формированию нового кабинета. Для Уинстона наступил решительный момент.

И до Черчилля многие пытались делать карьеру путем систематической критики руководства собственной партии. Этот метод с разным успехом применяли и поныне применяют консерваторы, либералы и лейбористы.

В подобных случаях премьер-министр и лидер партии, если он имеет дело с действительно крупной политической фигурой, способной причинить серьезный вред правительству и партии своими нападками на них, оставаясь в рядах партии или совершив перебежку в лагерь политических противников, обычно применяет надежный метод успокоить такого бунтаря. Бунтарю дают пост в правительстве, и он, чтобы сохранить этот пост, из противника правительства мгновенно превращается в его защитника и придерживается принципа коллективной ответственности за действия правительства. Таким путем определенного успеха добился в свое время Рандольф Черчилль, сейчас этой тактике следовал его сын.

Если бы Бальфур при формировании нового правительства предложил Уинстону министерский пост, тот, вероятно, ухватился бы за это предложение так, как в свое время его отец за аналогичное предложение Солсбери. Однако Бальфур не хотел предоставить этот шанс Уинстону и, формируя правительство, прошел мимо него. Это объяснялось, конечно, не случайным недосмотром. Пренебрежение к Черчиллю было подчеркнуто предоставлением поста в правительстве Бонар Лоу — такому же молодому, но значительно менее яркому и энергичному начинающему консервативному политику.

После того как Бальфур не включил Черчилля в правительство и тем самым подчеркнул свое нежелание идти ему на уступки, Уинстон принимает решение совершить перебежку из консервативной партии в либеральную.

Джозеф Чемберлен считал, что Бальфур вполне мог утихомирить Черчилля традиционным способом. «Уинстон — умнейший из всех молодых людей, — говорил он. — И Артур допустил ошибку, позволив ему уйти». Это замечание убедительно свидетельствует о том, что Джозеф Чемберлен ни на минуту не сомневался в том, что уход Черчилля к либералам объяснялся не какими-либо принципиальными соображениями, а карьеризмом. Было бы несправедливо не отметить, что английская политическая жизнь знает довольно частые случаи подобных перебежек. В тех случаях, когда переход из одной партии в другую объясняется изменением во

взглядах того или иного деятеля, его вряд ли можно осуждать. Однако в данном случае, как бы Черчилль ни старался доказать обратное и как бы ему ни помогали в этом его биографы, ничего подобного не произошло. Он был консерватором-империалистом и таковым остался, перейдя к либералам.

Есть основания предполагать, что с первых дней пребывания в парламенте Черчилль понял, что подобная перебежка не исключается. Обстановка в руководящих кругах консервативной партии в то время была такова, что вряд ли можно было рассчитывать на быструю карьеру, оставаясь в ее рядах. А Черчилль отличался крайней нетерпеливостью. Осенью 1901 г., отдыхая в одном из поместий в Шотландии, он встретился с Сесилем Родсом, известным колониальным деятелем. Уинстон совершенно откровенно обсуждал с ним свое положение в консервативной партии. Как сообщает в своих воспоминаниях графиня Уорвик, «Черчилль хотел власти, а консервативная дорога к власти для молодого человека была блокирована Сесилями и другими молодыми консервативными деятелями. В то же время либеральный путь был открыт. Сесиль Родс высказался в пользу перехода Черчилля к либералам». Это единственно правильное объяснение перемены Черчиллем его политического фронта и обращения из консервативной веры в либеральную.

Уход Черчилля от консерваторов имел несколько стадий. В декабре 1903 г. он, как обычно, выступил с нападками на политику консерваторов и однажды закончил свою речь фразой: «Слава богу, у нас есть либеральная партия!» В марте 1904 г. он начал именовать себя «независимым консерватором». Его речи становились все более и более «левыми» и демагогическими. Однажды, когда Черчилль поднялся с места, чтобы выступить по вопросу о тарифах, бо́льшая часть сторонников правительства во главе с самим премьер-министром немедленно покинула палату. Зато его речь была тепло принята либералами, и особенно Дэвидом Ллойд Джорджем. В апреле 1904 г. Черчилль официально порвал отношения с консервативной партией. После этого полдюжины избирательных округов предложили ему выступить у них кандидатом в депутаты на следующих выборах в парламент в качестве независимого сто-

ронника свободной торговли. Но эти предложения не привлекали Черчилля.

«Это был путь для человека с принципами и твердыми убеждениями, — замечает один из биографов Черчилля. — Но это не был путь для выдвижения с целью получения постов и власти. Черчиллю было ясно, что он нуждается в механизме большой партии, если он хочет продвинуться куда-нибудь, и продвинуться быстро... Он должен был пройти весь путь до конца и вступить в либеральную партию».

В парламенте понимали, почему Черчилль ушел к либералам. Его поступок выглядел особенно одиозно еще и потому, что консервативная партия в то время переживала период разброда и представляла собой, по мнению многих, тонущий корабль. Вероятно, в то время Черчилль и получил прозвище Бленхеймская Крыса. Как свидетельствуют биографы, оно оказалось сравнительно мягким на фоне тех оскорбительных прозвищ, которыми его в изобилии награждали тогда.

Сэру Чарлзу Дилку Черчилль признался, что он не согласен с определенными аспектами либеральной политики. Поскольку признание было сделано после только что состоявшегося перехода в либеральный лагерь, Дилк заявил ему твердым тоном: «Тебе, Уинстон, надо более внимательно следить за собой. Крыса может покинуть тонущий корабль однажды, но она не может сделать это дважды. Если ты попытаешься проделать эту операцию во второй раз, с тобой будет покончено». Дилк ошибся. Через 20 лет Черчилль смог совершить невозможное: он вторично покинул тонущий корабль (на этот раз либеральный) и в общем удачно выплыл у консерваторов.

Порвав с консерваторами, Черчилль приступил к изложению своей новой политической программы. В его выступлениях прослеживаются две линии. Прежде всего он всячески поносил консервативную партию и доказывал, что она враждебна интересам народа. Черчилль, конечно, прекрасно знал, что такое консервативная партия, и в пылу полемики сказал много правильного. В речи от 16 мая 1904 г., произнесенной в Манчестере, он назвал консервативную партию «мощной федерацией», действующей в интересах крупного капитала. Пребывание этой партии у власти означает тиранию партийной машины, «коррупцию внутри страны и агрессию вовне с

целью прикрытия этой коррупции». Консервативная политика — это «дорогое продовольствие для миллионов и дешевая рабочая сила для миллионеров». Оценив таким образом деятельность консерваторов, Черчилль извлек из-под кафедры, с которой выступал, небольшой кусок хлеба (примерно в три четверти фунта) и, размахивая им, заявил: «Такой кусок вы будете получать, когда будет осуществлена торговая политика консерваторов». После этого он вытащил значительно больший кусок (фунта в два) и заявил: «Такой кусок вы будете получать, если будет сохранена свобода торговли».

Одновременно Черчилль выступал с неопределенными утверждениями о необходимости крупных социальных реформ и улучшения жизни народа. «Мы должны совершенно ясно заявить относительно больших и неотложных социальных вопросов, — говорил он, — что там, где личные привилегии вступают в противоречие с общественными интересами, эти интересы должны преобладать... Мы должны двигаться вперед к лучшему, более справедливо организованному обществу... которое будет представлять собой новую, сияющую, благородную эпоху».

Вскоре после этого выступления он переместился в палате общин со скамей консерваторов на скамьи либералов, где сел рядом с Ллойд Джорджем. В дальнейшем они стали большими друзьями. Во всяком случае так уверяет сам Черчилль. В 1904 г. в своих выступлениях он называл Ллойд Джорджа «лучшим боевым генералом либеральной армии». У либералов в те годы была группа выдающихся политических деятелей, таких как Асквит, Морли, Грей, Холдейн и некоторые другие. Поэтому они не очень нуждались в привлечении способных политиков со стороны. Некоторые из них весьма скептически относились к переходу Черчилля в их ряды. Однако он был малочувствителен к подобным вещам и вместе с Ллойд Джорджем принялся энергично нападать на консервативное правительство. Оба держали себя так, что ни у кого не оставалось сомнений: они заявляют претензии на министерские посты в самом ближайшем будущем.

Вскоре они действительно получили эти посты. Консервативное правительство было парализовано внутренней борьбой по вопросу о внешнеторговой политике. Чемберлен ультимативно потребовал от Бальфура роспуска парламента и проведения новых выборов, с тем чтобы

в ходе их определилось отношение избирателей к вопросу о введении протекционизма. Оттягивать решение дальше было невозможно, и Бальфур решил применить маневр. 4 декабря 1905 г. он подал в отставку. Расчет сводился к тому, что теперь либералы должны будут сформировать правительство, не имеющее большинства в парламенте. Такое правительство провалилось бы немедленно. В пользу этого предположения говорило отсутствие единства в рядах либералов. Однако расчет Бальфура оказался неверным. Он преувеличивал расхождения в руководстве либеральной партии. Лидер либералов Кэмпбелл Баннерман 5 декабря 1905 г. сформировал правительство и сразу же распустил парламент, назначив следующие выборы на январь 1906 г. Отставка Бальфура подвела черту под десятилетним пребыванием консерваторов у власти. В течение следующих 10 лет Англией правили либеральные правительства, а в течение 17 лет она имела либеральных премьер-министров. Таким образом, Черчилль, перебежав к либералам, не просчитался.

Кэмпбелл Баннерман происходил из семьи крупных торговцев из Глазго, придерживавшейся консервативных убеждений. Однако политическую карьеру он делал в рядах либералов и в 1899 г. стал лидером либеральной партии. В его правительстве были широко представлены либералы-империалисты, весьма близкие по своим убеждениям к консерваторам, и радикалы, занимавшие более прогрессивные позиции. Министерство иностранных дел было поручено Эдварду Грею. Асквит стал министром финансов и, следовательно, наследником премьер-министра. Ллойд Джордж, которому в то время был 41 год, получил министерство торговли.

Черчилля на этот раз не обошли. Ему вначале предложили пост заместителя министра финансов. Это был видный пост, и, приняв его, Черчилль стал бы правой рукой Асквита и его заместителем в палате общин. Среди младших министров это был самый важный пост. Его обладателю полагалось жалованье в 5 тыс. ф. ст. в год, что было значительно больше жалованья обычных заместителей министров. Пребывание на этом посту открывало определенные перспективы попасть в состав кабинета при следующих изменениях в правительстве.

Несмотря на все это, Черчилль отказался от столь лестного предложения и попросил сделать его заместите-

лем министра по делам колоний. В ответ на поздравление с назначением он писал своему старому учителю из Хэрроу: «Эта должность не из самых ответственных, но она таит в себе определенные возможности — как полного провала, так и крупного успеха».

Министерство колоний действительно открывало возможности для широкого проявления инициативы, самостоятельности и энергии. Прямой начальник Черчилля министр колоний лорд Элджин слабо ориентировался в колониальных проблемах и к тому же заседал в палате лордов. Следовательно, в палате общин министерство колоний представлял Черчилль, который к тому времени был уже известен как один из самых блестящих ораторов своего времени.

«Когда я брал Черчилля в заместители, — писал позднее Элджин, — я знал, что мне придется нелегко». Динамичный, переполненный идеями, Черчилль в самом деле доставлял ему много хлопот. Один из сотрудников министерства вспоминал, что он, как правило, по получасу убеждал министра принять его мнение по тому или иному вопросу, расхаживая взад и вперед по комнате и не давая своему патрону вставить ни слова. Элджин терпеливо дожидался, пока его заместитель выдохнется, затем лаконично объявлял: «Я не согласен с вами, и я не сделаю этого», и ничто уже не могло сдвинуть его с занятой позиции. Как-то Черчилль составил для своего патрона обширную памятную записку по одному вопросу, содержавшую подробную аргументацию и заканчивавшуюся фразой: «Таково мое мнение». Вместо резолюции Элджин приписал к этим словам: «Но не мое». Не только начальству, но и подчиненным не просто было сработаться с Черчиллем. Они считали, что он слишком молод, чтобы иметь столь властный характер. Не нравилась им и его манера перестраивать по-своему тщательно готовившиеся для него материалы к парламентским дебатам. Но едва ли Черчилль заслуживал здесь порицания. Как замечает Г. Пеллинг, это было бы проявлением малодушия, лени или политической пассивности, если бы такой талантливый журналист допускал, чтобы чиновники средней руки определяли стиль его публичных выступлений.

По английским традициям министры и их заместители имеют в своем распоряжении личного секретаря, который является помощником министра и готовит для него

различные материалы. Это далеко не технический пост. В качестве своего личного секретаря Черчилль пригласил Эдварда Марша. Марш совершенно не походил на своего патрона. Высокий, худой, с неизменным моноклем и тонким писклявым голосом (последствие перенесенной в детстве тяжелой болезни), Марш был прекрасно образованным человеком и принадлежал к группе «интеллектуалов». Это был сноб, денди, глубоко знавший искусство, литературу, редактировавший поэтические произведения. Марш оставался личным секретарем Черчилля до 1929 г., переходя вместе с ним из одного министерства в другое. Когда официальные связи между ними прекратились, Черчилль позаботился о том, чтобы это не отразилось на их личных отношениях. Тонкий стилист, обладавший большим литературным вкусом, Марш читал и правил верстки всех книг Черчилля, значительно улучшая их литературный стиль. Это сотрудничество прекратилось лишь в 1953 г., со смертью Марша.

Отношения с Маршем — еще одно свидетельство того, что Черчилль умел собирать вокруг себя и использовать людей, обладавших знаниями и качествами, которые у него самого отсутствовали. В 1903 г., беседуя с Беатрисой Вебб, известной исследовательницей английского рабочего движения и социальных проблем, Черчилль сказал ей: «Я никогда не делаю ту умственную работу, которую может сделать для меня кто-либо другой». По поводу этого замечания Беатриса Вебб записала в своем дневнике, что Черчилль обладает в большей мере «организационными способностями, чем мыслительными».

В то время появилась первая биография Уинстона Черчилля, написанная Маккалумом Скоттом. Эта небольшая книжка открыла серию многочисленных исследований, посвященных Черчиллю. В течение последующих 50 лет только в Англии о Черчилле было написано и опубликовано более 40 книг. Примерно каждые 15 месяцев появлялась новая книга о Черчилле. Интерес к Черчиллю распространился и на другие страны, где также было издано много книг о нем.

В июле 1902 г. Уинстон приступил к работе над биографией своего отца. Это был новый для него тип книги, таких он еще никогда не писал. Сидя за письменным столом отца, окруженный тщательно собранными материалами о его жизни, воспоминаниями современников, их пись-

мами, Уинстон погрузился в мир, где действовал Рандольф Черчилль. Работа была закончена в ноябре 1905 г. Уинстон трудился над этой книгой больше, чем над какой-либо другой из написанных им ранее. Говорят, что он писал ее даже на заседаниях парламента, когда речи ораторов были неинтересны.

Биография Рандольфа Черчилля была опубликована в двух томах и увидела свет в январе 1906 г. Эта книга — свидетельство писательской зрелости Уинстона. Если до этого, несмотря на изданные шесть томов, Черчилль все же считался дилетантом, то теперь он получил признание со стороны литературных кругов. Впоследствии сложилось так, что новую книгу Черчилль смог выпустить лишь через 20 лет. Биография отца принесла ему примерно 8 тыс. ф. ст. Это составляло весьма значительную сумму, которую он поместил, как и предыдущие свои доходы, в банк Эрнста Касселя.

Первым крупным вопросом, с которым Черчилль столкнулся в министерстве колоний, был вопрос о дальнейшей судьбе бывших бурских республик. По мирному договору, подписанному еще консервативным правительством с побежденными бурами 31 мая 1902 г., Трансвааль и Оранжевое Свободное государство были аннексированы Англией и включены в состав ее колониальной империи. Однако это не могло быть окончательным решением. В Англии многие понимали, что оставить эти территории на положении рядовых колоний — значит вскоре вызвать новую вспышку вооруженного сопротивления. К тому же либералы, находясь в оппозиции, усердно критиковали политику консерваторов по этому вопросу и тем самым как бы обязались, придя к власти, дать свое решение проблемы.

Раздавив вооруженное сопротивление буров, английское правительство проявило заботу о восстановлении экономики захваченных территорий. Такая забота объяснялась тем, что английские промышленники были крайне заинтересованы в развитии добычи золота и алмазов в Южной Африке, которая приносила им огромные прибыли. Чтобы обеспечить необходимую рабочую силу, начали контрактовать рабочих в Китае и ввозить их в Южную Африку. Здесь китайские рабочие попадали в рабские условия существования. Организатором использования «китайского рабского труда» был лорд Мильнер, управлявший

захваченными территориями. К моменту выборов 1906 г. в Южной Африке насчитывалось примерно 50 тыс. китайских кули. Многие тысячи были завербованы дополнительно и находились на пути в Африку.

На выборах либералы вовсю попрекали консерваторов «китайским рабским трудом». Но, придя к власти, они не обнаружили большого желания отказаться от его применения. Теперь роли поменялись. Политические противники либералов обвиняли их в том, что они продолжают политику применения рабского труда. Черчиллю пришлось изворачиваться, выступая в палате общин от имени министерства колоний. Когда его впрямую спросили, можно ли назвать рабством применение в Южной Африке законтрактованных в Китае рабочих, он попытался напустить туману, ответив, что этот порядок «не может быть классифицирован как рабство... без риска допустить терминологическую неточность».

В 1906 г. английское правительство решило предоставить завоеванным бурским республикам самоуправление в рамках Британской империи. Внести и провести через палату общин соответствующий законопроект было поручено Уинстону Черчиллю. Английские политики и историки настойчиво уверяют, будто Англия проявила величайшее благородство, предоставив бурам самоуправление. В действительности никаких оснований для этого нет.

До захвата бурских территорий Англией буры пользовались независимостью. Англия силой лишила их этой независимости, включила в состав своей колониальной империи и затем предоставила им некоторую степень самоуправления. Территории были захвачены, чтобы их эксплуатировать, а для этого требовалось заручиться сотрудничеством буров. Предоставление им самоуправления было минимальной платой за такое сотрудничество. Наконец, нужно было создать условия, благоприятные для притока на завоеванные территории английских капиталов, предпринимательской инициативы и рабочей силы. Черчилль писал королю, что переход «от положения колонии к ответственному правительству был полезен для английской эмиграции».

В результате переговоров между английским правительством и бурами парламент в 1909 г. принял акт, которым создавался Южно-Африканский Союз в составе

четырех провинций. Акт вступил в силу 31 мая 1910 г. Южная Африка стала самоуправляющейся колонией — доминионом в системе Британской империи. Ранее этот статус получили Канада (1867 г.), Австралия (1901 г.) и Новая Зеландия (1907 г.)

Сделка с лидерами буров была заключена за счет интересов местного негритянского населения, составлявшего подавляющее большинство жителей Южной Африки. Оно не получило никаких прав. Буры управляли местным населением диктаторскими методами и безжалостно его эксплуатировали. Английские либералы оказались на стороне буров, против местного населения. Аборигены очень скоро это поняли и в 1912 г. образовали свою организацию — Африканский национальный конгресс для борьбы за завоевание политических прав.

В январе 1906 г. проходили парламентские выборы, принесшие победу либералам. Черчилль выставил свою кандидатуру в Манчестере. Однажды, гуляя с Маршем по этому промышленному городу, Черчилль забрел в рабочие кварталы. «Представьте себе, — говорил он, — что вы живете на одной из этих улиц. Это значит, что вы никогда не видите ничего красивого, никогда не едите ничего вкусного и никогда не разговариваете ни о чем умном». Его не трогали судьбы людей, живущих в трущобах, но ему нужны были их голоса на выборах. Избирательная кампания шла под лозунгом «Свободная торговля против протекционизма», и Черчилль, казалось, имел шансы на успех, ибо Манчестер всегда был оплотом фритреда.

Немалое значение имело и другое обстоятельство. В 1902 г. правительство Солсбери создало королевскую комиссию по вопросам иммиграции в Англию. Когда в августе 1903 г. комиссия представила доклад, имевший четко выраженный антисемитский аспект, Черчилль выступил против ряда положений доклада. После этого к нему обратился с письмом Натан Ласки, президент еврейской конгрегации в Манчестере. Ответное послание Черчилля было проникнуто сочувствием к организации, представляемой Ласки. Он не возражал, чтобы его ответ опубликовали в печати. Выступления Черчилля против доклада королевской комиссии снискали ему симпатии со стороны еврейской общины Манчестера, где она пользовалась большим влиянием. В декабре 1905 г. Черчилль высту-

нил в Манчестере на митинге протеста против еврейских погромов в России.

Став заместителем министра колоний, Уинстон Черчилль укрепил свои связи с Натаном Ласки и его друзьями в Манчестере. Он с симпатией отзывался об их идее создания национального еврейского очага в одной из африканских колоний Англии. Поэтому, когда Черчилль прибыл в Манчестер в связи с парламентскими выборами, Ласки пригласил Черчилля остановиться в его доме в качестве почетного гостя. В ходе избирательной кампании поддержка еврейской общины оказалась для Черчилля весьма полезной. «Теперь, — пишет один из его биографов, — Черчилль более, чем когда-либо, был их человеком. Ласки председательствовал на всееврейском митинге, созванном для поддержки Черчилля, и самым определенным образом заявил, что не должно быть никаких сомнений на этот счет: «Любой еврей, который голосует против Уинстона Черчилля, является предателем общего дела еврейства»».

Положение Черчилля на этих выборах было трудным. Политические противники искусно использовали для дискредитации кандидата его перебежку от консерваторов к либералам. На митингах приводили многочисленные выдержки из его прежних речей, в которых он со свойственным ему темпераментом и бесцеремонностью поносил либеральную партию и восхвалял консерваторов. Зачитывая эти выдержки, у него требовали ответа, как их понимать. Черчилль как мог пытался парировать эти атаки. Он заявлял, что во время пребывания в консервативной партии наговорил много неумных вещей, но, поняв, что консерваторы являются «глупой партией», покинул их ряды.

Ярлык ренегата висел на Черчилле и очень его беспокоил. На обвинения в ренегатстве Черчилль отвечал: «Да, совершенно верно, я когда-то был консерватором. Я душой и сердцем принадлежал этой партии. Но тогда я не знал, как консервативная партия обошлась с Рандольфом Черчиллем. Я еще не изучил в то время его документы».

В Манчестере Черчилль совершенно неожиданно встретился с новым противником. В то время в Англии широко развернулось движение суфражисток — борьба женщин за предоставление им избирательных прав.

В Манчестере это движение возглавляли Эммелина Панкхерст и две ее энергичные дочери — Кристабел и Сильвия. На митинге, где выступал Черчилль, суфражистки потребовали, чтобы он дал твердое обещание после избрания в парламент выступать там за предоставление женщинам избирательных прав. Черчилль вначале не оценил всей серьезности этого требования и уклонился от ответа, в результате чего стал объектом преследования со стороны суфражисток на всех митингах во время избирательной кампании. Они вызывали у Черчилля страшное раздражение, перешедшее впоследствии в устойчивую ненависть.

Лозунг свободной торговли помог Черчиллю одержать победу на выборах в Манчестере. Он прошел в парламент большинством в 1241 голос. Либералы провели в новую палату общин 400 депутатов и получили в ней значительное большинство по сравнению со всеми остальными партиями, вместе взятыми. Консерваторы смогли получить лишь 157 мест.

Разгром консерваторов и убедительная победа либералов не были единственной чертой, отличавшей эти выборы от предшествующих. Выборы 1906 г. отмечались также тем, что лейбористы смогли получить в новом парламенте 30 мест. Большинство из них было проведено в парламент созданным в 1900 г. Комитетом рабочего представительства. Успех лейбористов на выборах свидетельствовал о том, что английский рабочий класс выходит на арену политической борьбы как самостоятельная сила. Это был наглядный результат быстрой активизации рабочего движения в Англии, приобретавшего все более и более политический характер. Сильное воздействие на английское рабочее движение в это время оказала революция 1905 г. в России. Бальфур как-то заметил, что успех лейбористов на парламентских выборах 1906 г. был «отголоском того движения, которое привело к побоищу в Санкт-Петербурге». Он имел в виду события 9 января.

Успех лейбористов в значительной степени объяснялся поддержкой, которую они получили со стороны либералов. И ранее представители английских рабочих избирались, правда в очень небольшом числе, в парламент. Они, как правило, выступали там в качестве попутчиков либеральной партии. Теперь события развивались таким образом, что вскоре английский рабочий класс должен

был создать свою собственную политическую партию, представляющую его в парламенте. Либералы это великолепно понимали. Они прилагали огромные усилия к тому, чтобы сразу же подчинить будущую партию своему влиянию и получить в ее лице мощного союзника в палате общин. Поэтому они помогли Комитету рабочего представительства провести в парламент его кандидатов на выборах 1906 г.

Секретарь комитета Рамзей Макдональд вступил в 1903 г. в секретную сделку с одним из лидеров либералов — Гербертом Гладстоном. Либералы обещали поддержать в 35 избирательных округах кандидатов, выставленных Комитетом рабочего представительства. Взамен Макдональд обещал либералам поддержку комитета в некоторых других избирательных округах. Эта сделка ставила молодую лейбористскую партию в известную зависимость от либералов. Она свидетельствовала о беспринципности лейбористских вождей и об их близости либералам. Пакт 1903 г., который долго скрывался от общественности, действовал до 1914 г. и, как замечает один из биографов Черчилля, «довольно основательно загрузил лейбористский корабль либеральным балластом».

Преобразование Комитета рабочего представительства в лейбористскую партию и появление в парламенте довольно внушительной лейбористской фракции свидетельствовало о том, что внутриполитическая обстановка в стране коренным образом меняется. В Англии многие рассматривали новую партию как партию социалистическую по аналогии с социал-демократическими партиями других стран Европы. В европейских странах социалистическое движение бурно развивалось, а в России разразилась революция 1905 г. В Англии к этому времени действовали различные социалистические организации и общества. Как ко всему этому относиться? Таков был вопрос, вставший перед Черчиллем.

Его секретарь Марш был несколько удивлен, когда в августе 1906 г. Черчилль, отдыхавший в Швейцарии, попросил его прислать текст речи французского министра внутренних дел Клемансо против социализма.

В октябре 1906 г. Черчилль выступил в Глазго с речью, в которой сформулировал свое отношение к социализму. Черчилль утверждал, что рабочему классу Англии не нужно иметь свою политическую партию, а

его интересы должны выражать и представлять тред-юнионы. «Труд! Это великое слово, — говорил Черчилль. — Кто имеет право говорить от имени труда? Я склонен считать, что тред-юнионы более, чем какая-либо другая организация, должны считаться ответственными за это и направлять представителей труда в палату общин». Нелишне напомнить здесь, что представители профсоюзов в парламенте в то время примыкали к либералам, а лейбористская фракция пыталась действовать в известной мере самостоятельно.

Оратор настаивал, что рабочему классу незачем иметь свое организованное представительство в парламенте, что рабочих в палате общин достойно представляют либералы. Более того, самостоятельное представительство рабочего класса в парламенте может быть лишь вредно для него самого. Черчилль призывал рабочий класс доверить заботу о его политических и иных интересах либералам, т. е. партии английской буржуазии. Этот призыв отказаться от самостоятельного рабочего представительства в парламенте был по существу призывом к отказу от ведения самостоятельной политической борьбы.

Черчилль, конечно, понимал, что в рядах рабочего класса найдется большое количество людей, которые предпочтут пойти по пути самостоятельной борьбы за свои интересы и будут вести ее революционными методами. Он не оставил у своих слушателей никаких сомнений в том, что его отношение к революционному движению является безоговорочно отрицательным и враждебным. «Любое движение, связанное с насилием, — заявил Черчилль, — неизбежно встретит подавляющее сопротивление... которое уничтожит подобное движение». Заняв в 1906 г. такую позицию в отношении революционного движения, он никогда не менял ее до конца своей жизни.

В своей речи в Глазго Черчилль заявил, что он не видит необходимости «втягиваться в дискуссию о философских различиях между социализмом и либерализмом». Ничего удивительного! Он был не подготовлен к тому, чтобы вести борьбу с идеями социализма в теоретической области. Он никогда не читал Маркса, да и вряд ли знакомился с популярными работами по марксизму.

Черчилль не вполне понимал разницу между революционным социализмом и оппортунизмом английских лейбористов и поэтому, говоря о социалистах, часто сме-

шивал одно с другим. Он сводил доктрину социализма к коллективизму, а доктрину либерализма — к индивидуализму и упорно доказывал, что между индивидуализмом и коллективизмом никакой принципиальной разницы нет, что различие между ними выдумали социалисты и что на самом деле индивидуализм либералов и коллективизм социалистов в повседневной жизни находятся в тесном единении. «Освещая наши улицы и организуя водоснабжение, — говорил Черчилль в Глазго, — мы действуем коллективно. Но когда дело касается любви к женщине, мы не действуем коллективными методами, и женщины не выходят за нас замуж коллективно».

Идеи, которые Черчилль развивал тогда, были в значительной степени навеяны теоретиками английского лейборизма, действовавшими в начале XX в., и прежде всего супругами Вебб. С Сиднеем и Беатрисой Вебб Черчилль был знаком, но близко не сошелся. У него никогда не лежала душа к проблемам, исследованию которых Сидней и Беатриса посвятили свою жизнь. Черчилль заимствовал мысли как у Веббов, так и из соответствующей литературы, которая в то время была в ходу. Его ближайший друг консерватор Ф. Е. Смит однажды заявил в палате общин: «Социалистам лучше не приветствовать имя Черчилля, ибо в конце концов он, весьма вероятно, сопрет их одежду, когда они начнут купаться, если они вообще купаются, в чем я весьма сомневаюсь». Выступление Черчилля в Глазго полностью подтверждает слова Ф. Е. Смита. Черчилль действительно бесцеремонно напяливал на себя одежды английских лейбористов. Признавая, что монополизация направлена против интересов трудящихся, Черчилль ратовал за вмешательство государства в экономическую жизнь, установление его контроля над ней. Он высказывался за то, чтобы государство предприняло попытку вмешательства в использование рабочей силы, выступая в качестве запасного работодателя, за передачу железных дорог в распоряжение государства, за то, чтобы социальное обеспечение стало предметом заботы государства.

Был ли Черчилль искренним, выступая в Глазго с этими предложениями? Безусловно, нет. Даже благосклонные к нему биографы считают, что проповедовавшиеся им в Глазго идеи не отвечали ни его собственным убеждениям, ни убеждениям его отца.

За очень небольшой срок Черчилль проявил себя как энергичный младший министр, весьма работоспособный и инициативный. Сильные мира сего начинали понимать, что Уинстон, если ему дать власть, будет усердно служить интересам капиталистической Англии, ибо реализация его личных честолюбивых замыслов теснейшим образом связана с благополучием английского империалистического государства. Один из приближенных короля Эдуарда VII писал Черчиллю 15 августа 1906 г.: «Его величество рад отметить, что вы становитесь надежным министром и, сверх того, серьезным политическим деятелем, что может быть достигнуто только в том случае, если вы будете ставить интересы государства выше партийных соображений». В мае 1907 г. последовало официальное признание заслуг Черчилля. Он был сделан тайным советником, что не часто случалось с деятелями в возрасте 32 лет, занимавшими пост заместителя министра. С этого момента Черчилль получил право ставить после своей фамилии кроме букв «М. Р.» (член парламента) буквы «Р. С.» (тайный советник). Теперь, выступая в парламенте, его коллеги должны были адресоваться к нему как к «достопочтенному джентльмену».

В это время Черчилль начинает интересоваться военными вопросами. И недаром. Война была не за горами. Отношения между великими державами все более ухудшались. Завершилась расстановка сил перед первой мировой войной. В 1907 г. Англия наконец достигла соглашения с Россией, которым была достроена Антанта — военный союз, направленный против Германии и ее партнеров. Военная область всегда притягивала Черчилля. Он был убежден, что в случае войны военно-морской флот явится главным оружием Англии. В 1907 г. у него завязались тесные отношения с адмиралом Фишером, который в то время осуществлял реорганизацию английского флота. Если ранее флот строился таким образом, чтобы действовать на океанских просторах, базируясь на гавани в колониальных владениях, то теперь он должен был концентрироваться в европейских водах. Тем самым флот нацеливался против Германии. Относительно мелкие суда, пригодные лишь для выполнения «полицейских функций» в колониях, заменялись мощными кораблями, способными действовать против германского флота. Фишер вводит в состав английского флота мощные корабли, известные

под названием дредноутов и вооруженные артиллерией калибром 13,5 дюйма. Общение с Фишером дало Черчиллю возможность быть подробно осведомленным о состоянии и перспективах развития английского военно-морского флота.

Первые и весьма внушительные успехи на политическом поприще укрепили убеждение Черчилля в том, что ему предназначено судьбой великое будущее. В те годы у него повышается интерес к личности Наполеона, которым он никогда не переставал восхищаться. Направляясь в длительную поездку по африканским владениям Англии в 1907 г., Черчилль берет с собой большую пачку литературы о Наполеоне и занимается ее изучением. Кстати сказать, несмотря на свое положение министра, Черчилль договаривается с либеральным журналом «Стрэнд мэгэзин» о том, что будет посылать в журнал путевые очерки. Условились и о гонораре — 150 ф. ст. за очерк.

Один из друзей Черчилля, Мастерман, издатель ряда газет, вспоминает, что перед отъездом в Африку он пришел в редакцию, чтобы закончить статью под названием «Партия, лежащая в развалинах». Мастерман сообщает, что Черчилль заключил статью фразой: «Где найти такого государственного деятеля, который отвечал бы требованиям, предъявляемым временем?» Уинстон ожидал, что читатель даст на этот вопрос единственно возможный ответ, назвав его самого.

Случай помог Черчиллю сделать следующий шаг на пути к власти. Премьер-министр Кэмпбелл Баннерман был серьезно болен, и в конце 1907 г. стало ясно, что дни его сочтены. Это означало, что появится новый премьер-министр и произойдет реорганизация правительства. Черчилль намерен был добиваться, чтобы его сделали членом кабинета. В Англии правительство состоит из министров двух рангов. Министры — члены кабинета составляют узкую группу, представляющую собой собственно правительство. Им и принадлежит вся полнота власти. Рядовые министры, или министры второго ранга, возглавляют соответствующие департаменты, но не входят в состав кабинета. Их роль и влияние далеко не столь значительны.

Кэмпбеллу Баннерману было известно, что Черчилль стремится попасть в состав кабинета. Но премьер-

министр и слышать об этом не хотел. Он терпеть не мог «торопящихся молодых людей». Король также знал о стремлении Черчилля, но он считал, что тот должен подождать, пока освободится место министра первого ранга.

В апреле 1908 г. Кэмпбелл Баннерман подал в отставку. Премьер-министром стал Асквит, сформировавший правительство по своему усмотрению. Он предложил Черчиллю пост военно-морского министра. Взвесив все «за» и «против», тот предпочел отказаться. Когда начнется война, пока оставалось неясным, и адмиралтейство не сулило больших возможностей для нетерпеливой и динамичной натуры Черчилля. Тогда Асквит предложил ему министерство местного самоуправления. Здесь можно было многое сделать в области социальных проблем. Но Черчилля эти проблемы никогда не увлекали, и он уклонился от этого предложения. Черчилль решил принять пост министра торговли, несмотря на то что этот пост котировался не очень высоко. Его не смутило, что министр торговли получал 2 тыс. ф. ст. в год, тогда как многие другие министры — 5 тыс. ф. ст. Определяющим было то, что министр торговли получал место в составе кабинета. Кроме того, министерство торговли могло явиться хорошим трамплином для нового прыжка вверх.

Со времен Кромвеля существовало правило, по которому министр, возведенный в ранг члена кабинета, должен был выступить вновь на выборах в парламент и получить подтверждение своего парламентского мандата. Поэтому Черчиллю пришлось провести трудную внеочередную избирательную кампанию.

Условия для него в этой кампании сложились весьма неблагоприятно. Либеральная партия почти ничего не выполнила из своих обещаний, данных избирателям во время прошлых выборов. Это в общем-то обычное явление для английской политической жизни, однако положение либералов осложнялось тем, что цены росли и, следовательно, падала реальная заработная плата трудящихся. В дополнение к этому ухудшалось положение фунта стерлингов в связи с обострившейся конкуренцией со стороны американской и германской тяжелой промышленности и японского судоходства. Покупательная способность фунта медленно, но неуклонно падала. В 1908 г. английский рабочий жил значительно хуже, чем в 1900 г., а либеральное правительство как бы не замечало этого. Росло па-

пряжение в отношениях между профсоюзами и предпринимателями. Обострялись классовые противоречия в стране.

Как и на предыдущих выборах, активную деятельность развернули суфражистки. Они требовали от Черчилля обязательства выступить за предоставление женщинам избирательных прав. Он отделывался от них туманными заявлениями вроде «Надейтесь на меня, женщины».

На выборах в Манчестере Черчилль провалился. Когда были объявлены результаты, одна из суфражисток схватила его за руку и крикнула: «Это работа женщин». Черчилль, страшно разозленный, ответил ей грубостью. Дело, однако, было не только и не столько в энергичных поборницах женского равноправия, травивших не угодного им кандидата. На нем все еще лежало довольно свежее клеймо ренегата и перебежчика. Консерваторы ненавидели его и считали изменником своему классу. Консервативная пресса, которая раньше с удовольствием печатала статьи Черчилля, теперь выступала резко против него. Провал на выборах, как считают его биографы, был вызван в значительной степени тем, что консерваторам удалось изобразить Черчилля человеком ненадежным и лишенным каких бы то ни было принципов.

Итоги выборов были объявлены в городской ратуше. Ситуация казалась мрачной и безысходной. Но недаром Черчилль считался везучим. Пять-шесть минут ему понадобилось для того, чтобы дойти от ратуши до реформклуба. Там его уже ожидала телеграмма от либеральной организации города Данди в Шотландии с приглашением быть ее кандидатом в парламент. Подобное стечение обстоятельств объясняется тем, что либералы из Данди предвидели возможность провала Черчилля в Манчестере. Избирательный округ Данди был гораздо более надежным, с точки зрения либералов. На протяжении более чем полувека там всегда проходили в парламент либеральные кандидаты. Черчилль принял предложение и немедленно выехал в Шотландию.

Округ был верным, но борьба предстояла трудная. Суфражистки последовали за Черчиллем из Манчестера в Данди и срывали там его выступления. Они пользовались простым методом: как только Черчилль начинал говорить, его противницы принимались непрерывно звонить специально припасенными для этой цели колоколь-

чиками. Вероятно, в связи с тем что его отвергли в рабочем Манчестере, Черчилль в выступлениях в Данди обрушился на социалистов. Именно здесь он объявил себя определенным и последовательным врагом дела социализма.

Черчилль победил на выборах в Данди, получив довольно значительное большинство. С тех пор он на протяжении 15 лет представлял в парламенте этот избирательный округ. За победой в Данди последовало еще более важное событие в жизни Черчилля — он женился.

Молодой министр был заметной фигурой. Впереди его, как казалось, ожидала блестящая политическая карьера, и поэтому недостатка в кандидатах в невесты он не испытывал. Однако сам Черчилль большого интереса к женщинам не проявлял. Главной целью его жизни была политическая карьера. Он знал хотя бы на опыте своего дяди лорда Блэндфорда, что неосторожная любовная связь может разрушить политическую карьеру окончательно, и никогда не подвергал себя подобной опасности. Если он посещал клубы или бывал в гостях, то с определенной целью — встретиться там с друзьями и побеседовать по интересующим их политическим вопросам. Один из хороших знакомых Черчилля, Дж. Б. Аткинс, свидетельствует: «Он весь отдавался работе. В то время, когда он не был занят политическими вопросами, он читал или писал. Он не жил жизнью других молодых людей Лондона. Он посещал политические клубы, но я никогда не видел его в обычном клубе». На вечерах он не предавался светским развлечениям и танцам. Черчилль оставался верен обычаям Савролы, которые он сам описал. «Саврола, — писал он в свое время, — не танцует». У него другие развлечения и другие заботы. Современники вспоминают, что Черчилль работал даже в гостях. Приезжая на конец недели к кому-либо, он привозил с собой небольшой металлический ящик, полный книг и различных записей. Всякую свободную минуту он читал, читал и читал.

Такой образ жизни наводил его друзей на мысль, что Уинстон решил остаться холостяком. Но вот 15 августа 1908 г. в газетах появилось извещение о его помолвке с 23-летней Клементиной Хозье. Невеста была из очень небогатой семьи, но принадлежала к тому же кругу, что и Уинстон. Ее покойный отец был драгунским полковником, а мать дочерью лорда Эйрли и происходила из

известной ирландско-шотландской аристократической фамилии. Эта семья имела сильное влияние в Данди — новом избирательном округе Черчилля. Клементина свободно говорила по-французски и по-немецки, была хорошо образованна, обладала топким умом и чувством юмора. Она питала живой интерес к политике и, по признанию современников, была не только очень привлекательной, но и безусловно красивой женщиной.

Не могло быть никаких сомнений в том, что с обеих сторон это был брак по любви. Биографы Черчилля рассказывают, что на Клементину произвела глубокое впечатление его удивительная храбрость, проявленная тем летом при пожаре в местечке Рутленд, где он отдыхал со своим кузеном. Огонь вспыхнул посреди ночи, пожарная команда задержалась, и дом нельзя уже было спасти. Черчилль, надев каску пожарного, тут же взял на себя руководство спасательными работами и сам с риском для жизни принялся выносить вещи из горящего дома. Когда в очередной раз он выбегал из пылающего здания, прямо за его спиной обрушилась крыша. «Задержись он на секунду, — говорилось в газетной информации об этом пожаре, — он был бы погребен под обломками».

Узнав об этом происшествии, Клементина послала Уинстону телеграмму и получила следующий ответ: «Пожар был великолепным развлечением, мы здорово повеселились».

Сразу же после торжества по случаю бракосочетания молодожены отправились в свадебное путешествие — сначала в Бленхейм к герцогам Мальборо, а потом в Швейцарию и Италию. С первых же дней замужества Клементина могла составить представление о том, как сложится в дальнейшем их супружеская жизнь: еще не выйдя из церкви после венчальной церемонии, новобрачный завел с Ллойд Джорджем оживленную беседу о политике; в Бленхейме он никак не хотел оторваться от рукописи своей новой книги; из Швейцарии писал своим коллегам пространные послания, посвященные текущим делам, и даже по венецианским каналам желал курсировать непременно в моторной лодке, а не в романтичной гондоле.

Свадьба члена кабинета была заметным событием. Молодые супруги получили многочисленные свадебные подарки, в том числе и от короля — отделанную золотом

трость с эмблемой Мальборо. Банкир Кассель вручил молодоженам в виде презента 500 ф. ст. наличными.

Свидетелем на свадьбе у Черчилля был Ллойд Джордж, а шафером лорд Хью Сесиль, его старый товарищ по группе «хулиганов» в консервативной партии, а теперь, в 1908 г., один из последовательных его противников в палате общин. В этом проявилась одна из интересных черт английской политической жизни. Люди могут поносить друг друга в палате общин и на политических митингах, выступать там как враги и в то же время оставаться добрыми друзьями и быть близко связанными в личной жизни. Такие отношения сложились у Черчилля со многими консерваторами. Вероятно, подобное положение можно объяснить тем, что для буржуазных политиков борьба, которую они ведут в парламенте,— это в значительной степени что-то вроде хорошо продуманного представления, которое разыгрывается в определенных политических целях. Биограф Черчилля Г. Пеллинг замечает: «Его склонность общаться с лидерами оппозиции была свидетельством того, что он не принимал всерьез партийную систему». В молодости Черчилль писал матери: «Игра в политику — прекрасная игра». Не удивительно, что актеры за кулисами встречаются зачастую как лучшие друзья. Определяющим является то, что у них общие классовые интересы, общие цели и они происходят из одного и того же круга. Такие политические бойцы расходятся лишь в вопросах методов и тактики. В пользу этого толкования говорит то, что, когда дело касается вопросов, вызывающих действительные противоречия между теми или иными политическими деятелями, столкновения между ними в парламенте, как правило, перерастают в настоящую вражду, обрывающую их неофициальные отношения.

Итак, к 33 годам жизненный путь Уинстона Черчилля полностью определился. Он добился бесспорного успеха в политике: представлял в парламенте надежный избирательный округ, был членом кабинета, пользовался большим влиянием, находился в центре событий. Теперь уже всем было ясно, что «торопящийся молодой человек» вступил в пору зрелости.

4

«ЛИБЕРАЛЬНЫЙ» ПОЛИТИК

Появившись в своем новом кабинете, молодой министр торговли начал свою деятельность с того, что водрузил на письменном столе небольшой бронзовый бюст Наполеона. В первый период политической карьеры Черчилля — так называемый наполеоновский период — этот бюст переходил вместе с его владельцем из одного министерства в другое.

Министерство торговли, которое Уинстон Черчилль возглавил в апреле 1908 г., являлось органом, имевшим ряд совершенно различных функций. К его компетенции относились вопросы торговли, промышленности, судоходства, а также железные дороги, авторское право, патенты, рабочий вопрос и, следовательно, улаживание споров между рабочими и предпринимателями. Таким образом, министерство торговли давало возможность Черчиллю не только заниматься вопросами, относящимися непосредственно к компетенции этого ведомства, но и вторгаться во многие смежные сферы, в частности в сферу социальных проблем. Черчилль активно пользовался этими возможностями, чтобы создать себе репутацию политического деятеля широкого плана.

Новый министр торговли проводит через парламент акт об учреждении единого управления лондонского порта, в известной степени упорядочив его деятельность. Затем он добивается установления 8-часового рабочего дня в угольной промышленности. Это был ответ либерального правительства на обострение классовой борьбы в угольных районах. Интересно, что против законопроекта выступил начинающий член парламента, с которым Черчиллю в дальнейшем приходилось и тесно сотрудничать, и вести напряженную борьбу,— консерватор Стэнли Болдуин.

Нараставшие в стране классовые противоречия вызывали глубокую тревогу в правящих кругах Англии. Либеральное правительство готово было сделать ряд далеко идущих уступок, с тем чтобы обеспечить классовый мир. Черчилль почувствовал, что в этой области предстоят большие события, и решил принять в них активное участие. Ни в то время, ни впоследствии он не был знатоком социальных проблем. Поэтому, находясь в министерстве торговли, Черчилль развивал бурную деятельность в социальной сфере, пользуясь идеями других. Он расширяет свои контакты с людьми, занимающимися изучением социальных проблем, и прежде всего с группой Веббов и Ллойд Джорджем, который лучше, чем кто-либо другой в правительстве, понимал опасность обострения социальных проблем для классовых интересов английской буржуазии. Ллойд Джордж вышел из самых низов, он рос в семье дяди-сапожника и затем приобрел популярность как адвокат. Черчилль пишет, что, когда он впервые встретил Ллойд Джорджа, его поразило глубокое знание им жизни народа. Этого именно и не хватало самому Черчиллю, и он до конца использовал знания и опыт своего друга, прекрасно разбиравшегося в социальных проблемах, наделенного богатым воображением и в любой момент могущего предложить проведение той или иной меры, касающейся народных масс. Впоследствии Ллойд Джордж рассказывал, что он посвятил Черчилля в свои планы в этой области, когда последний стал министром торговли. Черчилль сразу же принялся за разработку ряда идей, высказанных Ллойд Джорджем, и получил разрешение премьер-министра Асквита на проведение соответствующих законов. Первым из них был закон о создании бирж труда.

По замыслу Черчилля биржи труда могли в какой-то степени уменьшить тревогу, существовавшую в стране в связи с ростом безработицы. Они должны были помочь безработным в подыскании работы, а предпринимателям в найме рабочей силы. Дело в том, что иногда имели место случаи, когда безработица в одном районе совпадала по времени с нехваткой рабочей силы в другом. Биржам труда надлежало увеличить мобильность в области использования трудовых ресурсов. В то же время они освобождали предпринимателей от расходов, связанных с подысканием рабочей силы. В сентябре 1909 г. Черчилль пригласил на

работу в министерство торговли на пост директора бирж труда Уильяма Бивериджа, который впоследствии приобрел широкую известность своими предложениями в области социальных реформ.

За законом о создании бирж труда последовал закон о страховании по безработице. Были введены пенсии для престарелых, а также страхование по болезни, инвалидности и в связи с увечьем на производстве. Этими делами Черчилль занимался примерно в течение трех-четырех лет.

Ллойд Джордж и следовавший его идеям Черчилль выступали за социальные реформы, чтобы привлечь на сторону либеральной партии английский рабочий класс. Они стремились завоевать симпатии рабочих и нейтрализовать влияние лейбористской партии, находившейся тогда на левом фланге английского политического фронта. Стратегия Ллойд Джорджа и Черчилля состояла в том, замечает известный исследователь Е. Галеви, чтобы «предвосхитить требования рабочего класса» и показать, что он может от либералов получить значительно больше, чем от лейбористов.

В тот период Черчилль и Ллойд Джордж, занимавший пост министра финансов, представляли в либеральной партии группу, наиболее последовательно выступавшую за проведение социальных реформ. Такие деятели, как Асквит, Грей или Холдейн, интересовались этими вопросами значительно меньше. Они представляли правое крыло в правительстве.

Отношение Ллойд Джорджа и Черчилля к социальным реформам было далеко не одинаковым. Выходец из народа, Ллойд Джордж шел в области обещаний трудящимся и в вопросе о реформах значительно дальше, чем аристократ Черчилль, который серьезно опасался, как бы заявления его коллеги не вызвали нежелательных для буржуазии выступлений трудящихся.

Консервативная партия дала двум политикам прозвище «Клеон и Алкивиад», и оно прочно закрепилось за ними. В V в. до н. э. Клеон, афинский сапожник, был первым представителем группы вождей демоса, так называемых демагогов, а Алкивиад — афинским аристократом-ренегатом, неоднократно предававшим Афины Спарте и наоборот.

Клеон и Алкивиад XX в. считались неразлучными друзьями. Так во всяком случае могло казаться современ-

никам. Однако наиболее принципиальные из них предполагали, что между Черчиллем и Ллойд Джорджем шла скрытая борьба за право унаследовать пост премьер-министра и лидерство либеральной партии после Асквита. Вероятно, в этих предположениях крылась изрядная доля истины.

Черчилль весьма расширительно толковал функции своего министерства. Не прошло и двух лет, как министерство торговли по существу стало одновременно и министерством труда. Расширение функций министерства нашло официальное признание со стороны правительства. Специальным актом парламента было разрешено увеличить жалованье министра с 2 тыс. до 5 тыс. ф. ст. в год. Тем самым министр торговли был поставлен в ряд министров первого ранга. Черчилль, однако, предложил, чтобы решение об увеличении жалованья министру торговли вступило в силу лишь после того, как он будет заменен на этом посту другим лицом. Жест произвел впечатление.

Консервативная партия выступала против проводимой либералами политики социальных реформ. Один за другим вносимые правительством законопроекты, принимавшиеся палатой общин, где у либералов было большинство, отвергались палатой лордов, состоявшей в подавляющем большинстве из консерваторов.

Члены палаты лордов в отличие от депутатов палаты общин не избирались избирателями, а занимали свои места по праву наследования соответствующих титулов. Верхушку палаты лордов составляли и составляют поныне герцоги, получающие гигантские доходы от огромных земельных владений. Герцог Сазерленд в начале XX в. владел поместьями площадью 1250 тыс. акров. Таковы же были владения герцогов Ричмонд, Вестминстер, Бедфорд, Портленд, Девоншир и Нортумберленд. Лорд Дерби, которого называли королем Ланкашира, владел 70 тыс. акров земли, приносившими ему ежегодно доход примерно 100 тыс. ф. ст. Естественно, что эти и другие пэры придерживались консервативных убеждений и являлись надежной опорой консерваторов. Состоявшая из таких людей палата лордов имела право накладывать вето на любой закон, принимаемый палатой общин. Было лишь одно исключение: лорды не могли изменять законы, касающиеся финансов. Таким образом, палата лордов могла сорвать

почти любое мероприятие правительства, одобренное палатой общин.

В ходе избирательной кампании 1906 г., когда либералы в общих чертах говорили о своих планах социальных реформ, консерваторы припугнули их палатой лордов. Артур Бальфур заявил, что «консервативная партия, находится ли она у власти или в оппозиции, всегда держит в своих руках контроль над судьбами этой великой империи». Сведущие люди восприняли это как угрозу использовать палату лордов для того, чтобы блокировать нежелательные для консерваторов усилия либерального правительства. Будущее вскоре показало, что это было именно так. В течение первого года пребывания либералов у власти лорды блокировали по существу все их законодательные мероприятия, включая даже скромную реформу народного образования.

Либералы поняли, что, хотя они и располагают подавляющим большинством в палате общин, они смогут осуществить свои реформы лишь в том случае, если им удастся сломить сопротивление палаты лордов. В декабре 1906 г. Кэмпбелл Баннерман заявил, что поведение лордов является «совершенно нетерпимым» и что необходимо найти средства для осуществления выраженной на парламентских выборах воли избирателей. Черчилль сразу же понял, что по этому вопросу предстоит острая и длительная борьба. У него, страстного любителя борьбы, как таковой, не было никаких сомнений в том, что он должен принять в ней самое активное участие.

В 1907 г. один из друзей Черчилля, Мэссингэм, начал издавать радикальный еженедельник «Нэйшн». Во втором номере еженедельника, вышедшем 9 марта, Черчилль выступил со статьей о палате лордов. Он утверждал, что решить вопрос можно двумя путями: обеспечив, чтобы большинство палаты лордов в каждом случае соответствовало в политическом смысле большинству палаты общин, или же лишив палату лордов ее права блокировать решения, которые принимаются большинством палаты общин.

В июне 1907 г. Кэмпбелл Баннерман внес в палату общин проект резолюции, предусматривавший ограничение прав палаты лордов. Решение палаты общин по любому законопроекту должно было стать окончательным. Черчилль принял активное участие в дебатах по проекту

резолюции и энергично поддерживал предложение Кэмпбелла Баннермана. Резолюция была принята большинством палаты общин.

Это явилось первой атакой на оплот консерваторов в палате лордов. Черчилль шел в первых рядах атакующих. Занять такую позицию было для него не простым делом. Выступая против палаты лордов, состоявшей прежде всего из представителей «великих фамилий» Англии, Черчилль тем самым выступал против той среды, в которой он родился, вырос и которая служила для него надежной опорой, когда он делал свою карьеру в армии, в журналистике и в политике. Герцоги Мальборо были теснейшими узами связаны почти со всеми аристократическими фамилиями страны. Выступив против палаты лордов, Черчилль задел эти сложные родственные связи. Двери аристократических домов с треском захлопнулись перед ним. Его обвиняли в том, что он «пачкает собственное гнездо». Черчилль, конечно, знал, что его ожидает, и тем не менее шел с либералами против палаты лордов. Он понимал, что будущее за палатой общин.

Либералы могли осуществить меры, ограничивающие права палаты лордов, лишь путем вынесения спора на суд избирателей. Поэтому им тактически было выгодно, чтобы лорды продолжали отвергать все их законопроекты. Однако консерваторы понимали, какая опасность им грозит, и вели себя осмотрительно. Палата лордов не блокировала, а немедленно одобряла законопроекты, касающиеся профсоюзов, например закон о 8-часовом рабочем дне для шахтеров. Этим путем консерваторы старались заручиться поддержкой рабочих на предстоящих парламентских выборах.

Черчилль участвовал в борьбе за реформу палаты лордов, но теперь старался быть осторожнее. Он не выступал с такими резкими речами, как Ллойд Джордж. Если последний иногда вскрывал классовый смысл проблемы палаты лордов, то Черчилль подходил к ней лишь с юридической точки зрения, считая ее исключительно конституционным вопросом. Выступления Черчилля отличала необычная для него сдержанность, он не позволял себе никаких ссылок на личности. Эта позиция не изменилась на протяжении нескольких лет, пока дебаты о палате лордов оставались в центре внимания английской общественности.

Если в вопросе о палате лордов Черчилль присоединился к позиции, которая в конечном счете победила, то в отношении ассигнований на армию и флот он допустил крупный тактический промах. Вообще-то, будучи министром торговли, он мог и не принимать активного участия в решении вопроса об этих ассигнованиях. Но у Черчилля были свои правила — он не мог сохранять нейтралитет в любом спорном деле.

Отношения между Англией и Германией продолжали ухудшаться. Первая мировая война приближалась. Командование армии и флота заботилось о расширении британских вооруженных сил. Когда военный министр Холдейн в 1908 г. потребовал увеличения расходов на армию, Черчилль и Ллойд Джордж выступили против. Они ратовали за экономию на военных ассигнованиях, чтобы можно было обратить известные суммы на социальные реформы. Ллойд Джордж держался в этом вопросе осторожнее, чем его друг, и готов был идти на компромисс. Черчилль же занял бескомпромиссную позицию. 18 июня 1908 г. он представил меморандум, в котором доказывал, что английская армия и так слишком велика, что она обходится очень дорого и что необходимо сократить ее штаты. Холдейн, зная, что его поддерживают влиятельные члены правительства — Асквит, Грей и некоторые другие, решил бороться против Черчилля и Ллойд Джорджа до конца. Холдейн доказал, что штаты английской армии пропорционально меньше штатов армий любой из семи других великих держав. На заседании кабинета он заявил, что расширения армии требуют и «некоторые договорные обязательства, которые могут заставить нас вмешаться в дела континента». О том, что Англия связана договорными обязательствами, на которые намекнул Холдейн, знала лишь узкая группа ведущих министров. Черчилль в эту группу не входил.

Участвуя в спорах относительно ассигнований на армию, Черчилль неизбежно должен был заняться вопросами внешней политики. Впоследствии он очень охотно занимался этими вопросами и неплохо в них разбирался. Однако в то время Черчилль оказался неспособным правильно оценить положение Англии в мире и характер ее отношений с Германией. Выступая 15 августа 1908 г., он высказал сожаление по поводу раздающихся предупреждений относительно роста германской опасности и катего-

рически отверг идею о том, что война с Германией является неизбежной, поскольку в мире нет мест, где существовали бы причины для столкновения интересов Англии и Германии. С подобными заявлениями выступал и Ллойд Джордж.

Эти утверждения звучали наивно. Более того, они шли вразрез с линией правительства. Ведущие члены кабинета и король были раздражены. Министр иностранных дел Эдвард Грей призвал к порядку Ллойд Джорджа и Черчилля, он указал последнему на ошибочность его утверждений и на нежелательность того, чтобы он в дальнейшем занимался публичными рассуждениями о проблемах внешней политики.

Выступление против увеличения ассигнований на армию не принесло успеха Черчиллю. Правительство поддержало Холдейна, и Черчилль остался в меньшинстве. Аналогичным образом закончилась и его кампания против расширения военно-морского флота.

Трудно понять, почему Черчилль в то время вдруг решил выступить против военно-морской программы адмиралтейства. Он всегда считал необходимым для Англии иметь мощный военно-морской флот. Именно на этой почве он в 1907 г. близко сошелся с адмиралом Фишером. Теперь же, когда весной 1909 г. военно-морской министр Маккенна, за спиной которого стоял Фишер, потребовал строительства шести дредноутов в качестве ответа на принятую немцами в 1908 г. военно-морскую программу, Черчилль неожиданно выступил против планов адмиралтейства. Фишер оказывал давление на правительство по различным линиям с целью добиться расширения флота. Он широко использовал в этих целях прессу. В январе 1908 г. подручный Джозефа Чемберлена в газетном мире Дж. Л. Гарвин стал издателем еженедельника «Обсервер». Фишер установил с Гарвином контакт и сообщал ему секретные сведения о происходившей в правительственных кругах борьбе по вопросу о военно-морской программе. Гарвин умело использовал эти сведения в своей газете, выступая за расширение английского военно-морского флота.

Черчилль и Ллойд Джордж выступали наиболее активными противниками увеличения военно-морского строительства. Они готовы были согласиться на постройку четырех новых дредноутов, но категорически возражали против требования адмиралтейства заложить шесть кораблей.

Дело дошло до того, что в феврале 1909 г. Черчилль, Ллойд Джордж, Морли и Барнс пригрозили отставкой, если правительство примет план адмиралтейства. Черчилль занимал в этой группе наиболее бескомпромиссную позицию. Однако в самый последний момент он отступил и не подал в отставку. Приведи Уинстон свою угрозу в исполнение, его ждала бы судьба отца. Вероятно, горький опыт Рандольфа и предостерег его от опасного шага.

Споры в правительстве закончились тем, что было решено строить восемь дредноутов — на два больше, чем просило адмиралтейство. Черчилль допустил промах, причем крупный. В этой перепалке он испортил отношения не только с министром иностранных дел, но и с влиятельными адмиралами. Впоследствии Черчилль сам признавал, что был неправ.

Ведя борьбу против Маккенны и Фишера, Черчилль вступил в контакт с их противниками в адмиралтействе, с группой адмирала Бересфорда. Это страшно возмутило Фишера. Ведь еще не так давно он выслушивал уверения Черчилля в том, что тот целиком и полностью разделяет убеждения и планы адмирала. «Уинстон Черчилль,— писал в то время Фишер,— в этом деле показал себя двойным предателем». Прежде восхищавшийся Черчиллем, адмирал относился теперь к нему с глубоким презрением. Все попытки Черчилля восстановить старые отношения решительно отклонялись. На его заискивающие письма Фишер реагировал вежливо отрицательно. На одно из них он ответил, что было бы очень забавно назвать четыре дредноута «Уинстон», «Черчилль», «Ллойд» и «Джордж».

29 апреля 1909 г. Ллойд Джордж, как министр финансов, внес на рассмотрение палаты общин проект очередного бюджета. Проект предусматривал дополнительные налоги в 14 млн. ф. ст.— даже по тем дням сумма в общем-то небольшая. Она предназначалась для покрытия дополнительных расходов на военные нужды, а также на нужды социального страхования. Разумеется, Ллойд Джордж, произнесший по этому поводу 4-часовую речь в парламенте, умалчивал о военных расходах и всячески подчеркивал траты по социальным статьям. Бюджет предусматривал дальнейшее развитие подоходного налога и налога на наследство и вводил налог на землю. Абсолютные суммы новых налогов были незначительными, но для землевладельцев важен был принцип, и они встретили

бюджет Ллойд Джорджа в штыки. Разгорелась острая политическая борьба, вскоре переросшая в борьбу по вопросу о правах палаты лордов.

Консерваторы энергично выступили против либерального бюджета, несмотря на то что он предусматривал соответствующие ассигнования на милое их сердцу военно-морское строительство. Они обвиняли Ллойд Джорджа в том, что он развязывает социальную революцию. Лейбористский специалист по финансовым вопросам Филипп Сноуден утверждал, что содержащиеся в бюджете Ллойд Джорджа идеи заимствованы из его брошюры «Социалистический бюджет». Ллойд Джорджа мало беспокоили лейбористские обвинения в плагиате. Он использовал их для того, чтобы утверждать, что либералы способны осуществлять лейбористские идеи лучше, чем сами лейбористы. Бюджет составлен был таким образом, чтобы получить поддержку народных масс. Ллойд Джордж широко рекламировал его как «народный бюджет».

Было ясно, что палата лордов почти наверняка отклонит предложенный бюджет и тем самым покажет справедливость утверждений либералов о необходимости ограничить ее права. Лидеры консерваторов Бальфур и Ленсдоун понимали это и склонялись к тому, чтобы санкционировать бюджет. Однако основная масса консерваторов была против.

Политическая борьба вышла за стены парламента и распространилась на всю страну. Была образована «Лига бюджета», которая вела пропаганду за его принятие. Черчилль стал президентом лиги. Но разгоревшиеся страсти сильно его напугали. В глубине души Черчилль иногда опасался, как бы Ллойд Джордж не спровоцировал своими демагогическими выступлениями революцию в Англии. Как-то Ллойд Джордж за ужином пошутил, что было бы неплохо действительно начать революцию и водрузить на Трафальгарской площади Лондона гильотину. Это была шутка, и все гости отнеслись к ней должным образом. Но Черчилль отказался принять шутку. Возвращаясь домой, он заметил одному из своих спутников: «Если этим кончится, вы должны быть готовы к тому, что я вас покину». Хотя Черчилль и поддерживал новый бюджет, но ему не нравилось, что Ллойд Джордж посягает на традиционные права землевладельцев и крупной буржуазии. Точно так же ему не импонировали требования лишить палату лор-

дов ее прав. Поэтому Черчилль выступал за то, чтобы провести реформу палаты лордов, ограничив ее конституционные возможности.

Внесенный Ллойд Джорджем бюджет был принят палатой общин 4 ноября 1909 г. 30 ноября вопреки советам ряда консервативных лидеров и короля палата лордов отвергла бюджет. Это было нарушением конституционных норм и традиций, невиданным в Англии за два с половиной столетия. В декабре палата общин приняла резолюцию, в которой обвинила палату лордов в нарушении конституции и в узурпировании прав палаты общин. Правительство распустило палату общин и назначило на январь 1910 г. новые выборы в парламент.

Это был необдуманный шаг со стороны правительства, свидетельствовавший о его колебаниях в борьбе против лордов. Вместо того чтобы, располагая устойчивым большинством в палате общин, развернуть решительную борьбу против палаты лордов, правительство обратилось к избирателям, вердикт которых мог быть далеко не в его пользу. Так и получилось в действительности. Выборы, состоявшиеся 9 февраля 1910 г., принесли либеральной партии нечто равнозначное поражению. Число либеральных мандатов в парламенте уменьшилось с 400 до 275. Консерваторы увеличили свое представительство со 157 до 273 депутатов. Ирландские националисты получили 82 места, а лейбористы — 40. Таким образом, либералы потеряли большинство и могли действовать, лишь опираясь на поддержку со стороны ирландской и лейбористской фракций. Это связывало их по рукам и ногам.

Черчилль успешно провел свою избирательную кампанию в Данди и был вновь избран в парламент. По-прежнему ему причиняли большие неприятности поборницы избирательного права для женщин. Если раньше они стремились срывать его предвыборные митинги, то теперь выражали свою антипатию физическими методами. Суфражистки забрасывали Черчилля кусками угля и однажды даже пытались отстегать хлыстом по лицу. Дело дошло до того, что он мог передвигаться лишь в сопровождении двух телохранителей. Пришлось приставить охрану и к его шестимесячной дочери Диане, которую суфражистки грозили похитить. Диана была первым ребенком Черчиллей, и отец очень гордился ею. Вскоре после рождения дочери он похвастался Ллойд Джорджу, что она «самое прелест-

ное дитя на свете». «Наверное, похожа на мать?» — спросил тот. «Нет,— гордо ответил Черчилль,— вылитая я».

Либералы после выборов остались у власти. Асквит не счел нужным произвести радикальную перестановку в правительстве. Ему казалось необходимым заменить лишь министра по делам Ирландии и министра внутренних дел. В первом случае это было необходимо потому, что зависимость правительства от ирландской фракции в парламенте вынуждала его вновь вернуться к рассмотрению вопроса о гомруле, т. е. о самоуправлении для Ирландии. Что касается министерства внутренних дел, то с каждым днем увеличивающееся число забастовок и иных выступлений рабочего класса, приобретавших все более острый характер, требовало назначения в это министерство человека с твердой волей. Черчиллю было предложено выбрать любой из этих постов. Ирландский вопрос был сложным и трудным, не один министр уже сломал на нем шею, и Черчилль это понимал. Он опасался, что, взяв министерство по делам Ирландии, лавров не приобретет, а провалиться может, и предпочел министерство внутренних дел.

В 35 лет Черчилль оказался в кресле министра внутренних дел, обладавшего в то время в Англии весьма широкими полномочиями. В ведении этого министерства находились все тюрьмы и колонии для малолетних преступников, лондонская полиция и пожарная охрана, контроль над иммиграцией и дороги, мосты, каналы, шахты, сельское хозяйство, рыбная ловля, общественная безопасность, общественная мораль и т. д. Министерство обладало определенными полномочиями по проведению парламентских выборов, оно давало советы королю относительно помилования преступников. Министр внутренних дел должен был присутствовать при рождении королевских принцев и принцесс. Он провозглашал наследника престола и нового короля, вступающего на престол. В дополнение ко всем этим многообразным функциям Черчиллю было поручено писание ежедневных писем королю, содержащих информацию о дебатах в парламенте. Это поручение он выполнял с особым удовольствием.

Последние выборы в парламент привели к тому, что либералы и консерваторы обладали равным количеством голосов. Это заставило либералов искать путей к соглашению с консерваторами. Равенство сил в палате общин вызвало к жизни идею создания коалиции. Необходимость

объединения сил обеих партий диктовалась прежде всего мощным подъемом стачечного движения. В пользу этого говорили и рост напряжения в отношениях между Англией и некоторыми другими странами, и дыхание приближавшейся войны. В мае 1910 г. газета «Обсервер» выступила с призывом к «божественному перемирию», предложив провести межпартийную конференцию с целью найти решение проблемы палаты лордов. Эта идея на протяжении определенного времени носилась в воздухе, и Черчилль вместе с Ллойд Джорджем энергично ухватились за нее.

Для Черчилля и Ллойд Джорджа план создания коалиции с консерваторами имел и ряд побудительных причин личного характера. Ллойд Джордж связывал с ним надежды вышибить Асквита из кресла премьер-министра и с поста лидера партии и, разумеется, занять оба поста самому. Отсюда и идея Ллойд Джорджа создать «правительство бизнесменов», чтобы на «солидной основе», на «общепартийной базе» решить насущные проблемы.

Черчиллю коалиция с консерваторами помогла бы найти пути обратно в консервативную партию или по крайней мере обеспечить примирение с ней. Кампания ненависти, которую вели против него консерваторы, еще продолжалась с нарастающей интенсивностью. Черчилль делал вид, что это его мало трогает, пытался отшучиваться от нападок консерваторов, однако шутки становились все более мрачными. Во всяком случае к этому времени у него вполне созрело убеждение, что необходимо найти какой-то модус вивенди со старой партией. Когда Ллойд Джордж выдвинул идею коалиции с консерваторами, Черчилль энергично принялся помогать своему коллеге.

Оба деятеля часто встречались с видным консерватором Ф. Е. Смитом и обсуждали, как наладить сотрудничество с консервативной партией. Ллойд Джордж разработал меморандум об основах, на которых можно было бы создать коалицию. Поскольку главной проблемой в отношениях с консерваторами в то время была реформа палаты лордов, Черчилль занялся разработкой приемлемого для обеих партий проекта. Черчиллю и Ллойд Джорджу пришлось посвятить в свои планы Асквита. Премьер-министр понимал необходимость коалиции с консерваторами или, скорее, невозможность для либералов самостоятельно решить крупнейшие проблемы, вставшие перед правящими кругами в то время. Поэтому он одобрил идею Ллойд

Джорджа — Черчилля и вступил в контакт с лидером консерваторов Бальфуром. Бальфур также согласился на «божественное перемирие».

Обе партии выделили для ведения переговоров по группе видных деятелей, которые образовали так называемую конституционную конференцию. Черчилля в ее состав не включили. Это было сильным ударом по его самолюбию, но либералы не могли поступить иначе: если бы они сделали Черчилля своим представителем в переговорах с консерваторами, это вызвало бы глубокое возмущение у их политических противников и лишь затруднило бы достижение договоренности. На конференции нужно было искать то, что объединяло обе партии, а не разъединяло их.

Судьба Черчилля во многом зависела от исхода конференции. Если бы она закончилась успехом, было бы принято решение о создании коалиционного правительства. Учитывая отношение консерваторов к Черчиллю, можно с достаточными основаниями предположить, что они могли потребовать, чтобы Черчилль в коалиционное правительство допущен не был. Поскольку же, уйдя от консерваторов, он не врос в либеральную партию и был там по существу чужаком, либералы скорее всего не стали бы упорствовать по этому вопросу и принесли бы Черчилля в жертву. Это явилось бы крахом его политической карьеры. Таким образом, Черчилль, с одной стороны, был заинтересован в налаживании коалиции с консерваторами, надеясь этим путем восстановить с ними отношения и вновь сблизиться с партией, убеждения которой были близки ему, а с другой стороны, он очень боялся, как бы налаживание блока с консерваторами не кончилось для него лично политической катастрофой.

В июле 1910 г. Ллойд Джордж подготовил обширный меморандум, в котором аргументировал необходимость создания коалиции либералов и консерваторов. Если ранее считалось, что коалиция должна быть создана в связи с кризисом, вызванным позицией палаты лордов, то теперь Ллойд Джордж утверждал, что коалиция должна быть долговременной. Она необходима, чтобы справиться со все увеличивающейся для английской экономики опасностью в связи с промышленным ростом противников Англии — США и Германии. Экономическую жизнь Англии следовало перестроить таким образом, чтобы страна могла с ус-

пехом бороться против своих опасных конкурентов. Коалиция нужна была для того, чтобы провести ряд радикальных мер с целью приостановить рост революционного движения в стране и сделать устойчивой внутриполитическую обстановку. В числе «специальных вопросов, имеющих большую срочность и важность», Ллойд Джордж назвал проблему палаты лордов, гомруль для Ирландии, проблему национальной обороны, вопросы социального страхования, вопросы землепользования, имперскую политику и проблемы внешней политики. Для решения этих проблем требовались годы, и в эти годы страна должна была по замыслу Ллойд Джорджа иметь коалиционное правительство.

Многие идеи, содержащиеся в меморандуме, принадлежали, бесспорно, самому Ллойд Джорджу. Однако нет сомнения, что некоторые тезисы были черчиллевскими. Документ появился в результате совместных усилий обоих либеральных политиков. Многие его положения были сформулированы таким образом, чтобы привлечь консерваторов и составить основу для достижения соглашения с ними.

Черчилль вначале энергично ратовал за реализацию идей, сформулированных в меморандуме. Вскоре, однако, он обнаружил, что Ллойд Джордж не намеревался включить его в состав правительства, которое предполагалось создать на коалиционной основе. Это сразу же охладило Черчилля, и он из горячего сторонника идеи коалиции немедленно превратился в ее противника. Последовало бурное объяснение с Ллойд Джорджем, и последний был вынужден, чтобы умиротворить своего соратника, предложить ему пост военного министра в будущем правительстве. Это вновь возродило энтузиазм Черчилля к идее коалиции.

Англичане говорят, что каждая палка имеет два конца. Так произошло и в данном случае. Создание коалиции зависело не только от готовности либералов пойти на нее, но и от позиции консерваторов. Бальфур был не против блока с либералами, но большинство других консервативных лидеров не поддержали его. Причины были разные, но, пожалуй, главным явилось то, что на данном этапе консерваторы никак не хотели участвовать в правительстве вместе с Ллойд Джорджем, которого они считали слишком «левым» и опасным для интересов аристократии и

крупного бизнеса. Они тогда еще не понимали, что английским правящим кругам крайне выгодно под прикрытием имени выходца из народа Ллойд Джорджа проводить свою антинародную политику. Через несколько лет консерваторы поймут это и тогда согласятся на сотрудничество с ним. Пока же, в 1910 г., они отказались от коалиции с либералами и провалили план Черчилля — Ллойд Джорджа. Это привело к провалу конституционной конференции и прекращению политического перемирия между двумя партиями.

К концу 1910 г. произошел поворот в убеждениях и интересах Черчилля. Его кратковременный и неглубокий интерес к социальным реформам к этому времени уже окончательно испарился. Нараставшая классовая борьба вызывала в нем все большее раздражение против рабочих, которым он совсем недавно предлагал покровительство и заботу либералов. Развитие событий отбросило Черчилля на крайне реакционные позиции в нараставшем в Англии политическом кризисе.

Это было главной причиной желания Черчилля через коалицию с консерваторами возвратиться в лоно своей старой партии. Несговорчивость консервативных лидеров отняла у него, по крайней мере на ближайшее время, эту перспективу. Черчилль был так расстроен, что в кругу друзей рассуждал, не следует ли ему бросить политику и заняться бизнесом. Он считал, что, вступив в дело банкира Эрнста Касселя и проработав с ним года четыре, мог бы приобрести целое состояние. Вряд ли, однако, это были серьезные планы. Деньги для Черчилля играли большую роль, но все же главной оставалась страсть к политике.

Глубоко огорченный, Черчилль счел разумным уехать из Лондона на длительное время, отправившись в путешествие на яхте по Средиземному морю. Яхта принадлежала одному из его друзей — графу де Форесту. У четы Черчиллей всегда было много друзей. Уинстон сохранил связи с людьми, близкими когда-то к его отцу (такими, например, как банкир Эрнст Кассель). Он был очень предан своим родственникам и даже в самые загруженные делами времена всегда изыскивал возможности для встреч с ними. Наверное, самым большим его другом в тот период был один из лучших ораторов консервативной партии — Ф. Е. Смит, будущий лорд Биркенхед. «Наша дружба,—

писал Черчилль много позже, после смерти Смита,— была прекрасна. Это было одно из моих ценнейших достояний». Путешествие на яхте было интересным и приятным. Но оно омрачалось тем, что Черчилль все время нервничал по поводу того, что происходило в Лондоне.

До той поры Черчилль мало интересовался проблемами внешней политики. Это было удивительно, ибо первое десятилетие XX в. ознаменовалось повышенной внешнеполитической активностью английского правительства. Теперь же с большим запозданием у Черчилля обнаруживается интерес к этим вопросам. В Константинополе он встречается с германским послом Маршалем фон Биберштейном и беседует с ним относительно англо-германских отношений и постройки Багдадской железной дороги. Беседа свидетельствует о наивности и неопытности Черчилля в международных делах. Он предложил Биберштейну, чтобы Англия и Германия осуществляли совместный контроль над железной дорогой и тем самым обеспечили дружественное развитие отношений между обеими странами. Биберштейн ответил: «После того как постель застлана, не след тому, кто ее готовил, ретироваться и уступить свое место другому». Черчилль на это заметил, что, может быть, «постель можно разделить так, как ее делят муж с женой». Такая идея не вызвала восторга у немецкого посла.

С конца 1910 г. в речах Черчилля все чаще и чаще повторяется мысль о приближающейся войне с Германией. Его речи находятся в прямом противоречии с тем, что он публично провозглашал два года назад, когда его резко оборвал министр иностранных дел Грей.

За последние годы Черчилль, будучи министром, сделал ряд ложных шагов. Некоторые его предложения по вопросам большой политики, не относившимся к компетенции его собственного министерства, правительство отклонило. Настойчивость, с которой он выдвигал собственные идеи, раздражала других членов кабинета. Черчилль был способен на протяжении нескольких часов развивать перед премьер-министром свои мысли, не замечая, насколько Асквиту неприятна подобная бесцеремонность молодого министра. Он часто составлял длинные меморандумы и рассылал их членам кабинета, с тем чтобы они изучали их и знакомились с его идеями. Подобная напористость настраивала против него других министров, которые

все были намного старше по возрасту. Однажды, когда Черчилль «просветил» министра иностранных дел Грея по вопросам внешней политики, тот заметил: «Уинстон обладает настолько большой активностью ума, что очень скоро он окажется неспособным выполнять в правительстве какие-либо другие функции, кроме функций премьер-министра».

Пока же Черчилль прилагал энергичные усилия для выполнения функций министра внутренних дел. В результате английские трудящиеся начали убеждаться, что он никоим образом не является поборником социальных реформ, а представляет собой одного из самых упорных и последовательных их врагов.

На протяжении десятилетий в Англии по многим причинам сложилась традиция, когда промышленные конфликты, т. е. споры между рабочими и предпринимателями, как правило, решались компромиссным соглашением. И буржуазия, и руководители профсоюзов были заинтересованы в том, чтобы споры улаживались именно таким образом. На протяжении первого десятилетия XX в., и особенно во второй половине этого десятилетия, дух компромисса в английском рабочем движении все чаще уступал место острым классовым столкновениям, когда конфликты решались напряженной борьбой, причем обе стороны стремились любыми средствами добиться победы. Стачечное движение характеризовалось не только ростом числа забастовок и потерянных в результате стачек рабочих дней, но и острым характером самих забастовок. Предприниматели все больше и больше обращались к помощи полиции, в результате чего стачки сопровождались столкновениями между бастующими и полицейскими.

Черчилль в качестве министра внутренних дел имел прямое отношение к использованию силы для подавления забастовок. Многие его биографы сходятся на том, что в этой области он проявил особое рвение и что принимаемые им крутые меры часто не вызывались необходимостью.

В ноябре 1910 г. в Уэльсе возник конфликт между шахтерами и компаниями по добыче угля. Рабочие совершенно обоснованно требовали повышения заработной платы. Предприниматели ответили на это требование тем, что выбросили рабочих на улицу и начали ввозить в район забастовки штрейкбрехеров, которых охраняла полиция.

Когда рабочие попытались использовать свое право на пикетирование, чтобы помешать штрейкбрехерам занять места бастующих, они столкнулись с полицией. Страсти накалялись, и вскоре дело дошло до рукопашных схваток. Полиция применила силу, далеко превосходившую необходимость поддержания порядка. Рабочих беспощадно избивали. Черчилль направил в район забастовки тысячу полицейских из Лондона. Вскоре он по договоренности с военным министерством послал туда же войска. Эти действия Черчилля положили начало все более возраставшей в дальнейшем враждебности к нему со стороны английского рабочего класса.

Вскоре Черчилль применил полицейскую силу против женской демонстрации на этот раз уже в самом Лондоне. 18 ноября 1910 г. суфражистки провели митинг в одном из лондонских залов и направились к парламенту, чтобы вручить петицию премьер-министру. Их было немного — не более 300. Парламент окружили полицейские отряды, насчитывающие до 1200 человек. Попытки женщин прорваться через кордон привели к тому, что полиция на протяжении нескольких часов зверски их избивала. Разыгрались дикие сцены, вызвавшие глубокое возмущение в городе.

Когда возник вопрос, кто виноват в этом, женщины сразу же указали на Черчилля. Для этого у них были определенные основания. Никогда ранее подобные методы обращения с демонстрантами полиция не применяла. Обычно женщин-суфражисток, пытавшихся срывать те или иные митинги, арестовывали и заключали на несколько дней в тюрьму. Участницы лондонского митинга предполагали, что их попытка прорваться к парламенту приведет лишь к тому, что им придется переночевать в полицейских участках. Однако на этот раз их не арестовали, а жестоко избили. Изменение в методах, применяемых полицией, совпало с приходом Черчилля в министерство внутренних дел. Руководители суфражистского движения утверждали, что указание об избиении 18 ноября 1910 г. было дано именно им.

Рвение, которое обнаруживал Черчилль, стараясь «поддержать порядок», иногда ставило его в смешное положение. В декабре 1910 г. в Лондоне произошло сенсационное событие. Полиция наткнулась на грабителей, пытавшихся забраться в ювелирный магазин. Преступники открыли

огонь, в результате чего трое полицейских были убиты на месте, а трое других тяжело ранены. Стрелявшие скрылись. Преступление вызвало большой шум, ибо в Англии полицейские не носили огнестрельного оружия и обычно их стычки с преступным миром заканчивались без кровопролития.

Черчилль взял расследование случившегося в свои руки. Полиции выдали револьверы и винтовки. Скотланд-ярд был поставлен на ноги. Предполагалось, что преступление совершено анархистами, и в глазах Черчилля оно сразу же приобрело политическую окраску.

3 января 1911 г. Черчиллю доложили, что лица, убившие полицейских, обнаружены и окружены в доме № 100 по Сидней-стрит. Полиция доносила, что преступники отстреливаются и, вероятно, имеют значительный запас патронов. Сколько их засело в доме — неизвестно. Вскоре прилегающие улицы заполнили сотни полицейских и солдат, прибывших по распоряжению Черчилля. Из Тауэра было доставлено даже артиллерийское орудие.

Черчилль решил сам руководить операцией. Он явился на место действия в пальто с меховым воротником и в шелковом цилиндре. Это было смешное зрелище на фоне полицейских и солдат, лениво перестреливавшихся с осажденными. Черчилль развил бурную деятельность, обеспечивая прибытие подкреплений и обсуждая планы взятия штурмом дома, откуда стреляли. Трудность состояла в том, что никто не знал, сколько человек находится в осаде. Вскоре дом загорелся, и отстреливавшиеся вынуждены были спуститься в нижний этаж. Прибывшая на место пожарная команда намеревалась выполнять свои прямые обязанности и тушить горящий дом. Но министр внутренних дел (которому подчинялись и полиция, и пожарные) приказал не тушить огонь. Когда пожар сделал свое дело и небольшое здание сгорело дотла, под обломками были найдены два обгоревших трупа. Оказалось, что мощные полицейские и военные силы с артиллерией под командованием самого министра внутренних дел были пущены в ход всего против двух человек.

Мальчишеское поведение Черчилля в этой операции, которую журналисты окрестили «сражение на Сидней-стрит», красочно расписывалось в газетах. Многочисленные снимки иллюстрировали его роль в руководстве осадой дома № 100. «Я могу понять, чем был занят фотограф,—

ехидно заметил по этому поводу Артур Бальфур,— но что там делал достопочтенный министр?» Над Черчиллем насмехалась французская пресса, также опубликовавшая многие снимки. В то время в Лондоне уже демонстрировалась примитивная кинохроника, и в кинотеатрах показывали, как Черчилль командовал операцией. Зрители улюлюкали и потешались над не в меру рьяным министром. Черчилль получил прозвище Наполеон с Сидней-стрит. Правительству не нравилась такая «популярность» одного из его членов, а король заметил, что в функции министра, являющегося членом кабинета, не входит принимать личное участие в схватке в Ист-Энде. Когда Чарлз Мастерман с возмущением спросил Черчилля: «Какого черта вы там делали, Уинстон?» — тот ответил: «Бросьте, Чарли! Это было такое развлечение!»

Уже в это время к присущей Черчиллю с юных лет сутулости прибавилась полнота, и злоязычные журналисты не преминули отметить это на страницах прессы. Он почти совершенно забросил охоту и поло ради нового увлечения — игры в гольф. Черчилль был не слишком искусным игроком, тем более что очень любил разговаривать во время игры: нередко на площадке для игры в гольф он вел конфиденциальные беседы со своими коллегами-министрами, и прежде всего с Ллойд Джорджем.

После того как перемирие с консерваторами было прекращено, либеральное правительство вновь вернулось к вопросу о палате лордов. В ноябре 1910 г. Асквит обратился к королю с предложением распустить парламент и назначить новые выборы. Случай был необычным. Правительство намеревалось в течение одного года провести вторые выборы в парламент. Более того, Асквит потребовал, чтобы король дал обещание, что, если после выборов либералы останутся у власти, он по просьбе правительства назначит в палату лордов столько новых пэров, сколько будет необходимо, чтобы там создалось либеральное большинство.

В то время английский престол занял новый король. В мае 1910 г. скончался Эдуард VII, сын Виктории, царствовавший в течение десяти лет. Преемником Эдуарда был провозглашен Георг V.

Черчиллю не нравилось, что правительство ставило нового и неопытного короля в затруднительное положение требованием создать несколько сот новых пэров. Ведь та-

ким образом многие в общем-то ничем особенным не выделяющиеся люди могли быть уравнены в правах с титулованной знатью, почитавшей себя солью земли. Черчиллю не импонировало и то, что короля заставляли сделать то, что для него было в высшей степени нежелательно. Выполнение королем требования Асквита серьезно подорвало бы престиж монархии, что Черчиллю было не по душе. Но сам он находился в сложном положении и не возражал.

Королю ничего не оставалось, как согласиться с требованием Асквита. Он только просил, чтобы его согласие хранилось как можно дольше в тайне и было использовано правительством лишь в крайнем случае.

В декабре 1910 г. состоялись вторые за год выборы в парламент. Они повторили результаты январских выборов. Либералы и консерваторы получили по 272 места в новом парламенте. Черчилль успешно провел избирательную кампанию в округе Данди.

Поскольку либералы могли рассчитывать на поддержку в палате общин со стороны фракций ирландцев и лейбористов, правительство Асквита опять осталось у власти. Новому парламенту суждено было долго просуществовать. Война помешала проведению очередных выборов в установленный срок, и они состоялись лишь в 1918 г.

Расстановка сил в парламенте не позволяла консерваторам дольше сопротивляться требованию ограничить права палаты лордов. Важно было и то, что общая политическая обстановка в стране в целом благоприятствовала либералам. Поэтому в мае 1911 г. они смогли в третий раз провести через палату общин закон, ограничивающий права палаты лордов.

Теперь все зависело от позиции самих лордов. Сначала они так отредактировали текст закона, что он приобретал обратный смысл. Но перед решающим голосованием лидеры консерваторов были информированы об обещании короля возвести в ранг пэров столько либералов, сколько потребуется для того, чтобы оставить в меньшинстве консервативную группировку в палате лордов. Наиболее горячие головы среди консерваторов утверждали, что это блеф либералов, и призывали драться до конца, а если нужно, то «умереть в последней траншее». В конце концов руководители консерваторов сумели убедить большинство своих сторонников в палате лордов в достоверности полу-

ченной информации. Небольшим большинством палата лордов утвердила законопроект, ограничивающий ее права. Лорды утратили право вето в финансовых вопросах и сохранили за собой право задерживать принятие законопроектов по всем другим вопросам лишь в течение двух лет (так называемое отсрочивающее вето).

Летом 1911 г. в Англии одна за другой вспыхивают многочисленные забастовки. Бастовали моряки торгового флота и портовые рабочие. Движение выходило из-под контроля старых оппортунистических, купленных буржуазией вождей. Забастовки зачастую проходили под руководством новых, молодых, по-боевому настроенных лидеров. Предприниматели являлись в министерство внутренних дел, требуя защиты от рабочих. Черчилль шел на обострение борьбы. Он отвергал предложения о решении споров старыми, компромиссными средствами и делал ставку на использование войск против бастующих, чтобы силой привести рабочий класс к покорности.

Как только управление лондонского порта обратилось за помощью для подавления забастовки, Черчилль немедленно связался с военным министром Холдейном и получил 25 тыс. солдат. Это вызвало бурю возмущения среди портовых рабочих. Руководители докеров предупредили правительство, что, если войска будут двинуты в доки, возникнет вооруженное столкновение и произойдет кровопролитие. Черчилля это не остановило.

Однако Ллойд Джордж понял, что доводить дело до крайности нельзя. Подобные события внутри страны были особенно нежелательны в условиях развивавшейся напряженности в отношениях с Германией. Ллойд Джордж убедил Асквита вмешаться и схватить Черчилля за руку, пока «его привычка вызывать войска для урегулирования промышленных споров не вызвала открытую войну на улицах». Ллойд Джордж имел достаточные основания говорить о такой привычке Черчилля. У всех было свежо в памяти, как Черчилль направил лондонскую полицию и войска в долину Ронды против шахтеров.

В августе 1911 г. бастовавших моряков и докеров поддержали железнодорожники, решившие объявить всеобщую стачку. Черчилль ответил применением войск для срыва забастовки. Он использует войска, чтобы обеспечить работу транспорта, причем делает это по собственной инициативе, не ожидая обращений о помощи со стороны мест-

ных властей. С представителями профсоюзов Черчилль держался оскорбительно высокомерно. Близкие в то время к Черчиллю люди вспоминают: «Он получал огромное удовольствие, рассматривая карту страны и руководя передвижениями войск... Все это он делал удивительно неправильно. Он публиковал дикие бюллетени, требовавшие крови». Против железнодорожников, добивавшихся признания их профсоюзов транспортными компаниями, Черчилль мобилизовал 50 тыс. солдат, каждому из которых было выдано по 20 боевых патронов, и разместил эту армию в стратегических пунктах. Он использовал войска и для разгона демонстраций. В трех городах — Лондоне, Ливерпуле и Лланелли — солдаты стреляли по демонстрантам, были убитые.

Действия Черчилля подвергались резкой критике в парламенте. Лидер лейбористов Рамзей Макдональд 22 августа 1911 г. говорил: «Если бы министр внутренних дел несколько лучше знал, как обращаться с массами в критические периоды, несколько лучше понимал, что такое гражданские свободы, и был бы способен несколько лучше использовать власть, которой он располагает как министр внутренних дел, у нас было бы значительно меньше трудностей, чем в последние 4—5 дней».

Использование войск против рабочих означало, что с Черчиллем — «либеральным» политиком и «социальным реформатором», заигрывавшим недолгое время с профсоюзами и рабочим классом, покончено раз и навсегда.

Деятельность Черчилля имела свои последствия. Рабочий класс относился к нему все хуже и хуже, у обеих сторон увеличивалось чувство взаимной ненависти. В то же время правящие круги страны убеждались, что Черчилль является надежным защитником их интересов, человеком, способным к энергичным действиям в сложных условиях, наделенным большой силой воли, решительностью и организаторскими способностями. Авторитет Черчилля в глазах правящих кругов, несмотря на экстравагантность действий и излишнее усердие, несомненно, поднялся. Скоро это дало свои практические результаты.

Между тем мир неотвратимо приближался к большой войне. В июле 1911 г. германский император Вильгельм II направил канонерскую лодку «Пантера» в Агадир (Марокко), чтобы таким образом продемонстрировать притязания Германии, касающиеся Африканского континента.

В Англии это вызвало сенсацию. «Прыжок «Пантеры»» не только мгновенно обнаружил остроту и глубину англо-германских противоречий, но и привел к выяснению позиции по вопросам внешней политики ряда членов либерального правительства.

Многие, в том числе и в Германии, предполагали, что Ллойд Джордж и Черчилль не являются сторонниками агрессивной империалистической внешней политики и расходятся во взглядах с Асквитом, Греем, Холдейном и некоторыми другими членами правительства, так называемыми либералами-империалистами. Теперь же совершенно определенно обнаружилось, что это не так. Ллойд Джордж выступил со своей ставшей впоследствии знаменитой речью перед банкирами Сити, в которой предупредил Германию, что Англия будет воевать, если немцы вынудят ее к этому. Черчилль был полностью солидарен с Ллойд Джорджем.

В Берлине не ожидали, что радикальное крыло английского правительства займет такую позицию, и отозвали из Лондона своего посла графа Меттерниха, который прозевал эволюцию взглядов Ллойд Джорджа. Черчилль был хорошо знаком с графом и ужинал с ним накануне его отъезда из Лондона. Он сказал графу, что Германия не должна пытаться соперничать с Англией на морях. «Мы,— заявил Черчилль,— будем строить, если необходимо, по два военных корабля на один корабль, построенный в Германии... Радикалы и тори, что бы они ни говорили друг о друге, едины в этом вопросе». Черчилль в качестве министра внутренних дел принял меры, которые должны были затруднить шпионскую и диверсионную работу Германии на английской территории на случай войны. После «прыжка «Пантеры»» он пришел к выводу, что война с Германией неизбежна. Все другие проблемы отошли на задний план. «В течение 7 лет,— пишет он,— я ни о чем другом не мог думать».

В это время Черчилль уделяет все больше и больше внимания вопросам внешней политики. Он тратит много времени на изучение отношений Англии со странами Европы. Все более частыми и продолжительными становятся его визиты в Форин оффис и в военное министерство. Министр Холдейн разрешает своему штату знакомить его с состоянием военной подготовки Англии. Особенно часто встречается Черчилль с начальником оперативного управ-

ления военного министерства генералом Генри Уильсоном. На основании идей и информации, полученной у военных специалистов, Черчилль составил меморандум о «военных аспектах континентальной проблемы» и вручил его премьер-министру.

Этот документ был несомненным успехом Черчилля. Он свидетельствовал о том, что Черчилль, обладая весьма скромным военным образованием, которое дала ему школа кавалерийских офицеров, смог быстро и профессионально разобраться в ряде важных военных вопросов. Черчилль сумел собрать наиболее интересные мнения и выводы видных военных специалистов и просеять их сквозь сито собственного здравого смысла. Воображение и здравый смысл при этом он обнаружил весьма значительные. Черчилль отказался от иллюзий относительно направления развития международных отношений и от мысли, что разговоры о неизбежности войны с Германией не имеют под собой почвы. Утверждая в меморандуме, что основные операции в предстоящей войне будут вестись армиями Франции и Германии, он высказался за направление во Францию английского экспедиционного корпуса из 13 дивизий, насчитывавшего вместе с вспомогательными частями до 300 тыс. человек. Следовательно, прежние рассуждения Черчилля о том, что в будущей войне Англия должна драться в основном при помощи военно-морского флота и что немногочисленная английская армия неизбежно потонет среди массовых армий континентальных держав, теперь отбрасывались им. Все это свидетельствовало о возросшей зрелости Черчилля как политика. Вместе с тем меморандум показывал, что ни Черчилль, ни те, с кем он советовался, подготавливая его, даже приблизительно не представляли себе подлинного размаха приближавшейся войны и явно недооценивали ту роль, которую суждено было сыграть в ней России.

Асквит роздал меморандум Черчилля членам Комитета имперской обороны, в который входили ведущие члены правительства и некоторые военные лидеры. Заседание комитета состоялось 23 августа 1911 г. На заседании были заслушаны доклады о стратегических планах военного министерства и адмиралтейства. Отправка экспедиционного корпуса во Францию с началом боевых действий была одобрена. А адмиралтейству было поручено разработать планы переброски корпуса на французское побережье.

Заседание Комитета имперской обороны показало, что подготовка военно-морского флота к предстоящей войне осуществляется плохо. Асквит начал размышлять над тем, кого бы направить в адмиралтейство, чтобы заменить военно-морского министра Маккенну. Наиболее подходящей кандидатурой казался Холдейн. Однако у Холдейна были большие трения с адмиралами, а это означало, что для него в адмиралтействе с первого же дня создалась бы очень трудная обстановка. Нужен был другой человек.

Решительные меры Черчилля по борьбе с рабочим движением, а также проявленные им способности при рассмотрении военных вопросов побудили Асквита и других ведущих членов кабинета обратиться к кандидатуре Черчилля. В конце сентября Асквит спросил Черчилля, не хотел ли бы он пойти в адмиралтейство. Известно, что тот же Асквит задал этот вопрос Черчиллю несколько лет тому назад. Теперь времена и условия были другие, адмиралтейство приобрело большое значение и сулило богатые возможности для активной деятельности в военной области. Черчилль сразу же ответил согласием. 23 октября 1911 г. Маккенна принял у Черчилля министерство внутренних дел и в тот же день сдал ему военно-морское министерство.

Не исключено, что готовность Черчилля перейти в адмиралтейство объяснялась и тем, что его слишком решительные, а иногда и просто авантюристические действия в министерстве внутренних дел вызывали резко отрицательную реакцию со стороны общественного мнения. Как заметил по этому поводу Остин Чемберлен, Черчилль почувствовал, что «министерство внутренних дел становится для него слишком горячим местом», и пришел «к совершенно определенному выводу, что, поскольку он не в состоянии соперничать в области демагогии с Ллойд Джорджем, ему следует выступать в роли государственного деятеля и человека твердой руки».

С переходом Черчилля в военно-морское министерство заканчивается период его формирования как государственного деятеля. Его задачей на новом месте была быстрейшая подготовка военно-морского флота Англии к войне с Германией, к войне, которая, как он полагал, могла начаться в любой момент.

5

ПОЛКОВОДЕЦ НЕ ПОЛУЧИЛСЯ

С момента назначения Черчилля военно-морским министром и до начала первой мировой войны прошло 33 месяца. На протяжении этих месяцев Черчилль развернул бурную деятельность. Он создал в адмиралтействе обстановку, которая должна была убедить руководителей военно-морского флота в опасности близкого нападения со стороны Германии. Было введено дежурство штабных офицеров, в задачу которых входило объявить в случае необходимости немедленную тревогу. В своем кабинете позади письменного стола Черчилль распорядился повесить огромную карту Северного моря. Каждый день штабной офицер помечал на карте флажками расположение кораблей германского флота. Свой рабочий день министр начинал с детального ознакомления с дислокацией флота потенциального противника. Он располагал и другими источниками информации о германском флоте, но рассматривал эту громадную карту для того, чтобы привить своим сотрудникам чувство «постоянно присутствующей опасности».

Черчилль в то время не очень хорошо разбирался в военно-морских делах. Поэтому, как и в других аналогичных случаях, он позаботился прежде всего о подыскании сведущих советников. Черчилль сразу же вспомнил об адмирале Джоне Фишере, с которым в свое время у него были хорошие отношения, закончившиеся затем разрывом в связи с выступлениями Черчилля против увеличения военно-морского бюджета. Теперь ему удалось восстановить отношения с адмиралом, и Фишер стал неофициальным советником нового министра.

Будучи энергичным и непоседливым человеком, Черчилль большую часть своего времени проводил в плава-

нии на яхте адмиралтейства «Эншантресс». Он посетил все наиболее важные военно-морские базы, побывал почти на всех крупных судах, знал досконально расположение и нужды флота. Черчилль требовал готовить английский флот так, чтобы он мог быстро и решительно разгромить германский флот. В Германии не сразу поняли его позицию. В январе 1912 г., когда в Берлине возникла идея провести с Англией переговоры о военно-морских вооружениях, там готовы были принять для этой цели Черчилля. Однако он не проявил интереса к такой поездке в Берлин. Вероятно, и английское правительство сочло, что в Берлин необходимо направить более уравновешенного и зрелого политика. Выбор пал на военного министра Холдейна.

Возможно, английское правительство и хотело договоренности с Германией о регулировании военно-морских вооружений обеих стран на приемлемых для Англии условиях. Черчилль же этого явно не хотел. Решив для себя, что дело идет к войне, он и готовился к ней. Более того, некоторые его действия дают основания предположить, что он не желал, чтобы миссия Холдейна увенчалась успехом. Во время пребывания Холдейна в Германии германский император Вильгельм II объявил в рейхстаге о большом увеличении ассигнований на армию и военно-морской флот. «Моей постоянной обязанностью и заботой, — заявил кайзер, — является поддержание и укрепление оборонной мощи немецкого народа на земле и на воде». Кайзер добавил, что немецкий народ «не испытывает недостатка в молодых людях, способных носить оружие».

Черчилль ухватился за это выступление как за повод для того, чтобы изложить свои взгляды на усиливавшуюся гонку военно-морских вооружений в Англии и Германии. Не посоветовавшись ни с премьер-министром, ни с кабинетом, Черчилль выступил в Глазго с речью, наделавшей много шума. Он заявил, что Англия никогда не испытывала недостатка в моряках, ибо английские дети воспитываются в духе любви к морю, и в готовности нести военно-морскую службу. «Военно-морская мощь Англии, — сказал он, — является исключительно оборонительной». Затем Черчилль попытался провести различие между английским и германским военно-морским флотом. «Английский флот, — подчеркивал он, — является необ-

ходимостью для нас, а если подходить с определенной точки зрения к германскому флоту, то он для немцев в основном является роскошью. С нашей военно-морской мощью непосредственно связано само существование Англии. В ней залог нашего существования. Для немцев военно-морская мощь — это экспансия».

Заявление Черчилля о том, что для немцев «флот — это роскошь», вызвало бурю негодования в Берлине. Германские руководители поняли, что они глубоко заблуждались, считая нового английского военно-морского министра своим другом. Вообще-то говоря, у них были некоторые основания для такого заблуждения. Ведь в 1906 и 1909 гг. Черчилль в качестве личного гостя кайзера присутствовал на маневрах германской армии. Он встречался с германским кронпринцем. Черчилль принадлежал в свое время к пацифистскому крылу в правительстве и благожелательно отзывался о Германии. Кайзер с большим удовлетворением узнал о его назначении в адмиралтейство и считал это победой прогерманских элементов в английских правящих кругах. Теперь же выявилось, что старые представления относительно взглядов Черчилля оказались абсолютно неверными.

Недовольны были речью Черчилля и в Англии. Правительство считало ее слишком резкой и неосторожной. Консерваторы, возмущаясь, злорадствовали: «Чего можно ожидать от этого типа?» Опасались, что выступление Черчилля помешает Холдейну в его переговорах с немцами. Однако германское правительство и без того отнюдь не стремилось к договоренности, поэтому вояж Холдейна был заранее обречен на неудачу.

Первой заботой нового военно-морского министра было создание штаба в адмиралтействе по примеру уже существовавшего штаба армии. Прежде чем создать его, Черчиллю пришлось заменить ряд адмиралов, занимавших важнейшие посты в командовании флотом. Был смещен первый морской лорд Артур Уильсон, на котором лежала большая доля ответственности за неподготовленность флота. За Уильсоном последовал ряд других адмиралов, несогласных с новым курсом. Черчилль проявил большую решимость и волю, убрав престарелых и отставших от жизни адмиралов. Его друг Джон Фишер торжествовал. «Я не знаю ни одного первого лорда в истории, — писал он, — который мог бы сделать это».

На пути создания военно-морского штаба нужно было преодолеть немалые трудности. Черчилль хотел подчинить штаб непосредственно себе. Адмиралы категорически возражали. Они считали, что руководить органом, которому надлежит решать сугубо военные вопросы, должен военный моряк, а не штатское лицо. Холдейн выступил в их поддержку. Фишер посоветовал Черчиллю согласиться, чтобы адмирал — его первый заместитель по военным делам — одновременно являлся и начальником военно-морского штаба. Черчилль никак не хотел с этим соглашаться. В дальнейшем вопрос был решен именно таким образом, но это произошло уже после ухода Черчилля из адмиралтейства.

В конце концов военно-морской штаб был создан. В его функции входила выработка военных планов и выдвижение кандидатур на замещение высших постов в командовании флота. Однако новый орган не оправдал возлагавшихся на него надежд, его деятельность была малоплодотворной. Сказывалось отсутствие специально подготовленных для штабной работы офицеров и традиций.

Черчилль плохо ладил с адмиралами. Это и неудивительно. Им не нравилось выслушивать от бывшего младшего кавалерийского офицера постоянные поучения о том, как лучше командовать военно-морским флотом. Особенно раздражали претензии Черчилля на решение тех вопросов, которые обычно подлежали ведению коллегии адмиралтейства. Второй морской лорд, адмирал Джелико, утверждал в то время, что Черчилль не понимает своих ограниченных возможностей сугубо штатского человека, «совершенно невежественного в военно-морских делах». Джелико говорил, что он восхищается тем, как Черчилль аргументирует то или иное предложение, вносимое им на рассмотрение кабинета или Комитета имперской обороны. В этой области с ним не могут соревноваться даже лучшие юристы. Однако когда он в адмиралтействе подобным образом пытается решать вопросы военного характера, то это становится опасным. Военно-морские офицеры — плохие спорщики, они не готовились для этой цели, и поэтому им трудно вести дела с военно-морским министром. Черчилль не прислушивается к мнению своих коллег, нетерпимо относится к их взглядам, если они не совпадают с его собственными.

Даже адмирал Фишер, который усилиями Черчилля

был назначен в адмиралтейство на пост первого морского лорда, несмотря на свою дружбу с ним, в общем разделял мнение адмиралов о военно-морском министре. Он возмущался тем, что Черчилль пишет огромное количество различных меморандумов и записок и заставляет руководителей адмиралтейства заниматься их изучением. В итоге, замечает Фишер, адмиралтейство превращено в «канцелярию военно-морского министра». «Я сказал об этом Уинстону вчера, — пишет Фишер одному их своих друзей, — и хотя ему это не понравилось, тем не менее это верно».

Черчилль и Фишер осуществили два серьезных изменения в английском военно-морском флоте накануне первой мировой войны. Они заменили на кораблях орудия калибра 13,5 дюйма орудиями в 15 дюймов. Времени для отработки и испытания новой конструкции не хватало, и нужна была незаурядная решимость, чтобы взять на себя полную ответственность за возможные отрицательные последствия введения во флоте более мощного орудийного калибра. Но расчеты конструкторов оказались верными, и все обошлось благополучно.

Затем Черчилль и Фишер перевели флот с угля па нефть. Нефтяное топливо должно было обеспечить бо́льшую быстроходность и мобильность. Это дало английскому флоту большие преимущества. Возник, однако, вопрос о том, где брать новое топливо. Уголь находился в избытке в самой Англии, нефти же в стране совершенно не было. Черчилль принял меры, чтобы получить нефть из Ирана. Созданная для этой цели Англо-Иранская нефтяная компания за небольшую сумму, выплачиваемую ею иранскому правительству, получила монопольное право на разведку, добычу и переработку нефти в Иране. Владельцем большинства акций компании было английское правительство.

Осуществленные Черчиллем меры, бесспорно, усилили боевую готовность английского флота, что приобретало особенно важное значение в связи с приближением войны. Однако они стоили дорого, и на этой почве у Черчилля возник конфликт с министром финансов Ллойд Джорджем. В конце 1913 г. Черчилль внес на рассмотрение правительства проект военно-морского бюджета, превышающего 50 млн. ф. ст. Это был самый большой военно-морской бюджет в истории Англии. Ллойд Джордж

выступил категорически против. Правительство оказалось в затруднительном положении.

Черчилль считал, что главной ударной силой флота должны стать тяжелые корабли, которые были в то же время и самыми дорогими, а Ллойд Джордж больше верил в легкие крейсеры и эсминцы, стоившие дешевле. Споры обострились настолько, что пошла речь об отставке, которой угрожали обе стороны. Правда, Ллойд Джордж был настроен более миролюбиво, он даже заявил, что сохранение Черчилля в правительстве «стоит миллиона».

Угроза отставкой — мера, к которой довольно часто прибегают в английской политической жизни. Однако зачастую такая угроза является блефом. Так произошло и в данном случае. Ни Черчилль, ни Ллойд Джордж подавать в отставку отнюдь не собирались. Чтобы нажать на своего противника, Черчилль распустил слух, что если ему придется уйти в отставку, то его примеру последуют все руководители адмиралтейства. Более того, он дал понять, что подумывает о возвращении в консервативную партию, и намекал о своей готовности пойти на компромисс с консерваторами по вопросу о гомруле для Ирландии. Эти угрозы были весьма симптоматичными. Они свидетельствовали, что где-то в глубине души Черчилль лелеял мысль о возвращении к консерваторам. Либералам подобные осложнения были совсем ни к чему, и в конце концов споры между Черчиллем и Ллойд Джорджем после пятичасовой беседы с глазу на глаз закончились компромиссом. Черчилль сократил бюджет на 1 млн. ф. ст., а Ллойд Джордж одобрил ассигнования на военно-морской флот в общем объеме в 52 млн. ф. ст.

Тем не менее Черчилль все больше и больше расходился с Ллойд Джорджем. И дело было не только в спорах о бюджете. Черчилль окончательно и бесповоротно порвал со своими недолгими увлечениями социальными вопросами и больше ими совершенно не интересовался. Его внимание теперь полностью было сконцентрировано на проблемах военных и внешнеполитических. Ллойд Джордж же продолжал с неослабевающим вниманием следить за внутриполитическими проблемами и заниматься вопросами классовых взаимоотношений. В январе 1913 г. он говорил о Черчилле: «Правда состоит в том,

что он не либерал. Он не понимает либеральных взглядов».

Это мнение разделяли многие видные деятели либеральной партии. Такое положение было чревато для Черчилля большой опасностью, ибо в случае необходимости он не мог рассчитывать па безоговорочную поддержку со стороны партии. Отношения же с консерваторами у него по-прежнему оставались плохими. Конечно, его военно-морская политика импонировала консерваторам, равно как и его выступления по внешнеполитическим вопросам, но они продолжали считать его беспринципным, ненадежным и политически опасным человеком. Действительно, для этого были основания. Ведь до того момента, говорили консерваторы, когда Черчилль стал военно-морским министром, он выступал против увеличения ассигнований на флот. Теперь же, когда, реорганизуя флот, он может увеличить свою личную славу, он выступает за расширение военно-морского бюджета. Одна газета в то время назвала Черчилля «бесхребетным чудовищем», имея в виду его способность быстро менять политический курс.

Необходимо было принять меры для укрепления своих политических позиций. Сделка с консерваторами в то время исключалась, и Черчилль решает упрочить свои позиции в либеральной партии. С этой целью он принимает активное участие в развернувшейся в предвоенные годы борьбе по ирландскому вопросу.

Выборы 1910 г., давшие либералам и консерваторам одинаковое количество мандатов в парламенте, поставили правительство Асквита в зависимость от голосов ирландской и лейбористской фракций. За поддержку ирландцев надо было платить, и либеральное правительство в 1912 г. предприняло попытку ввести в Ирландии самоуправление ограниченного характера. Этого требовала также сложившаяся в Ирландии революционная обстановка, грозившая Англии большими осложнениями, особенно нежелательными накануне войны. Палата лордов дважды отклоняла законопроект о гомруле, и он был утвержден лишь в 1914 г.

Консерваторы решили силой помешать введению гомруля. Опираясь на землевладельцев и крупную буржуазию Северной Ирландии, они в 1913 г. начали создавать вооруженные отряды, которые должны были

предотвратить распространение самоуправления на северные провинции Ирландии — Ольстер. Обучение вели командиры из числа офицеров английской армии и флота. Отряды были вооружены револьверами, винтовками и даже пулеметами.

Когда в марте 1914 г. правительство приказало некоторым воинским частям приготовиться к отправке в Ольстер, с тем чтобы подавить организованное сопротивление законным властям, если таковое будет оказано, 57 офицеров немедленно подали в отставку. Многие другие заявили, что они сделают то же самое, если правительство попытается использовать войска против ольстерских мятежников. Это был организованный консерваторами бунт офицеров против правительства. Правительство предпочло капитулировать.

Черчилль шумно выступал в поддержку гомруля. Он принял активное участие в проведении законопроекта о гомруле в палате общин. Затем принялся агитировать за гомруль, разъезжая по стране. В феврале 1912 г. Черчилль выступил в Белфасте — столице Ольстера. Противники самоуправления не позволили ему выступить в помещении, и Черчилль произнес речь перед большим скоплением народа на открытом воздухе. Страсти были накалены, и противники гомруля угрожали расправиться с оратором. 10 тыс. солдат были направлены для поддержания порядка на митинге. В то время говорили, что, если бы Черчилля не сопровождала жена, ольстерцы бросили бы его в реку. В палате общин разыгрывались бурные сцены. Один из депутатов запустил в Черчилля книгой. Вмешательство других депутатов предотвратило рукопашную схватку. И все же, как замечает один из биографов Черчилля, «нельзя не прийти к заключению, что этот вопрос не затрагивал его чувства; он просто играл в политику».

Ведя подобную игру, Черчилль не вернул себе прежнюю репутацию радикального политика, но добился того, что военно-морской бюджет был утвержден палатой общин без серьезной оппозиции. Что же касается Ирландии, то начавшаяся в 1914 г. первая мировая война дала возможность правительству объявить об отсрочке введения в действие акта о гомруле. Таким образом, решение ирландского вопроса откладывалось на послевоенный период.

Примерно к этому времени относится страстное увлечение Черчилля пилотажем. Впервые он совершил полет на аэроплане в 1912 г. по долгу службы, и этот опыт так ему понравился, что в следующем году он стал учиться управлять самолетом. Инструкторы не позволяли ему летать в одиночку, поскольку, как выразился полковник Тренчард, будущий маршал авиации, Черчилль «был слишком нетерпелив, чтобы стать хорошим учеником». Друзья и особенно жена, страшившиеся опасности, связанной с полетами, уговаривали Черчилля оставить это занятие. Совершив почти 140 полетов, он наконец в июне 1914 г. обещал Клементине больше не испытывать судьбу.

30 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Запахло порохом. Черчилль писал в эти дни жене: «Все движется к катастрофе, к крушению. Мне интересно, я испытываю подъем и счастье. Ужасно, не правда ли? Приготовления к войне захватывающе увлекательны для меня. Молю бога простить мне эти отвратительно легкомысленные настроения».

Уже в начале войны сказались положительные результаты деятельности Черчилля в адмиралтействе. Флот был подготовлен к войне. По убеждению адмирала Фишера, война могла начаться во второй половине 1914 г. Вероятно, и Черчилль разделял это убеждение, в связи с чем в 1914 г. английский флот не проводил своих обычных ежегодных маневров. Вместо этого Черчилль отдал приказ провести пробную мобилизацию флота, в ходе которой суда и личный состав были приведены в боевую готовность. Учения проходили в середине июля и закончились традиционным парадом 17 и 18 июля. В обычных условиях после парада флот распускался и суда направлялись на свои базы. Однако 20 июля адмиралтейство объявило, что первому флоту отдан приказ остаться в сконцентрированном состоянии. Когда в 1915 г. Черчилль покинул адмиралтейство, Китченер, бывший тогда военным министром, сказал ему: «Вы всегда сможете гордиться тем, что наш флот был полностью готов к войне».

В течение десяти дней, предшествовавших вступлению Англии в войну, английское правительство рассматривало вопрос о своем отношении к ней. Черчилль занял твердую позицию в пользу немедленного вступления в войну. Он требовал срочной мобилизации. По-

скольку некоторые члены правительства колебались, Черчилль попросил своего друга Ф. Е. Смита выяснить у лидеров консервативной партии, не согласятся ли они создать коалиционное правительство, если либеральный кабинет расколется по вопросу об отношении к войне. Когда 1 августа Германия объявила войну России, Черчилль под свою личную ответственность, не испросив санкции правительства, отдал приказ о полной мобилизации флота. Вероятно, таким путем он хотел подтолкнуть правительство на объявление войны Германии. Это был смелый шаг, хотя подобное самоуправство могло и не понравиться. Но все обошлось для него благополучно. На следующий день правительство подтвердило решение Черчилля о мобилизации флота. 4 августа 1914 г. Англия объявила войну Германии.

«Никто не хотел войны» — так назвал Ллойд Джордж один из разделов своих военных мемуаров. «Среди правителей и государственных деятелей... — писал он, — нет ни одного... кто хотел бы войны». Это, конечно, не так. Ответственность за первую мировую войну, порожденную противоречиями капиталистического строя, несут все империалистические державы, в том числе и Англия. Правда, английское правительство вело накануне войны хитроумную политику, которая должна была снять с него ответственность за ее возникновение.

«Английская дипломатия, — отмечалось в Манифесте I конгресса Коминтерна, — до самого военного взрыва не снимала с себя непроницаемого забрала. Правительство Сити опасалось ясно обнаружить свое намерение выступить в войне на стороне стран Согласия, чтобы не запугать правительство Берлина и не заставить его отказаться от войны. В Лондоне хотели войны. Поэтому держали себя так, что в Берлине и Вене надеялись на нейтралитет Англии, в то время как в Париже и Петрограде твердо рассчитывали на ее вмешательство.

Подготовленная ходом развития в течение десятилетий война была спущена с цепей при прямой и сознательной провокации Великобритании. Правительство последней рассчитывало при этом оказывать поддержку России и Франции лишь настолько, чтобы, истощая их, истощить Германию, своего смертельного врага. Но могущество немецкой военщины оказалось слишком грозным и потребо-

вало не показного, а действительного вмешательства Англии в войну. Роль смеющегося третьего, на которую по старой традиции претендовала Великобритания, выпала на долю Соединенных Штатов».

В начале первой мировой войны казалось, что судьба открывает перед Черчиллем блестящие перспективы. В 39 лет он был членом правительства одной из крупнейших держав, руководил сильнейшим в мире военно-морским флотом, его влияние в правительстве и в стране было весьма значительным, как никогда ранее. Премьер-министр Асквит благоволил к нему. Не только друзья, но и враги Черчилля считали его одним из наиболее вероятных преемников Асквита на посту премьер-министра Англии. В то время никто не предполагал, что пройдет лишь 10 месяцев и Черчилля уберут из адмиралтейства, а еще через 5 месяцев и из военного кабинета, что он утратит власть и влияние и что когда потом, в 1917 г., Ллойд Джордж, став премьер-министром, вернет Черчилля в правительство, его влияние на политические судьбы Англии уже не будет идти ни в какое сравнение с периодом 1914 г. Виной всему был сам Черчилль. Его заносчивость и самоуверенность делали неприемлемым сотрудничество с ним для других министров, везде создавали ему врагов и в конце концов надолго прервали его политическую карьеру.

В Черчилле удивительно уживались здравые суждения и разумные решения с по меньшей мере неосмотрительными поступками. Это особенно характерно для полуторалетнего периода, последовавшего за вступлением Англии в войну.

В августе 1914 г. Черчилль не представлял себе, насколько тяжелой и длительной будет начавшаяся война. Он тогда бросил фразу: «Бизнес, как обычно». Это означало, что, несмотря на войну, страна должна жить своей обычной жизнью. Черчилль был не одинок в этом заблуждении. Так думали все английские руководители. Грей, например, заявил в палате общин 3 августа: «Если мы примем участие в войне, пострадаем немногим меньше, чем находясь вне войны». Английские министры полагали, что их страна будет воевать в основном своими военно-морскими силами. Английский флот разгромит германский флот на океанах и в Северном море, а в это время континентальные союзники Англии нанесут поражение Герма-

нии на суше. Все будет кончено в течение нескольких месяцев, а может быть, и в течение нескольких недель. Война не затронет по существу обычную жизнь страны.

Черчилль с первых дней боевых действий стремился к решительному сражению с германским флотом. Однако немцы не хотели предоставить возможность английскому флоту одним ударом потопить их более слабый флот. Англичанам удалось успешно совершить нападение на ряд немецких судов у острова Зильт. Один крейсер был потоплен и несколько повреждено, уничтожен был также эсминец.

Флот справился с транспортировкой во Францию английского экспедиционного корпуса. При перевозке солдат жертв не было. Но сражение на материке развертывалось неблагоприятно для союзников. Французской армии пришлось с тяжкими потерями далеко отступить. Китченер, ставший к этому времени военным министром Англии, начал опасаться, что немцы попытаются использовать цеппелины для налетов на Англию. Англичане располагали в это время кое-какой военной авиацией. Это были примитивные самолеты, и они играли в войне незначительную роль. Армейская авиация участвовала в сражениях на континенте. В распоряжении Черчилля находилась военно-морская авиация, которая осенью 1914 г. бездействовала. Китченер предложил Черчиллю ввести в действие его самолеты для уничтожения баз цеппелинов. Поскольку радиус действия тогдашних самолетов был небольшим, Черчилль создал авиационные базы военно-морского флота на французском побережье, в Дюнкерке и Кале. Оттуда англичане и совершали налеты на немецкие ангары.

Черчилль уделял серьезное внимание этим операциям. Когда обнаружилось, что английским авиационным базам угрожают нападения со стороны немецких патрулей, он организовал для их охраны изготовление бронированных автомобилей, вооруженных пулеметами. Вскоре оказалось, что автомобили не могут успешно действовать на местности, изрытой окопами. У Черчилля возникла идея создать автомобиль, несущий на себе портативный мост, при помощи которого можно преодолевать траншеи. Идея бронеавтомобиля с собственным мостом при внимательном рассмотрении была отброшена, но не совсем. Один армейский майор предложил построить «сухопутные линкоры». Черчилль ухватился за это предложение, создал в

адмиралтействе комитет по разработке соответствующего проекта и приказал изготовить 18 опытных образцов. На их изготовление требовалось 70 тыс. ф. ст. Казначейство в ассигнованиях отказало, но Черчилль дал необходимые средства из сумм адмиралтейства. После того как Черчиллю пришлось уйти из военно-морского министерства, его преемник распорядился, чтобы был изготовлен лишь один опытный «сухопутный линкор». Он и стал прототипом будущего танка.

В сентябре 1914 г. возникла опасность захвата немцами портов, расположенных на французском побережье пролива Ла-Манш. Французы попросили Китченера послать бригаду морской пехоты в Дюнкерк с целью укрепить расположенные там силы. Китченер обратился к Черчиллю, и военно-морской министр охотно согласился. Военные моряки были переправлены через пролив, и, чтобы обеспечить их транспортом, Черчилль реквизировал 50 моторных омнибусов, ходивших до этого по лондонским улицам. Английские моряки разъезжали в омнибусах вдоль линии фронта, жертв не несли, поскольку в сражениях не участвовали. Это было довольно забавное зрелище, развлекавшее как самих морских пехотинцев, так и солдат того района, где они находились. Черчилль проводил большую часть своего времени во Франции, инспектируя авиационные базы флота и морскую пехоту. Его поездки на континент и похождения морских пехотинцев вскоре получили прозвище «дюнкеркского, или черчиллевского, цирка».

Консерваторы начали критиковать Черчилля за то, что он носится по территории Франции, вместо того чтобы больше бывать в адмиралтействе, где ему надлежит находиться, и выставляет себя в смешном виде. Критики заявляли, что бронированные автомобили и лондонские омнибусы не имеют никакого отношения к военно-морскому флоту. Коллеги Черчилля по правительству начали раздражаться. Имели место случаи, когда военно-морской министр отсутствовал на заседаниях правительства, на которых решались вопросы, прямо относящиеся к его ведомству. Премьер-министру Асквиту иногда приходилось вместо него отдавать распоряжения по адмиралтейству, ибо Черчилль находился во Франции.

Недовольство усиливалось в связи с некоторыми недостаточно продуманными выступлениями Черчилля. 21 сен-

тября 1914 г. он выступил с речью, в которой заявил, что поскольку немецкий флот не выходит из портов, то англичанам надлежит «выкапывать немцев из их нор, как крыс». Английскому общественному мнению не понравились эти заявления. Англичане понимали, что немцы являются опасным противником и что, оскорбляя их, Черчилль испытывает судьбу. Через три дня немецкая подводная лодка торпедировала вблизи голландского побережья три английских крейсера. То был первый крупный успех нового вида оружия — подводных лодок, означавший появление серьезной угрозы для Англии как морской державы. Английское общественное мнение расценило это как ответ немцев на речь Черчилля от 21 сентября. Черчилль снова оказался в смешном положении. В довершение всего стало известно, что военные моряки считали опасным держать эти корабли вблизи голландского побережья, но что они своевременно не были отведены. Ответственность за их утрату, которая сопровождалась гибелью 1500 офицеров и матросов, возлагалась на Черчилля.

Военно-морской министр плохо усваивал уроки войны. Удивительно, как он, человек большого здравого смысла, в то время допускал один промах за другим. Вскоре сенсацию вызвали его действия в Антверпене. Отступление немцев с Марны сопровождалось их усилиями выйти на побережье Ла-Манша. Двигаясь к побережью, немецкие части 1 октября подошли к бельгийской крепости Антверпен и проникли за внешнюю линию ее фортов. Крепость была обречена. Английское правительство пыталось убедить бельгийцев не сдавать крепость, пока не будут присланы подкрепления, которые отбросят наступавшего противника от стен Антверпена. 2 октября Китченер и Эдвард Грей в отсутствие Асквита одобрили предложение Черчилля немедленно отправиться в Антверпен и убедить бельгийцев не сдавать крепость. Черчилль срочно выехал с этим поручением и в качестве подкрепления перебросил из Дюнкерка в Антверпен бригаду морской пехоты. Затем он добился присылки из Англии дополнительно еще двух бригад морской пехоты, плохо вооруженных и еще хуже обученных.

Министру удалось убедить бельгийцев продолжать оборону Антверпена. Он взял руководство в свои руки и энергично отдавал распоряжения и бельгийскому королю,

и его министрам, и командирам солдат и матросов, находившихся в крепости. Расположившись в лучшем отеле, Черчилль по своему обыкновению знакомился с корреспонденцией по утрам, лежа в постели, и использовал начальника морской разведки адмирала Оливера в качестве личного секретаря. Он был уверен, что смог бы удержать город, если бы получил подкрепление. Голова у него пошла кругом. Он отправил телеграмму Асквиту, которая удивила и развеселила премьер-министра. Черчилль просил Асквита освободить его от должности военно-морского министра и присвоить воинское звание, которое позволило бы ему официально принять на себя командование в Антверпене. Черчилль заверял премьер-министра, что в этом случае сражение за Антверпен закончится успешно для союзников.

Асквит 5 октября отметил в своем дневнике, что он дал на просьбу Черчилля отрицательный ответ, указав, что его нельзя отпустить из адмиралтейства. «Уинстон является отставным гусарским лейтенантом, — записывал тогда премьер-министр. — И если бы его просьба была принята, он оказался бы командиром, которому подчинялись бы два выдающихся генерал-майора, не говоря уже о бригадных генералах, полковниках и т. д.» Черчилль не согласился с первым отрицательным ответом (у него вообще было правило никогда не удовлетворяться ответом «нет») и продолжал просить, чтобы его назначили командующим в Антверпене. На следующий день Асквит записывает: «Уинстон настаивает, чтобы ему было позволено остаться там».

Черчиллю повезло. Кабинет не удовлетворил его просьбу и потребовал немедленно возвратиться в Лондон и заняться исполнением своих прямых обязанностей. Фельдмаршал Китченер склонен был пойти навстречу пожеланию Черчилля и присвоить ему звание генерал-лейтенанта, с тем чтобы он имел ранг более высокий, чем командиры, которые оказались бы у него в подчинении. Не ясно, чем в данном случае руководствовался старый фельдмаршал. Может быть, он был не прочь дать возможность Черчиллю сломать себе шею в Антверпене. Обстановка там складывалась таким образом, что замысел Черчилля мог закончиться тем, что он или сложил бы голову в сражении, или попал бы в плен к немцам, или был бы интернирован в Голландии.

Вскоре Антверпен пал. Два батальона резервистов, которые Черчилль доставил туда в составе морских бригад, по ошибке перешли голландскую границу и были там интернированы. 936 человек попали в плен, 138 были ранены, 57 — убиты.

Друзья Черчилля посмеивались над его «похождениями» в Антверпене. Политические противники, и прежде всего консерваторы, использовали этот случай для новых нападок на Черчилля. Главный его враг среди консерваторов Бонар Лоу писал относительно антверпенской экспедиции, что она представляется ему «абсолютно глупым делом», предпринятым министром, «лишившимся рассудка».

В то время Черчилль так и не понял ошибочности своего замысла. Уж очень ему хотелось военной славы. По возвращении в Англию у него состоялся длинный разговор с Асквитом. Премьер-министр в то время относился к Черчиллю благожелательно. Правда, длинные монологи Черчилля, в которых он всех поучал и всем давал советы, не исключая и премьер-министра, Асквиту не очень нравились. Однако на этот раз он слушал своего собеседника с большим интересом. Черчилль придал разговору весьма конфиденциальный характер. Он просил не рассматривать его будущее так, как его рассматривают все другие. Отведав крови в течение нескольких последних дней, заявил Черчилль, он, как тигр, почувствовал, что у него есть желание отведать ее побольше. Военно-морской министр просил Асквита освободить его от занимаемого поста (чем раньше, тем лучше) и поручить ему какое-либо военное командование. Асквит ответил, что его нельзя отпустить из адмиралтейства. Черчилль заметил, что в военно-морской области ничего важного не предстоит, ибо превосходство английского военно-морского флота над немецким будет расти из месяца в месяц. «У него текли слюнки, — записывает Асквит, — при мысли о китченеровских армиях... Он заявил, что его политическая карьера ничто в сравнении с военной славой».

Эта беседа показывает, что Черчилль жаждал славы и готов был для достижения этой цели на весьма рискованные шаги. Вскоре он организовал новое предприятие, на этот раз дорого обошедшееся Англии.

Как уже указывалось выше, в 1911 г. Черчилль подготовил меморандум, в котором делал прогнозы насчет раз-

вития войны на Западном фронте. Однако реальные события опрокинули эти прогнозы. Он предполагал, что решающие сражения произойдут в течение первых 40 дней войны. Проходил месяц за месяцем, но решающего сражения не было. Неожиданно для английских генералов и, конечно, для Черчилля война приняла затяжной характер. Китченер начал готовиться к трехлетней войне. Но, как оказалось в дальнейшем, и его прогноз был излишне оптимистическим.

В октябре 1914 г. в войну на стороне Германии вступила Турция. Союзники получили нового противника и новый фронт военных действий. 2 января 1915 г. верховный главнокомандующий России великий князь Николай Николаевич обратился к английским военным руководителям с просьбой предпринять в районе Ближнего Востока меры, чтобы отвлечь силы турок, которые оказывали значительное давление на русские армии на Кавказе. Обсуждение этого вопроса в Лондоне привело в конце концов к решению, имевшему большие последствия. Китченер вначале скептически относился к возможностям Англии предпринять что-то в этой связи. Он писал Черчиллю, что, вероятно, придется ограничиться в течение ближайших нескольких месяцев лишь демонстрацией в районе Дарданелл. Черчилля же осенила идея, что его флот должен с боем прорваться через Дарданеллы, подойти к Константинополю, столице Турции, и если потребуется, то бомбардировкой Константинополя заставить Турцию выйти из войны. Из многочисленных выступлений и заявлений Черчилля по этому вопросу можно заключить, что предлагаемая операция должна была, по мысли Черчилля, не только вывести из войны Турцию, но и в конечном счете заставить саму Германию пойти на мир с союзниками. Мраморное море представлялось Черчиллю тем местом, где будет одержана решающая победа в первой мировой войне, причем он сыграет главную роль в завоевании этой победы. Черчилль считал, что штурм и захват проливов могли быть осуществлены силами флота.

В адмиралтействе, и прежде всего у Фишера, возникли большие сомнения, сможет ли один флот решить эту задачу. Адмиралы полагали, что штурмовать проливы следует комбинированными силами — кораблями флота и сухопутными войсками, которые должны были занять побережья проливов. Черчилль не хотел долго ждать и раз-

мышлять. Без согласования с адмиралами он 3 января 1915 г. направил адмиралу Кардэну, командовавшему английским флотом, находившимся вблизи Дарданелл, телеграмму, в которой спрашивал, можно ли, по его мнению, форсировать Дарданеллы силами одного флота, и добавлял, что «ценность результатов оправдает тяжелые потери». Это была явная подсказка адмиралу положительного ответа. Кардэн к тому же должен был понять, что соображения, которые излагал Черчилль в телеграмме, принадлежат не только министру, но и адмиралам из военно-морского министерства. И тем не менее Кардэн дал сдержанный ответ. Он сообщал, что, по его мнению, через Дарданеллы нельзя прорваться с ходу, но что их можно форсировать в результате длительных операций, которые потребовали бы участия большого количества судов. Черчиллю было и этого достаточно. Он дает адмиралу распоряжение подготовить план нападения на Дарданеллы. Через неделю план был получен в Лондоне.

13 января 1915 г. Черчилль изложил свой проект на заседании Военного совета — специального органа по руководству ведением войны, состоявшего из ряда ответственных министров, генералов и адмиралов. За исключением министра финансов Ллойд Джорджа, все члены совета согласились с предложением военно-морского министра. Присутствовавшие адмиралы Фишер и Уильсон промолчали. Была принята директива, поручавшая адмиралтейству подготовить военно-морскую экспедицию, чтобы в феврале подвергнуть бомбардировке и захватить полуостров Галлиполи, имея своей целью Константинополь.

Неорганизованность, несогласованность между военными и флотскими деятелями, величайшая путаница, сопутствовавшие задуманной операции в дальнейшем, имеют своим началом это заседание Военного совета. Когда впоследствии проводилось расследование, то оказалось, что ни Фишер, ни Уильсон не считали тогда, что 13 января принято окончательное решение. Фишер даже утверждал, что, по его мнению, премьер-министр сформулировал решение после окончания заседания. Асквит же говорил, что проект решения был зачитан во время заседания, но что адмиралы в то время, вероятно, вышли. Само по себе это препирательство исчерпывающе характеризует обстановку, в которой английским правительством принимались в то время важнейшие решения. Однако этим дело не огра-

ничилось. Примерно половина членов Военного совета ушла с заседания с убеждением, что адмиралтейству поручено лишь подготовить операцию, тогда как остальные члены совета, и прежде всего сам Черчилль, считали, что санкционирована не только подготовка, но и проведение операции. Директива предусматривала в качестве конечной цели операции захват Константинополя. Однако захватить город силами одного флота было невозможно. Требовалось участие сухопутных войск, о чем в решении ничего не говорилось, да и не могло быть сказано, ибо в то время Китченер не хотел давать войска для этой цели. Собственно, он потому и не возражал против операции, что от него не требовали войск для ее проведения. Черчилль заверял, что победа будет одержана одним флотом и что армия появится лишь для того, чтобы «пожать ее плоды». «Таким образом, — пишет по этому поводу официальный австралийский историк войны, — благодаря преувеличенному воображению Черчилля, его невежеству профана в вопросах артиллерии и фатальной способности молодого энтузиаста убеждать старые и медленно работающие умы родилась на свет трагедия Галлиполи».

Адмиралам не нравилась вся эта затея. Они считали невозможным, чтобы один флот, без поддержки армии, провел операцию по захвату проливов, но Черчиллю удалось убедить их согласиться на проведение исключительно морской операции. Он заверил адмиралов, что силы большого флота, нацеленные против Германии в Северном море, не будут затронуты планируемой операцией, что в ней будут использованы лишь старые корабли, непригодные для действий против германского флота. Черчилль заверил своих военных помощников, что если обнаружится, что операция не обещает успеха, она может быть в любой момент прекращена. Адмиралы весьма неохотно согласились.

Отсутствие единодушия по этому вопросу в адмиралтействе неминуемо должно было сказаться в самом ближайшем будущем. Адмирал Фишер — главная после Черчилля фигура в адмиралтействе — вскоре после 13 января заявил официальные возражения против проведения операции в проливах без участия армии. 28 января состоялось новое заседание Военного совета, одобрившее операцию. Фишер в знак протеста намеревался подать в отставку, но Китченер уговорил его не делать этого. Фишер остался в адмиралтействе, и становившаяся все более

упорной борьба между ним и Черчиллем продолжалась. В конце концов она привела к уходу их обоих из адмиралтейства. Но в январе 1915 г. до этого еще было далеко.

В начале февраля Черчилль неожиданно получил мощную поддержку со стороны Китченера, изменившего свою прежнюю позицию. Во Франции обстановка сложилась таким образом, заявил военный министр, что появилась возможность выделить войска, которые поддержали бы атаку флота на проливы. Адмирал Фишер сразу же ухватился за это предложение и потребовал, чтобы войска были направлены немедленно. Китченер 24 февраля объявил на Военном совете, что если «флот не справится с операцией, то армия обеспечит успех дела».

Казалось бы, после этого не оставалось сомнений, что операция должна проводиться совместными силами флота и армии. Но Черчиллю не терпелось. Ему нужны были лавры, которые он не хотел делить ни с кем другим. Поэтому 19 января, не дождавшись прибытия войск, флот начал самостоятельные операции, предприняв обстрел турецких укреплений в районе Дарданелл. Внешние укрепления довольно быстро пали, и операция в течение первых 10 дней развивалась в общем успешно. Но сопротивление турок оказалось неожиданно упорным. Продвижение флота приостановилось. Представитель Китченера в районе операций информировал его, что одному флоту без помощи армии вряд ли удастся захватить проливы и что, по его мнению, командующий адмирал слишком оптимистично оценивает свои возможности.

В это время сторонники начатой операции приняли меры к тому, чтобы помешать правительству прекратить ее. 19 февраля в «Таймсе» появилась передовая статья, в которой преувеличивалось значение действий по захвату проливов для победы в войне с Германией. Печать создавала психологическую обстановку, в которой для правительства не было бы пути назад.

18 марта был предпринят новый штурм Дарданелл. Корабли подвергли мощной бомбардировке укрепления турок и почти заставили замолчать их орудия. Казалось, что победа уже в руках. Но когда корабли двинулись вперед, они неожиданно наткнулись на мины. Три больших корабля затонули, а четыре других были выведены из строя. В несколько минут почти половина флота, штурмовавшего проливы, была потеряна. Через четыре дня адмирал, ко-

мандовавший операцией, заявил, что она не может продолжаться без поддержки армии. С ним солидаризировался генерал, представлявший Китченера в этом районе. Черчилль с раздражением воспринял их суждения и решил отдать приказ продолжать операцию силами флота. Однако военные руководители адмиралтейства отказались санкционировать такой приказ. После этого военно-морские операции в проливах уже больше не возобновлялись.

Это не означало отказа от захвата проливов. Теперь решение поставленной задачи переходило от флота к армии. Но это был крах планов Черчилля изменить ход войны в пользу союзников имевшимися в его распоряжении средствами.

С момента прекращения бомбардировок турецких укреплений кораблями военно-морского флота до операций, предпринятых сухопутными войсками, прошло пять недель. За это время турки предприняли энергичные меры, чтобы укрепить полуостров Галлиполи. Немцы тоже разгадали намерения англичан и помогали туркам всем, чем могли. Командовал турецкими войсками и руководил укреплением полуострова немецкий генерал Лиман фон Сандерс, в распоряжении которого было значительное количество немецких офицеров-инструкторов. Скалистый рельеф полуострова облегчал его оборону и соответственно затруднял действия наступавших английских войск. Если бы операция по захвату полуострова была должным образом спланирована и подготовлена, а действия флота и сухопутных войск проходили более организованно, то весьма вероятно, что усилиям англичан сопутствовал бы успех.

25 апреля английские войска пошли на штурм скалистого полуострова, но решительной победы не достигли. Положение осложнилось в связи с появлением в районе операций немецких подводных лодок. Новые корабли англичанам пришлось увести. Флот все больше и больше свертывал свою активность. Ряд атак, предпринятых английскими, а также французскими, австралийскими и новозеландскими войсками, крупного успеха не принесли, но сопровождались значительными потерями. С каждым днем все больше и больше обнаруживалась бесперспективность операции.

Как предупреждал Китченер, неудача операции должна была повлечь за собой неприятные для Англии поли-

тические последствия в странах Востока. Поэтому в военно-морских и армейских кругах не торопились признать поражение. В адмиралтействе вновь активизировалась борьба между сторонниками возобновления штурма проливов силами флота и сторонниками совместных действий флота с армией. Адмирал Фишер был категорически против того, чтобы флот проявлял активность, пока армия не захватит побережье проливов. Черчилль же считал, что флот должен продолжать участвовать в операции по захвату Дарданелл. Он был склонен провести операцию ограниченного характера, в ходе которой флот попытался бы разрушить находящиеся в проливах форты. Он считал, что эта операция может принести успех, поскольку турки испытывают большую нехватку в снарядах. Фишер возражал против этого проекта. Его все больше беспокоила опасность со стороны немецких подводных лодок, которые развернули активную деятельность в непосредственной близости от берегов Англии. Фишер имел сведения, что вскоре немецкие подводные лодки в значительном количестве появятся и в Средиземном море.

Адмирал Фишер был старше Черчилля чуть ли не в два раза. Он пользовался большой популярностью в стране, и особенно у консерваторов. Характер у него был такой же, как и у Черчилля, — решительный, резкий, не склонный к компромиссам. Не было ничего удивительного в том, что оба руководителя военно-морского министерства в конце концов столкнулись. Черчилль понимал, что отставка Фишера серьезно ослабит его собственные позиции. В свое время он с большим трудом добился возвращения старого адмирала в министерство. На протяжении полугода своенравный и строптивый Фишер неоднократно угрожал отставкой, но Черчиллю всегда удавалось уговорить его остаться в адмиралтействе.

В середине мая 1915 г. между ними произошел окончательный разрыв. Вопреки договоренности с Фишером о том, что без его ведома он ничего не будет предпринимать, Черчилль 14 мая дал указание направить дополнительно пару судов в район Дарданелл. Он знал, что это может повлечь за собой отставку Фишера, но решил пойти на риск. 15 мая Фишер заявил о своей отставке. На этот раз адмирал был полон решимости добиться, чтобы Черчилля убрали из адмиралтейства. Военно-морской министр, как обычно, направил Фишеру пространное пись-

мо, в котором пытался убедить его продолжать совместную работу. «Я надеюсь, — писал он, — что вы зайдете завтра после обеда повидаться со мной. У меня есть предложение, которое я сделаю вам с согласия премьер-министра. Оно может устранить некоторые ваши опасения и затруднения, которые вы чувствуете относительно мер, необходимых для поддержания усилий армии в Дарданеллах». Фишер ответил Черчиллю категорическим отказом: «Вы твердо решили форсировать Дарданеллы, и ничто не заставит вас от этого отказаться, ничто. Я знаю вас достаточно хорошо... Вы останетесь, а я должен уйти, так будет лучше».

Консервативная печать использовала провал операции по захвату Дарданелл для дальнейшей дискредитации Черчилля. Газета «Морнинг пост» опубликовала серию статей под заголовками: «Удивительный дилетант», «Адмирал-дилетант», «Политик против специалиста», «Слишком много Черчилля». Черчилль недооценил значение нападок. Он думал, что это обычные критические упражнения консерваторов на его счет. Будучи очень занят дарданелльской операцией, Черчилль не уделял необходимого внимания палате общин, появляясь там редко и ненадолго. Он не заметил, что обстановка в парламенте менялась не в его пользу. «Черчилль свалился в 1915 г. потому, — писал впоследствии лорд Бивербрук, — что держал себя слишком уверенно и неосторожно. Он не привлек к себе либералов и не примирился с консерваторами».

Не подозревая о грозившей ему опасности, Черчилль в день отставки Фишера подготовил новый состав коллегии адмиралтейства, включая кандидатуру преемника Фишера. Асквит одобрил его предложение.

Между тем консерваторы решили использовать столкновение между Фишером и Черчиллем, чтобы свалить последнего. Бонар Лоу, ставший к этому времени лидером консерваторов, узнав об отставке адмирала Фишера, связался с Ллойд Джорджем и заявил, что консерваторы откажут в своей поддержке правительству, если Черчилль не будет смещен. Речь шла о том, что этот вопрос вынесен уже на обсуждение палаты общин, где консерваторы дадут бой правительству. Учитывая обстановку в стране и соотношение сил в палате общин, подобный поворот событий ничего хорошего правительству не сулил. Ллойд Джордж заявил Бонар Лоу, что единственный выход —

это создать коалицию, и вместе они направились к Асквиту, который согласился на создание коалиционного правительства.

Черчилль ничего об этом не знал. Когда на следующий день он явился в палату общин, чтобы огласить новый состав адмиралтейства, Асквит и Ллойд Джордж сообщили ему, что создается коалиционное правительство и что консерваторы поставили условием своего участия в таком правительстве удаление Черчилля из адмиралтейства. Это был неожиданный и страшный удар. Бивербрук и Ф. Е. Смит, навестившие Черчилля в министерстве, нашли его в состоянии полной прострации. «До чего странные настроения бывали у него, — писал в этой связи Бивербрук. — Когда он на подъеме, у него полная самоуверенность, когда он внизу, он впадает в глубокую депрессию».

В отчаянии Черчилль решился на унизительный шаг. Он знал, что Бонар Лоу был его самым упорным врагом среди консерваторов, и тем пе менее 17 мая направил ему письмо, в котором умолял согласиться на то, чтобы его оставили в адмиралтействе. Но все было напрасно. Асквиту и Бивербруку удалось выторговать для Черчилля в коалиционном правительстве лишь пост министра без портфеля.

Это была синекура — хорошо оплачиваемая, но не требующая никакого труда должность, которая, по определению Ллойд Джорджа, «обычно резервировалась либо для новичков в кабинете, либо для одряхлевших маститых политиков». Черчилль был фактически отстранен от власти и лишен возможности влиять на решения правительства. Ллойд Джордж писал, что в результате создания коалиционного правительства Черчилль оказался сброшенным с поста рулевого на нижнюю палубу, где он мог лишь убирать за другими.

Самым страшным для Черчилля было то, что его лишили возможности участвовать в руководстве войной. В тот момент он говорил лорду Ридделю: «Я конченый человек». Риддель заметил: «Вы не можете быть конченым человеком в 40 лет, обладая вашими замечательными способностями». Черчилль ответил: «Я конченый человек в отношении всего, что для меня представляет интерес, — это ведение войны, это нанесение поражения немцам. У меня было высокое положение... пост, который занимали многие выдающиеся люди и который оплачивается

высоким жалованьем. И все это пропало ни за что. Это было то, во имя чего я живу».

На протяжении некоторого времени Черчилль участвовал в работе Военного совета, но голос его там по существу не имел никакого значения. Не вернулся в адмиралтейство и Фишер. Зная, что Черчилля убирают, адмирал решил добиться предоставления ему диктаторских полномочий. Предъявленные им Асквиту шесть условий его возвращения не могли быть приняты правительством. Асквит предпочел согласиться на отставку Фишера. Таким образом, оба соперника — и Черчилль, и Фишер — оказались не у дел.

Утратив непосредственное влияние на руководство войной, Черчилль продолжал агитировать за доведение до конца операции по захвату проливов. Увлекаясь, он утверждал, что там «лежит самый короткий путь к триумфальному миру». Но правительство знало, что это не так, и искало способа, как бы выбраться из трясины, в которую оно попало прежде всего по милости Черчилля. Генералы выступали за эвакуацию. Теперь уже речь шла не о престиже, его спасти было нельзя. Лихорадочно подсчитывались предстоящие потери. В ноябре 1915 г. наконец было принято решение об окончательной эвакуации полуострова Галлиполи. К удивлению военных, эвакуация не повлекла за собой каких-либо значительных потерь.

С дарданелльской операцией Черчилль связывал серьезные замыслы. «Как и у Китченера, — пишет американский военный историк Хиггинс, — у Черчилля были определенные побудительные мотивы для наступления против Турции, включая сильное стремление к имперским приобретениям». Заботясь об империалистических интересах Англии, Черчилль надеялся также проложить путь к примирению со своей старой партией — консерваторами.

Важную роль в замыслах Черчилля играло стремление вести войну малой кровью. Он надеялся при помощи дарданелльской операции перетянуть на сторону Англии ряд Балканских стран и переложить на них часть тяжести ведения военных действий против Германии и ее союзников. Лидер лейбористов Клемент Эттли впоследствии говорил: «Уинстон имел одну стратегическую идею в войне. Он не верил в необходимость бросать в бойню людские массы». Речь идет о том, что Черчилль для Англии предпочитал кровопролитным сражениям па Западном фронте

сравнительно ограниченную операцию против Турции. Его «стратегическая идея» означала, что вместо Англии кто-то другой должен был бросать массы солдат в гигантскую мясорубку Западного фронта, поскольку этот фронт существовал и действовал. На этот счет Хиггинс замечает, что в послевоенный период, когда победа уже была одержана, в Англии, «естественно, критиковали цену, уплаченную за победу, как слишком высокую, хотя редко говорили прямо, что было бы лучше, чтобы какой-либо союзник оплатил большую часть счета мясника». Английская политика всегда стремилась к тому, чтобы большую часть этого счета оплачивали союзники Англии. Потери Англии в первой мировой войне были значительны, но ни в какое сравнение с русскими потерями пе шли.

Вероятно, поэтому Черчилль и английские историки первой мировой войны настойчиво пытаются провести мысль о том, что атака Дарданелл была предпринята Англией с целью облегчить положение России. Хиггинс называет этот аргумент «аргументом постфактум». В действительности Англия преследовала здесь исключительно свои цели. Нуждаясь в том, чтобы Россия поставляла солдат для войны против Германии, английское правительство обещало взамен удовлетворить империалистические притязапия русских помещиков и буржуазии на проливы. 14 ноября 1914 г. Эдвард Грей обещал российскому правительству передать после войны Константинополь России. В марте 1915 г. Англия и Франция официально объявили о своей готовности удовлетворить пожелания России на этот счет. Однако подобное обещание было неискренним со стороны английского правительства, и оно явно не намеревалось выполнять его.

По замыслу Черчилля, захват Англией проливов и Константинополя дал бы английскому правительству возможность уклониться от допуска России к проливам. Поскольку на Константинополь претендовали и греки, Черчилль предлагал привлечь Грецию к военным действиям против Турции и, столкнув таким образом Грецию с Россией в вопросе о проливах, захватить и проливы, и Константинополь в свои руки. 5 марта 1915 г. Черчилль направил по этому вопросу письмо министру иностранных дел Эдварду Грею, в котором предлагал вести двойную игру с Грецией и Россией. «Скажите русским, — писал он, — что они встретят с нашей стороны великодушное и

сочувственное отношение в вопросе о Константинополе. Но никакие препятствия не должны воздвигаться на пути сотрудничества с Грецией. Мы должны заполучить Грецию и Болгарию, если они согласятся перейти на нашу сторону. Я очень опасаюсь, что вы теряете Грецию и все будущее отдаете в руки русским. Если Россия помешает получению помощи от Греции, я сделаю все для того, чтобы воспрепятствовать получению ею Константинополя». Таким образом, Черчилль предлагал нарушить обязательство, взятое английским правительством перед русским правительством. Его предложение исключало передачу Константинополя России, ибо если бы Россия поддержала привлечение Греции к операциям против Турции, то Константинополь пришлось бы отдать грекам, а если бы Россия воспротивилась этому, то Черчилль воспротивился бы передаче Константинополя России.

В ходе неудачной операции с целью захвата проливов в район Дарданелл было направлено почти 500 тыс. солдат. Из этого числа 43 тыс. английских солдат и офицеров были убиты, попали в плен, пропали без вести или умерли от болезней. Английские потери, включая эвакуированных больных, достигли 47 тыс.

В соответствии с существующей в Англии традицией для расследования крупных провалов и ошибок в деятельности правительства или его органов обычно создаются специальные королевские комиссии. В 1916 г. парламент создал такую комиссию для расследования операции в Дарданеллах. Комиссия подошла к оценке действий отдельных государственных и военных деятелей строго юридически. Она записала, что главную ответственность за провал операции несут премьер-министр, военный министр и военно-морской министр. Комиссия определила, что Черчилль не виновен в каком-либо неправильном поведении и что он всегда действовал по согласованию со своими военно-морскими советниками, хотя иногда согласие последних и давалось неохотно. Комиссия сочла, что хотя Черчилль и несет тяжелую ответственность, но с ним должны разделить ее Асквит и Китченер.

Формально-юридически выводы комиссии были правильны. Однако коллеги Черчилля по палате общин пришли к мнению, что именно он прежде всего несет ответственность за дарданелльскую операцию. Если бы Черчилль не предложил эту идею правительству и не упо-

требил все силы и возможности, чтобы добиться согласия правительства, военных и военно-морских руководителей на ее реализацию, то, несомненно, операция не была бы предпринята.

Морально-политический ущерб, который понес Черчилль в результате провала его стратегического замысла, повлекшего за собой большие человеческие и материальные жертвы и причинившего большой вред престижу Англии, был очень значительным и долго отрицательно сказывался на нем.

После эвакуации Галлиполи исчезли основания для участия Черчилля в Военном совете. Пост, который он занимал в правительстве, не давал ему на это права. И потому, когда Военный совет был преобразован в Военный комитет, Черчилль оказался за бортом. Это означало, что он по существу попал в положение бездействующего, хотя и хорошо оплачиваемого высокопоставленного чиновника. Такая ситуация не могла удовлетворить динамичную натуру Черчилля. Никаких перспектив занять в правительстве пост, который дал бы ему возможность принимать участие в руководстве войной, не было. Консерваторы накрепко блокировали Черчилля. Тогда он принял решение, удивившее многих.

Черчилль подал в отставку с поста канцлера герцогства Ланкастерского — так назывался пост, который он занимал в правительстве, — и направился во Францию в действующую армию в звании майора.

Лорд Бивербрук вспоминает, как 18 ноября 1915 г. майор Черчилль, офицер Оксфордширского пехотного полка, уезжал во Францию. «Все домашние и прислуга, — пишет Бивербрук, — собрались провожать солдата — государственного деятеля, который стоял, опираясь на саблю. Наверху, на лестнице, плакал Эдди Марш, его верный секретарь... Еще выше — леди Рандольф в полном отчаянии от мысли о том, что ее блестящий сын направляется в окопы. Казалось, что госпожа Черчилль единственная оставалась спокойной, собранной и деловитой».

Уход Черчилля на фронт, безусловно, свидетельствовал о силе его характера. Он ведь имел возможность отсидеться в Лондоне, занимая хорошо оплачиваемый пост члена правительства. Однако Черчилль не мог остаться в стороне. К тому же нужно было дать выход чувству страшной обиды, которую он испытывал в связи с освобождением

его, как он полагал, несправедливым, с поста министра военно-морского флота. Было бы неверным рассматривать уход Черчилля в действующую армию как непосредственное выражение патриотизма. Один из его весьма благожелательных биографов пишет, что Черчилль «теперь, когда политическая деятельность, казалось, была для него закрыта, пошел в окопы, воодушевляемый решимостью приобрести новые лавры, сделав военную карьеру».

Как можно предположить с достаточной долей основания, Черчилль заранее подготовил свой уход в действующую армию. Главнокомандующий английским экспедиционным корпусом во Франции генерал Френч был его близким другом, и Черчилль надеялся на его содействие.

Когда Черчилль высадился на французском побережье в Булони, там его уже ожидала личная машина главнокомандующего. Френч принял гостя с распростертыми объятиями, устроил в его честь роскошный обед и обращался с ним так, как будто его друг все еще был членом военного кабинета. На следующий день главнокомандующий спросил у Черчилля, что бы он хотел делать в армии. «Все, что прикажут», — ответил тот. Френч предложил Черчиллю командование бригадой. Это означало, что он получил бы звание бригадного генерала и командовал соединением, насчитывающим до 4 тыс. человек. Черчилль охотно принял предложение. Поскольку, однако, он не имел никакого опыта военной службы в условиях первой мировой войны, он справедливо рассудил, что ему следует хотя бы в течение месяца побыть на передовой в более скромном чине и приобрести некоторый военный опыт. Черчилль высказал пожелание пройти стажировку в гвардейской дивизии. Его просьба была удовлетворена.

В действующей армии очень сдержанно относились к политикам, и поэтому гвардейцам не доставило большого удовольствия, что им навязали бывшего министра. Полковник, командовавший подразделением, в которое попал Черчилль, встретил его весьма холодно и заявил: «Полагаю, я должен сказать вам, что с нами не консультировались относительно вашего назначения к нам». Положение Черчилля осложнялось тем, что армейские офицеры в своей основной массе были консервативно настроенными людьми и воспринимали его как либерала. Это увеличивало их недоброжелательное отношение к новому майору.

Черчилль понимал, что он должен сразу же хорошо

зарекомендовать себя на военной службе. Поэтому он сделал все, чтобы установить нормальные отношения со своими коллегами-офицерами. Его жизнерадостный характер, остроумие, кипучая энергия, а также незаурядная личная храбрость вскоре помогли ему наладить необходимый контакт с сослуживцами. Офицеры и солдаты наблюдали за Черчиллем с большим интересом: ведь до прихода в армию он был популярной и широкоизвестной в Англии фигурой. Однажды любопытство со стороны начальства спасло ему жизнь. Как-то Черчилль получил приказ явиться к командиру корпуса. Ему сообщили, что на перекрестке дорог, примерно в пяти километрах от места расположения батальона, будет ожидать автомобиль, который доставит его в штаб корпуса. Основательно помесив грязь и наконец добравшись до условленного места, Черчилль никакого автомобиля там не обнаружил. Лишь через час появился связной офицер, который сообщил ему, что автомобиль по ошибке загнали в другое место, что теперь уже все равно поздно являться к генералу и что вообще это дело не важное, так как генерал просто хотел побеседовать с ним и посмотреть на него. Черчилль был взбешен, и его негодование нарастало по мере того, как он пробирался по грязи обратно на передовую. Там же его встретили словами, что он счастливый человек. Оказывается, вскоре после его ухода немецкий снаряд ударил прямо в укрытие, где обычно находился Черчилль, и разрушил его до основания. Таким образом, Черчиллю еще раз повезло.

В Лондоне у Черчилля было много врагов. Они узнали, что Френч намерен дать отставному министру командование бригадой. Консерваторы в парламенте изобразили благородное возмущение тем, что высокий пост будет предоставлен по протекции и в связи с высоким положением, которое Черчилль занимал ранее. В английской армии офицерские посты, во всяком случае в то время, предоставлялись прежде всего выходцам из знатных и богатых семей. Эти привилегии консерваторы всегда отстаивали, но в данном случае они стали нападать на Черчилля с «демократических» позиций.

16 декабря 1915 г. консервативный член парламента Хантер задал вопрос заместителю военного министра: «Действительно ли майору Уинстону Черчиллю было обещано командование пехотной бригадой, командовал ли этот офицер когда-либо пехотным батальоном и сколько

недель он служит на фронте в должности пехотного офицера?» Заместитель министра отвечал довольно иронически: «У меня нет сведений, что достопочтенному и храброму другу было обещано командование бригадой... Что касается второго пункта вопроса, то я проверил по справочникам и другим официальным источникам информации и установил, что мой достопочтенный и храбрый друг никогда не командовал пехотным батальоном. Военное министерство не располагает сведениями о перемещении майора, достопочтенного Уинстона Черчилля, за время после того, как он 19 ноября отправился во Францию. Если с этой даты и до сегодняшнего дня он служил в качестве пехотного офицера, то в ответ на последнюю часть вопроса я могу сказать, что эта служба составила примерно 4 недели». Палата общин встретила ответ заместителя министра смехом. На это, вероятно, тот и рассчитывал, ибо в противном случае он сформулировал бы свой ответ в другом тоне. Под продолжавшиеся насмешки Хантер спросил, был ли обещан Черчиллю пост командира батальона. Другие члены палаты начали бросать реплики: «А почему бы и нет?» Затем один из депутатов заявил, обращаясь к заместителю военного министра и имея в виду слухи о том, что Черчилль получит бригаду: «Отдает ли достопочтенный господин себе отчет в том, что если это назначение будет произведено, то оно будет рассматриваться как крайне скандальное многими лицами внутри палаты общин и за ее пределами?»

Подобные нападки на Черчилля в палате общин отражали не только желание консерваторов лишний раз высмеять его. Консерваторы стремились сорвать его назначение на какой-либо значительный военный пост. Асквит, которого Черчилль сильно подвел провалившейся операцией в районе проливов, не хотел лишнего скандала, связанного с ним. Поэтому, когда генерал Френч заявил премьер-министру, что он намерен поручить Черчиллю командование бригадой, Асквит категорически возразил. Он потребовал, чтобы Френч не давал Черчиллю поста выше командира батальона. Генерал был расстроен: получалось, что он не сможет сдержать данное слово. Но обстановка сложилась так, что Френч оказался бессильным что-либо сделать. Военный кабинет был недоволен главнокомандующим, его дни на этом посту были сочтены, и он сам это прекрасно понимал. В то время он говорил

Черчиллю, что держится «на одном якоре». Действительно, не прошло и месяца, как Френча заменил генерал Дуглас Хэйг. Френч просил Хэйга дать Черчиллю бригаду, но получил категорический отказ. Хэйг заявил, что Черчилль, если он хочет быть военным, должен пройти всю лестницу военной службы, последовательно продвигаясь по всем ее ступенькам. Черчиллю пришлось удовлетвориться званием подполковника. Он получил в свое распоряжение не бригаду, а пехотный батальон.

Это было ударом по честолюбию Черчилля. Отныне перед ним открывались лишь две перспективы: или тянуть лямку рядового армейского офицера, что могло закончиться гибелью от немецкой пули или ранением, или же отказаться от армейской службы и, используя связи и положение члена парламента, вернуться в Англию и заняться политикой. Последний вариант был связан с большой неловкостью, учитывая демонстративный уход Черчилля на фронт. Можно себе представить, как изо дня в день нарастала у Черчилля ненависть к Асквиту, когда он поздней холодной осенью 1915 г. сидел во Франции в грязных окопах на передовой.

В подразделении шотландских стрелков, куда был назначен Черчилль, встретили его так же недоброжелательно, как и месяц назад в гвардейском полку. В армии действительно не любили «этих проклятых политиков», как выражались тогда в армейских кругах. Но вскоре Черчилль нашел там свое место. Собрав на другой день своих подчиненных офицеров, он заявил им: «Господа, объявляется война вшам». Черчилль прочел офицерам подробную лекцию о роли вшей в предшествовавших войнах и о том, как с ними бороться. Лекция понравилась, но еще больше понравилось, что знаменитый потомок герцога Мальборо первым и так запросто обратился к простым шотландским капитанам. Младшие офицеры энергично принялись щетками и раскаленными утюгами бороться с новым противником. Черчилль привез с собой на фронт жестяную ванну и с готовностью одалживал ее своим товарищам.

Перед солдатами и офицерами он демонстрировал свою неиссякаемую энергию, храбрость и презрение к опасности. «Война, — говорил Черчилль, — это игра, в которую надо играть с улыбкой на лице». Он всегда был в большой степени актер. Не обошлось без позерства и на этот раз.

Он придумал для себя костюм, который выделял его среди других офицеров. Это была смесь из предметов английской и французской военной одежды. Ему особенно нравилось ходить в светло-голубой французской каске.

Беспокойная натура Черчилля давала себя знать и в окопах. Зачастую по ночам он приказывал открывать на своем участке огонь. Немцы опасались, что это подготовка к очередной вылазке, и в свою очередь отвечали огнем. Возникала перестрелка, продолжавшаяся длительное время. Соседним батальонам это очень не нравилось, так как без нужды нервировало солдат и офицеров и мешало им отдыхать. Не очень правилась эта активность и в батальоне самого Черчилля. Однажды во время такой перестрелки он спросил стоявшего поблизости солдата: «Неужели тебе не нравится война?» Биографы Черчилля, описывая армейские похождения своего героя, не упускают случая подчеркнуть, что уж ему-то война явно нравилась. Однако здесь требуется уточнение. Черчиллю нравилась та война, в которой в его руках находилось верховное руководство военными действиями, но совсем не нравилась война, в которой ему приходилось выполнять армейские обязанности наравне с тысячами английских офицеров и сотнями тысяч английских солдат. Он хотел быть героем на войне, а положение рядового ее участника ему отнюдь не импонировало.

Черчилля часто навещали видные деятели, совершавшие поездки на фронт: его друг Ф. Е. Смит, генерал Сили и другие. Солдатам очень нравилось, что он заставлял гостей лазать в окопы, где их элегантная форма рвалась и пачкалась, а тщательно вычищенные ботинки покрывались грязью.

Хотя и очень неловко было покидать армию и возвращаться в Лондон, но Черчилль все же принимает решение уйти с фронта. Он знал, что враги будут издеваться над ним и попытаются использовать это обстоятельство, чтобы еще больше подорвать его авторитет, разрекламировав его уход из действующей армии. В марте 1916 г., пробыв на фронте в общей сложности около четырех месяцев, Черчилль в письме к своему другу лорду Бивербруку рассказывает, что он подумывает об отказе от военной службы и о возвращении в Англию. Руководство войной со стороны английского правительства, пишет он, осуществляется неудовлетворительно и он хочет принять участие в вы-

правлении положения. Черчилль считает это вполне убедительным мотивом для ухода с фронта. «Другие люди, — замечает Эмрис Хьюз, — не могли выбраться с фронта так легко. Они также могли думать, что с большей пользой использовали бы свой ум и гений дома, но они не были Уинстонами Черчиллями».

То, что ни в коем случае не удалось бы многим другим, Черчиллю удается. В марте 1916 г. он направляется в отпуск в Лондон, чтобы принять участие в заседаниях парламента и выступить в дебатах по вопросу об ассигнованиях на военно-морской флот. Он выступает в прениях с большой программного характера речью. Черчилль держится так, будто бы он не пехотный офицер, а ведущий член правительства. Он поучает премьер-министра, как надо реорганизовать адмиралтейство и как дальше вести войну. Выступая таким образом, Черчилль недвусмысленно предлагал правительству вернуть его с фронта и поручить ответственный пост по руководству войной. Именно так оценила его выступление английская печать. «Это была претензия на руководящую роль», «это была попытка вернуться в состав кабинета», — писали газеты.

В это время в английских правящих кругах нарастало недовольство деятельностью премьер-министра Асквита. Плелись сложные интриги с целью отстранить его от власти. Участники этих интриг, зная выдающиеся способности Черчилля как оратора и полемиста, а также его ненависть к премьер-министру, не прочь были привлечь его к борьбе против Асквита. Кое-кто из них направлял Черчиллю письма во Францию, предлагая бросить военную службу, вернуться в палату общин и принять участие в нараставшей оппозиции против Асквита. Правда, основные силы оппозиции не обращались к нему с такими предложениями. Биографы упоминают имена лишь двух второразрядных политиков — сэра Эдварда Карсона и сэра Артура Маркхама — и одного видного журналиста — Скотта, редактора «Манчестер гардиан», которые поддержали идею Черчилля вернуться к политической деятельности. Но ему и этого оказалось достаточно, чтобы принять окончательное решение. К тому же в апреле Черчиллю сказали, что из-за нехватки людей его батальон сольют с другим, командир которого, старше его по чину, примет командование новым батальоном. Таким образом, теперь можно бы-

ло сказать, что «не он покинул свой батальон, а батальон покинул его», и Черчилль обратился к военному министру с просьбой уволить его из армии. Министр оказался перед дилеммой: если он удовлетворит просьбу Черчилля, его могут обвинить в протежировании, если же просьба будет отклонена, могут сказать, что он побоялся критики, которой Черчилль мог бы подвергнуть в палате общин военное министерство и правительство. В конце концов министерство разрешило Черчиллю подать в отставку из армии, но при условии, что он больше не будет проситься на военную службу. Это условие Черчилль очень легко принял, так как был сыт по горло военной службой. В июне 1916 г. он окончательно вернулся в Лондон.

Черчилль жаждал вернуться к активной политической деятельности. Ему необходимо было прежде всего восстановить свою репутацию, чтобы получить какой-то шанс на возвращение в правительство. Практически это означало, что он должен убедить общественное мнение в том, что не несет ответственность за трагедию на полуострове Галлиполи и что это была разумная операция, не удавшаяся не по его вине. Черчилль мог оправдаться, лишь взвалив вину на других. Асквит прекрасно понимал, что Черчилль, стараясь обелить себя, будет губить его репутацию и репутацию генерала Китченера. Поэтому премьер-министр категорически отказал Черчиллю в разрешении опубликовать подготовленные им материалы относительно дарданелльской операции. Отказ мотивировался тем, что в военное время нельзя разглашать секреты. Однако отделаться от Черчилля было нелегко. Асквиту пришлось пообещать ему создать королевскую комиссию для расследования всех событий, связанных с операцией в Дарданеллах.

Обстановка не благоприятствовала возвращению Черчилля к власти. Общественное мнение было настроено против него, консерваторы по-прежнему относились к нему враждебно. Отражая эти настроения, английские газеты выступали против того, чтобы Черчиллю позволили принимать участие в руководстве государственными делами. «Уинстон Черчилль, — писал еженедельник «Уорлд», — несет ответственность за опереточную экспедицию в Антверпен, которая выставила английский народ на посмешище в глазах всего мира... Он ответствен за гибельную экспедицию в Дарданеллах... которая находится

в ряду с величайшими военными катастрофами нашего времени».

Благожелательные к Черчиллю биографы с сочувствием описывают, как в это трудное для него время он находил утешение в семейной жизни и в живописи. К 1916 г. у Черчилля было уже трое детей: дочь Диана 7 лет, сын Рандольф 5 лет и 2-летняя дочь Сара. Жена Клементина всегда была надежной опорой Уинстона в трудный момент. Она положила много сил, чтобы отвлечь мужа от его скорбных раздумий по поводу политических неудач. Она всегда была спокойна, жизнерадостна, уверена, по крайней мере внешне, в том, что все обойдется хорошо, и старалась вселить эту уверенность в склонного временами к пессимизму и меланхолии Уинстона. Клементина всячески поддерживала его новое увлечение живописью и старалась, чтобы в доме было много интересных людей.

Как-то в один из этих тяжелых для Уинстона дней лорд Риддель спросил Черчилля, что он собирается делать дальше. «Зарабатывать себе на жизнь и продолжать заниматься живописью, — ответил Черчилль. — Живопись — это великое утешение. Она помогла мне пережить ужасное время после ухода из адмиралтейства».

Черчилль обладал незаурядными способностями в области живописи, вероятно унаследованными от матери. Рассказывают, что к живописи он обратился случайно, после того как его уволили из адмиралтейства. Жена его брата Джона любила рисовать, и, наблюдая ее работу, Черчилль неожиданно решил сам попробовать свои силы в этой области. Поначалу он пользовался красками своего племянника, а затем обзавелся всеми необходимыми для художника принадлежностями и заставил Эдди Марша позировать ему в качестве модели. В это время группа офицеров созданного в свое время Черчиллем дивизиона бронеавтомобилей, желая выразить симпатию к нему, заказала его портрет известному английскому художнику Джону Левери. Вскоре Черчилль стал его прилежным учеником. Прошло немного времени, и он всецело погрузился в занятия живописью. Он проводил лето за городом, на фермерской усадьбе, завел себе длинную, до колен, кремового цвета блузу и часто сидел в саду, рисуя пейзажи. Когда его приглашали в гости, он приезжал с мольбертом. Черчилль говорил хозяевам, что он не может одновременно и рисовать, и беседовать, и вытаскивал из

ящика пухлую рукопись, содержащую его оправдания по поводу дарданелльской операции. Вместо беседы с гостем хозяевам предлагалось довольствоваться чтением этого произведения.

К концу 1916 г. активизировались интриги, направленные на то, чтобы свергнуть Асквита и сделать премьер-министром Ллойд Джорджа. Кроме кандидата в премьеры активную роль в этих интригах сыграл Бивербрук. Многое в планах заговорщиков зависело от позиции лидера консерваторов Бонар Лоу. Бивербрук был ближайшим другом Бонар Лоу и сумел убедить его в необходимости заменить Асквита Ллойд Джорджем. Асквита поймали в хитро расставленную ловушку. Ллойд Джордж предъявил ему ультиматум, требовавший, чтобы руководство войной было передано из рук премьер-министра в ведение кабинета. Как и было рассчитано, Асквит ответил отказом. После этого Ллойд Джордж подал в отставку. Это подорвало положение Асквита, и ему самому пришлось заявить об отставке. В соответствии с традицией король поручил сформировать новое правительство лидеру второй входящей в коалицию партии консерватору Бонар Лоу. В соответствии с планами заговорщиков Бонар Лоу отклонил это предложение, посоветовав королю поручить создание правительства Ллойд Джорджу.

В декабре 1916 г. Ллойд Джордж образовал свое коалиционное правительство. У нового премьера сложились неплохие отношения с Черчиллем, и он был готов предоставить ему пост в правительстве. Но консерваторы заявили категорический протест. Бонар Лоу сказал, что он откажется участвовать в правительстве, если в него будет включен Черчилль. Ллойд Джорджу и Бивербруку, как они ни старались, не удалось поколебать упорство Бонар Лоу, и Черчилль снова остался за бортом.

Ллойд Джордж хорошо знал Черчилля. Поэтому характеристика, которую он дал своему другу, рассказывая в своих мемуарах о формировании правительства в конце 1916 г., представляет значительный интерес. «Третьим бывшим либеральным министром, — пишет Ллойд Джордж, — который мог стать ценным участником правительства, был Уинстон Черчилль, один из наиболее замечательных и загадочных людей нашего времени. Когда я стал премьером, он уже в течение нескольких месяцев не был министром, но все еще оставался видным членом

либеральной партии. Его плодовитый ум, его несомненное мужество, его неутомимое прилежание и основательное изучение военного искусства сделали бы его полезным членом военного кабинета. Здесь его импульсивный и неуравновешенный характер мог бы находиться под контролем, его мнения подвергались бы обсуждению и проверке, прежде чем перейти в действие. Люди с его горячим темпераментом и сильным умом требуют исключительно сильного тормоза. К сожалению, консервативные министры, за исключением Бальфура и сэра Эдуарда Карсона, единогласно и решительно выступили против его участия в правительстве; большинство их даже поставило его исключение условием своего участия в министерстве. Бонар Лоу глубоко не доверял ему.

Я сделал все, что было в моих силах, чтобы побудить Бонар Лоу отказаться от возражений против Черчилля, и выдвигал аргумент, который обычно выдвигается в таких случаях, а именно, что Черчилль будет более опасен как критик, чем как член правительства... Бонар Лоу ответил: «Я предпочел бы каждый раз иметь его своим противником».

Мне очень жаль было, — продолжает Ллойд Джордж, — встретить такое отношение, но я не мог рисковать расстройством политической комбинации, которая являлась естественной базой правительства, ради немедленного включения Черчилля в состав министерства».

А между тем Уинстон тогда был абсолютно убежден, что получит официальный пост. Узнав на обеде у Ф. Е. Смита от Бивербрука, что «новое правительство будет очень расположено к нему, так как в него вошли все его друзья» (а он, Черчилль, следовательно, не вошел), он был настолько огорчен, зол и раздражен, что, схватив пальто и шляпу, немедленно покинул компанию друзей. Черчилль не представлял себе тех трудностей, с которыми пришлось столкнуться новому премьеру Ллойд Джорджу при одном только упоминании его кандидатуры. Политическая обстановка в стране в этот период была такая, что влиятельные друзья Черчилля Ллойд Джордж и Бивербрук не могли ничего для него сделать. Ллойд Джордж обещал помочь Черчиллю при первой же возможности. И он сдержал слово.

В июле 1917 г. Ллойд Джордж почувствовал себя достаточно прочно, чтобы включить Черчилля в правительст-

во. Правда, он предложил ему не пост члена кабинета, а лишь портфель министра военного снаряжения. Большего Ллойд Джордж дать Черчиллю не мог, ибо консерваторы и на это назначение согласились скрепя сердце.

Этот пост не давал возможности участвовать в руководстве войной и влиять на политику правительства. И все же назначение Черчилля вызвало бурю в парламенте и за его пределами. К этому времени уже было опубликовано заключение королевской комиссии, расследовавшей дарданелльскую операцию. Если бы Ллойд Джордж не сменил Асквита на посту премьера, то доклад комиссии долго не увидел бы света. Новый премьер-министр, желая поддержать своего коллегу, опубликовал доклад. Поскольку комиссия не столько оправдала Черчилля, сколько заявила, что ответственность за дарданелльскую трагедию несет не он один, что ее с ним разделяют Асквит и Китченер, доклад не успокоил общественное мнение, настроенное против Черчилля. Видные деятели, как, например, адмирал Бересфорд, заявляли в публичных выступлениях: «Премьер-министр не имеет права делать такие назначения, идущие вразрез с общественным мнением». В консервативной прессе публиковались письма, авторы которых утверждали: «Мы не можем забыть, что имя Черчилля связано с несчастьем». В парламенте имели место выступления, в которых депутаты утверждали, что назначение Черчилля создает «опасность для государства». В связи с этим назначением военный министр лорд Дерби угрожал отставкой, а министр колоний Уолтер Лонг написал Ллойд Джорджу, что многим его друзьям-консерваторам «будет очень трудно поддерживать коалицию». Депутация консерваторов в составе около 40 человек отправилась к Бонар Лоу с протестом против включения Черчилля в правительство. Возникла опасность для существования правительства. Ллойд Джордж в своих мемуарах рассказал, с какими трудностями ему пришлось столкнуться из-за назначения Черчилля. «Почему консерваторы были так ожесточены против него? — ставит вопрос Ллойд Джордж и отвечает: — Его политическое прошлое, естественно, приводило в негодование его старых партийных товарищей. Он никогда ничего не делает наполовину, и, когда он вышел из своей партии, он напал на своих прежних товарищей и осудил свои прежние взгляды с силой и едким сарказмом, дававшими себя долго чувствовать. Когда

была объявлена война, национальная опасность вынудила все партии к временному перемирию, в котором на время были оставлены или забыты партийные чины и партийные распри. Но консерваторы не могли ни забыть, ни простить перехода Черчилля в лагерь их врагов, ни того, что он открыл по ним ураганный и смертельный огонь в тот самый момент, когда начался их разгром. Если бы он оставался верным сыном той политической семьи, в которой он родился и получил свое воспитание, то его доля участия в дарданелльской неудаче была бы оставлена без внимания и другая жертва была бы принесена на алтарь народного гнева. Ошибки Черчилля послужили негодующим консерваторам превосходным поводом, чтобы наказать его за измену партии, и кнут, которым его прогнали с его поста, хотя и был сплетен из тех оскорблений, которые он когда-то бросал сам, но им размахивали с таким видом, как будто кнут держали не мстительные члены партии, а верные долгу патриоты...

Противники Черчилля признавали, что он был человеком блестящим и талантливым, личностью сильной и привлекательной. Они признавали его смелость и соглашались, что он был неутомимым работником. Но, спрашивали они, почему, несмотря на все это, у него было больше поклонников и меньше сторонников, чем у какого-либо другого видного политического деятеля Англии? Они указывали, что даже в самые трудные политические моменты Джозеф Чемберлен в Бирмингаме и сэр Кэмпбелл Баннерман в Шотландии могли рассчитывать на непоколебимую преданность местных людей. Черчилль же никогда не вызывал и еще менее умел сохранить за собой привязанность какой-либо группы людей, области или города. Этого нельзя было объяснить одним лишь переходом Черчилля из партии в партию. Некоторые из крупнейших деятелей английской политической жизни заканчивали свою политическую карьеру не в той партии, в какой они ее начинали. Не в этом, стало быть, надо искать действительные причины, почему он внушал такое недоверие. В чем же заключалась истинная причина? — спрашивали они.

Их собственное объяснение заключалось в следующем. Ум Черчилля представлял собой мощный механизм. Но в строении этого механизма, а может быть, в материалах, из которых он составлен, был какой-то непонятный недостаток, который мешал ему всегда действовать исправно.

В чем было здесь дело, критики сказать не могли. Когда механизм работал неисправно, сама сила его приводила к катастрофе не только для него самого, но и для тех людей, с которыми он работал. Вот почему последние чувствовали себя весьма нервно в совместной работе с ним.

По их мнению, в металле, из которого он был отлит, скрывался какой-то роковой изъян. Эту слабость выдвигали критики Черчилля в обоснование своего отказа от использования его больших способностей в данный момент. Они видели в нем не положительную величину, которую необходимо использовать в час опасности, а дополнительную опасность, которой следует остерегаться.

Я придерживался иного мнения о его дарованиях. Мне думалось, что его изобретательный ум и неутомимая энергия бесценны при условии контроля над его действиями. Никто не мог сомневаться в том, что он обладает даром предвидения и воображением. Его идея дарданелльской операции и то, как рано он понял значение танков, ясно указывали, что у него были эти данные. Люди с такими способностями встречаются редко, очень редко. В момент чрезвычайной опасности такие люди должны быть полностью использованы. Если за ними бдительно наблюдать, они одни могут дать больше, чем легион посредственностей.

Вот почему, полагал я, Черчилль должен быть привлечен в правительство. Я знал кое-что о враждебных чувствах к нему со стороны его прежних консервативных друзей и знал, что иду на большой риск, предоставляя Черчиллю пост в министерстве. Но то ни с чем не соизмеримое бешенство, которое враги Черчилля проявили в дальнейшем, когда до них дошли слухи о моих намерениях, превзошло все мои опасения и разбухло в течение нескольких дней до таких размеров, что кризис, охвативший министерство, угрожал самому существованию правительства. Я пошел все же на этот риск. Хотя я имел иногда случаи сожалеть о своем доверии, я убежден, что был прав, когда настоял на своем, несмотря на сомнения моих коллег, так как Черчилль оказал важные услуги правительству, содействуя дальнейшему увеличению продукции военного снаряжения в период, когда подавляющее превосходство запасов военного снаряжения было необходимо для победы. Будущее Черчилля, — заключал Ллойд Джордж, — зависит от того, сможет ли он создать

себе впоследствии репутацию человека осторожного, а не только смелого».

Ажиотаж вокруг назначения Черчилля явился для него неприятным откровением. Он не представлял себе, что его непопулярность столь велика. Конечно, Черчилль мечтал не о министерстве военного снаряжения, которое с таким трудом получил, и все же он был счастлив вновь вернуться в правительство. Как отмечал корреспондент газеты «Таймс» Репингтон, через несколько недель после назначения «он выглядел другим человеком... Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так изменился к лучшему за столь короткий срок». Сам Черчилль так комментировал свое назначение: «Поскольку мне не было позволено вырабатывать планы, я занялся изготовлением оружия».

Черчилль не мог ограничить себя выполнением своих прямых функций, не мог заставить себя отказаться от выработки планов. Он выступает с адресованными военному кабинету предложениями, чтобы правительство отказалось от ведения военных действий на Западном фронте, так как они дорого обходятся, и сконцентрировало внимание на операциях в других местах. В правительстве были люди, сочувствовавшие этой идее, однако Англия вела войну не одна, а вместе с союзниками и должна была считаться с мнением Франции. Хотя очень многое делалось английским правительством, чтобы развернуть широкие военные действия на Ближнем Востоке против Турции, но все же английская армия оставалась во Франции и несла свою долю жертв.

Черчилль, еще будучи в адмиралтействе, занялся разработкой идеи создания бронированной машины, способной преодолевать окопы. Еще тогда в Англии был создан прообраз танка. Теперь, после того как он увидел своими глазами во Франции, как велась война, идея механизированного удара по врагу с помощью танков снова овладела им. Черчилля раздражало, что генералы относились скептически к новой технике и не хотели ожидать, пока будет изготовлено достаточное количество машин, с тем чтобы можно было их применить для нанесения массированного удара. Черчилль понимал, что медлить нельзя, что немцы могут понять значение нового оружия и разработают меры для борьбы с ним. Опасения были напрасны: немецкие генералы, так же как и английские, на первых порах скептически отнеслись к танку.

20 ноября 1917 г. танки в большом количестве впервые были применены союзниками для наступления против немецких позиций на Западном фронте. Успех был большой. После этого английское правительство принимает меры по расширению производства танков и подготовке персонала для танкового корпуса. Черчилль много сделал для создания этого нового вида оружия. В литературе его иногда называют «отцом танка». Когда ряд лиц заявили претензии на то, что они являются изобретателями танка, королевская комиссия, созданная для изучения этого вопроса, записала в своих выводах: «Комиссия прежде всего желает отметить, что благодаря восприимчивости, смелости и настойчивости... Черчилля общая идея использования такого инструмента ведения войны, как танк, была осуществлена на практике». Черчилль и в то время и впоследствии с большим интересом относился к военной технике и к новинкам в этой области.

Министерство военного снаряжения представляло собой огромную организацию, в которой было занято около 12 тыс. чиновников. Биографы Черчилля положительно оценивают проведенную им реорганизацию министерства, сокращение количества отделов и придание деятельности учреждения более активного, оперативного характера. Сам он писал Ллойд Джорджу: «Это очень счастливое министерство, почти такое же интересное, как Адмиралтейство, и с тем огромным преимуществом, что не надо сражаться ни с адмиралами, ни с немцами! Я в восхищении от всех этих умных деловых людей, которые помогают мне изо всех сил. Очень приятно работать со знающими людьми».

Министерство руководило работой огромного числа промышленных предприятий, занимавшихся изготовлением не только танков, но и прежде всего артиллерийских орудий и снарядов к ним, а также различного другого военного снаряжения, включая транспортные средства и самолеты. Когда Соединенные Штаты Америки в апреле 1917 г. вступили в войну, министерство, возглавляемое Черчиллем, приняло участие в оснащении американских дивизий, прибывших в Европу. В Англии было изготовлено для американцев на 100 млн. ф. ст. артиллерийских орудий среднего калибра. Занимаясь оснащением американских войск, Черчилль установил тесные связи с Бернардом Барухом, который вел аналогичную работу в Сое-

диненных Штатах. Возникшая между ними дружба продолжалась в течение десятилетий.

Вопросы взаимоотношений между предпринимателями и рабочим классом не относились к компетенции Черчилля. Ллойд Джордж прекрасно понимал все значение этих проблем в военных условиях и занимался ими сам. Премьер-министр знал, что Черчилль в этих вопросах признает только одно решение — применение силы, а обращение к силе могло иметь при существовавших тогда в Англии условиях катастрофические последствия.

Все же Черчилль не был полностью изолирован от конфликтов, происходивших на военных предприятиях. Один из его биографов пишет, что, «когда рабочие беспорядки угрожали затронуть эффективность огромной машины военного снабжения, Черчилль занял жесткую позицию. Оказавшись перед перспективой серии забастовок, он, заручившись поддержкой со стороны Ллойд Джорджа, применил угрозу, заявив, что, если забастовщики не вернутся на работу, они будут лишены освобождения от военной службы, а их организаторы будут преследоваться по всей строгости закона».

Министерство военного снаряжения создало свои отделения во Франции. Для Черчилля это было очень важно. Он имел, таким образом, официальные основания в любое время поехать на материк и посмотреть, как идут дела на фронте. Он все чаще и чаще пользовался этой возможностью и появлялся в штаб-квартире английского командующего экспедиционными силами. Такие поездки давали ему возможность заняться тем, к чему у него больше всего лежала душа, — обсуждением с генералами вопросов стратегии. В конце концов генерал Хэйг выделил для Черчилля специальное помещение при своем штабе. Часто бывало так, что он утром работал в отеле «Метрополь» в Лондоне, где размещалось его министерство, а в середине дня на самолете перелетал во Францию, где проводил вторую часть дня. Такой режим работы и такая подвижность были вполне в характере Черчилля.

В марте 1918 г. Германия предприняла последнее мощное наступление на Западном фронте, в которое она вложила все свои силы и надежды на выигрыш войны. Черчилль в это время был во Франции и наблюдал за ходом сражения. Наступление продолжалось 40 дней и обошлось Англии в 300 тыс. солдат. Распространились слухи, что

французы считают, будто английские дивизии не выдержат напора немцев. Ллойд Джордж направил Черчилля во Францию, чтобы он, встретившись с ее высшими руководителями, убедил их в обратном. Черчилль встретился с премьер-министром Клемансо, с французским главнокомандующим Фошем, посетил вместе с ними военные штабы. Теперь он вновь почувствовал себя на своем месте, он находился в центре событий и обсуждал их развитие с людьми, наделенными высшей властью. Вряд ли эта миссия имела какое-либо существенное значение для хода войны, но она, несомненно, доставила удовольствие Черчиллю.

Мартовское наступление, предпринятое Германией, успеха не имело. Вскоре союзники перешли в контрнаступление, и в ноябре 1918 г. Германия вынуждена была капитулировать. В 11 часов утра 11 ноября 1918 г. первая мировая война закончилась поражением Германии. Англия и ее союзники торжествовали победу.

6

ОРГАНИЗАТОР ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Вечером 11 ноября 1918 г., в день подписания перемирия с Германией, которым закончилась первая мировая война, Черчилль обедал с Ллойд Джорджем в официальной резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит, 10. Лондонцы ликовали по поводу окончания войны. «С улицы,— пишет о том вечере Черчилль, — к нам доносились песни и радостные крики толпы». Однако Черчилль и его собеседник были настроены мрачно. «Не было ощущения, что дело сделано, — продолжает он. — Напротив того, Ллойд Джордж ясно представлял, что ему предстоят новые и, может быть, еще большие усилия. Мое собственное настроение было двойственным: с одной стороны, я боялся за будущее, с другой — хотел помочь разбитому врагу».

Хотя враги Англии были повержены, Черчилль считал, что «поставленная цель еще не достигнута, еще остались иные враги; у победителей оспаривают власть новые силы, препятствующие справедливому решению мировых проблем». Под новыми силами, которые препятствовали Англии решать мировые проблемы по ее усмотрению, Черчилль подразумевал Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России и революционное движение, охватившее ряд стран Европы. Черчилль, равно как и его собеседник Ллойд Джордж, считал, что революцию нужно «усмирить войной».

Подавление революции силой было делом весьма сложным и трудным. Английский народ был сыт войной по горло, и Черчилль понимал, что вряд ли английские солдаты захотят стать усмирителями революции. Следовательно, нужно было найти где-то в другом месте военную силу, чтобы бросить ее против революции.

В своих воспоминаниях о первой мировой войне Черчилль рассказывает, что тогдашние государственные руководители Англии рассчитывали использовать побежденную Германию для борьбы против развертывавшейся революции. Черчилль и его единомышленники исходили из того, что «подчинить своей власти бывшую русскую империю — это не только вопрос военной экспедиции, это вопрос мировой политики... Покорить Россию... мы можем лишь с помощью Германии. Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России». Имелось в виду, что Германия «почти незаметно... перейдет от жестокой борьбы к естественному сотрудничеству со всеми нами». Позднее, в 1920 г., Черчилль писал, что по окончании первой мировой войны его политика формулировалась следующим образом: «Мир с германским народом, война против большевиков».

В день, когда Англия закончила первую мировую войну, все помыслы Черчилля были уже обращены к новой войне — войне против Советской России. С необычайной легкостью он шел на союз с только что разбитым врагом Англии — Германией, чтобы вместе с ней вести войну против революционной России. Подобные резкие повороты вообще характерны для английской политики, а для Черчилля в особенности.

Черчилль был одержим идеей новой, на этот раз контрреволюционной войны, но ему пока приходилось скрывать свои замыслы от общественного мнения. Коалиционное правительство Ллойд Джорджа сразу же после окончания военных действий распустило парламент и назначило новые выборы. Конституционный срок действия существовавшего парламента, избранного еще в 1910 г., давно истек. Война помешала проведению своевременных выборов.

Теперь, когда война кончилась, правительство, как принято выражаться в Англии, обратилось к стране.

Англия пришла к концу войны, имея коалиционное правительство, в котором консерваторы сотрудничали с либералами. Часть либеральной партии, лидером которой был Асквит, не поддерживала коалицию. Это был результат раскола партии, происшедшего в годы войны. Премьер-министр Ллойд Джордж, глава либералов, участвовавших в коалиции, условился с лидерами консерваторов о том, что участники коалиции выступят на выборах еди-

ным фронтом против своих политических противников — лейбористской партии и либералов Асквита. В избирательные округа, где были выставлены кандидаты коалиции, Ллойд Джордж и лидер консерваторов Бонар Лоу направили письма, приглашая избирателей отдать голоса кандидатам коалиции. Эти письма в народе назвали «купонами» — по аналогии с купонами, по которым продавались нормированные во время войны товары, и поэтому декабрьские выборы 1918 г. известны в истории как «выборы по купонам».

В связи с победой, одержанной в ходе тяжелой, кровопролитной войны, в Англии активизировались шовинистические настроения, которые коалиция всячески раздувала, стараясь использовать их для того, чтобы получить голоса избирателей на предстоящих выборах и дискредитировать своих политических противников. Лидеры коалиции выбросили лозунги: «Повесить кайзера!», «Заставить немцев платить!», «Сделать Англию страной, достойной ее героев войны!» Подразумевалось, что казнь кайзера явится наказанием для тех, кто развязал войну, а взыскание репараций с немцев возместит ущерб, который война причинила Англии. На полученные репарации Англия будет преобразована таким образом, чтобы все люди, и прежде всего те, кто воевал на фронте, имели хорошее жилье, устойчивую и хорошо оплачиваемую работу и широкое социальное обслуживание. Правда, коалиция избегала конкретизации этих вопросов и нажимала на то, что Англия станет страной, достойной героев.

Ни то, ни другое, ни третье не соответствовало взглядам Черчилля. Он отнюдь не желал карать Германию и ослаблять ее репарациями. Он хотел видеть сильную Германию, способную задушить революционную Россию. Но политическая игра в Англии имеет правила, и Черчилль в своем избирательном округе (это был все тот же Данди), как и другие кандидаты коалиции, выступал в поддержку шовинистических лозунгов.

Коалиция одержала победу на выборах. Она получила 478 из 707 мест в парламенте. Лишь 133 места из числа полученных коалицией принадлежали либералам Ллойд Джорджа, остальные приходились на долю консерваторов. Таким образом, выборы по существу принесли победу консерваторам. Лейбористы смогли провести 63 депутата. Это был парламент, состоявший в основном из предста-

вителей бизнеса, хорошо заработавших на только что закончившейся войне.

Коалиция осталась у власти, но, как обычно в таких случаях, после выборов произошли некоторые изменения в составе правительства. Черчилля назначили военным министром, причем ему было подчинено также авиационное министерство. Ллойд Джордж смог осуществить это назначение потому, что политические страсти, бушевавшие вокруг Черчилля в связи с неудачей в Галлиполи, к этому времени в значительной степени улеглись. Победа зачеркнула допущенные в войне промахи. Однако протесты против назначения Черчилля все же были. Особое недовольство вызывало то обстоятельство, что в его руках сосредоточивалось управление двумя министерствами.

Черчилль всегда любил новую технику, и прежде всего военную. Ему нравилось летать на самолетах. Одно время он даже сам хотел освоить искусство пилотирования. Однако в результате обучения обнаружилось, что летчика из Черчилля не выйдет. У него не хватало того, что называют «чувством воздушного пространства», недоставало спокойной выдержки и уравновешенности, которые необходимы пилоту. Дело кончилось аварией, в которой он сам отделался легко, но инструктор пострадал довольно сильно. Впоследствии Черчилль предпочитал находиться на борту самолета в качестве пассажира.

Биографы Черчилля сходятся на том, что отныне «Россия стала главным предметом забот Уинстона». Поскольку Ллойд Джордж в последние месяцы был занят в основном делами проходившей в Париже мирной конференции, то Черчилль по существу получил свободу рук для своих контрреволюционных авантюр.

Английская буржуазия сразу же заняла резко враждебную в отношении Октябрьской революции позицию. Она отказала в признании правительству рабочих и крестьян во главе с В. И. Лениным, образованному II Всероссийским съездом Советов. Правительство Англии договорилось с правительствами США, Франции и Японии о том, что союзники вооруженной силой совместно подавят социалистическую революцию в России. В этих целях оно вместе с партнерами по контрреволюционной войне направило туда свои войска. Английское правительство играло активную роль в организации контрреволюционной интервенции в России. Пока шла война с Гер-

манией, Англия, естественно, не могла выделить значительных средств для борьбы против революционного народа России. Английские правящие круги с нетерпением ждали конца войны с Германией, чтобы широко развернуть войну против народов России.

Британские империалисты были напуганы и озлоблены происшедшей в России революцией. Но было бы неправильно полагать, что, не будь Октябрьской революции, английские правящие круги после первой мировой войны относились бы к России дружественно и сочувственно, как надлежит относиться к союзнику, внесшему огромный вклад в дело борьбы против общего врага. Между империалистической Англией и империалистической Россией существовали глубокие противоречия. Именно этими империалистическими противоречиями объясняется то, что в Лондоне задолго до революции разрабатывались планы ослабления России и отстранения ее от участия в решении европейских дел после окончания войны.

Ллойд Джордж в своих военных мемуарах рассказывает, что осенью 1916 г. английское министерство иностранных дел представило правительству меморандум относительно основ, на которых предполагалось разрешить территориальные вопросы в Европе после окончания войны. В меморандуме предусматривалось, что Польша должна стать буфером между Россией и Германией. По мысли автора меморандума, создание такой Польши, а также нескольких государств на территории Австро-Венгрии «оказалось бы эффективным барьером против русского преобладания в Европе».

Победа Октябрьской революции и установление в России власти рабочих и крестьян радикальным образом изменили характер противоречий между Англией и Россией. До октября 1917 г. это были империалистические противоречия, после революции их заменили классовые противоречия, противоречия между капитализмом и социализмом. То было новое, порожденное Октябрем противоречие, основное противоречие современной эпохи. Естественно, что после этого враждебность английского империализма к России, теперь уже к революционной социалистической России, возросла в огромной степени.

Руководствуясь своими классовыми интересами, империалистическая Англия сразу же после Октябрьской революции берет курс на организацию войны против Совет-

ской России. Эта классовая война по замыслу английских руководителей должна была не только ликвидировать возникшую в России Советскую власть, но и ослабить Советскую страну.

В английских правящих кругах не было человека, который более энергично, настойчиво и последовательно боролся бы против Советской России, чем Уинстон Черчилль. Будучи несведущ в теоретических вопросах социалистической революции и совершенно не понимая закономерностей происходивших в России революционных изменений, он в то же время интуитивно намного лучше других империалистических политиков понял, какая огромная опасность для капиталистического мира возникла в связи с победой в России социалистической революции. Отсюда и его усилия задушить возникший в России очаг социализма, оплот мировой социалистической революции.

По свидетельству Ллойд Джорджа, «его герцогская кровь взбунтовалась» против рабочих и крестьян России, взявших власть в свои руки. Говоря о событиях в России, он терял над собой всякий контроль, позволял себе любые оскорбления и инсинуации в адрес народов России, большевиков и их лидеров. В начале сентября 1918 г. он представил военному кабинету меморандум, в котором предлагал «составить персональный список членов большевистского правительства» и объявить, что они будут наказаны, какие бы длительные усилия для этого ни потребовались.

В 1975 г. в Англии выпущен IV том официальной биографии Черчилля. В этом издании приводятся публичные заявления Черчилля, свидетельствующие о его отношении к Октябрьской революции. Вот одно из них. 28 ноября 1918 г., выступая в своем избирательном округе в Данди, Черчилль называл большевиков «свирепыми обезьянами-бабуинами» и утверждал, что они «быстро низводят Россию до животной формы варварства», что «коммунистическая теория... это просто возвращение обратно к средним векам». «Одержав победу над всеми гуннами — тиграми мира, — говорил он друзьям, — я не потерплю, чтобы меня побили обезьяны». Пройдет несколько десятилетий, и в 1950 г. он с тоской будет вспоминать о том, что ему не удалось, как он выразился, «задушить большевизм в колыбели». Черчилль начал неистовую борьбу против Советской власти с первого дня

ее возникновения и не прекращал ее до конца своей жизни.

Черчилль ненавидел Россию не только потому, что она была советской, но и потому, что она была мощной державой. Во время первой мировой войны он старался использовать союз Англии с Россией для максимального ослабления последней, и как велика была его радость, когда к концу войны Россия оказалась действительно страшно истощенной. Черчилль торжествовал. Последний том своих мемуаров «Мировой кризис», посвященный послевоенному периоду, он начинает заявлением: «Окончание великой войны подняло Англию на небывалую высоту. Российская империя, бывшая нашим союзником, уступила место революционному правительству, которое отказалось от всяких притязаний на Константинополь и которое... не было в состоянии скоро стать серьезной военной угрозой для Индии». Однако развитие революции в России быстро омрачило радость Черчилля и английских правящих кругов. Они поняли, что пролетарская революция в России — это более опасная угроза для английского империализма, чем соперничество со стороны старой царской России, ибо русская революция стимулировала развитие рабочего движения в самой Англии.

Кроме тех же причин желать уничтожения Советской власти, которые были у Франции, Соединенных Штатов и других капиталистических стран, у Англии и, следовательно, у Черчилля были еще свои особые причины. Установление Советской власти в России представляло собой непосредственную угрозу английскому колониальному господству. Многочисленные колониальные народы Британской империи приобретали новый стимул для борьбы против своих угнетателей, имея перед глазами пример народов России, совершивших Октябрьскую социалистическую революцию. «И потому, — говорил Г. В. Чичерин, — одним из постоянных лейтмотивов выступлений Черчилля является опасность на Востоке. Черчилль именно потому поддерживал Деникина и Колчака, как он сам неоднократно высказывался, что Деникин и Колчак, по его мнению, являлись защитниками интересов Англии в Персии и Индии».

Английские правящие круги ненавидели революционную Россию, но их не устраивала и сильная буржуазная Россия. Отсюда и планы расчленения России, которые

были так популярны в Англии в период гражданской войны и интервенции. Черчилль тогда писал, что Россия, в состав которой входило бы несколько государств на основе федерации, «представляла бы собой меньшую угрозу для будущего мира всех стран, чем обширная централизованная царская монархия. И сейчас как раз такой момент, когда в силу того критического положения, в котором находятся все существующие в России партии и все ее военные силы, создается возможность с помощью мудрого применения политики союзников дать событиям такой именно поворот».

Главную тяжесть борьбы против Советской России в соответствии с идеей Черчилля предполагалось возложить на Германию. Американский представитель в Верховном военном совете Антанты генерал Блисс доносил 28 октября 1918 г. личному представителю президента США полковнику Хаузу: «Лорд Мильнер (английский военный министр. — *В. Т.*) склонен возражать против демобилизации, полагая, что Германии, возможно, придется быть оплотом против русского большевизма, и Вильсон (начальник английского генерального штаба. — *В. Т.*) с ним согласен». Позднее, в 1928 г., генерал Блисс, возвращаясь к этому вопросу, писал: «Что же касается того, чтобы не демобилизовывать немцев в связи с большевизмом, то я не смог ни от одного из них (английских представителей. — *В. Т.*) добиться ничего определенного ни относительно того, какие силы они позволят немцам сохранить, ни относительно количества и характера их снаряжения. Казалось, словно они хотят оставить немцев фактически и полностью вооруженными и мобилизованными». В письме Ллойд Джорджу от 9 апреля 1919 г. Черчилль писал, что политика в отношении Советской России должна быть очень простой: «Следует накормить Германию и заставить ее бороться против большевизма». Дочь Асквита вспоминала впоследствии свой разговор с Черчиллем, относящийся к тем временам. Когда она спросила: «Какова ваша политика в отношении России?» — Черчилль ответил: «Убивать большевиков и лобызаться с гуннами». Германские руководители играли на руку Черчиллю и его единомышленникам и усиленно предлагали свои услуги для борьбы против Советской России.

По окончании войны с Германией английское правительство приняло ряд решений, направленных на даль-

нейшее развертывание начатой ранее интервенции в России. 13 ноября 1918 г. оно подтвердило подписанное с французами 23 декабря 1917 г. соглашение о разделе Южной России на сферы действия. На следующий день было принято решение помогать белогвардейскому генералу Деникину оружием и военным снаряжением, отправить в Сибирь дополнительные кадры офицеров и дополнительное военное оборудование и признать омское правительство адмирала Колчака де-факто.

Одновременно принимались энергичные меры по развертыванию и укреплению армии Колчака в Сибири и сил интервентов на севере России — в Мурманске и Архангельске. 30 ноября 1918 г. английское правительство сообщило своим представителям в Архангельске и Владивостоке, что оно намерено проводить в отношении России следующую политику: «Продолжать занимать Мурманск и Архангельск, продолжать сибирскую экспедицию, попытаться убедить чехов остаться в Западной Сибири, занять (с помощью пяти британских бригад) железнодорожную линию Батум — Баку, оказывать генералу Деникину в Новороссийске всякую возможную помощь в смысле снабжения всякими военными материалами, снабдить прибалтийские государства военным снаряжением». Это была грандиозная программа английской интервенции в России. Назначение Черчилля военным министром означало, что английское правительство намерено реализовать эту программу со всей возможной энергией и быстротой.

В английском правительстве не было единства по вопросу о том, как лучше вести борьбу против революционной России. Если Черчилль не сомневался в необходимости и целесообразности вооруженной борьбы против Советской власти до ее полного уничтожения, то у Ллойд Джорджа имелись на этот счет серьезные опасения. В отличие от своего военного министра Ллойд Джордж чувствовал, что отправка войск в Россию — очень трудное и опасное для английского капитализма предприятие, поэтому считал возможным признать Советское правительство де-факто и вести с ним переговоры. В своих соображениях он руководствовался отнюдь не симпатиями к советскому строю, а учетом реальных сил. Ллойд Джордж лучше Черчилля и некоторых других своих коллег по кабинету понимал, что Советская власть сильна и

с каждым днем становится все сильнее, и предвидел трудности борьбы против Советской России.

Ллойд Джордж понимал также, что Англии понадобится приложить немало усилий, чтобы удержать захваченную во время войны добычу и отстоять ее от посягательств своих союзников. За капитуляцией Германии последовало обострение англо-французских противоречий. Франция, имевшая к концу войны огромную армию, стремилась, опираясь на нее, обеспечить такое мирное урегулирование, которое сделало бы ее гегемоном Европы. Она намерена была бороться и за свою долю добычи в колониях. Англия не собиралась соглашаться на французское руководство Европой и хотела максимально ограничить колониальные приобретения Франции. Чтобы отстоять свои интересы в предстоявшей дипломатической борьбе с Францией, Англии нужны были все ее наличные силы, и поэтому она не могла отвлекать их в сколько-нибудь значительной степени для борьбы с Советской Россией.

Кроме того, Ллойд Джордж опасался сближения между Советской Россией и Германией. А это, по его мнению, было весьма вероятным в случае, если бы в Германии революция одержала победу.

Послевоенный рост революционного движения в Европе и революционных настроений в самой Англии наводил Ллойд Джорджа на мысль, что отправка английских солдат в Россию неизбежно приведет к тому, что они проникнутся идеями большевизма и будут представлять величайшую опасность для существующего в Англии строя. «Уинстон хочет вести войну против большевиков, — писал он своему другу Ридделю. — Это непременно вызовет революцию!» Порожденная войной усталость английского народа, непопулярность интервенции («особенно солдаты, измученные войной, — пишет Г. Пеллинг, — были настроены крайне враждебно к идее продолжения войны в России»), экономические и финансовые затруднения, бурный рост стачечного движения — все это заставляло Ллойд Джорджа колебаться в отношении посылки английских войск в Россию и искать другие средства борьбы против Советской власти.

Не следует преувеличивать расхождения между Черчиллем и Ллойд Джорджем в вопросе об отношении к Советской власти. Споры между ними — это прежде всего

споры относительно способов борьбы с Советской властью. Если Черчилль всегда отстаивал необходимость вооруженной интервенции, то Ллойд Джордж, считая на определенных этапах по внутриполитическим соображениям открытую интервенцию невозможной, предлагал вести переговоры с Советским правительством, рассчитывая при этом добиться дипломатическими средствами той же цели, к которой стремился и Черчилль.

Позиция Ллойд Джорджа в правительстве была сравнительно слабой. Против него выступали такие министры, как Черчилль, Керзон, Сесиль. За ними стояла вся мощь английского империализма, видевшего для себя смертельную угрозу в самом факте существования Советской власти в России. Черчилль, Керзон и Сесиль отстаивали политику развернутой интервенции против Советской России, и им обычно удавалось добиваться принятия правительством решений в этом духе. Премьер-министр не представлял собой опасного для них противника, так как был непоследователен. Однажды он сказал, что по вопросу о политике в отношении России «сам замечает за собой, что зачастую он сначала склоняется в одну сторону, затем в другую». И все же эти различия во взглядах между Черчиллем и Ллойд Джорджем сильно сказывались на английской политике в отношении России на протяжении всего существования коалиционного правительства Ллойд Джорджа.

Английские войска были направлены в Советскую Россию еще весной и летом 1918 г., т. е. до окончания войны с Германией. Британский военно-морской флот оказывал им необходимую поддержку. К началу 1919 г., когда Черчилль занял пост военного министра, в России уже находилось 14 000 английских солдат под командованием семи генералов. Черчилль рассчитывал направить в Россию значительные дополнительные вооруженные силы, как только обстановка в Западной Европе позволит сделать это. Поэтому руководимое им военное министерство составило планы демобилизации армии с таким расчетом, чтобы максимально задержать сокращение вооруженных сил. Армия нужна была не только для борьбы против революции, но и для действий в обширной колониальной империи Англии, где угнетенные народы, разбуженные революционными событиями в России, поднимались на борьбу за свою национальную свободу.

Попытки затянуть демобилизацию вызвали массовый отпор со стороны солдат. Особенно большое количество волнений было отмечено в военных лагерях, расположенных в районе Лондона и в Южной Англии. «Положение в то время, — пишет Черчилль, — было чрезвычайно трудным. Мы имели значительное число восстаний в армии». По свидетельству Черчилля, «за одну неделю из различных пунктов поступали сведения о более чем 30 случаях неповиновения среди войск. В ряде случаев значительные отряды солдат в течение нескольких дней не признавали над собой никакой власти».

В некоторых военных лагерях возникли Советы солдатских депутатов. Иногда восставшие устанавливали связи с рабочими организациями. 8 февраля 1919 г. в самом Лондоне восстали 3 тыс. солдат. «Теперь, — пишет Черчилль, — события разыгрывались в столице государства, в самом его центре». Солдатские восстания несли в себе элементы солидарности с Советской Россией, ибо восставшие выступали не просто с требованием более быстрой демобилизации, но и против посылки войск в Россию.

Черчилль довольно быстро понял суть проблемы. Он решил, что необходимо немедленно успокоить армию, пока революционная волна полностью не захлестнула ее. Поэтому он сделал ряд официальных заявлений, в которых пытался убедить солдат и общественное мнение, что задержка демобилизации не вызвана желанием направить войска в Россию для борьбы против большевиков. Английское правительство приняло также меры для быстрого освобождения из армии солдат, которые прослужили сравнительно большой срок. Тем же, кто оставался в армии, было значительно повышено жалованье.

В Париже в январе 1919 г. началась конференция, которой предстояло выработать мирные договоры для Германии и ее союзников в первой мировой войне. Мирная конференция сразу же превратилась в своеобразный штаб по организации интервенции в Советской России.

Английскую делегацию в Париже возглавлял Ллойд Джордж, а Черчилль оставался в Лондоне, где английское правительство при его активнейшем участии принимало энергичные меры для оказания помощи Деникину, Колчаку и другим контрреволюционным силам с целью организовать весной 1919 г. мощное наступление против

Советской России. По свидетельству генерала Вильсона, Черчилль собирался, в случае если Деникин займет Москву, поехать туда, «чтобы помочь Деникину сформулировать новую русскую конституцию».

Известный враг Советского государства Борис Савинков, встречавшийся с Черчиллем на почве совместной борьбы против Советской власти, на вопрос о том, кто из английских министров оказывал реальную поддержку белогвардейским армиям, показывал в 1924 г. перед военной коллегией Верховного Суда СССР: «Черчилль. Он был военным министром... и очень энергично старался помочь». Далее Савинков продолжал: «Черчилль мне показал карту юга России, где флажками были указаны войска деникинские и ваши войска... он показал мне деникинские флажки и вдруг сказал: «Вот моя армия» ».

«Английский военный министр Черчилль, — говорил В. И. Ленин, — уже несколько лет употребляет все средства, и законные, и еще более незаконные с точки зрения английских законов, чтобы поддерживать всех белогвардейцев против России, чтобы снабжать их военным снаряжением. Это — величайший ненавистник Советской России...»

Возглавляя военное министерство, Черчилль сосредоточил в своих руках решение всех практических вопросов по оказанию помощи белогвардейцам. Ему деятельно помогал Керзон, временно возглавлявший министерство иностранных дел в связи с тем, что министр иностранных дел Бальфур был в Париже. В отсутствие Ллойд Джорджа Черчилль и Керзон почти беспрепятственно проводили через правительство решения, направленные на увеличение помощи силам, боровшимся против Советской власти. Их поддерживало состоявшее из консерваторов большинство палаты общин. Влиятельная реакционная пресса также выступала против линии Ллойд Джорджа и поддерживала политику расширения интервенции.

В начале 1919 г., когда нараставшая забастовочная волна вынудила Ллойд Джорджа на время покинуть Париж и вернуться в Лондон, здесь состоялось несколько бурных заседаний английского правительства, на которых обсуждалась позиция английской делегации на мирной конференции по вопросу о России. Черчилль и его единомышленники нападали на Ллойд Джорджа за то, что он выдвинул предложение созвать конференцию на Прин-

цевых островах с участием представителей Советской России, и требовали проведения более энергичной политики по отношению к России. В парламенте также нападали на Ллойд Джорджа за его политику в вопросе о России. В прессе развернулась очередная волна антисоветской клеветы с целью доказать необходимость принятия более твердых мер по отношению к большевикам.

В результате правительство решило, что Черчилль направится в Париж, чтобы еще раз поставить перед руководителями мирной конференции вопрос о России. Подразумевалось, что Черчилль попытается добиться в Париже решения в пользу продолжения и расширения вооруженной борьбы против народов России. Именно эту предстоявшую поездку Черчилля и имел в виду Ллойд Джордж, когда он заявил 12 февраля в палате общин: «Я не хочу заходить слишком далеко, так как этот вопрос будет обсуждаться, несомненно, в следующие два-три дня в Париже, и я не желаю ни в какой степени мешать развитию обсуждения».

Ллойд Джордж прекрасно знал, что Черчилль будет отстаивать в Париже политику развернутой военной интервенции. В то же время он был убежден, что в сложившейся международной и внутриполитической обстановке для Англии весьма опасно проводить эту политику. Поэтому Ллойд Джордж договорился с Черчиллем, что последний будет добиваться такого решения, которое предусматривало бы посылку в Россию Англией и другими союзниками только военного снаряжения и опытных специалистов-добровольцев. Было оговорено, что посылка снаряжения и добровольцев должна производиться в таком объеме, чтобы она не вызвала «резкого протеста» внутри Англии и не помешала формированию английской регулярной армии мирного времени, комплектуемой на основе добровольной вербовки.

14 февраля Черчилль на самолете прибыл в Париж. 15 февраля он выступил на заседании Верховного военного совета Антанты. Всем известны причины, сказал он, побудившие союзников сделать предложение о конференции на Принцевых островах. Однако, хотя с тех пор прошел месяц, все еще не принято решение, которое оказало бы влияние на находящиеся в России союзные войска. Целью предложения было добиться прекращения военных действий в России. Но если это предложение ни к чему

не приводит, то, чем скорее мы от него откажемся, тем лучше. Есть большая опасность, продолжал Черчилль, что при существующем положении дел союзные и дружественные им армии постепенно растают. «Английское правительство считает, что процесс распада происходит очень быстро и что существующие белогвардейские армии являются последними, которые могли быть подняты против Советской власти. Поэтому важно, чтобы предложение о конференции на Принцевых островах дало определенные результаты или чтобы оно было отброшено».

С этой целью Черчилль подготовил и представил на рассмотрение совета проект радиограммы, в котором говорилось: «Основным желанием союзников является, чтобы в России был восстановлен мир и организовано правительство согласно воле широких масс русского народа. Единственно с этой целью и было сделано предложение о созыве конференции на Принцевых островах... Если в течение 10 дней начиная с 15 числа текущего месяца большевистские армии на всех фронтах не прекратят наступление и не отступят не менее чем на пять миль от передовых позиций противника, то предложение, о котором идет речь, будет считаться непринятым. Если же в течение пяти дней будет получено по беспроволочному телеграфу сообщение от большевистского правительства о том, что его войска согласно с вышеуказанным прекратили атаку, артиллерийский огонь и отошли на требуемое расстояние от передовых позиций противника, и если это сообщение будет подтверждено донесением с разных фронтов, то с такими же требованиями союзники обратятся и к войскам их противников. Только при этих условиях может состояться конференция на Принцевых островах».

Проект радиограммы, представленный Черчиллем, существенно отличался от декларации союзников, принятой 22 января и содержавшей предложение о конференции на Принцевых островах. Если в декларации утверждалось, что союзники не имеют намерения вмешиваться во внутренние дела России, то в проекте Черчилля откровенно заявлялось, что их «основным желанием» является организация в России «правительства согласно воле широких масс русского народа». Поскольку Черчилль под этим совершенно определенно подразумевал буржуазно-помещичье правительство, то, следовательно, предполага-

лось официально заявить, что союзники ведут войну в России с целью свержения Советской власти и установления буржуазных порядков. Если декларация требовала прекращения военных действий всеми существующими в России правительствами, то проект Черчилля предъявлял это требование только одному Советскому правительству. Условие, предусматривавшее подтверждение факта прекращения Советским правительством военных действий его противниками, означало, что белогвардейцы не только могли определенное время не прекращать своих военных операций, но по существу получали возможность продвинуться вслед за советскими войсками, обязанными отойти на пять миль. Продвигаясь за советскими войсками, они могли требовать дальнейшего их отступления на том основании, что между белогвардейскими войсками нет пятимильной нейтральной полосы. И так без конца.

Таким образом, предложение Черчилля по существу означало предъявление Советскому правительству ультиматума со слегка замаскированным требованием капитуляции, причем условия, на которых такая капитуляция должна была состояться, не указывались, за исключением одного — ликвидации Советской власти. Ультиматум умышленно был сформулирован так, что Советское правительство ни в коем случае не могло его принять. Черчиллю очень хотелось получить от Советского правительства отрицательный ответ, чтобы иметь предлог для организации концентрированного военного наступления интервентов и белогвардейцев на Советскую Россию.

Одновременно Черчилль предложил создать Союзный совет по русским делам, который должен был состоять из политической, экономической и военной секций и обладать исполнительной властью в пределах выработанной союзниками политики. Черчилль предлагал, чтобы совет начал свою работу до того, как с предложением о конференции на Принцевых островах будет покончено, ибо он может оказаться полезным во всех случаях. Черчилль считал, что военная секция совета должна начать действовать немедленно, так как в случае продолжения наступления советских и отступления союзных и белогвардейских войск потребуется принять определенные военные меры и нужно будет знать, какие операции можно осуществить имеющимися в распоряжении союзников силами. Военной секции совета

должно быть предложено «немедленно составить план концентрированного наступления на Советскую Россию». Детали, связанные с созданием совета, говорил Черчилль, могут быть выработаны различными путями, но «важно создать орган, который займется изучением положения и подсчетом вооруженных сил, имеющихся у союзников для ведения войны против большевиков».

Вокруг предложений Черчилля возникла длительная дискуссия. Государственный секретарь США Лансинг и министр иностранных дел Англии Бальфур опасались совершить столь важные шаги без консультации со своими правительствами. Несмотря на поддержку со стороны представителей Франции и Италии, Клемансо и Соннино, Черчиллю не удалось добиться принятия ни одного из выдвинутых им предложений.

В Париже Черчилль нашел сильную поддержку со стороны французских военных, и в первую очередь маршала Фоша. Фош и другие французские генералы предлагали пройти с громадной армией, включающей 2 млн. свежих американских солдат, через Германию и силой оружия восстановить в России власть буржуазного правительства. Ллойд Джордж пишет, что французские военные круги «нашли в нашем военном министре человека, который был целиком и полностью согласен с этими проектами». Реакционная французская пресса делала все возможное, чтобы поддержать планы Черчилля — Фоша. Ей посильно помогала английская буржуазная печать.

До Ллойд Джорджа дошли сведения о том, что происходило в Париже, и он не на шутку забеспокоился. Уезжая из Парижа, он оставил там своего личного секретаря Филиппа Керра, который должен был информировать его обо всем, что происходит на мирной конференции. Керр докладывал премьер-министру, что Черчилль «абсолютно логичен в своей политике: он провозглашает, что поскольку большевики являются врагами рода человеческого, они должны быть уничтожены любой ценой».

В связи с одним из донесений Керра Ллойд Джордж писал Черчиллю: «Я весьма встревожен Вашей второй телеграммой относительно планирования войны против большевиков. Кабинет никогда не одобрял такого предложения. Он никогда не предполагал делать что-либо, кроме снабжения армий в антибольшевистских районах России, с тем чтобы они смогли удержаться... Я убеди-

тельно прошу Вас не ввергать Англию в чисто сумасшедшее предприятие из-за ненависти к большевистским принципам. Дорогая агрессивная война против России будет служить делу укрепления большевизма в России и создания его у нас в Англии. Мы не можем взять на себя такую ношу. Чемберлен (министр финансов. — *В. Т.)* сообщает мне, что мы едва сведем концы с концами в мирных условиях даже при теперешних огромных налогах, и если мы втянемся в войну против такого континента, как Россия, то это будет прямой дорогой к банкротству и установлению большевизма на Британских островах. Французы не являются верными руководителями в этом деле. Их политика в значительной степени определяется огромным количеством мелких вкладчиков, поместивших свои деньги в русские займы и не видящих в настоящее время перспектив получить их когда-либо обратно. Поэтому я настоятельно прошу Вас не обращать слишком много внимания на их подстрекательство. Они ничего так не хотели бы, как заставить нас таскать для них каштаны из огня. Я также хотел бы, чтобы Вы имели в виду весьма тяжелый рабочий вопрос в Англии. Если бы стало известно, что Вы отправились в Париж для подготовки плана войны против большевиков, то это привело бы организованных рабочих в такую ярость, как ничто другое». Чтобы американцам стало ясно, что он не поддерживает Черчилля, Ллойд Джордж дал указание Керру показывать его телеграммы, адресованные Черчиллю, не только Бальфуру, но и полковнику Хаузу, личному представителю президента Вильсона. Черчилль пришел в ярость, когда узнал об этом. Он возмущался тем, «что это выдает американцам внутренние противоречия английского правительства и создает впечатление, будто бы Ллойд Джордж не уверен, что он, Черчилль, будет проводить его взгляды».

Черчилль понял, что провести на мирной конференции предложение о создании Совета по русским делам не удастся, и предложил вместо этого создать комиссию из военных представителей ряда стран, с которыми в случае необходимости сотрудничали бы представители штабов военно-морских флотов этих государств. Комиссия должна была срочно изучить и доложить практические возможности объединенных военных действий, которые союзники могли бы предпринять, чтобы помочь белогвардейским

и другим поддерживаемым ими в России силам устоять против Красной Армии. Предлагая создать такую комиссию, Черчилль рассчитывал, что в процессе работы она превратится в военный штаб вооруженной борьбы против Советской власти.

На заседании Верховного военного совета союзников 17 февраля уже не возвращались к вопросу о создании Совета по русским делам и посылке ультиматума Советскому правительству. Заседание началось с обсуждения предложения Черчилля о создании военной комиссии. Против предложения Черчилля выступили американцы. Они руководствовались соображением, что создание такой комиссии «французы, несомненно, разрекламируют как начало антибольшевистской войны, что вызовет беспокойство среди рабочего класса Англии и Америки». Бальфур предложил не учреждать официально никакой комиссии, а поручить военным представителям неофициально договориться друг с другом и представить меморандум, суммирующий результаты этих неофициальных бесед. Предложение Бальфура было принято. Черчиллю ничего другого не оставалось, как примириться с неудачей своего проекта. «При этих обстоятельствах, — пишет он, — оставаться в Париже было для меня бесполезно, и поэтому 18 числа я вернулся в Лондон».

Предложения Черчилля не были приняты мирной конференцией не потому, что ее участники не стремились к свержению Советской власти при помощи оружия, а потому, что народные массы в союзных странах, и прежде всего в Англии, были против войны и интервенции. Могло статься, что в случае принятия предложений Черчилля английским империалистам пришлось бы бороться против Советов рабочих и солдатских депутатов не только в России, но и у себя в Англии. Как раз в феврале 1919 г., когда Черчилль развил бурную активность в Париже, в Англии стачечная борьба приобрела огромный размах. В то время Ллойд Джордж говорил: «Каждое утро, перед тем как идти на заседание мирной конференции, я получаю из Лондона сообщение о новой забастовке и, когда возвращаюсь вечером с заседания, еще об одной».

Неудача, которую потерпел Черчилль в Париже, не уменьшила его рвения в борьбе против Советской власти. С поразительной настойчивостью, различными методами

он убеждал всех, кого только можно, в необходимости решительной борьбы против русской революции. Черчилль выступал с публичными речами, рассылал влиятельным лицам меморандумы, внушая членам английского правительства, представителям иностранных государств в Лондоне идею о необходимости задушить революцию в России. Вернувшись из Парижа, он с удвоенной энергией принялся за подготовку похода адмирала Колчака против Советской России, который должен был начаться весной 1919 г.

В мае 1919 г. Парижская мирная конференция приняла решение признать Колчака в качестве правителя всей России и оказать ему всемерную помощь, с тем чтобы его власть распространилась на территорию всей России. Английская делегация в Париже сыграла ведущую роль в формировании и провозглашении этой политики. Ллойд Джордж в тот период действовал заодно с Черчиллем. Их политические линии по русскому вопросу сошлись еще в апреле, когда Ллойд Джордж заявил, что о переговорах с Советским правительством не может быть и речи. Это была победа линии Черчилля. Он развил бурную деятельность по реализации принятого в Париже решения. Наконец-то получены официальные международные полномочия на экспорт контрреволюции в Россию! Черчилль организует отправку вооружения и снаряжения интервентам и белогвардейским армиям на многие миллионы фунтов стерлингов. Лидер лейбористов Макдональд писал в то время: «Будь господин Черчилль неограниченным монархом, и тогда он не смог бы тратить национальную казну и человеческие жизни с более щедрым размахом». Черчилль был бы рад послать и новые войска, но английский народ выступал категорически против.

В стране развертывалось мощное движение под лозунгом «Руки прочь от России!», в котором активную роль играли массовые организации английского рабочего класса и лучшие представители английской интеллигенции. 17 июня 1919 г. состоявшаяся в Саутспорте конференция лейбористской партии единогласно проголосовала за осуждение интервенции в Россию. В тот же день об этом шла речь на заседании военного кабинета. Постоянный заместитель министра труда Д. Шэклтон предупредил членов кабинета, что недовольство в среде рабочего клас-

са Англии растет прежде всего из-за интервенции. «Он сам был удивлен, — гласит запись в протоколе заседания военного кабинета, — до какой степени представители всех классов теперь объединяются в поддержку мнения лейбористов о том, что Советское правительство должно быть оставлено в покое». 29 июля газета «Дейли экспресс» писала: «Страна совершенно не желает вести большую войну в России... Давайте покончим с манией величия Уинстона Черчилля, военного азартного игрока. Давайте вернем наших солдат домой». Интервенцию в Советской России в Англии называли «личной войной г-на Черчилля», как повествует уже в наши дни его официальная биография.

Под нажимом народа английское правительство было вынуждено принять в 1919 г. решение отозвать свои войска из России. Поскольку военное министерство находилось в распоряжении Черчилля, он, используя свое положение, попытался вопреки воле народа и официально принятому решению продолжать вести войну в России на собственный страх и риск.

Черчилль предложил создать корпус добровольцев, который якобы должен был обеспечить эвакуацию находившихся в России английских войск. Замысел сводился к тому, чтобы заменить уставшие и не желавшие сражаться против Красной Армии войска новыми свежими контингентами. Однако и эту идею осуществить не удалось. Английские войска были эвакуированы из России.

В то время Англия переживала большие трудности, порожденные войной, которые препятствовали осуществлению планов Черчилля. Революционные настроения трудящихся масс, невиданный размах стачечного движения, разложение армии, экономические и финансовые затруднения, наконец, массовые выступления прогрессивных кругов против политики интервенции делали невозможной открытую борьбу против Советской России. Революция в Германии и острая революционная ситуация в других странах Европы также заставляли английскую буржуазию искать другие методы борьбы против революционной России. Все это побудило Ллойд Джорджа отказаться от поддержки крайне агрессивной авантюристической «русской политики» своего военного министра. 9 февраля 1920 г. состоялось заседание кабинета, на котором, как явствует из дневника Т. Джонса, секретаря кабинета,

«премьер-министр учинил Уинстону головомойку относительно России. Уинстон жаловался, что у нас нет политики. Премьер-министр ответил: наша политика состоит в том, чтобы попытаться избежать последствий пагубной политики, которую Уинстон в свое время убедил Кабинет принять».

После первой мировой войны под воздействием трудностей и жертв, которые английскому рабочему классу пришлось вынести в военный период, а также под влиянием событий, происходивших в России, Англия вступила в полосу послевоенного революционного подъема. Период после первой мировой войны — это время начавшегося общего кризиса капитализма, который охватил как экономику, так и политику и идеологию английского империализма. Экономика Англии с конца войны и до середины 1920 г. переживала своеобразный торгово-промышленный бум, приведший к значительному росту промышленной продукции и к расширению внешней торговли, что сопровождалось бурной инфляцией. Затем в 1920 г. начался глубокий экономический кризис, в результате которого промышленное производство резко упало. Кризис не сменился периодом подъема. Экономика Англии в 1922—1923 гг. находилась в состоянии застоя и депрессии. Не было промышленного подъема и в 1924—1929 годы — в годы частичной стабилизации капитализма. К 1929 г. английская промышленность по объему продукции еще не достигла уровня 1913 г. Застой в экономике повлек за собой массовую безработицу, являвшуюся бичом для английских трудящихся.

На этой экономической основе развертывался в Англии послевоенный революционный подъем, выражавшийся в массовом стачечном движении, в росте численности и укреплении профсоюзов, в борьбе английских трудящихся против антисоветской интервенции, в защиту Советской России, в создании Коммунистической партии.

Борьба против антисоветской интервенции возникла в рядах английских трудящихся как проявление симпатий и чувства солидарности к стране, где рабочие и крестьяне, освобожденные Октябрьской революцией, закладывали основы социалистического общественного строя. Выступления против интервенции развертывались под лозунгом «Руки прочь от России!» Состоявшаяся в январе 1919 г. общеанглийская конференция движения «Руки

прочь от России!» по предложению Гарри Поллита, одного из видных деятелей созданной впоследствии Коммунистической партии Англии, приняла резолюцию о необходимости готовить всеобщую забастовку с целью добиться прекращения антисоветской интервенции. Конференция избрала комитет из 12 членов для руководства движением «Руки прочь от России!». Благодаря самоотверженной деятельности левых элементов в английском рабочем движении борьба английского народа в защиту Советской России приобрела большой размах.

В период наивысшего подъема движения солидарности с Советской Россией была образована Коммунистическая партия Англии, учредительный съезд которой состоялся 31 июля — 1 августа 1920 г. В ее рядах объединились лучшие представители левых прогрессивных сил английского народа. Это было важнейшее завоевание английских трудящихся, свидетельство возросшей политической зрелости передовой части английского рабочего класса.

Революционизирование английского рабочего класса оказало мощное воздействие на лейбористскую партию. Ее лидеры поняли, что партия имеет реальные шансы завоевать в ближайшие годы прочные позиции в парламенте. Для этой цели они еще в 1918 г. осуществили организационную перестройку партии и приняли новую программу, которая говорила о необходимости передачи средств производства в общественное пользование. Это не была социалистическая программа в строгом смысле слова, но все-таки она являлась значительным шагом вперед по сравнению с предшествовавшей политикой лейбористов.

Когда вести о событиях в России докатились до отдаленных стран Британской колониальной империи, там начался мощный подъем национально-освободительного движения, охвативший в той или иной степени практически все колонии и зависимые от Англии страны.

Внутриполитическое положение Англии после первой мировой войны вызывало у Черчилля большую тревогу. Он по-прежнему считал, что в борьбе с рабочим классом единственное действенное средство — применение силы, не отдавая себе отчета в том, что в условиях послевоенного революционного подъема это могло иметь опасные для буржуазии последствия. В конце января 1919 г. ру-

ководимое Черчиллем военное министерство направило командирам воинских частей, расположенных на территории Англии, циркуляр, который свидетельствовал о намерении использовать войска для подавления выступлений английского рабочего класса. Циркуляр требовал в недельный срок сообщить министерству, «выполнят ли войска приказы об участии в поддержании общественного порядка», «помогут ли они в подавлении стачек», «будут ли они готовы отправиться для действий за границей, особенно в России», каково влияние профсоюзов в войсках, как действует на войска агитация, проводимая из «внутренних и внешних источников», «были ли созданы в частях солдатские советы».

Черчилля очень заботило быстро возраставшее влияние лейбористской партии. К лейбористам он относился отрицательно. Действия Черчилля в начале 20-х годов свидетельствуют, что он неправильно оценивал английский лейборизм. Правые лейбористские лидеры не являлись революционерами. Они были оппортунистами и, как таковые, стремились к налаживанию сотрудничества между рабочим классом и буржуазией, а не к развязыванию борьбы между ними. Именно деятельностью этих лидеров объяснялось то, что лейбористская партия, представлявшая собой по членскому составу в основном рабочую партию, вела буржуазную политику и, следовательно, по своему характеру была буржуазной партией. Однако Черчилль этого не понимал. Вероятно, он всерьез верил, что лейбористские лидеры, придя к власти, начнут вводить в Англии социалистические порядки, чем-то напоминающие то, что создали рабочие и крестьяне в России.

Черчилль опасался, что политическая борьба между консерваторами и либералами даст возможность лейбористам одержать победу на выборах и создать свое правительство конституционным путем. Поэтому в начале 20-х годов он выступал с идеей создания партии центра. Новая партия должна была объединить силы консерваторов и либералов в одной организации. Речь шла о создании единого политического фронта английской буржуазии, с тем чтобы предотвратить приход к власти лейбористов.

У Черчилля были и другие мотивы для выдвижения идеи создания новой партии. На протяжении многих лет

он искал возможности вернуться в лоно консервативной партии. Душой и телом он был с консерваторами.

Однако, несмотря на то что всеми своими действиями и выступлениями Черчилль показывал, что он не менее консервативен, чем сами консерваторы, последние в начале 20-х годов все еще не склонны были сменить гнев на милость. Участие вместе с консерваторами в коалиционном правительстве Ллойд Джорджа не дало возможность Черчиллю вернуться в родную партию. Теперь он надеялся, что создание партии центра обеспечит ему совместную деятельность с консерваторами в рамках новой мощной организации.

Среди лидеров консерваторов были люди, которые, как и Черчилль, считали необходимым консолидацию политических сил английской буржуазии в условиях развивавшегося революционного подъема. Такие деятели, как Остин Чемберлен, Ф. Е. Смит, ставший к этому времени лордом Биркенхедом, и некоторые другие поддерживали идею создания единой партии английской буржуазии. Однако широкой поддержки эта идея в рядах консерваторов и либералов не встретила, и Черчиллю в конце концов пришлось искать более прямых путей для возврата к консерваторам.

К началу 1921 г. обнаружился полный провал попыток Англии и других империалистических держав свергнуть Советскую власть в России силами внешней и внутренней контрреволюции. Вследствие этого в английском правительстве одержала верх точка зрения Ллойд Джорджа относительно необходимости установления отношений де-факто с Советским правительством. Черчилль как мог пытался противодействовать такому ходу событий. В июле 1920 г. он торжественно предупреждал Ллойд Джорджа, что считает признание Советского правительства «совершенно недопустимым». Напоминая премьер-министру сказанные ему когда-то слова о том, что он (Черчилль) — «ветка, которая трещит, прежде чем ломается», он недвусмысленно намекал, что на этом вопросе может «сломаться». Но угрозы не помогли. Советская Россия завоевывала все более прочное место в международных отношениях, и Англия была вынуждена пойти на признание большевистского правительства. Это означало, что Черчиллю уже нечего было делать в военном министерстве.

1921 год был несчастливым для семьи Черчиллей. В июне в возрасте 67 лет от заражения крови скончалась леди Рандольф. Ее сын не успел еще оправиться от этой тяжелой утраты, как в августе его постигло еще одно страшное горе — умерла двухлетняя дочь Мэриголд.

В январе 1921 г. Черчилль получает новое назначение — в министерство колоний и, как замечает один из его биографов — Вирджиния Коулс, «переносит свое внимание с Европы на страны Востока». Твердая рука Черчилля была теперь нужна английским правящим кругам для того, чтобы бороться с национально-освободительным движением в Британской колониальной империи.

В ходе первой мировой войны английское правительство организовывало выступления арабов против Турции с целью ослабить силы своего противника и получить возможность прибрать к рукам арабские территории, находившиеся под фактическим или номинальным владычеством Турции. Время было военное, церемониться особенно не приходилось, и английские агенты не стеснялись в обещаниях арабским лидерам. К концу войны обнаружилось, что данные обещания выполнить невозможно, ибо они зачастую противоречили одно другому, так что одни и те же территории и владения были обещаны нескольким шейхам. Результатом явилось все увеличивавшееся недовольство англичанами в среде арабской знати. Что же касается арабского народа, то он все более и более отдавал себе отчет в том, что освобождение от турецкого ига несет ему не свободу, а новый, на этот раз уже английский колониальный гнет.

В силу этого англичанам приходилось держать крупные вооруженные силы в Египте и на Ближнем Востоке. Только в Ираке было размещено 40 тыс. английских солдат, что стоило английским налогоплательщикам 30 млн. ф. ст. в год.

Черчилль в качестве министра по делам колоний взялся урегулировать положение. Он созвал в Каире совещание английских военных и колониальных деятелей, действовавших в то время на Ближнем Востоке. Главным советником Черчилля на этом совещании был известный английский разведчик на Ближнем Востоке полковник Лоуренс. Черчилль и Лоуренс понравились друг другу, и у них тогда завязались дружеские отношения, продолжавшиеся длительное время.

Сотрудники Черчилля, сопровождавшие его в Каир, впоследствии вспоминали о том, с какими трудностями была связана эта поездка. Черчилль и его группа на каждом шагу сталкивались с ненавистью со стороны местного населения. На пристани в Александрии их встретила мрачная, враждебно настроенная толпа местных жителей. Когда же они отправились из Александрии в Каир в личном поезде египетского султана, то население перебило камнями все окна в вагонах поезда. Охрана Черчилля серьезно опасалась за жизнь своего патрона и других членов группы. Пришлось остановить поезд в нескольких милях от Каира и добираться до отеля, где должно было состояться совещание, на автомобиле. Потребовалось мобилизовать все силы английской и египетской полиции, чтобы обеспечить безопасность пребывания в Египте английского министра по делам колоний.

Совещание в Каире приняло решение передать трон Ирака эмиру Фейсалу, сыну правителя Мекки. Его кандидатуру рекомендовал Черчиллю перед совещанием полковник Лоуренс, и министр по делам колоний поддержал эту рекомендацию. Фейсала сделали иракским королем, чтобы умиротворить тех арабских лидеров, которые оказались обделенными ранее.

Верховный комиссар Англии в Ираке сэр Перси Кокс в соответствии с планами Черчилля должен был создать видимость «приглашения» Фейсала самим иракским населением, чтобы его воцарение выглядело «народным избранием». Было обусловлено, что новое правительство Ирака вступит в договорные отношения с Лондоном и в стране будет расположена английская авиационная база. Лоуренс гарантировал лояльность Фейсала в выполнении этих обязательств.

Черчилль выдвинул идею, чтобы отныне основную тяжесть полицейских функций в колониальных странах, и прежде всего на Ближнем Востоке, несла не сухопутная армия, а военно-воздушные силы Англии (кстати, он сохранил за собой руководство военной авиацией и перейдя в министерство колоний). Если ранее восстающие колониальные народы расстреливались английскими колонизаторами из артиллерийских орудий и винтовок, то теперь Черчилль предложил усмирять их бомбардировками с воздуха и пулеметным огнем с самолетов. Он впоследствии очень гордился своей идеей. Его биографы также счи-

тают эту идею крупным достижением Черчилля. Действительно, принятие его плана давало Англии большую экономию. Ежегодные расходы по содержанию войск на Ближнем Востоке были сокращены с 40 млн. до 5 млн. ф. ст. в год.

Вернувшись из ближневосточной поездки на родной остров, Черчилль испытал там неприятное разочарование. В это время освободился пост министра финансов, который он мечтал получить. Однако решено было оставить этот портфель за консерваторами, и министром финансов стал Р. Хорн. По свидетельству Бивербрука, Черчилль был «очень-очень-очень-очень рассержен».

После Ближнего Востока Черчиллю пришлось заняться ирландской проблемой. Сразу же после войны обнаружилось, что партия ирландских националистов потеряла влияние в стране и руководство национально-освободительной борьбой перешло в руки партии синфейнеров, которая ставила своей целью добиться немедленно независимости Ирландии. Синфейнеры готовы были добыть свободу для своего народа силой оружия. Вскоре началась ожесточенная и кровопролитная колониальная война в Ирландии, развязанная правительством Ллойд Джорджа. Несмотря на огромный перевес сил на стороне Англии, обстановка складывалась таким образом, что выиграть эту войну она не могла.

Английское правительство раскололось по вопросу о том, как быть дальше с Ирландией. Одни министры настаивали на подавлении сопротивления ирландцев силой и на сохранении в стране английского колониального управления, другие утверждали, что нужны некоторые уступки, что Ирландию необходимо расчленить, присоединив северные графства к Англии и предоставив самоуправление южным графствам. Черчилль занял своеобразную позицию. Он предлагал вначале силой раздавить сопротивление ирландцев, а уже затем предоставить южным графствам некоторую долю свободы.

Английское правительство по внутриполитическим и внешнеполитическим причинам было лишено возможности принять «радикальный план» Черчилля. Убедившись в безнадежности вооруженной борьбы в Ирландии, оно предложило синфейнерам переговоры. Переговоры были длительными и трудными. Черчилль входил в состав правительственного комитета, который вел эти переговоры.

Главными представителями ирландцев были Гриффит и Коллинз. Коллинз был выдающимся организатором вооруженной борьбы против Англии, за его голову английское правительство объявило награду в 5 тыс. ф. ст.

Однажды переговоры велись в доме Черчилля. Атмосфера все более накалялась, и Майкл Коллинз в пылу спора воскликнул: «Вы охотились за мной днем и ночью, вы объявили цену за мою голову». «Минутку, — заметил в ответ Черчилль. — Вы не единственный». Он встал, снял висевшую на стене в рамке под стеклом листовку, в которой буры в свое время объявляли розыск бежавшего из плена молодого Уинстона Черчилля, и показал ее Коллинзу. «По крайней мере, — сказал он, — за вас назначили хорошую цену — 5 тыс. ф. ст. Посмотрите, как оценили меня — 25 фунтов за живого или мертвого. Как вам это понравится?»

В конце концов трудные переговоры с синфейнерами закончились подписанием в 1921 г. договора, по которому южные графства Ирландии получали права доминиона.

Длительное время английскому правительству причиняла беспокойство неопределенность положения с мирным договором с Турцией. Черчилль, Ллойд Джордж, Биркенхед, Остин Чемберлен, Бальфур, а также командование армии и флота считали, что оплотом английских интересов в восточной части Средиземного моря должна быть Греция. Многие другие министры выразили несогласие с этой линией и выступали за то, чтобы не очень ослаблять Турцию и в дальнейшем опираться на нее. Ллойд Джордж и Черчилль добились решения в соответствии с собственными планами, и по Севрскому мирному договору Греция не только получила часть турецких владений в Европе, но и оккупировала часть Анатолии. Начавшаяся война между Грецией и национально-освободительными силами Турции, которыми руководил генерал Кемаль, велась вначале с переменным успехом, но в 1922 г. греки были полностью разгромлены. Турки сбросили греческие войска в море. Возникла опасность, что турецкая армия, повернувшая на север, вскоре достигнет проливов и ликвидирует находившийся там небольшой английский гарнизон. Английское правительство опасалось, что вслед за тем она переправится через проливы и перенесет войну против Греции на Европейский материк.

Это означало бы окончательный крах проводившейся до сих пор и дорого стоившей политики.

15 сентября 1922 г. вопрос рассматривался на заседании кабинета. Было принято решение о необходимости задержать продвижение турецкой армии. Черчиллю и Биркенхеду поручили составить коммюнике для печати. Коммюнике гласило, что «приближение к Константинополю и Дарданеллам кемалийских сил и условия, выдвинутые ангорским правительством, грозят уничтожить все результаты победы, одержанной нами над Турцией во время последней войны. Поэтому правительство его величества... намерено немедленно послать дополнительные отряды в распоряжение союзного главнокомандующего в Константинополе сэра Чарлза Гаррингтона, причем в случае необходимости отряды эти должны быть значительны. Британскому флоту в Средиземном море отдан приказ всеми мерами противиться переходу турками нейтральной зоны или какой бы то ни было попытке их перейти на европейский берег».

Это был ультиматум, который мог повлечь за собой войну между Англией и Турцией. Запахло порохом, и Черчилль забыл о всякой осторожности. Угрожающее коммюнике он передал в печать до того, как премьер-министры доминионов получили соответствующие информационные телеграммы от английского правительства, что их очень обидело. Но не только этим объясняется отрицательная реакция правительств доминионов на требование Англии прислать войска для войны с Турцией. Народы и доминионов, и самой Англии были сыты по горло только что закончившейся мировой войной. Они никак не хотели оказаться втянутыми в новую военную авантюру.

Действия Черчилля и некоторых других членов правительства не привели к большой трагедии потому, что английский генерал Гаррингтон обнаружил выдержку и здравый смысл. Он не выполнил указание своего правительства и не передал ультиматум туркам, а вместо этого начал с ними переговоры, которые и привели в октябре 1922 г. к подписанию перемирия между Англией и Турцией. Войны удалось избежать, но английское общественное мнение поняло, насколько близка и реальна была ее опасность. «Народ почувствовал, — замечает английский историк Тэйлор, — что его бесцеремонно втягивали в не-

нужную войну». Этого Черчиллю и Ллойд Джорджу их соотечественники простить не могли. Слишком не вовремя они предприняли попытку развязать еще один вооруженный конфликт.

Военные неудачи Черчилля стали предметом многочисленных острот. В 1923 г. в Англии были в ходу такие стишки:

Великий Черчилль Галлиполийский,
Он обессмертил мундир английский,
Себя прославил на века
Через Деникина и Колчака.

Спасен Антверпен его раденьем
И дерзкий турок им усмирен,
А ныне новых похождений
Все в том же духе жаждет он.

Военная политика Ллойд Джорджа и Черчилля явилась одной из причин отставки коалиционного правительства. К концу 1922 г. коалиция консерваторов с либералами уже изжила себя. Консерваторы, терпевшие Ллойд Джорджа во главе правительства в первые послевоенные годы, когда нарастала волна рабочего движения в Англии и за ее пределами, теперь уже не считали необходимым союз с ним. Они ставили в вину Ллойд Джорджу его неспособность вести успешную борьбу против Советской власти в России, как будто кто-либо другой на его месте мог обеспечить успех интервенции. Консерваторы считали, что Ллойд Джордж пошел излишне далеко в ирландском вопросе. Их не устраивали и уступки, сделанные английскому рабочему классу в первые послевоенные годы. Консерваторы стремились использовать распад, который переживала либеральная партия, для того чтобы самим утвердиться у власти. В соответствии с существующими в Англии традициями они хотели в мирное время иметь однопартийное правительство. 19 октября 1922 г. консерваторы заявили о разрыве коалиции с либералами. Ллойд Джорджу ничего не оставалось, как подать в отставку. Король, принимая отставку, выразил надежду, что пройдет не так уж много времени, и Ллойд Джордж опять станет премьер-министром. Он оказался плохим пророком. Ллойд Джордж прожил еще четверть века, но так ни разу не смог стать не только премьером, но и рядовым министром.

Новое, теперь уже однопартийное правительство сформировал лидер консерваторов Бонар Лоу. Оно состояло в основном из молодых деятелей, среди которых выделялся представитель крупного бизнеса Стэнли Болдуин. Черчилль, поскольку он был либералом, оказался не у дел. Вероятно, раздражением по этому поводу объясняется его весьма критическая оценка нового правительства. «Бонар Лоу, — пишет Черчилль, — сформировал правительство, которое можно было бы назвать по числу и значимости его членов правительством «одиннадцати второразрядных» ».

Бонар Лоу распустил парламент и назначил новые выборы в палату общин. Для Черчилля это были трудные и неудачные выборы. Как обычно, он выставил свою кандидатуру в надежном, как ему казалось, избирательном округе Данди, где традиционно сильны были либеральные элементы. Но к тому времени избиратели значительно полевели. Черчилль не учел этого. Он заявил, что выступает на выборах как либерал и сторонник свободной торговли.

Жителей Данди к этому времени либерализм уже не устраивал. Их интересовала более левая политика. В довершение ко всему избиратели в основной массе уже понимали, что Черчилль даже и либералом не является, что в действительности он крайний реакционер явно консервативного толка. Об этом говорила его деятельность на протяжении последних лет. Как пишет Г. Пеллинг, «широко известный энтузиазм Черчилля в организации интервенции в Россию вызвал глубокое недоверие к нему со стороны рабочего класса». В 1920 г. на страницах печати разгорелась острая полемика между Черчиллем и Гербертом Уэллсом, которого он атаковал за призыв к достижению взаимопонимания с Советской Россией. Одному из героев своего романа «Люди-боги» Руперту Гэтскиллу Уэллс придал все характерные черты Черчилля. Ллойд Джордж, послав эту книгу Бальфуру, заметил, что пародия на их коллегу «убийственна».

Безграничная враждебность Черчилля к Советской России, готовность везде и всегда использовать вооруженные силы для подавления выступлений английского рабочего класса, его активная роль в организации борьбы против национально-освободительного движения — все это свидетельствовало о том, что Черчилль давно порвал с легким

увлечением своей политической юности, когда он заигрывал с либерализмом.

Противником Черчилля на выборах стал Е. Д. Морель — бывший либерал, перешедший к этому времени в лейбористскую партию. Е. Д. Морель был прекрасным оратором и великолепным знатоком международных отношений. Он убедительно критиковал политику английского правительства военного времени и особенно ошибки, которые допустил Черчилль в годы войны.

Черчиллю пришлось упорно защищаться. Политически его положение оказалось сложным. Настоящие симпатии Черчилля были на стороне консерваторов, а настроения в избирательном округе складывались явно в пользу социализма. В этих условиях Черчилль решил избрать средний путь. Он заявил, что выступает и против крайностей твердолобого консерватизма, и против социализма. Однако вскоре оказалось, что и такая двусмысленная позиция успеха не сулит. Черчиллю пришлось на ходу перекрашиваться под прогрессивного деятеля. Он заговорил о тяжелых жилищных условиях трудящихся, о необходимости их улучшения, о желательности увеличения пособий по безработице, о целесообразности улучшить работу общественных служб. Черчилль пошел так далеко, что назвал консерваторов партией ретроградов. Но эта маскировка успеха не имела. Избиратели не верили Черчиллю.

Неожиданно прибавилось еще одно неблагоприятное обстоятельство совершенно другого рода. В начале избирательной кампании он попал в больницу, где ему сделали операцию аппендицита. Поэтому в начальной стадии предвыборной борьбы общение с избирателями осуществлялось лишь через его жену Клементину и через письма и воззвания, которые он сочинял и направлял в свой избирательный округ. Затем в Данди приехала Клементина с новорожденной дочерью Мэри на руках и пыталась вести избирательную кампанию от имени мужа. Она прилагала все возможные усилия, чтобы склонить избирателей на его сторону, но это оказалось чрезвычайно трудным делом. На митингах выступления Клементины постоянно прерывались выкриками из зала, а однажды ее заставили замолчать при помощи чихательного порошка. Для Черчилля было очень важно сохранить свое место в парламенте в это сложное время, когда определялась расстановка сил в правящей верхушке страны. Поэтому, не

выздоровев окончательно, он вышел из больницы и появился в своем избирательном округе.

Черчилль был поражен враждебностью, с которой его встретили избиратели. 14 ноября 1922 г. он попытался выступить на массовом митинге перед 9 тыс. избирателей. Его внесли на эстраду в кресле для инвалидов. Несмотря на это, аудитория держалась крайне агрессивно. Все его попытки произнести речь срывались криками, раздававшимися из зала. «Я был поражен, — пишет Черчилль, — выражением страшной ненависти, которое было на лицах у некоторых молодых мужчин и женщин. Действительно, если бы не мое беспомощное положение, я уверен, они избили бы меня». Ненависть избирателей, концентрировавшаяся на Черчилле, не имела в своей основе ничего личного. Она явилась выражением возмущения тем политическим курсом, который, как справедливо были убеждены избиратели, он проводил.

Итоги выборов 1922 г. были тяжким ударом для Черчилля. Он потерпел сокрушительное поражение, в парламент абсолютным большинством избрали его соперника лейбориста Мореля. Впервые с 1900 г. Черчилль оказался вне парламента. Впоследствии он с грустью вспоминал об итогах декабрьских выборов 1922 г.: «Я и глазом не успел моргнуть, как оказался без работы, без места в парламенте, без партии и даже без аппендикса».

7

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КОНСЕРВАТОРАМ

Врачи посоветовали Черчиллю отдохнуть. Ему нужен был не только отдых после перенесенной операции, но и возможность собраться с мыслями после катастрофы на парламентских выборах 6 декабря 1922 г. После объявления итогов выборов Уинстон с Клементиной отправились на юг Франции. Их сопровождали горничная, лакей и секретарь.

На отдыхе Черчилль много рисовал. Живопись давала ему утешение и доставляла удовольствие, отвлекала от огорчений, вызванных превратностями судьбы. Одному журналисту он говорил, что считает день пропавшим, если не успел написать двух картин. Будучи не особенно силен в технике рисунка, Черчилль обладал отличным чувством цвета. Ему нравилось рисовать на юге Франции, в Италии, в Испании, в Северной Африке, на островах Средиземного моря. Его не прельщали блеклые тона английских пейзажей и серое небо над Англией. Он любил буйные краски Средиземноморья, ярко-голубое море и солнечный небосвод.

Нашлись люди, которые искренне, а может быть и не совсем, говорили о его «исключительном таланте» в этой области, о том, что Черчилль является «в высшей степени многообещающим» живописцем, проводили выгодные для него сравнения с профессионалами. Действительно, он добился значительного для любителя успеха. В 1921 г. он выставил в Париже пять своих пейзажей. Он не рискнул подписать картины своей настоящей фамилией и выступил под псевдонимом Чарлз Морен. Четыре картины были куплены, причем за них уплатили по 30 ф. ст. за каждую — цену вполне приличную для дебютировавшего

впервые и неизвестного публике Чарлза Морена. Надо отдать справедливость Черчиллю — этот успех не вскружил ему голову.

Если живопись для него всегда была хобби, то литературный труд — бизнесом. «С самого начала и до конца, — говорится в одной из последних биографий Черчилля, — своими литературными занятиями он делал деньги». К 20-м годам материальный стимул для литературного труда у Черчилля уменьшился. Одна из дальних родственниц, маркиза Лондондерри, оставила ему крупное наследство, что вместе с тем, что он уже имел, давало доход в 5 тыс. ф. ст. в год. Именно таково было жалованье английского министра, являющегося членом кабинета. Такой доход позволял Черчиллю вести образ жизни, принятый в кругах английской знати и крупной буржуазии. Но Черчилль любил писать книги. После политики литературный труд был для него любимейшим занятием, и он уже не мог не заниматься им, если имел свободное время. Книги Черчилля были тесно связаны и с собственной политической деятельностью. Теперь, когда у него оказался досуг в избытке, он опять решил заняться литературным творчеством.

Черчилль задумал большую работу, которая должна была состоять из четырех или пяти томов (он не любил и не умел писать коротко) под общим заголовком «Мировой кризис». Вероятно, идея написания такой книги возникла у него в самом начале, если не накануне войны. Уже в то время он вел подготовку к созданию этого труда, тщательно собирая письма, копии документов, меморандумов, которые проходили через его руки. Порядок ведения делопроизводства в английском правительстве в то время, да и впоследствии был таков, что Черчилль имел возможность оставлять себе экземпляры всех официальных документов, зачастую являвшихся секретными.

Всю эту массу документов Черчилль теперь использовал для своей книги. Два первых тома вчерне были сделаны несколько раньше. Они посвящались периоду с 1911 г. до возникновения войны (первый том) и первому году войны, включая дарданелльскую трагедию (второй том). Наиболее важные главы второго тома Черчилль написал во время войны: он стремился доказать несправедливость возложения на него ответственности за дарданелльскую катастрофу. Тогда Асквит не разрешил публикацию этого

материала, и теперь Черчилль использовал его целиком, без какой-либо переработки.

Черчилль работал быстро и очень продуктивно. Он умел концентрировать свои незаурядные способности и обширную память на чем-либо одном, чем занимался в данную минуту, абстрагируясь от всего остального. Вся книга «Мировой кризис» была продиктована Черчиллем своему секретарю. Черчилль диктовал текст, расхаживая по комнате и непрерывно жуя сигару, часто незажженную. Получалось не только быстрее, но и совершеннее с точки зрения литературной формы. Он всегда говорил лучше, чем писал. Диктуя, Черчилль по обыкновению сначала произносил каждую фразу шепотом, как бы отчеканивая, и уже потом громко повторял секретарю.

Работая над «Мировым кризисом», Черчилль мог продиктовать в день большой кусок, насчитывавший от трех до четырех тысяч слов по английскому счету, т. е. от половины до трех четвертей авторского листа по нашим измерениям.

Первый и второй тома «Мирового кризиса» вышли в свет в 1923 г. Вскоре появились еще два тома, а затем через некоторое время и завершающий, пятый том.

Название труда показывает, что автор имел в виду написать своеобразную всемирную историю, охватывающую канун первой мировой войны, саму войну и годы послевоенного мирного урегулирования. Но этот замысел остался невоплощенным: из-под пера Черчилля вышла не столько история, сколько повесть о его собственной деятельности в те годы. Ведя речь о всех наиболее важных мировых событиях этого периода, автор последовательно подводит читателя к выводу, что сам он не только принимал весьма активное участие в развитии событий, но и направлял их ход. «Мировой кризис», пожалуй, более ярко, чем все предшествующие книги Черчилля, воплотил его идею о том, что историю делают герои. В данном случае таким творцом истории он изображал себя. Неудивительно, что лорд Бальфур назвал это произведение блестящей автобиографией Черчилля, замаскированной под всемирную историю. Черчилль считал себя как политика намного выше своих современников и полагал, что только те государственные дела ведутся правильно и разумно, которыми занимается он сам, а то, что делают другие, всегда плохо. Именно с этих позиций он рисовал свою

деятельность и деятельность своих коллег в пяти томах «Мирового кризиса».

«Мировой кризис» не может быть отнесен к числу исторических работ. Английские историки пришли к этому выводу довольно единодушно еще в момент выхода в свет первых двух томов. Например, профессор английской истории Лондонского университета Поллард в рецензии, опубликованной в «Таймсе», назвал книгу Черчилля «апологией адмиралтейства» и заметил, что «апология может быть первоклассным материалом для изучения истории, но не может сама по себе являться историческим исследованием».

Печать подняла большой шум вокруг «Мирового кризиса». Поскольку в своей книге Черчилль недвусмысленно проводил идею о том, что во время войны в вопросах стратегии по большей мере правыми оказывались не профессиональные военные, а профессиональные политики (здесь он прежде всего имел в виду себя самого), его труд, естественно, вызвал немало протестов со стороны генералов и адмиралов, участвовавших в планировании операций. В 1927 г. они издали специальный сборник статей под названием «Мировой кризис: критика». Однако и друзья, и противники в общем сходились в том, что у Черчилля выработался неплохой литературный стиль и что его книги читаются легко и с большим интересом, несмотря на их громадные размеры. Один из английских романистов, Арнольд Беннет, заметил, что «Черчилль, независимо от того, точно он излагает факты или неточно, в высшей степени читабелен; он почти так же читабелен, как Маколей». Сравнение с Маколеем было одной из высших похвал для Черчилля. Маколей для него являлся образцом, которому он всегда стремился подражать. Артур Конан Дойль писал в «Таймсе», что Уинстон Черчилль «обладает лучшим стилем в прозе, чем кто-либо из современников». Это была, пожалуй, самая восторженная оценка, впрочем разделяемая далеко не всеми. В рецензии, опубликованной в «Лондон меркур», отмечалось, что стиль Черчилля «амбициозный и недостаточно отработанный».

У Черчилля к этому времени уже вошло в привычку получать за свои литературные труды из ряда вон выходящие гонорары. За первые два тома «Мирового кризиса» он получил огромную сумму — 20 тыс. ф. ст. В то время

финансовое положение Черчилля было прочное, и на полученный гонорар весной 1923 г. он приобрел загородный дом с довольно крупным земельным участком. Поместье называлось Чартвелл. В нем Черчилль прожил до конца своей жизни. В Лондоне он имел другой дом, которым пользовался, когда не находился в составе правительства и не имел официальной служебной резиденции.

Литературный труд, живопись, приятные заботы по обживанию приобретенного поместья не смогли привести Черчилля в хорошее настроение. Он часто хандрил. И не удивительно: ведь он оказался в стороне от политической жизни, тогда как его страстью было находиться в центре событий и влиять на их ход.

В период вынужденного политического безделья Черчилль пристально следил за дебатами в палате общин, за деятельностью правительства. Если друзья посещали его в Чартвелле или он бывал в гостях, разговор неизменно концентрировался на политике, на политических деятелях, на событиях дня. В конце концов все такие беседы сводились к тому, что люди, в руках которых в настоящее время находится власть в Англии,— это компания посредственностей и что дела в стране и в мире шли бы намного лучше, если бы ему, Черчиллю, была предоставлена возможность направлять их.

Люди, близкие к Черчиллю и хорошо его знавшие, вроде Ллойд Джорджа и лорда Биркенхеда, в то время считали, что с политической карьерой Черчилля покончено и что в дальнейшем он, вероятно, сможет проявить себя лишь в области литературы. «В те дни,— замечает Вирджиния Коулс,— было модой высмеивать Черчилля, и, если бы он умер, не дожив до 60 лет, в некрологе о нем не говорили бы как о государственном деятеле».

Последние выборы в парламент дали большинство консерваторам. Однако, что особенно было неприятным для Черчилля, лейбористская партия получила больше мест в парламенте, чем обе группы либералов, вместе взятые, и стала официальной оппозицией его величества. Это предвещало очень многое. Можно было предвидеть, что вскоре лейбористы, увеличив на очередных выборах число своих мест в парламенте, смогут из оппозиционной партии превратиться в правящую и займут то место в английской политической жизни, которое на протяжении многих лет занимали либералы.

Крах английского либерализма вызван был не субъективными причинами, не ошибочными действиями тех или иных политических деятелей — это было закономерное явление для Англии 20-х годов. В условиях общего кризиса капитализма, который затронул и социально-экономическую систему Англии, в ходе обострившейся классовой борьбы происходило размежевание между английскими трудящимися и либеральной буржуазией. Реакционные элементы из либеральной партии уходили к консерваторам, а радикально настроенные — к лейбористам. Либеральная партия размалывалась жерновами нараставших классовых противоречий. Постепенно либералы утратили свою роль одной из двух поочередно находящихся у власти ведущих партий страны. Место либеральной партии в английской двухпартийной системе перешло к лейбористам.

Распад либеральной партии был ускорен действиями таких ее лидеров, как Ллойд Джордж и Черчилль. Своей деятельностью в коалиции с консерваторами в годы войны и в послевоенный период Ллойд Джордж, Черчилль и их соратники дискредитировали английский либерализм. Ко всему этому прибавлялись нескончаемые интриги и борьба между отдельными лидерами либералов.

Наметившийся уход либералов с политической арены затрагивал Черчилля самым непосредственным образом. Если либеральная партия в будущем не придет к власти, то какова же будет его собственная дальнейшая судьба?

Друзья Черчилля рано поставили крест на его политической карьере. Сам он явно не намеревался удовлетвориться тем, чего достиг в области политики к началу 20-х годов. Для него было ясно одно: к власти он может прийти только через консервативную партию, и, следовательно, надо любой ценой вернуться к консерваторам.

Черчиллю везло в жизни. Повезло и на этот раз. В 1923 г. ушел в отставку из-за неизлечимой болезни (рак горла) и вскоре скончался лидер консерваторов премьер-министр Бонар Лоу. Таким образом, исчез с политической сцены самый непримиримый и влиятельный противник Черчилля в консервативном лагере, человек, не желавший идти ни на какие компромиссы и безоговорочно выступавший против его возвращения в консервативную партию. Лидером консерваторов и премьер-министром стал Стэнли

Болдуин, с которым у Черчилля налаживался некоторый контакт.

Болдуин в то время был сторонником немедленного введения протекционизма. Поэтому он распустил парламент и назначил на декабрь 1923 г. новые выборы, с тем чтобы провести их под флагом протекционизма. Это дало Черчиллю возможность предпринять попытку пройти в парламент.

Посягательство Болдуина на принцип свободной торговли, дорогой сердцу любого либерала, сделало возможным объединение всех либералов — как сторонников Ллойд Джорджа, так и сторонников Асквита. Они выступили на выборах единым фронтом против консерваторов. Черчилль оказался в сложном положении. Просто отказаться от лозунга свободной торговли, которым он размахивал на протяжении многих лет, еще с тех времен, когда вел борьбу против Джозефа Чемберлена, он не мог. Это сразу же использовали бы его многочисленные враги. Но и против консерваторов выступать он не смел, ибо считал необходимым скорее вернуться в их ряды. Поэтому Черчилль выступил на выборах как либерал-фритредер в таком избирательном округе, где его соперником был не консерватор, а лейборист.

И на этот раз избирательная кампания была для Черчилля неудачной. Нападки на социализм, на лейбористов и на Советский Союз, которыми он до выборов мостил себе путь обратно к консерваторам, естественно, восстановили против него все более или менее прогрессивные и либеральные элементы в избирательном округе. Выход в свет первых двух томов «Мирового кризиса» вновь оживил старую историю провала дарданелльской операции. Особенно ненавидели Черчилля рабочие. Ему не позволяли и слова произнести на митингах. Когда 3 декабря 1923 г. Черчилль попытался выступить в одном из районов Лондона, властям пришлось посылать для его охраны наряды конной и пешей полиции. Лондонцы камнями разбили стекла его автомобиля, и перед лицом старавшегося сохранить самообладание Черчилля замелькали кулаки. С большим трудом полиция оградила его от крупных неприятностей. В интервью газете «Ивнинг ньюс» Черчилль говорил: «Это была самая худшая толпа, которую я когда-либо видел в Англии за все 25 лет моей общественной жизни. Они больше походили на русских волков, чем на

английских рабочих». На выборах он потерпел поражение.

Итоги выборов создали сложную обстановку в палате общин. Английский народ еще не созрел для того, чтобы порвать с фритредом и перейти к протекционизму. Поэтому консерваторы в результате выборов потеряли почти 100 мест в палате общин, получив 259 мандатов. Либералы в целом завоевали 155 мест, лейбористы — 191. Лейбористская партия значительно укрепила свои позиции. Но ни одна партия не получила в палате общин абсолютного большинства. Поскольку из-за раздоров по вопросу о протекционизме консерваторы и либералы создать коалиционное правительство не могли, лейбористам была предоставлена возможность впервые в истории Англии образовать свое правительство.

В связи с тем что лейбористы не обладали большинством в парламенте и поэтому зависели от голосов либералов, а также учитывая политическое лицо лейбористских лидеров, правящие круги Англии в общем считали для себя безопасным в таких условиях провести эксперимент с лейбористским правительством. Если бы оно стало действовать вразрез с коренными интересами буржуазии, его можно было бы сместить простым голосованием в парламенте.

После второго поражения на парламентских выборах Черчилль еще больше усилил нападки на социализм, на лейбористскую партию. Действуя вразрез с общим мнением, он выступал против того, чтобы лейбористам было поручено формирование правительства. Черчилль запугивал английскую буржуазию тем, что руководство лейбористской партии намерено «самым основательным образом подорвать существующие социальные и экономические основы цивилизации».

Черчилля, однако, не послушались, и лидер лейбористской партии Рамзей Макдональд сформировал первое в истории Англии лейбористское правительство. В общем прогнозы Черчилля не оправдались. Новое правительство проводило буржуазную внутреннюю и внешнюю политику. Правда, для удовлетворения требований широких народных масс оно пошло на установление дипломатических отношений с Советским Союзом. Это дало Черчиллю повод с еще большим усердием поносить лейбористских лидеров и приписывать им революционные намерения и цели.

Клементина Хозье (миссис У. Черчилль)

У. Черчилль в 1904 году

Сэр У. Черчилль

Тегеран. 1943 год

Черчилль. Знаменитый жест Победы

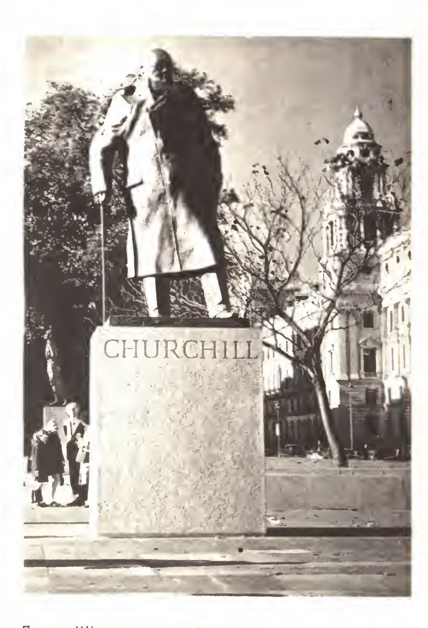
У. Черчилль в годы последнего премьерства

Дувр. 1946 год

У. Черчилль в кругу семьи. 1964 год

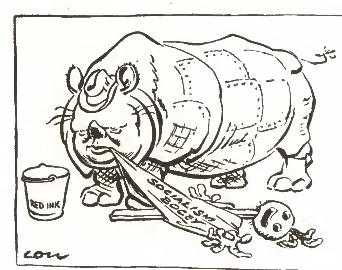

Памятник У. Черчиллю перед парламентом

Карикатуры
на У. Черчилля
из английских газет

Подобное поведение очень вредило Черчиллю в глазах трудящихся, но делало его более близким и нужным для консервативной партии. Лидеры консерваторов уже были склонны помочь Черчиллю вернуться в свою старую партию. В дальнейшем предстояла упорная и, вероятно, длительная борьба с новым политическим противником — лейборизмом. Черчилль мог оказаться весьма полезен в этой борьбе. К тому же в рядах консерваторов в то время не было людей, равных по способностям, силе воли и энергии Черчиллю. Поэтому, когда в феврале 1924 г. досрочно освободилось одно парламентское место, некоторые консервативные лидеры попытались помочь Черчиллю получить его.

Освободившееся место принадлежало избирательному округу, расположенному в лондонском районе Вестминстер. В этом районе находятся палата общин и многие правительственные учреждения. Консервативные друзья Черчилля — лорд Биркенхед, Остин Чемберлен и лорд Бальфур обратились с просьбой к консервативной ассоциации Вестминстера принять Черчилля в качестве своего кандидата. Однако если верхушка консервативной партии проявила готовность иметь дело с Черчиллем, то большинство рядовых консерваторов все еще относилось к нему отрицательно. Вестминстерские консерваторы заявили, что они выставят своим кандидатом не Черчилля, а капитана Никольсона — племянника уходившего в отставку депутата.

Желая помочь Черчиллю, лорд Биркенхед опубликовал в газете «Санди таймс» письмо, в котором доказывал необходимость его возврата к консерваторам. Черчилль, писал он, всегда был консерватором в душе, он никогда не порвал бы свои связи с партией тори, если бы консервативный премьер-министр Артур Бальфур в свое время предложил ему место в правительстве. Вероятно, Биркенхеда все же смущало то, что на основе его заявления сообразительные люди легко могли заключить, что и возвращение Черчилля к консерваторам также объясняется карьеристскими соображениями. Чтобы рассеять это впечатление, он писал, что Черчилль никогда в жизни не изменил ни одному своему другу. Знаменательно, что для защиты своего протеже Биркенхед вынужден был прибегать к подобному аргументу, ибо политическая деятельность Черчилля не давала примеров его устойчивости и надежности.

Навязать кандидатуру Черчилля консервативной ассоциации Вестминстера не удалось. Но это его не остановило. Он решил драться за парламентское место и против желания местной организации консерваторов выставил свою кандидатуру как «независимый антисоциалист». Поступая таким образом, Черчилль ставил себя в ложное положение. Он рвался обратно к консерваторам и в то же время на выборах выступал против официального консервативного кандидата. Неувязку надо было как-то объяснить. «Моя кандидатура,— объяснял Черчилль,— никоим образом не враждебна консервативной партии или ее лидерам. Наоборот, я признаю, что эта партия должна в настоящее время стать главным центром, вокруг которого будут концентрироваться все противники лейбористской партии». Он подчеркивал, что последние 20 лет своей политической деятельности вел борьбу против социализма и что поэтому он считает, что может сотрудничать с консервативной партией. На замечание о том, что, заявляя о своем сотрудничестве с консерваторами, он меняет свои политические позиции, Черчилль отвечал: «Если я в состоянии сердечно сотрудничать с консервативной партией, то это не потому, что я изменил свою позицию. Это потому, что консерваторы поступили весьма мудро и правильно, возвратившись или находясь в процессе возвращения на широкую и прогрессивную платформу». В действительности ни о какой «прогрессивности» консервативной партии и речи быть не могло. Наоборот, на протяжении тех 20 лет, которые прошли с момента измены ей Черчилля, консервативная партия все время перемещалась вправо. В эпоху империализма она превратилась в партию монополистического капитала и являлась самой реакционной политической силой в стране. Консерваторы выдвигали широкую программу наступления на рабочий класс внутри страны, укрепления колониальных позиций Англии и империалистической внешней политики. Но что другое мог сказать в свое оправдание Черчилль? Не мог же он в самом деле признаться, что покидает либеральный корабль потому, что этот корабль тонет, и просится на борт консервативного корабля, потому что ему это более выгодно.

Газета «Таймс» писала: «Консерваторы Вестминстера выбрали Никольсона как своего антисоциалистического кандидата. Вторжение Черчилля представляет собой по-

пытку подорвать его шансы. Какой же после этого Черчилль антисоциалист?» Черчилль парировал этот вопрос следующим заявлением: «Если бы я думал, что нынешний консервативный кандидат действительно представляет силу характера этого избирательного округа, я бы не выставил своей кандидатуры. Затронут важный общественный принцип. Не должно быть возврата к дням, когда избирательные округа сохранялись за отдельными семьями и находились у них в кармане. Неправильно, чтобы избирательный округ Вестминстера передавался из рук в руки, как если бы он был частью гарнитура мебели, передавался от отца к сыну или от дяди к племяннику».

То, что это было демагогией чистейшей воды, подтвердил сам Черчилль в свою бытность премьер-министром через 20 лет — в феврале 1944 г. В это время лорд Гартингтон, сын герцога Девонширского, выставил свою кандидатуру на довыборах в парламент в избирательном округе, который раньше представлял в палате общин его дядя. В поддержку кандидатуры Гартингтона выступил Черчилль. «Дорогой мой Гартингтон,— писал он,— я вижу, что они нападают на Вас потому, что Ваша семья на протяжении 300 лет была связана с представительством в парламенте Западного Дербишира. Наоборот, это должно быть предметом гордости для избирательного округа, что у него существует такая давняя традиция и такое постоянство». В этом весь Черчилль. Он придерживается одного принципа, когда это ему выгодно, и ратует за другой, прямо противоположный, когда ситуация меняется.

Избирательная кампания длилась только десять дней, но Черчилль описывал ее впоследствии как «вне всякого сравнения самую волнующую, возбуждающую, сенсационную» в его жизни. Она вызвала большой интерес со стороны всех слоев местного общества. Хористки одного из лондонских театров были охвачены таким энтузиазмом, что целую ночь надписывали адреса избирателей на письмах с призывом голосовать в пользу Черчилля.

Во время выборов в Вестминстере Черчилля поддерживал ряд влиятельных лидеров консервативной партии. Многие представители знатных аристократических фамилий приняли участие в агитации за Черчилля. Кампания в его поддержку была поставлена на широкую ногу. И все же его противник капитан Никольсон — незначительная политическая фигура — получил на 43 голоса больше. Это

был третий за несколько месяцев провал Черчилля на выборах в парламент. Он остро переживал свое поражение. Как рассказывает баллотировавшийся на тех же выборах лейборист Броквэй, наблюдавший его в момент сообщения об итогах голосования, Черчилль «тяжело зашагал из угла в угол, понурив голову, поникнув всем телом, словно затравленное животное».

Не получив возможности нападать на лейбористское правительство в палате общин, Черчилль продолжал атаковать его вне парламента. Особенно осуждал Черчилль лейбористских лидеров за то, что они установили дипломатические отношения с Советским Союзом и вели с ним переговоры о заключении торгового договора и об урегулировании ряда спорных политических вопросов.

Первое лейбористское правительство просуществовало недолго. В октябре 1924 г. либералы отказали ему в поддержке, и Макдональд распустил парламент. Новые выборы в палату общин состоялись 29 октября 1924 г.

Консерваторы провели крупную провокацию с целью обеспечить себе победу на выборах. Они опубликовали за несколько дней до голосования фальшивку — поддельное письмо Коминтерна, в котором Исполком Коминтерна якобы давал Английской компартии указание о том, как организовать вооруженное восстание и свергнуть власть буржуазии в Англии. Расчет был на то, чтобы запугать колеблющиеся слои мелкой буржуазии угрозой революции и заставить ее проголосовать за консерваторов, выступавших под антикоммунистическим и антисоветским знаменем.

Черчилль оказался в своей стихии. Используя фальшивку, он с новой энергией обрушился на английских лейбористов и на Советский Союз. «Они,— заявлял он, имея в виду советских руководителей,— отдают письменный приказ о подготовке кровавого восстания, о начале гражданской войны... Я утверждаю, что такое положение никогда не имело места в истории Англии».

Консерваторы на этот раз уже официально выдвинули Черчилля в качестве своего кандидата в избирательном округе Эппинг. Наконец он был снова избран в парламент. Выборы дали победу консерваторам, которые получили 413 мест. Лейбористы завоевали 151 место, а либералы смогли получить лишь 40 мандатов. В соответствии с итогами выборов Стэнли Болдуин 7 ноября 1924 г. сформиро-

вал консервативное правительство. Англичане были удивлены, узнав список ведущих министров. Черчилль значился в нем как министр финансов. «Черчилль, сторонник свободной торговли, ничего не смыслящий в финансах,— замечает историк Тэйлор,— стал канцлером казначейства». Это был второй по значению после премьер-министра пост в правительстве. Таким образом, консервативные лидеры высоко оценили усердие Черчилля в борьбе против социализма и не только вновь приняли его в свои ряды, но и щедро наградили. Далеко не все консерваторы были довольны излишней щедростью Болдуина. Ворчали, что, если бы во главе партии стоял Бонар Лоу, подобного бы не произошло.

Любопытна закулисная история этого назначения. Болдуин считал, что Черчилль будет «больше под контролем внутри правительства, чем вне его», но колебался, какой пост ему отдать. Сначала он примерял Черчилля на пост министра по делам Индии. Но помощники Болдуина предостерегали его от такого шага, считая Черчилля «слишком импульсивным» для этой должности и напоминая, что он «терял голову в критические моменты ирландской эпопеи». Тогда лидер консерваторов стал подумывать о возвращении Черчилля в адмиралтейство или о назначении его министром здравоохранения. Но тут, к полному удивлению Болдуина, Невиль Чемберлен, которому был предложен пост министра финансов, отказался его принять и выразил желание пойти в министерство здравоохранения, порекомендовав вместо себя Черчилля. Болдуин сомневался, не вызовет ли подобный выбор большого шума в партии, но Чемберлен возразил, что назначение Черчилля в адмиралтейство в этом смысле еще хуже. Свидание Болдуина с Черчиллем произошло сразу же после его разговора с Чемберленом, и он с ходу решил последовать совету последнего.

Министр финансов Англии именуется канцлером казначейства. Кроме него в правительстве есть еще один канцлер — канцлер герцогства Ланкастерского, т. е. министр без портфеля, незначительная, третьеразрядная должность. Черчилль занимал ее несколько месяцев во время первой мировой войны. Рассказывают, что, когда Стэнли Болдуин, предлагая Черчиллю войти в правительство, спросил его, как он отнесется к предложению занять пост канцлера, Черчилль ответил согласием и заметил: «Гер-

цогства Ланкастерского, конечно?» Когда он узнал, что речь идет о министерстве финансов, на глазах у него выступили слезы. Об этом Черчилль не мог и мечтать. Ведь всего несколько месяцев назад он был без партии и без места в парламенте. Казалось, что его ждет полное политическое забвение. И вдруг такой неожиданный оборот событий. В этой связи Черчилль, празднуя свое назначение с друзьями, вспомнил слова Дизраэли о том, что «превратности политики неисчерпаемы». Либеральная газета «Манчестер гардиан» с горечью комментировала новое назначение Черчилля: «Он уже во второй раз покидает тонущий корабль и вторично в награду за свой ценный инстинкт получает не только возможность выплыть, но и высокий пост».

Стэнли Болдуин был человеком мудрым, хотя и держался простачком. Если Бонар Лоу считал, что лучше иметь Черчилля против себя, то Болдуин предпочитал иметь его рядом с собой. Новый премьер, и не он один, опасался, что если Черчилль останется за бортом, он может объединиться с Ллойд Джорджем, который также находился не у дел. К ним мог присоединиться их друг, известный консервативный деятель лорд Биркенхед. Этот триумвират из энергичных и целеустремленных людей, лучших английских ораторов того времени, мог причинить консервативному правительству большие неприятности. Чтобы не допустить создания такой комбинации против себя и поставить энергию и способности Черчилля на службу консервативному правительству, Стэнли Болдуин в соответствии с давней английской политической традицией превратил потенциального соперника в соратника.

Назначение Черчилля министром финансов выглядело странным еще и потому, что было известно его полное невежество в финансовых вопросах и отсутствие всякого интереса к ним. Еще в школе он не ладил с арифметикой. Это было наследственное. Его отец Рандольф приходил в смущение от десятичных дробей и брюзжал по поводу «этих проклятых точек», однако вершиной его политической карьеры стал именно пост министра финансов. Теперь Черчилль получил возможность надеть на себя казначейскую мантию отца, которую тридцать лет «в папиросной бумаге и камфаре» хранила его мать.

Специалисты по финансовым вопросам сходятся на том, что Черчилль был плохим министром финансов. На

этом посту он служил простым рупором своих советников из министерства финансов. Роберт Бутби, парламентский секретарь Черчилля в министерстве финансов, писал впоследствии: «Черчилль совершенно не интересовался проблемами больших финансов». Один из биографов Черчилля, Вирджиния Коулс, замечает: «Это было бедствием для страны и для самого Черчилля, что он в то время оказался во главе казначейства, учитывая его отношение к рабочему классу». Тэйлор считает, что деятельность Черчилля в министерстве финансов «дискредитировала его в глазах более трезвых политических деятелей и ослабила казначейство накануне серьезных экономических затруднений».

Некомпетентность Черчилля во вверенной ему области дала себя знать уже вскоре после назначения в связи с проектом государственного бюджета. В Англии объявление ежегодного бюджета — это своеобразная торжественная церемония. День внесения бюджета на рассмотрение палаты общин известен заранее, и толпа лондонцев и приезжих ожидает выхода министра у дверей его резиденции — дома № 11 по Даунинг-стрит. Министр выходит с загадочной улыбкой на устах, с небольшим красным чемоданчиком в руке, содержащим проект государственного бюджета. Все ждут новый бюджет с интересом. Одним он может принести льготы, другим — увеличение налогов. Обычно министр направляется в парламент в сопровождении членов семьи, которые в палате общин размещаются на галерее для посетителей, и произносит речь, в которой излагает основные данные бюджета и аргументирует те или иные изменения. Так было и 28 апреля 1925 г., когда Черчилль внес на рассмотрение палаты общин свой первый бюджет. Вначале все прошло гладко. Новый министр финансов, великолепный оратор, произнес яркую речь, представляя депутатам новый бюджет.

Этот бюджет вошел в историю Англии надолго и имел далеко идущие последствия. Он восстанавливал золотой паритет фунта стерлингов. В годы войны и в послевоенный период реальная стоимость фунта стерлингов значительно уменьшилась. Теперь она восстанавливалась на довоенном уровне, т. е. 1 ф. ст. приравнивался к 4,86 ам. долл. От этой реформы выиграли финансовые круги Англии. По их желанию и требованию она и была осуществлена. Согласно сделанным подсчетам, в результате проведенной Чер-

чиллем реформы финансовые круги получили выгоду, равную примерно около 1 млрд. ф. ст.

В то время введение золотого паритета фунта явилось тяжелым ударом по промышленности и рабочему классу Англии. Крупный английский специалист в области финансов, тогда еще сравнительно молодой Кейнс подсчитал, что финансовая реформа повлечет за собой повышение цен на мировых рынках на английские товары примерно на 12%. Это означало, что английские товары стали бы менее конкурентоспособными по сравнению с товарами других стран. Чтобы выдержать конкуренцию, английские промышленники неизбежно должны были попытаться снять эти 12% за счет сокращения заработной платы рабочих. Так оно в действительности и получилось.

«Почему,— спрашивал Кейнс в брошюре «Экономические последствия политики господина Черчилля»,— Черчилль сделал такую глупую ошибку?» И отвечал: «Частично, вероятно, потому, что у него не было интуиции, которая не допустила бы совершения ошибок, частично потому, что, пе имея этого внутреннего чувства, он поддался шумным требованиям со сторопы финансовых кругов. А прежде всего потому, что его очень серьезно ввели в заблуждение собственные эксперты».

Лейбористы воспользовались тем, что бюджет Черчилля отвечал лишь интересам крупной буржуазии, и решили атаковать нового министра финансов. Специалист по финансовым вопросам Хью Дальтон заявил: «Мы будем считать канцлера казначейства абсолютно ответственным, если, как мы опасаемся, в результате его действий произойдет дальнейшее увеличение безработицы и усиление нынешней депрессии в области торговли и... если люди, которые имеют в настоящее время работу, потеряют ее в будущем в результате дефляции. Если это случится, то мы разъясним, на ком лежит вина».

В бюджете были восстановлены некоторые, правда весьма незначительные (введенные в годы войны, но затем отмененные правительством Макдональда), протекционистские меры, которые не означали еще перехода Англии к протекционизму. Но поскольку речь шла о принципе, то эти меры вызывали бурные споры между сторонниками протекционизма — консерваторами и сторонниками свободной торговли — либералами. Лейборист Сноуден заметил Черчиллю, который был всегда известен

как фритредер, что, восстанавливая эти меры (речь шла о тарифах на ввоз шелка), Черчилль изменил свои взгляды по вопросу о свободе торговли. «Ничего нет плохого в изменении,— ответил Черчилль,— если оно идет в правильном направлении». «Вы специалист по этой части»,— бросил ему Сноуден. «Совершенствоваться — значит изменяться»,— парировал Черчилль. «Для того чтобы достигнуть совершенства, нужно очень часто меняться»,— саркастически заметил Сноуден, имея в виду неоднократную перемену Черчиллем его политической принадлежности.

Бюджет был утвержден консервативным большинством палаты общин, ибо он отражал взгляды не только и не столько Черчилля, сколько правительства Болдуина в целом.

Предсказание Кейнса оправдалось в самом ближайшем будущем. Уже летом 1925 г. Болдуин заявил: «Все английские рабочие должны согласиться на снижение заработной платы, чтобы английские товары на мировых рынках стали более конкурентоспособными и чтобы положение в английской промышленности улучшилось». Раньше других отрядов рабочего класса буржуазия потребовала снижения жизненного уровня горняков. В поддержку горняков выступили некоторые профсоюзы и Генеральный совет тред-юнионов. Правительству и шахтовладельцам пришлось временно отступить, но они стали энергично готовиться к борьбе, которая неминуемо должна была возобновиться в 1926 г. и вылилась в форму всеобщей стачки.

Весной 1926 г. углепромышленники, поддержанные правительством, вернулись к своим требованиям сокращения зарплаты шахтеров. Как обнаружилось в ходе длительных переговоров, правительство искало открытого столкновения, чтобы разгромить горняков, которые являлись одним из самых боевых отрядов английских рабочих, и затем навязать понижение заработной платы всему рабочему классу страны. В то же время руководители профсоюзов, оппортунисты и соглашатели боялись всеобщей забастовки и старались урегулировать конфликт каким-либо соглашением.

Коммунистическая партия Англии хорошо понимала складывающуюся в стране обстановку и разгадала намерения правительства Болдуина — Черчилля. Она выступала за объединение всех сил английского рабочего класса для отпора образовавшемуся блоку правительства,

предпринимателей и правых оппортунистических рабочих лидеров. В воззвании Центрального Комитета Английской компартии, опубликованном в апреле 1926 г., говорилось: «Великая борьба, которую мы предвидели еще в августе прошлого года, когда партия призывала рабочих к подготовке, теперь надвигается, и только полнейшая солидарность и решительность всего рабочего движения могут предотвратить поражение». Консервативное правительство понимало, что деятельность компартии накануне всеобщей забастовки представляет для него серьезную опасность. Оно пошло на крайние меры. 12 видных деятелей компартии были арестованы и преданы суду на основании закона о «подстрекательстве к мятежу», принятого в 1797 г. Их приговорили к тюремному заключению с таким расчетом, чтобы партия оказалась без своих опытнейших руководителей в наиболее острый момент борьбы.

Хотя этот конфликт не имел прямого отношения к министерству финансов, Черчилль принял в нем самое активное участие. Он, по словам Тэйлора, «возглавлял тех, кто хотел драки». И не удивительно, ибо «он был самым агрессивным в отношении рабочих министром еще в бытность министром внутренних дел до войны... Борьба была его единственной реакцией на любой вызов». В ходе контактов между правительством и представителями рабочих Черчилль старался сорвать переговоры и вел дело к тому, чтобы вынудить рабочих пойти на всеобщую забастовку и затем разгромить их. Эрнест Бевин, один из руководителей всеобщей забастовки, впоследствии неоднократно публично обвинял Черчилля в том, что его вмешательство в самую последнюю минуту сорвало намечавшуюся между правительством и руководителями профсоюзов договоренность и сделало всеобщую стачку неизбежной. Именно благодаря его усилиям, заявил Бевин в феврале 1946 г., «нам был предъявлен ультиматум и страна оказалась ввергнутой в этот ужасный беспорядок».

4 мая 1926 г. в Англии началась первая в истории страны всеобщая стачка, в которой кроме шахтеров приняли участие все основные отряды английского рабочего класса. Рабочие были полны решимости добиться победы и заставить правительство и шахтовладельцев отступить. Правительству также нужна была победа. Оно использовало против забастовки полицию, войска, добровольческие отряды, навербованные в среде буржуазии, и всячески

вело дело к решительной развязке. Черчилль почувствовал себя в своей стихии — он любил острые моменты борьбы и погружался в нее с головой.

Некоторые английские историки объясняют бурную деятельность Черчилля в период всеобщей стачки также и карьеристскими мотивами — стремлением показать, насколько он значительнее и нужнее в это бурное время для правящих кругов страны, чем флегматичный и жаждущий покоя Болдуин. Таким способом, замечает Тэйлор, «он мог надеяться спихнуть Болдуина с позиции верховного руководителя. Если так, то Черчиллю не сопутствовал успех. Не достигнув своей цели, он вызвал у рабочих недоверие к себе, сохранявшееся до начала второй мировой войны».

Наибольшую известность в те дни он приобрел как издатель и главный редактор «Бритиш газет». Ни одна газета в Лондоне не выходила, ибо типографские рабочие бастовали. Черчилль организовал при содействии лорда Бивербрука на базе газеты «Морнинг пост» издание «Бритиш газет», которая вела ожесточенную атаку на участников забастовки. Это была доведенная до крайности антирабочая пропаганда. В период всеобщей забастовки Черчилль обнаружил такую враждебность к рабочему классу, которой не проявил никто другой из состава английского правительства.

Забастовка все больше и больше набирала силы и принесла бы победу бастующим, если бы рабочие не были преданы их руководителями. По мере того как борьба обострялась, возглавлявшие забастовку члены Генсовета тред-юнионов все больше приходили в смятение. Они проявляли колебания и неустойчивость с первого же дня всеобщей стачки и в конце концов 12 мая объявили о ее прекращении. Дезорганизованные и обманутые рабочие прекратили забастовку. Горняки продолжали борьбу в одиночестве. Окончание всеобщей стачки означало, что судьба горняков предрешена. Они бастовали еще в течение семи месяцев, и только страшная нужда и голод заставили их вернуться на работу. Крупнейшее выступление английского рабочего класса, явившееся последним и весьма мощным всплеском послевоенной революционной волны, закончилось поражением рабочих. Черчилль немало сделал для того, чтобы обеспечить это поражение.

Обычно все субботы и воскресенья Черчилль проводил

за городом, в кругу семьи. К этому времени у него было уже четверо детей. Черчилль всегда любил играть с детьми — в нем самом было много мальчишеского. В Чартвелле увлекались шарадами и переодеваниями, игрой в «гориллу» — когда отец, тяжело ступая и раскачиваясь, как горилла, с грозным рычанием ловил разбегавшихся в разные стороны детей.

Загородный дом Черчилля Чартвелл находится сравнительно недалеко от Лондона — в часе езды на автомашине. Знакомые могли приехать к нему на второй завтрак или на обед и затем успеть вернуться в Лондон. Частыми гостями в Чартвелле были лорд Бивербрук, лорд Биркенхед и Ллойд Джордж, которых Черчилль считал своими ближайшими друзьями. Хозяин дома допоздна засиживался с гостями в бесконечных беседах о политике.

Свой досуг Черчилль проводил, занимаясь различными строительными работами на территории поместья. Это было его новое хобби. Он своими руками возвел из камня и кирпича систему каналов, построил обширный бассейн для золотых рыбок. Черчилль любил вести кирпичную и каменную кладку. Он учился этому ремеслу у профессионального каменщика по 6 часов в день до тех пор, пока не приобрел необходимые навыки. Он сложил длинную стену и коттедж. Занимаясь строительными работами, Черчилль настаивал, чтобы его гости помогали ему. Далеко не всем это нравилось. Как Черчилль рассказывал Болдуину, весь август 1928 г. он провел «строя коттедж и диктуя книгу: 200 кирпичей и 2000 слов в день».

Черчилль вступил в Объединенный профсоюз строительных рабочих, внеся вступительный взнос 5 шилл. Черчилль шутил, а члены профсоюза обиделись. Союз строителей принял резолюцию, осуждавшую вступление Черчилля в профсоюз и расценившую такой его шаг как унижение для профсоюза. Это, говорилось в резолюции, «хорошая шутка для Уинстона Черчилля, но глубокое оскорбление для членов союза». Профсоюз не принял от Черчилля его 5 шилл., но, несмотря на это, он хранил свой профсоюзный билет.

Летом 1926 г., после прекращения всеобщей забастовки, Черчилль совершил путешествие в Египет и Грецию, где с чувством исполненного долга отдыхал, рисуя пирамиды и Парфенон. Написав несколько пейзажей, он в январе 1927 г. направился с визитом в Рим в качестве гостя

фашистского диктатора Муссолини. Фашистская пресса рассыпалась в комплиментах и похвалах в адрес Черчилля. И было за что. После того как Муссолини в течение недели чествовал Черчилля, английский министр собрал пресс-конференцию, на которой восхвалял итальянский фашизм.

«Как и многих других людей,— заявил Черчилль корреспондентам,— меня очаровала мягкая и простая манера поведения синьора Муссолини... Все видят, что он ни о чем ином не помышляет, как о длительном благополучии... итальянского народа, и что никакие мелкие интересы его не занимают. Я думаю, что не нарушу оказанного мне доверия, если скажу, что большая часть моих бесед с синьором Муссолини и графом Вольпи (итальянский министр финансов. — *В. Т.*) касалась экономического положения итальянских трудящихся... Я очень рад был узнать и убедиться на фактах и цифрах, что из месяца в месяц происходит определенное улучшение в этой области по сравнению с предыдущим годом». Выразив свое восхищение корпоративной системой, которую вводил итальянский фашизм, Черчилль объявил «абсолютно абсурдным утверждение, будто итальянское правительство не опирается на народ и не поддерживается активно широкими массами». Если бы я был итальянцем, сказал далее Черчилль, «я был бы всем сердцем с вами от начала до конца в вашей триумфальной борьбе против... ленинизма... В международном плане ваше движение оказало услугу всему миру... Италия показала, как надо бороться против подрывных сил... Тем самым она выработала необходимое противоядие против русского яда. После этого ни одна великая держава уже не окажется без необходимых средств защиты против разрушающей болезни...»

Черчилль выдвинул идею, чтобы «Англия, Франция, Италия и Германия работали совместно над возрождением Европы и залечиванием ран, нанесенных войной». Иными словами, он предлагал создать контрреволюционный директорат из четырех держав, который обеспечил бы успех в борьбе против революционного движения. Вероятно, это был один из первых вариантов плана создания пакта четырех держав. Но в то время подобное предложение не имело шансов на осуществление.

Газета «Таймс» писала, что пресс-конференция Черчилля вызвала «восторженные комментарии в фашистских

газетах, которые говорят о его заявлении как о самом важном суждении, когда-либо высказанном о фашизме иностранным государственным деятелем. Они выражают уверенность, что это заявление будет иметь в высшей степени благоприятное для фашизма влияние на мировое общественное мнение. Черчилля особенно поздравляют по поводу того, что он понял настоящий дух фашистского движения».

Недаром писатель Герберт Уэллс проводил аналогию между позицией Черчилля и позицией итальянских фашистов. «Он совершенно наивно верит,— писал Уэллс,— что принадлежит к удивительно одаренному и привилегированному классу людей, которым подведомственны жизни и дела рядовых людей, являющихся для них материалом для достижения блестящих карьер. Его воображение очень близко воображению людей типа Д'Аннунцио (Д'Аннунцио — итальянский поэт, один из лидеров итальянского фашизма.— *В. Т.*). В Англии Д'Аннунцио был бы Черчиллем, в Италии Черчилль был бы Д'Аннунцио».

Восхищение Черчилля делами итальянских фашистов и их лидером было весьма длительным. В сентябре 1935 г. он говорил о Муссолини как «великом человеке и мудром правителе». Нежные чувства Черчилля к итальянскому фашизму были не случайностью, а закономерным проявлением его классовых политических убеждений и симпатий, результатом политики, которую он последовательно проводил в отношении социализма и рабочего движения на протяжении многих лет. Черчилль стоял на самом правом крыле в английских консервативных кругах и, безусловно, не был одинок. О том, что в Англии в правящих верхах и другие люди так же относились к итальянскому фашизму, свидетельствует тот факт, что в 1923 г., едва Муссолини успел осуществить захват власти, король Георг V наградил его орденом Бани — одним из высших английских орденов.

Поведение Черчилля в Риме, замечает один из его биографов, показывает, «как далеко завело Черчилля его отвращение к большевизму».

С годами ненависть Черчилля к Советскому государству не проходила. В многочисленных речах он выступал с нападками на большевистскую партию, изображая ее самым опасным врагом Англии и всего человечества. 20 июня 1926 г. в публичной речи Черчилль говорил: «Если

бы русские большевики только смогли опрокинуть Англию, разрушить ее процветание, бросить ее в состояние анархии, уничтожить Британскую империю как мировую силу, была бы открыта дорога для всеобщей резни, за которой последовало бы установление всемирной тирании во главе с ними...» С точки зрения норм международного права подобные заявления со стороны членов английского правительства в адрес правительства страны, с которой Англия поддерживала дипломатические отношения, были недопустимы. Однако Черчилль не считал нужным руководствоваться общепринятыми нормами в своем поведении. Он негодовал по поводу того, что между Англией и Советским Союзом существовали дипломатические отношения и официальные советские представители находились в Лондоне. Как говорил сам Черчилль в июне 1926 г., его иногда спрашивали: «Почему вы позволяете советским представителям оставаться здесь? Почему не вышвырнете их вон?» И он отвечал: «Я уверен, что я испытал бы большое удовлетворение, если бы они были вышвырнуты вон. Лично я надеюсь, что мне удастся дожить до того дня, когда или в России будет цивилизованное правительство, или мы покончим с поддержанием видимости, будто у нас существуют дружественные отношения...» с Советским Союзом. В этом заявлении весь Черчилль, в нем суть его отношения к СССР. В 1926 г. Черчилль все еще надеялся, что в России будет восстановлено «цивилизованное правительство», под которым он понимал буржуазное правительство. Он все еще был готов вести борьбу за реставрацию капитализма в СССР, а для начала хотел разорвать дипломатические отношения с Советским государством.

Как министр финансов Черчилль обязан был содействовать развитию торговли между Англией и другими странами, включая и Советский Союз. Особенно большую заинтересованность в этой торговле Англия испытывала в 20-е годы, когда безработица достигла невиданных ранее размеров. Ставя свои классовые интересы выше национальных интересов страны, Черчилль выступал с декларациями, направленными на подрыв торговли с СССР. Он официально заявил, что англичане, которые вступают в торговые сделки с Советским Союзом, не могут рассчитывать на поддержку со стороны министерства финансов и что «если английское правительство сочтет необходимым в любой момент изгнать из Англии советских агентов, то

казначейство не будет принимать к рассмотрению никакие претензии по поводу понесенных убытков».

Консервативное правительство Англии выступило организатором различных антисоветских провокаций как в самой Англии, так и в соседних с Советским Союзом государствах. В мае 1927 г. был произведен полицейский налет на помещение советского торгового представительства в Лондоне и компанию Аркос, осуществлявшую торговые операции между Англией и СССР. Это было нарушением элементарных принципов международного права, равно как и соглашений, заключенных правительствами обеих стран. 27 мая 1927 г. английское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР.

Советское правительство прекрасно понимало смысл подобных провокаций. Английские правящие круги пытались поднять капиталистические страны на новый поход против Советского Союза, активно работали над сколачиванием антисоветского блока. И Уинстон Черчилль сыграл в этих делах весьма активную роль. Выступая в июле 1927 г. с речью, он заявил: «Мы объявили советских представителей... неподходящими для поддержания отношений между цивилизованными странами». Черчилль ратовал за создание враждебного СССР блока империалистических государств.

Действия Черчилля в период всеобщей стачки, его комплименты в адрес итальянских фашистов, разнузданные выступления против СССР — все это настраивало английское общественное мнение против него. Нельзя сказать, что его деятельность шла вразрез с настроениями ультраправых консерваторов. Но и они были недовольны Черчиллем. Его шумный антисоциализм причинял политический ущерб и консерваторам, настраивая народные массы против их партии.

Эти настроения передавались прессе, газеты недоброжелательно относились к Черчиллю. «Он меняет партии с той же легкостью, как меняют партнеров в танце,— писала в те годы одна газета.—Он всегда был предан только одной партии, в которую он действительно верит. Это та партия, которая носит шляпу Уинстона Черчилля... Его жизнь состоит из одной бесконечно длинной речи. Он не беседует, он произносит речь. За завтраком он обращается к вам так, как если бы вы были частью аудитории на митинге в Фритред-холле, а за обедом вы обнаруживаете, что

представление все еще продолжается. Если вы встретите его в перерывах, он выдаст вам еще несколько порций своей лекции, расхаживая из угла в угол по комнате с сосредоточенным, напыщенным наполеоновским видом, который ставит его крайнюю серьезность на грань комизма. Он не желает выслушивать вашу точку зрения, он не хочет нарушать красивую ясность собственной мысли раздражающими замечаниями другой стороны. Да и какое ему дело до другой стороны, если прав он сам! Он не спорит с вами. Он вас поучает».

Даже спокойному, уравновешенному, скептически-ироническому Болдуину было трудно выносить Черчилля. Он уставал от его неуемной энергии и постоянной демонстрации собственного превосходства. Болдуин жаловался, что «заседание правительства, на котором присутствует Уинстон, не может заниматься рассмотрением намеченной повестки дня, ибо оно неизбежно должно иметь дело с каким-либо весьма умным меморандумом, представленным Черчиллем на его рассмотрение и касающимся деятельности любого другого министерства, кроме того, которым руководит он сам». Уже в то время Болдуин говорил друзьям, что, если ему когда-либо придется формировать новое правительство, он не включит в его состав Черчилля, ибо неспособность Черчилля работать в сотрудничестве со своими коллегами ведет к тому, что минусы значительно превышают плюсы от его пребывания в правительстве. Впоследствии Болдуин сдержал свое слово.

Антирабочая и враждебная Советскому Союзу политика правительства консерваторов, его безразличие к проблемам безработицы в стране привели к падению авторитета консервативной партии в английском народе. К 1929 г., как замечают английские историки, «страна была разочарована и измучена... и жаждала перемен».

Новые выборы в парламент состоялись в мае 1929 г., и консерваторы потеряли на них 141 место. Лейбористы получили больше мандатов, чем какая-либо другая партия. Третье место в палате общин по числу депутатов заняли либералы. Они уже больше никогда не поднимались выше этого места. По мере того как шло время, их представительство в парламенте все больше и больше сокращалось и вскоре не насчитывало и десяти мандатов. Черчилль баллотировался в избирательном округе Эппинг. Он прошел в парламент, но большинство голосов, которое он по-

лучил на выборах, сократилось примерно на 5 тыс. по сравнению с выборами 1924 г. В соответствии с итогами выборов лидер лейбористов Макдональд сформировал правительство, состоящее из одних лейбористов. Уинстон Черчилль, как консерватор, естественно, потерял свой министерский пост. Тогда было трудно предположить, что его пребывание не у дел затянется на 10 долгих лет.

Летом и осенью 1929 г. Черчилль вместе со своим братом, сыном и племянником совершил путешествие в Канаду и США, где нанес визит президенту Гуверу в Белом доме. «Какое удовольствие,— писал он Бивербруку,— вырваться из Англии и почувствовать, что не несешь никакой ответственности за ее чрезвычайно утомительные и запутанные дела».

Поездку Черчилля и его спутников по Америке организовал Бернард Барух. В Калифорнии они были гостями газетного магната Вильяма Рандольфа Херста. Побывав в Голливуде, Черчилль познакомился с Чарли Чаплином. Он сказал, что хотел бы видеть Чаплина в роли Наполеона и даже готов написать соответствующий сценарий. Кстати говоря, эта идея, видимо, не была для Черчилля случайной: по свидетельству Болдуина, летом 1934 г. он говорил, что чувствует необходимость написать книгу о Наполеоне.

Второму лейбористскому правительству пришлось действовать в годы мирового экономического кризиса, начавшегося в 1929 г. Осенью этого года кризис распространился на Англию. Выпуск промышленной продукции резко сократился. Главным бичом рабочего класса в годы кризиса была массовая безработица. Правящие круги искали выход на путях наступления на жизненный уровень трудящихся. В 1930 г. правительство Макдональда провело законы о так называемой проверке нуждаемости и о «неправильностях в выдаче страховых сумм», повлекшие за собой сокращение пособий по безработице. Это крайне обострило отношения между руководящей верхушкой лейбористов и основной массой членов партии.

Экономический кризис был главной заботой правительства и парламента. Поэтому основные дискуссии в палате общин обычно касались экономических проблем. Черчилль, свободный от правительственных обязанностей, мог активно действовать лишь в парламенте. Однако экономические проблемы не вызвали у него никакого инте-

реса. Бесконечные цифры в речах членов правительства и депутатов наводили на него тоску. Своим друзьям он говорил, что никогда еще деятельность парламента не была такой скучной.

В июне 1930 г. Черчилль вызвал всеобщее удивление, выступив с предложением «развести экономику с политикой». Он заявил, что не видит никакого резона в том, что политический парламент занимается экономическими вопросами. Наряду с обычным парламентом он предложил создать специальный, подчиненный палате общин экономический парламент, который включал бы примерно пятую часть палаты депутатов и состоял из лиц, имеющих соответствующую подготовку. Естественно, что эта идея не встретила никакой поддержки.

Волей-неволей приходилось вновь искать удовлетворения в литературном труде. В это время Черчилль написал последний, завершающий том «Мирового кризиса», автобиографическую книгу «Ранние годы моей жизни», а также несколько очерков, сведенных впоследствии в том под названием «Мысли и приключения».

Вскоре, однако, был найден политический сюжет для его выступлений в парламенте. Не прекращавшаяся после первой мировой войны национально-освободительная борьба в Индии заставила английские правящие круги заняться в конце 20-х годов изучением вопроса о предоставлении верхушке индийских помещиков и буржуазии некоторой весьма незначительной доли участия в управлении внутренними делами Индии. Вице-король Индии лорд Ирвин (позднее известный как лорд Галифакс) внес соответствующие предложения. Лейбористское правительство положительно отнеслось к этим предложениям. Их поддержали либералы и, что особенно важно, консервативная партия. Объяснялось это просто: здравомыслящие люди в Англии сознавали, что в сложившихся условиях держать в подчинении многомиллионный индийский народ мерами голого насилия невозможно. Эти люди неплохо усвоили урок Ирландии, когда немногочисленный ирландский народ завоевал свою свободу — пусть ограниченную, но все же свободу — в вооруженной борьбе. В английских правящих кругах понимали, что если народ Индии подымется с оружием в руках, то английское господство там будет сметено окончательно. Поэтому нужны были уступки индийским имущим классам, дававшие некоторое удовлетворе-

ние местным помещикам и буржуазии и в то же время сохранявшие английское господство над Индией.

Болдуин и большинство консервативной партии поняли необходимость таких уступок. Черчилль не понял. Он обрушился с нападками на всех, кто готов был принять предложения о реформе управления Индией. Ему пришлось бороться не только против лейбористов и либералов, но и против руководства собственной партии во главе с Болдуином. Черчилль произносил многочисленные и, как всегда, длинные речи в парламенте и за его стенами, в которых доказывал, что господство Англии над Индией должно быть сохранено в существующей форме и что какие-либо изменения в этой области грозят катастрофой как самой Англии, так и Индии. У Черчилля нашлись единомышленники в правом крыле консервативной партии, которые образовали Общество Индийской империи. Черчилль стал душой этой группы, пытавшейся организовать сопротивление планам реформы управления Индии.

Он утверждал, что общественный порядок и тот прогресс, который имеет место в Индии, объясняются исключительно действиями англичан, что индийцы не смогли бы самостоятельно достигнуть такого уровня развития. Если Индии будет предоставлена независимость, говорил Черчилль, «она быстро откатится назад на несколько столетий, окажется в состоянии варварства и будет лишь испытывать лишения, которыми отмечено средневековье».

На протяжении многих лет английские колонизаторы ослабляли силы национально-освободительного движения в Индии, раздувая религиозную и кастовую вражду. Черчилль особенно усердствовал по этой части в начале 30-х годов. Он подстрекал мусульман против индусов, утверждая, что индусы не смогут обороняться от мусульман, так как они якобы не способны к военному делу.

Большинство консервативной партии понимало, что расистские выступления Черчилля не только старомодны, но и опасны, ибо они демонстрируют перед всем миром колонизаторский характер английской политики и убеждают народ Индии, что он лишь собственной борьбой может добиться от Англии свободы. Поэтому Болдуин решительно выступил против Черчилля.

Когда обнаружилось, что Болдуин ратует за некоторые уступки имущим классам Индии, Черчилль в январе 1931 г. порвал с ним и вышел из так называемого «тене-

вого кабинета». «Теневой кабинет» — руководящая верхушка парламентской фракции партии, находящейся в оппозиции. Члены такого кабинета выступают с критикой правительства по соответствующим разделам. В случае прихода партии к власти члены «теневого кабинета» обычно занимают соответствующие министерские посты. Порвав с Болдуином, Черчилль, как замечает видный консервативный деятель того времени Леопольд Эмери, «принялся с поразительной энергией объединять все те элементы внутри консервативной партии и вне ее, которые, как и сам Черчилль, стремились избавиться от Болдуина».

Для Черчилля это была борьба за руководство в консервативной партии, за пост ее лидера и в конечном счете за кресло премьер-министра. Она не являлась совсем безнадежной затеей. Некоторые консерваторы критиковали Болдуина за его политику в вопросе об Индии. Других он раздражал тем, что не спешил с введением протекционизма. Вот эти-то недовольные и стали концентрироваться вокруг Черчилля. Однако в конце концов Черчилль потерпел поражение, а Болдуин сохранил пост лидера консервативной партии.

Все это объясняет, почему в 1931 г., когда Болдуин и Макдональд формировали коалиционное правительство, они не воспользовались услугами Черчилля.

Коалиционное правительство возникло на развалинах второго лейбористского правительства Макдональда. Под нажимом финансовых и промышленных кругов Макдональд в августе 1931 г. попытался осуществить дальнейшее сокращение пособий по безработице, что вызвало бурю негодования среди трудящихся. Результатом явился раскол в руководстве лейбористской партии и открытый переход группы Макдональда на сторону буржуазии.

В коалиционное правительство, созданное Болдуином и Макдональдом в августе 1931 г., вошли консерваторы и часть либералов. Премьер-министром был оставлен бывший лейборист-перебежчик Макдональд, но реальная власть находилась в руках Болдуина, являвшегося заместителем премьер-министра. С этого момента и до весны 1945 г. в Англии у власти находились различные коалиционные правительства, руководящая роль в которых всегда принадлежала консерваторам.

Не только у Болдуина, но и у Макдональда были личные основания держать Черчилля в стороне. На протя-

жении всего пребывания лейбористского правительства у власти Черчилль нападал на лидеров лейбористов в резкой, характерной для него манере. Он доказывал, что своей правительственной деятельностью они демонстрируют полнейшую неспособность управлять страной. Правда, это утверждала и консервативная партия и вообще буржуазная пропаганда. Однако выступления Черчилля имели лично оскорбительный оттенок для Макдональда и его коллег.

Однажды Черчилль заявил в парламенте следующее: «Я вспоминаю, что, когда я был ребенком, меня собирались взять на представление известного цирка Барнума... В программе был номер, который я больше всего хотел увидеть. Его называли «чудовище, лишенное костей». Мои родители сочли, что зрелище будет слишком сильным и деморализующим для моих детских глаз. Мне пришлось ждать 50 лет, прежде чем я увидел «чудовище, лишенное костей» сидящим на скамье правительства». Под чудовищем Черчилль разумел Макдональда, который действительно был человеком бесхребетным и безвольным в политических делах. Но сам Макдональд, разумеется, имел о себе иное суждение и никогда не простил Черчиллю его оскорбительной выходки.

Таким образом, оба лидера — и Болдуин, и Макдональд — были против участия Черчилля в правительстве. Поскольку он не пользовался поддержкой со стороны общественного мнения страны, ему пришлось довольствоваться в течение многих лет скромной ролью рядового члена парламента, которых в Англии называют заднескамеечниками.

8

ПРОЗРЕНИЕ ПО ПОВОДУ ГЕРМАНСКОЙ ОПАСНОСТИ

30-е годы занимают особое место в жизни Англии. Историки именуют их «бедные 30-е», «дьявольское десятилетие», «девять беспокойных лет», «черные годы» и прочими эпитетами. Действительно, как в области внутренней, так и особенно внешней политики это были трудные для Англии годы.

Коалиционное правительство, возникшее в августе 1931 г., провело дальнейшее сокращение пособий безработным, а также уменьшило жалованье государственным служащим и личному составу вооруженных сил. В ответ на это произошло восстание военных моряков в Инвергордоне. Рабочие и безработные во главе с коммунистами проводили «голодные походы» и массовые демонстрации, зачастую заканчивавшиеся рукопашными схватками с полицией. Правящие круги усиливали репрессии против трудящихся, диктатура буржуазии становилась все более жесткой. В 1932 г. был создан британский союз фашистов во главе с Мосли, а в 1935 г. принят крайне реакционный закон о мятеже.

Отказ от фритреда произошел в спокойной обстановке, без шума. Экономический кризис убедил почти всех в том, что Англия должна укрыться за стеной протекционистских тарифов. Случилось так, что меры по переходу к протекционизму осуществил Невиль Чемберлен, сын Джозефа Чемберлена, занимавший в коалиционном правительстве Болдуина пост министра финансов. Черчилль не только не выступил в защиту фритреда, но и сам предложил 8 сентября 1931 г. ввести протекционизм. Под ударами кризиса правительство в 1931 г. отказалось от золотого стандарта фунта стерлингов, введенного в 1925 г., и в 1932 г. осуществило переход к протекционизму и системе имперских преференций.

30-е годы явились трудным временем и для Уинстона Черчилля. Особенно тяжелы были первые годы этого «дьявольского десятилетия», когда казалось, что у него нет никаких перспектив возвращения к активной государственной деятельности. В это время он погрузился в журналистскую и литературную работу, проводил много времени в Чартвелле. В палате общин бывал только тогда, когда желал высказаться по какому-либо вопросу. Однажды лидер оппозиции Джордж Лансбери резко отчитал его за это. «Черчилль присвоил себе право, — сказал он, — приходить в Палату, делать то или иное заявление и тут же ретироваться, будто это сам господь бог изрек истину в последней инстанции... Он никогда не слушает никого, кроме себя». Гневную тираду Лансбери палата встретила с несомненным одобрением. Казалось, что все были довольны этой отповедью Черчиллю. По установившейся традиции, когда Черчиллю в чем-либо не везло (а в начале 30-х годов ему действительно крупно не повезло и он, несмотря на возвращение консерваторов к власти, оказался не у дел), он уезжал из Англии. На этот раз Черчилль направился в Соединенные Штаты. Было условлено, что он совершит по Америке большое лекционное турне. Ему хотелось встретиться со своим старым американским другом Бернардом Барухом и посоветоваться как в отношении самого себя, так и по ряду международных проблем. Кроме этого, поездка должна была улучшить его финансовое положение. Образ жизни и привычки семейства Черчиллей требовали больших расходов. Клементина тратила значительные суммы на туалеты, и ее муж ворчал, что он должен написать большую статью для оплаты счета за каждое новое платье. Сам Черчилль, всегда элегантно одетый, любил вещи высшего качества. Его сын Рандольф, к огорчению отца не окончив обучения в Оксфорде, в 20 лет стал журналистом. Траты Рандольфа, никак не окупавшиеся заработками, могли соперничать с отцовскими, поскольку он с ранних лет пристрастился к алкоголю. Это на его счет Черчилль как-то заметил одному из гостей в Чартвелле: «Современная молодежь делает что хочет. Родители в состоянии контролировать своих детей только до их рождения».

Черчилль отправился в Америку с женой и дочерью Дианой. Кроме лакея его сопровождал телохранитель — инспектор Скотланд-ярда сержант Томпсон, выполняв-

ший эти функции при Черчилле еще ранее, когда тот занимал официальные посты в правительстве. Теперь Томпсон был приставлен к Черчиллю в связи с тем, что из-за антииндийских выступлений последнего возникла опасность покушения на него со стороны индийских террористов.

До лекционного турне по США Черчилль в течение некоторого времени отдыхал в Канаде, проехав от Атлантического побережья до Скалистых гор. Как обычно в таких случаях, он уделял большое внимание живописи, ездил верхом и старался завязать как можно больше знакомств среди влиятельных людей в канадском обществе. Отдохнув, Черчилль в великолепной форме прибыл в Нью-Йорк.

14 декабря здесь должна была состояться его первая лекция на тему «Судьбы народов, говорящих на английском языке». Накануне Черчилль намеревался навестить Бернарда Баруха. На этот раз традиционный англосаксонский предрассудок оправдался. Когда 13 декабря Черчилль направлялся на обед к Баруху, с ним произошло несчастье. Погода была хорошая, и Черчилль вопреки своим привычкам решил добраться до резиденции Баруха на Пятой авеню пешком. Жил он, как обычно во время пребывания в Нью-Йорке, в гостинице «Уолдорф-Астория», и путь был недалек. Но Черчилль забыл, что в Нью-Йорке автомобильное движение не левостороннее, как в Лондоне, а правостороннее. Собравшись перейти улицу, он посмотрел направо, убедился, что она свободна, и двинулся вперед. В ту же секунду он услышал визг тормозов и почувствовал удар. Радиатором автомашины Черчилль был подброшен вверх и упал на асфальт без сознания. Оказалось, что у него сломаны 15 костей, произошло внутреннее кровоизлияние. Ко всему этому прибавились многочисленные ссадины. Несмотря на сильный удар, Черчилль вскоре пришел в себя и впоследствии хорошо помнил, как его отправляли на санитарном автомобиле в больницу.

В больнице ему пришлось пережить несколько неприятных минут. Деннокс-хилл госпиталь был частной лечебницей, и дежурный врач прежде всего выяснил у истекавшего кровью пациента, в состоянии ли он оплатить счет за будущее лечение. Черчилль, испытывавший ужасную боль, кое-как смог доказать свою финансовую состоятель-

ность, и в конце концов попал на операционный стол.

Уже через несколько дней он начал поправляться. Охотно признав свою вину, Черчилль позаботился, чтобы у шофера сбившего его такси не было в связи с этим неприятностей. Кстати, в отличие от некоторых своих коллег Марио Констасино, американец итальянского происхождения, не удрал, а сделал все, что от него зависело, для оказания помощи пострадавшему. Разумеется, фотоснимки Черчилля с шофером, который навестил его и выразил свое соболезнование по поводу случившегося, нашли место во многих американских газетах.

Инцидент с Черчиллем вызвал сенсацию, и Томпсону приходилось энергично действовать, выставляя из его палаты проникавших туда под различными предлогами американских журналистов. Черчилль чувствовал себя еще слабым, ему было не до интервью, к тому же он намеревался сам в полной мере использовать происшедший с ним камуфлет. Как только Черчилль оказался в состоянии диктовать, он запродал американскому журналу «Кольерз» статью под названием «Мои нью-йоркские неприятные приключения», перепечатанную затем почти в каждой американской газете. Статья не только принесла Черчиллю 2560 долл. (которых вполне хватило для того, чтобы после больницы три недели отдохнуть вместе со своими спутниками на Багамских островах), но и явилась великолепной рекламой для начавшегося вскоре лекционного турне.

В целом оно было успешным, если не считать неприятностей, которые пришлось пережить Черчиллю в связи с возмущением в определенных кругах его позицией по вопросу об Индии. Томпсон в своих воспоминаниях пишет, что Черчилль передал американской полиции полученные им 700 писем с угрозами в собственный адрес. Зачастую, прибыв в новый город, Черчилль обнаруживал, что против его приезда проводятся демонстрации. В Детройте машину Черчилля дважды забрасывали камнями. В Чикаго, по свидетельству Томпсона, имела место даже попытка покушения на его жизнь. «Целый день, — вспоминает Черчилль, — я проводил лежа на спине в купе вагона, а вечерами выступал перед многолюдными аудиториями... Весь этот год состояние мое было довольно скверным, но со временем силы мои восстановились». Когда в марте 1932 г. Черчилль вернулся в Лондон, на

вокзале «Виктория» его ждал роскошный автомобиль стоимостью 2 тыс. фунтов. Это был совместный подарок от его английских и американских друзей.

По возвращении из путешествия Черчилль много времени проводил в Чартвелле. Он по-прежнему увлекался кирпичной кладкой, оборудовал обогревательной системой бассейн (теперь гости могли плавать там в любую погоду), развел в прудах рыбу: в одном — форель, в другом — зеркального карпа. Наконец, занимался свиноводством и несколько раз завоевывал призы за лучших свиноматок на выставке скота.

В это время Черчилль приступил к созданию нового крупного литературного труда. Он неоднократно говорил, что литературный труд для него и утешение в горе, и отдых, и истинное удовольствие. В 30-х годах он искал это утешение и удовольствие в шеститомной «Жизни Мальборо». Уинстон с детства восхищался Джоном Черчиллем, положившим начало роду герцогов Мальборо. В его жизни были и война, и революция, и контрреволюция, и интриги, и большие опасности, и любовь. Все это обещало сделать будущую книгу интересной. Черчилль читал все, что было написано о его прославленном предке, и прекрасно знал его историю. Во дворце Бленхейм хранилось огромное количество документов, оставшихся после Джона Черчилля, до которых еще не дотрагивалась рука историка. И тем не менее Черчилль долго колебался, прежде чем приступил к жизнеописанию первого герцога Мальборо. Уинстона смущало то, что личность Джона была сложной и противоречивой. Он слыл героем, но легенды о блестящих подвигах омрачались обвинениями во взяточничестве и предательстве.

Известно было, что Джон Черчилль возвысился благодаря поддержке со стороны короля Иакова II. Однако, когда король попытался превратить Англию в католическую страну и стать абсолютным монархом, Джон Черчилль предал его и помог Вильгельму Оранскому занять английский трон. Иакову пришлось бежать во Францию. Было неясно, за кем из них останется победа, и, когда Вильгельм организовал нападение на французский флот, базировавшийся в Бресте, Джон Черчилль донес Иакову о подготовлявшейся операции. Одни историки объясняют, что он сделал это, чтобы вновь заслужить расположение Иакова II на случай, если тот будет

восстановлен на английском престоле. Другие утверждают, что, выдавая противнику военный план, Джон Черчилль добивался провала задуманной операции и в результате смещения английского командующего и повышения для себя по службе. Все эти весьма неприятные сюжеты заставили Черчилля долго колебаться, стоит ли заниматься жизнеописанием своего знаменитого предка. Решив все же стать его биографом, он заранее вознамерился дать бой своим предшественникам и попытаться реабилитировать первого Мальборо.

Задача была сложной, и Черчилль долго готовился к созданию задуманного им труда. Как обычно, он привлек ряд научных работников, которые изучили архивы дворца Бленхейм, а также соответствующие хранилища Лондона и Парижа и отобрали необходимые документы. Морские и военные эксперты помогли ему воссоздать картины сражений, в которых участвовал Джон Черчилль. Однако, пользуясь услугами своих сотрудников и помощников, Черчилль отнюдь не был склонен разделять их выводы по важным вопросам. Поэтому он сам анализировал и сопоставлял отобранные ими материалы, обсуждая их со специалистами, и в конце концов приходил, как правило, к собственному заключению. Летом 1932 г. он посетил Нидерланды и Германию, где развертывались битвы, принесшие славу его предку.

К написанию «Жизни Мальборо» Черчилль приступил в 1933 г. Он четко следовал двум линиям: во-первых, снять обвинения, выдвинутые историками против его героя, и, во-вторых, максимально его прославить.

Решая первую задачу, Черчиллю пришлось помериться силами с крупнейшим историком лордом Маколеем. В юности Черчилль зачитывался Маколеем и многие годы пытался подражать его яркому, живому стилю. Теперь он вынужден был выступить против своего учителя, ибо не кто иной, как Маколей, наиболее выпукло показал в своих работах отрицательные черты первого герцога Мальборо.

Первые два тома «Жизни Мальборо» в основном посвящены спорам с Маколеем. Действительно, было о чем спорить. Маколей обвинял Джона Черчилля в весьма неблаговидных поступках с самого начала его политической карьеры. Джон Черчилль, писал Маколей, «облагал контрибуцией видных дам, разбогатевших от щедрот более

либеральных любовников. В течение короткого времени он был объектом бурного, но непостоянного восхищения со стороны герцогини Кливлендской. Однажды король застал его с герцогиней, и Джону Черчиллю пришлось бежать через окно. Она возпаградила этот рискованный галантный подвиг, сделав Джону Черчиллю подарок в 5 тыс. ф. ст. Расчетливый молодой герой немедленно приобрел на эти деньги ренту, дававшую ему доход 500 ф. ст. в год, обеспеченный земельной собственностью». В другом месте Маколей замечает, что Джон Черчилль «существовал на бесславное жалованье, которое выплачивала ему герцогиня Кливлендская». Он пишет, что «все драгоценные дарования, которыми природа наградила Джона Черчилля, он расценивал главным образом с той точки зрения, что он мог благодаря им урвать». «В 20 лет, — утверждает Маколей, — он извлекал деньги из своей красивой наружности и силы; в 60 лет он использовал свой гений и славу, чтобы делать деньги».

Автор «Жизни Мальборо» оказался в трудном положении. Он оспаривал эти обвинения Маколея лишь ссылкой на то, что Джон Черчилль женился на Саре Дженнингс не из-за приданого, а по любви, ибо она была сравнительно бедной невестой. Аргумент был слабый. В конце концов Черчиллю пришлось все же признать, что его предок пользовался покровительством человека, любовницей которого была его сестра, что он брал деньги у своих любовниц и пускал их в оборот, что он предал короля Якова, находясь у последнего на службе и занимая высокий пост, что он вел переписку с врагами Вильгельма Оранского.

Больше всего Черчиллю не нравилось, что его героя обвиняли в предательстве. Он приложил огромные усилия, доказывая, что по одному пункту эти обвинения неверны. Уинстон утверждал, что приписываемое Джону Черчиллю письмо, выдававшее французам подготовлявшуюся против их флота операцию, было подделкой. Даже если принять на веру приводимые в книге аргументы по этому пункту, то они все равно не могут полностью обелить Мальборо. Тем не менее Черчилль позволяет себе обвинить Маколея в прямой лжи. «Мы можем надеяться, — пишет он, — что правда вскоре восторжествует и прикрепит надпись со словом «лжец» к его модному фраку». Это было уже слишком, и профессор Тревельян, из-

вестный английский историк, опубликовал 19 октября 1933 г. письмо, содержащее отповедь Черчиллю.

Попытавшись без успеха оспорить обвинения, выдвинутые Маколеем и другими критиками против первого герцога Мальборо, Черчилль хочет создать своему предку величественный памятник. Перед читателем развертывается широкое полотно исторических событий того времени. Автор рисует яркие портреты многих государственных деятелей — современников Джона Черчилля. Прекрасный литературный стиль «Жизни Мальборо» дал основапия — на наш взгляд, явно недостаточные — ряду биографов Черчилля сравнивать его труд с романом Льва Толстого «Война и мир».

Для Черчилля жизнеописание герцога Мальборо — драматическая повесть об упорной борьбе за власть. Эта борьба идет и в правящих кругах Англии, и на полях сражений в Европе, и при дворах европейских монархов. Именно борьба за власть представляется Черчиллю сущностью исторического процесса. Он считает, что борьба Англии против Франции, в ходе которой снискал себе славу и деньги его предок, предопределила развитие европейской истории на многие годы вперед. В событиях того периода Черчилль видит убедительные аргументы в пользу политики «баланса сил», которую на протяжении ряда столетий проводила Англия. Биографы Черчилля справедливо отмечают, что работа над «Жизнью Мальборо» намного расширила его знания в области европейской политической истории и истории военного искусства.

В период создания этого труда парламентские обязанности Черчилля были несложными. Вначале его выступления в палате общин ограничивались лишь проблемой Индии. В 1931 г., когда встал вопрос о доверии правительству в связи с его политикой в Индии, Черчилль вновь выступил против предоставления Индии самоуправления и прав доминиона. Палата общин спокойно отнеслась к его попыткам запугать парламент и страну страшными последствиями, которыми грозит реформа управления Индией. Черчилль пишет, что ему удалось завоевать на свою сторону немпогим более 40 депутатов. В то же время за реформу управления Индией выступали все три партии, представленные в парламенте. В дальнейшем у Черчилля появилось до 70 единомышленников-копсерваторов, вместе с которыми он создал группу под названием

«Лига защиты Индии», которая на протяжении четырех лет выступала против правительственной политики в отношении Индии. Финансировали деятельность лиги индийские князья.

И в данном случае для Черчилля речь шла не только о судьбе Индии. Его победа в вопросе об Индии явилась бы поражением Болдуина, а это, как замечает Тэйлор, позволило бы «устранить Болдуина от руководства консервативной партией». Подобные усилия Черчилля успеха не имели. Они влекли за собой углубление пропасти, разделявшей Черчилля и Болдуина. Черчилль, пишет Тэйлор, «настроил против себя консерваторов, а также углубил враждебные чувства, которые питали к нему практически все лейбористы. В 1935 г. казалось, что Черчилль — это человек без будущего».

На этом карьера Черчилля, вероятно, и закончилась бы, если бы он не совершил в то время радикального поворота и не занялся проблемой опасности, которая все больше и больше угрожала Англии со стороны Германии, поднявшей после прихода нацистов к власти знамя реванша. Выступления Черчилля по этому вопросу на протяжении ряда лет помогли ему восстановить свою репутацию.

В середине 30-х годов место Индии в речах Черчилля заняла Германия. К тому времени для английских государственных деятелей не составляло секрета, что вопреки Версальскому мирному договору Германия проводит тайное перевооружение. Когда же нацисты под знаменем реванша и подготовки новой войны захватили власть в Германии, в Англии многие начали задумываться над тем, чем все это грозит английским интересам в Европе. Все больше и больше размышлял на эту тему и Черчилль.

Летом 1932 г., когда Черчилль посещал поля сражений герцога Мальборо, он внимательно следил за развертывавшимися в Германии событиями. «Пока мы продвигались по этим красивым местам от одного знаменитого древнего города к другому, — пишет Черчилль, — я, естественно, расспрашивал о гитлеровском движении и убедился, что это главный предмет размышлений каждого немца. Я, так сказать, ощутил атмосферу гитлеризма».

Нужно отдать должное Черчиллю: он понял, что возрождение германского милитаризма при нацизме пред-

ставляет собой опасность не только для революционного движения, для Советского Союза, но и для интересов Англии, и притом опасность смертельную.

В то время во внешней политике великих держав много внимания уделялось заседавшей в Женеве конференции по разоружению. Советский Союз выступил с конкретной программой всеобщего разоружения, принятие которой могло бы содействовать уменьшению военной угрозы и облегчению налогового бремени, лежавшего на трудящихся. Английское правительство под воздействием пацифистских настроений, довольно сильных в то время в Англии, вынуждено было маневрировать. На словах оно выступало за разоружение, но в то же время сделало все, что от него зависело, чтобы помешать принятию советского предложения. В противовес ему Англия выдвинула свою программу, которая имела целью сохранить собственное вооружение по существу нетронутым и в то же время ослабить вооружение своих партнеров.

Некоторые английские деятели полагали, что Германии нужно предоставить «равенство в вооружениях». На этом, между прочим, настаивали и германские нацисты. Черчилль понимал, что скрывается за подобным требованием. В апреле 1933 г. он говорил: «Немцы требуют равенства в вооружении и равенства в организации армий и флотов... Это чрезвычайно опасные требования. Ничто в жизни не вечно. Но если Германия достигнет полного равенства в военном положении со своими соседями в то время, когда ее собственные претензии еще не удовлетворены и когда она находится в том настроении, которое мы могли с прискорбием наблюдать, мы, несомненно, окажемся недалеко от возобновления всеобщей европейской войны».

Действия германского правительства, которое в январе 1933 г. возглавил нацистский фюрер Адольф Гитлер, подтверждали справедливость предположений Черчилля. Немцев не устроил английский план разоружения — «план Макдональда», и они в конце 1933 г. покинули конференцию по разоружению и вышли из Лиги наций.

Английское правительство понимало, что дело идет к новой большой войне. В 1919 г. английский кабинет, намереваясь осуществить экономию государственных расходов, дал указание своим военным ведомствам исходить из предположения, что Англия в течение ближайших 10 лет

не будет участвовать в большой войне. В 1927 г. этот принцип был продлен еще на 10 лет. Однако в 1932 г. формула «10 лет без войны», по мнению английского правительства, уже изжила себя, и оно отказалось от нее.

После провала конференции по разоружению Черчилль почувствовал, что его руки развязаны, и стал бороться уже не против возможного разоружения, а за энергичное перевооружение Англии. В отличие от многих английских государственных и военных деятелей Черчилль верно оценивал значение техники в войнах XX столетия. Когда шли сражения во Франции во время первой мировой войны, он много сделал для конструирования, изготовления и использования танков. Теперь, в 30-х годах, предметом его внимания стала военная авиация. Черчилль исходил из того, что потенциальным военным противником Англии является Германия. Поскольку Англия отделена от Западной Европы внушительной водной преградой — проливом Ла-Манш, то ей следует опасаться прежде всего германской военной авиации. Черчилль самым внимательным образом следил за развитием военной авиации в Германии и добивался быстрейшего перевооружения английской авиации.

Речи Черчилля в палате общин по этому вопросу относятся к числу наиболее рациональных и удачных. Они свидетельствуют о хорошей осведомленности Черчилля как в отношении происходящего в Германии, так и о состоянии английских вооружений. Казалось бы, удивительно, как Черчилль, не занимая никакого официального правительственного поста, мог располагать достаточно точными фактическими данными и делать на их основании в общем оправдавшиеся в дальнейшем выводы. Разгадка состоит в том, что Черчилль упорно работал над собиранием информации об англо-германских отношениях и о состоянии вооружений обеих стран. Он завязал тесные отношения с рядом высокопоставленных чиновников военного министерства и министерства иностранных дел. Черчилль был видной политической фигурой, и поэтому с ним поддерживали контакт некоторые политические деятели Франции. Имел он связи и в Берлине.

Много ценных сведений получал Черчилль от профессора экспериментальной физики Оксфордского университета Фредерика Линдемана. Линдеман был знатоком военной техники. Черчилль особенно сблизился с ним в

1932 г. Профессор часто приезжал на автомобиле из Оксфорда и гостил у Черчилля в Чартвелле. Он стал главным консультантом Черчилля по научным проблемам современной войны, и особенно по всем вопросам, связанным со статистикой того или иного рода. Плодотворное для Черчилля сотрудничество с Линдеманом продолжалось на протяжении 30-х годов и в течение второй мировой войны.

Другом Черчилля был Десмонд Мортон. Черчилль познакомился с ним в июле 1917 г., когда в качестве министра военного снабжения посещал штаб английского главнокомандующего в Европе, адъютантом которого в то время был Мортон. В 1919 г. Черчилль, будучи уже военным министром, назначил Мортона на ответственный пост в разведке, и этот пост он занимал в течение многих лет. Мортон, живший по соседству с Чартвеллом, часто посещал Черчилля и беседовал с ним о многих государственных проблемах.

Информацию по проблемам международной политики Черчилль получал от Ральфа Уайграма, крупного чиновника министерства иностранных дел. Уайграм и Черчилль придерживались одинаковых взглядов на англо-германские отношения, и это их сблизило.

Некоторые французские министры во время своего пребывания в Англии встречались с Черчиллем и обсуждали с ним международные проблемы. Источником информации для Черчилля служили и связи с английскими корреспондентами, аккредитованными в Париже и Берлине. Он поддерживал хорошие отношения с видными деятелями, которые из-за нацистского террора вынуждены были покинуть Германию и перебраться на жительство в Англию.

Во всех странах довольно значительную информацию по внешнеполитическим проблемам содержат газеты, и хорошо подготовленный читатель может почерпнуть из них ценные сведения. Не случайно печать привлекает пристальное внимание разведок. Черчилль в свое время занимал многие официальные посты в правительстве и, следовательно, знал закулисную сторону дела. Это помогало ему отцеживать из газет наиболее ценные факты, отметая в сторону досужие выдумки журналистов.

Вследствие всего этого Черчилль располагал хорошей информацией, а Чартвелл, как замечает Вирджиния

Коулс, «стал малым Форин оффисом». Разумеется, члены правительства были информированы не меньше Черчилля, однако им не хватало его умения анализировать обстановку. Именно этим и объясняется убедительность, которой отмечены были речи Черчилля по вопросам перевооружения Англии и германской опасности в 30-е годы.

Речи Черчилля о политике Англии в канун второй мировой войны были опубликованы в сборнике под названием «Пока Англия спала». Сборник произвел громадное впечатление на многих в англосаксонском мире. Американский посол в Лондоне Д. Кеннеди побудил своего двадцатитрехлетнего сына Джона взять для дипломной работы в университете тему «Мюнхен и его последствия». Джон горячо принялся за дело и, опираясь на советы отца и материалы посольства США в Лондоне, сочинил диплом. Он использовал тезисы Черчилля и стремился развить их. Отцу понравилось сочинение, решили напечатать его. При содействии обозревателя «Нью-Йорк таймс» А. Крока появилась книга Д. Кеннеди «Почему Англия спала». Она вышла из печати незадолго до начала «битвы за Англию» (1940 г.) и стремительно разошлась.

Черчилль неустанно подчеркивал, как велика авиационная угроза со стороны Германии. Он говорил, что в свое время «флот являлся «надежным щитом» Англии... Теперь мы не можем этого сказать. Это проклятое дьявольское изобретение и усовершенствование методов войны с воздуха коренным образом изменили наше положение. Мы уже не та страна, какой мы были всего 20 лет назад».

В 1934 г. английское правительство приняло ряд мер по увеличению своих военно-воздушных сил. Обсуждение этих мер в парламенте дало возможность Черчиллю вновь изложить свои аргументы. «Ни одна страна, — говорил он, — не является столь уязвимой, как наша, и ни одна не сулит грабителю большей наживы... Мы с нашей огромной столицей — этой величайшей мишенью в мире, напоминающей как бы огромную жирную дорогую корову, привязанную для приманки хищников, — находимся в таком положении, в каком мы никогда не были в прошлом и в каком ни одна другая страна не находится в настоящее время... Я утверждаю, что Германия в нарушение мирного договора уже создала военную авиацию, равную по своей мощи почти $^2/_3$ нынешних оборони-

тельных воздушных сил нашей метрополии... К концу 1935 г. германская авиация будет почти равна по числу самолетов и по своей боеспособности оборонительным воздушным силам нашей метрополии, даже если к тому времени нынешние предложения правительства будут осуществлены».

В ноябре 1934 г. Черчилль внес поправку к тронной речи короля, указав, что «состояние нашей национальной обороны, и в особенности нашей противовоздушной обороны, не соответствует более требованиям обеспечения мира, безопасности и свободы подданных вашего величества». Черчилль заявил, что Германия уже теперь располагает военной авиацией и что если она будет развивать ее нынешними темпами, то в будущем году к этому времени германская авиация станет по меньшей мере столь же мощной, как и английская, а может быть, даже сильнее ее. Если Англия и Германия будут осуществлять свои военные программы нынешними темпами, то через год или два германская военная авиация будет на 50% сильнее, а в 1937 г. почти вдвое сильнее английской военной авиации.

Болдуин опроверг эти прогнозы Черчилля. «Германская военная авиация, — заявил он, — не только не будет, как утверждал Черчилль, равна по силе нашей и, быть может, даже превосходить нашу, а напротив, по нашим расчетам, мы по-прежнему будем иметь почти 50-процентный перевес над ней более чем на два года вперед».

Прошло всего полгода, и Болдуину пришлось публично признать, что Черчилль оказался прав. 22 мая 1935 г. Болдуин заявил: «Я ошибался в оценке будущего. Тут я был совершенно неправ. В этом вопросе мы были полностью введены в заблуждение». Ответственным за допущенный просчет Болдуин признал свое правительство, и прежде всего себя. «Эта ответственность, — заявил он, — ложится не на какого-нибудь одного министра. Ответственность несет все правительство в целом. Мы все несем ответственность, всех нас и следует порицать».

Палате общин и общественному мнению понравилась искренность Болдуина и то, что он не пытался переложить ответственность на кого-либо из министров. Более того, позиция Болдуина имела отрицательное значение для Черчилля, который оказался в общем прав. Консерваторы были недовольны, что Черчилль поставил их лидера

перед лицом всей страны в неприятное положение и заставил оправдываться.

Летом 1935 г. английское правительство образовало секретный комитет, который должен был ведать исследовательской работой в области противовоздушной обороны. Болдуин предложил Черчиллю войти в комитет. Черчилль согласился, но оговорил, что сохраняет за собой право критики действий правительства, ибо он недоволен приготовлениями Англии в области авиации. Болдуин принял это условие. Он согласился также на требование Черчилля включить в состав технической подкомиссии профессора Линдемана.

На протяжении четырех лет Черчилль присутствовал на заседаниях комитета и таким образом получал уже официальную информацию, касающуюся противовоздушной обороны страны. Он постоянно обсуждал эту проблему с Линдеманом, который снабжал его дополнительными материалами и помогал вырабатывать те или иные предложения.

Летом 1935 г. внимание международного общественного мнения было привлечено к небольшой независимой африканской стране Эфиопии. Эта страна являлась предметом вожделений ряда империалистических держав, и прежде всего фашистской Италии. Муссолини, заручившись молчаливым согласием со стороны правительств Англии и Франции, приступил к подготовке войны против Эфиопии с целью ее захвата и превращения в итальянскую колонию. Такая циничная агрессия вызвала возмущение в мировом общественном мнении и в английском народе.

Позиция Черчилля в отношении итальянской агрессии против Эфиопии была явно на руку фашистскому диктатору. Черчилль утверждал, что в его позиции решающую роль играло желание не обострять отношений с Италией, с тем чтобы не толкнуть ее в объятия Германии. Многие биографы Черчилля склонны принять такое объяснение как исчерпывающее. В действительности, однако, кроме этой, возможно, существовавшей причины сыграло свою роль и то, что Черчилль питал глубокие симпатии к Муссолини и итальянскому фашистскому режиму и не хотел, чтобы предпринимались какие-либо акции, которые могли бы привести к его ослаблению. Отношение Черчилля к Италии и Германии в то время было далеко не одина-

ковым, оно вообще никогда не было одинаковым, даже во время второй мировой войны.

Разумеется, Черчилль не мог выступить с предложением никак не реагировать на намерение Италии захватить Эфиопию. Такая пассивность выглядела бы уж слишком явной поддержкой фашистского агрессора. Поэтому Черчилль выступил с идеей, что Англия не должна проявлять инициативы в этом вопросе, а должна следовать за другими державами, если они условятся в рамках Лиги наций о принятии каких-либо мер в защиту Эфиопии. Позднее в мемуарах он писал: «Обстоятельства, казалось, не требовали того, чтобы Англия сама проявила инициативу. Она обязана была учитывать свою собственную слабость...»

В то время Соединенные Штаты не входили в Лигу наций, Франция все больше и больше следовала в фарватере английской внешней политики, и, следовательно, руководящая роль в Лиге наций принадлежала Англии. Предложение Черчилля на деле означало фактическое блокирование действий Лиги наций в защиту жертвы агрессии.

Министром иностранных дел Англии был тогда Самуэль Хор, человек крайне реакционных взглядов и профашистских настроений. Обнаружив, что Черчилль поддерживает линию правительства, Хор установил с ним более тесный контакт. Он пригласил в августе 1935 г. Черчилля, а также лидеров либералов и лейбористов в министерство иностранных дел для обсуждения эфиопского вопроса. Хор спросил Черчилля, до каких пределов, по его мнению, следует оказывать сопротивление итальянской агрессии против Эфиопии. «Наша беседа, — вспоминает Черчилль, — была непринужденной. Я сказал, что, по моему мнению, министр иностранных дел вправе пойти вместе с Лигой наций против Италии настолько, насколько он мог бы повести за собой Францию, но я добавил, что он не должен оказывать нажим на Францию... Я не думаю, чтобы при этих обстоятельствах Франция пошла очень далеко... В общем я решительно советовал министру не пытаться играть руководящую роль или слишком выдвигаться на первый план». Столь необычная для Черчилля сдержанность и скромность может быть объяснена лишь желанием не мешать итальянскому фашизму в осуществлении его планов.

Правительство, которое в это время уже возглавлял Болдуин (Макдональд перешел на второстепенный для него пост лорда — президента совета), было согласно с Черчиллем в принципе, но вело более гибкую линию, учитывая настроения английского народа. Черчилль вспоминает, что «кровопролитие в Эфиопии, чувство ненависти к фашизму... вызвали потрясение в английской лейбористской партии... Решительный класс трудящихся был охвачен сильным стремлением драться с итальянским диктатором, осуществить энергичные санкции и в случае необходимости пустить в ход английский военно-морской флот. На митингах, происходивших в атмосфере возбуждения, произносились резкие и горячие речи».

Болдуин не мог игнорировать эту ситуацию и предпринял политический маневр. 24 августа 1935 г. английское правительство заявило, что Англия выполнит свои обязательства, вытекающие из заключенных ею договоров и устава Лиги наций, т. е. поддержит Эфиопию. Черчилль не понимал, в чем дело. После его бесед в министерстве иностранных дел этот шаг правительства явился для него неожиданностью. Затем в сентябре Самуэль Хор заявил в Женеве на Ассамблее Лиги наций, что Англия выступает за коллективные меры по поддержанию устава Лиги и за коллективное сопротивление всем актам неспровоцированной агрессии. Черчиллю это не понравилось. 1 октября 1935 г. он писал Остину Чемберлену: «Было бы ужасно разгромить Италию. Это дорого нам обошлось бы... Я не думаю, что нам следовало так энергично проявлять инициативу». В октябре Лига наций при активном участии Англии решила применить экономические санкции против итальянского агрессора. Все эти события шумно рекламировались английской прессой.

Действия правительства, выступившего в поддержку жертвы агрессии и высказавшегося за использование Лиги наций в целях обуздания агрессора, были с симпатией встречены английским народом. Авторитет кабинета Болдуина мгновенно поднялся очень высоко. Хитрый политик Болдуин решил использовать созданную им самим благоприятную политическую конъюнктуру, чтобы провести выборы в парламент и обеспечить на них победу консервативной партии.

Выборы происходили в октябре 1935 г. Лейбористская партия к тому времени еще не оправилась от удара, ко-

торый она получила в 1931 г., когда Макдональд и некоторые другие ее лидеры перебежали в лагерь консерваторов. Консерваторы выступили с демагогической программой, в которой говорили о необходимости принятия мер по борьбе с безработицей, по расширению жилищного строительства. Они клялись, что будут поддерживать принципы коллективной безопасности и укреплять Лигу наций. Это означало, что они верно уловили настроения народных масс и пытались их использовать в своих интересах. В итоге консерваторы победили на выборах, получив 387 мест в парламенте. Лейбористы завоевали 154 мандата. Избранный в 1935 г. парламент просуществовал 10 лет, так как в 1939 г., когда кончался срок его полномочий, начавшаяся вторая мировая война помешала проведению очередных выборов.

Во время выборов Черчилль предпринял попытку сблизиться с руководством консервативной партии. Примирение нужно было ему по двум причинам: чтобы при поддержке партии победить на выборах и сохранить за собой на следующий срок парламентский мандат и чтобы при реорганизации правительства после выборов иметь некоторые шансы на получение министерского портфеля.

Как и раньше, Черчилль баллотировался в избирательном округе Эппинг. В это время он уже понял маневр Болдуина и сам выступал с требованием проведения политики санкций против фашистской Италии — приходилось учитывать настроения избирателей...

Сразу же после избрания в палату общин Черчилль сделал следующее заявление: «Учитывая произнесенные мною речи, я расцениваю ваше голосование как показатель желания, чтобы я, как член парламента, выражал там свое независимое мнение и в соответствии с высшими традициями палаты общин действовал свободно и без страха, опираясь на свои знания и опыт». Это было предупреждение избирателям, что в парламенте Черчилль будет действовать не в соответствии с тем, что он обещал во время выборов, а так, как ему заблагорассудится. Можно предположить, что его заявление было адресовано также Болдуину, чтобы тот не думал, будто Черчилль превратился в последовательного сторонника Лиги наций и отпора агрессорам. Вероятно, такое разъяснение необходимо было сделать, ибо после выборов предстояло формирование нового правительства.

Черчилль горячо желал получить правительственный пост. Обстановка, казалось, складывалась таким образом, что возможность его включения в правительство не была уже совсем иллюзорной. Спор из-за политики в отношении Индии, приведший к разрыву с Болдуином и уходу Черчилля из «теневого кабинета», закончился сам собой, ибо к этому времени закон о реформе управления Индией был уже принят. Черчилль вспоминает, что к тому же появилась и подходящая для него вакансия в правительстве. «Насколько было известно, — пишет он, — открылся вакантный пост в морском министерстве, и мне очень хотелось занять его в случае победы консерваторов на выборах».

Пока шла избирательная кампания, Болдуин не высказывался по этому поводу. Однако, как только были объявлены итоги выборов, он заявил, что не имеет ни малейшего намерения включать Черчилля в состав правительства. Лидер консерваторов умел ждать и выбирать правильный момент для своих действий. Если бы такое заявление было сделано в ходе избирательной кампании, Черчилль, вероятно, причинил бы Болдуину большие неприятности и мог осложнить победу консерваторов на выборах. Теперь же обиженный и разгневанный Черчилль опасен не был. Как он сам пишет, ему пришлось утешиться в путешествии по Испании и Северной Африке: «Вооружившись мольбертом и красками и не дожидаясь открытия сессии парламента, я отправился в более гостеприимные края».

Считают, что Болдуин не дал Черчиллю министерского портфеля потому, что на опыте знал, как трудно работать с Черчиллем. Дело заключалось не только в этом. Решающую роль сыграло другое обстоятельство: Болдуин понял, что Черчилль не пользуется практически никакой поддержкой ни в парламенте, ни в народе и поэтому его спокойно можно было отодвинуть не на второй, а даже на третий план.

После победы на выборах Болдуин и его правительство показали свою истинную позицию относительно итальянской агрессии в Африке. Английское правительство поддержало лишь те санкции против Италии, которые не могли помешать ей захватить Эфиопию. «Под руководством Англии, — писал впоследствии Черчилль, — комитет Лиги наций, которому поручили разработать программу

санкций, воздерживался от таких санкций, которые могли бы спровоцировать войну». Он преувеличивает: Муссолини не рискнул бы пойти на войну, если бы против него были применены действенные санкции, а именно прекращение поставок нефти в Италию и запрет ее судам пользоваться Суэцким каналом. Да и сам Черчилль в другом месте признает это. «Муссолини, — пишет он, — никогда не посмел бы схватиться с решительно действующим английским правительством. Против Муссолини был почти весь мир. Следовательно, ему пришлось бы рисковать своим режимом, вступая в единоборство с Англией». В общем, замечает Черчилль, «Муссолини удался его блеф, и из этого факта один наблюдатель сделал для себя далеко идущие выводы». Этим наблюдателем был Гитлер.

В декабре 1935 г. Самуэль Хор и премьер-министр Франции Лаваль заключили соглашение, по которому часть Эфиопии должна была быть отторгнута в пользу Италии. Эта попытка умиротворить агрессора за счет его жертвы вызвала взрыв возмущения в английском общественном мнении. Позиции правительства Болдуина заколебались. Черчилль в это время находился в Барселоне. У него сразу же возникла мысль, не стоит ли вернуться в Англию и, воспользовавшись слабостью правительства, организовать против него кампанию. Такая атака в случае ее успеха могла заставить Болдуина откупиться и включить Черчилля в состав правительства. Максимальный успех мог бы означать свержение кабинета и сформирование нового правительства с участием Черчилля.

Однако друзья постарались отговорить Черчилля от очередной атаки против Болдуина. Они утверждали, что он может лишь повредить себе, если попытается сыграть на затруднениях правительства по вопросу об Эфиопии. Скрепя сердце Черчиллю пришлось принять этот совет. Через 20 с лишним лет он усомнился в разумности принятого тогда решения. «Оглядываясь назад, — писал он, — я прихожу к убеждению, что мне следовало вернуться на родину. Возможно, я привнес бы решимость и способствовал бы объединению антиправительственных элементов, а это могло бы положить конец режиму Болдуина. В этот момент, может быть, удалось бы создать правительство во главе с сэром Остином Чемберленом».

Вскоре Черчиллю представился новый случай выступить против ненавистного ему Болдуина.

В 1936 г. скончался английский король Георг V. По английским понятиям это был образцовый конституционный монарх, являвший собой пример консервативной респектабельности как в своем официальном поведении, так и в личной жизни. Новым королем стал наследник престола принц Уэльский, принявший имя Эдуарда VIII.

Эдуард VIII был необычным представителем английской монархии. Известно, что в Англии король царствует, но не управляет. Эдуарду VIII не нравился этот порядок. Он полагал, что король должен играть более активную роль. И эту роль он усвоил, еще будучи наследником престола. Принц Уэльский посещал шахтерские районы, интересовался социальными вопросами и выступал с заявлениями, которые должны были продемонстрировать его сочувствие к простым людям, ведущим тяжелую трудовую жизнь, и готовность что-то сделать для улучшения их положения. Это являлось нарушением традиций, но правящие круги использовали выступления будущего короля, чтобы разрекламировать его перед народом как демократа. Таким путем пытались укрепить монархические чувства в английском народе и поднять престиж монархии.

Когда же, став королем, Эдуард VIII не угомонился, а попытался действовать еще более активно, его поведение вызвало постепенно, но неуклонно нараставшее раздражение и недовольство в правительстве.

Министр финансов Невиль Чемберлен, второе по значению лицо в правительстве, подготовил меморандум, критиковавший действия короля и содержавший требование, чтобы «король был поставлен на место». Болдуин, не любивший спешить, положил меморандум под сукно. Однако вскоре сам король дал возможность Болдуину поставить его на место.

В возрасте 41 года Эдуард VIII был холостяком. Он решил жениться на американке Уэллис Симпсон, которая, по общему признанию, была веселой, остроумной и привлекательной женщиной. В кругах английской аристократии давно уже укоренилось правило жениться на богатых американках и поправлять тем самым свое пошатнувшееся финансовое положение. Циники утверждают, что в результате таких браков улучшались не только финансы, но и физическое состояние многих вырождавшихся аристократических фамилий. Род Черчиллей как будто

подтверждает это. Однако на этот раз речь шла о короле, и это радикально меняло дело.

Интерес Эдуарда VIII к Симпсон объяснялся не материальными соображениями, а чувствами. Английские короли — очень богатые люди и умело сохраняют свое состояние. Симпсон (и это крайне ухудшало ситуацию) не только не принадлежала к числу нетитулованной американской знати, но даже не была дочерью какого-нибудь миллионера. И уж что совсем плохо, она до встречи с английским королем успела два раза побывать замужем. Первый муж, с которым она развелась, был еще жив, а развод со вторым, Эрнестом Симпсоном, находился в стадии оформления.

Нежные отношения между Эдуардом VIII и Уэллис существовали длительное время. О них многие знали, но никакой отрицательной для короля реакции это обстоятельство не вызывало. На протяжении 1936 г. король и Уэллис открыто и часто появлялись вместе. Английская печать хранила молчание на этот счет. В Англии не принято сообщать в газетах ничего такого, что могло бы бросить тень на монархию. Но американская печать, падкая на сенсацию, расписывала личные дела английского короля яркими красками.

Ситуация изменилась, когда Эдуард VIII заявил, что он намерен жениться на Уэллис, как только она оформит развод. Оба влюбленных считали, что их план осуществится. Эдуард VIII прекрасно знал, хотя бы на примере своего предшественника Эдуарда VII, что даже в дворцовых кругах нравы и мораль были весьма свободными. Он надеялся, что ему удастся провести четкую грань между своими официальными функциями и личной жизнью, которая, как он полагал, никого не касается.

Однако король неверно представлял себе настроения в правящих кругах своей страны, не учитывал, что они расценят его действия как подрыв авторитета монархии в глазах народа. Поскольку монархия в Англии теснейшим образом связана с церковью, то поведение короля не могло не вызвать возражений и со стороны отцов церкви. Официальный советник короля Уолтер Монктон консультировался с Черчиллем по этому поводу, и тот посоветовал Уэллис не разводиться с мужем и не появляться в обществе короля на официальных церемониях. Миссис Симпсон не последовала совету Черчилля. 27 октября

1936 г. она получила решение суда о разводе с мужем. Таким образом, путь для брака был открыт. Убедившись, что король намерен официально жениться на Уэллис, Болдуин решил призвать его к порядку. Он поставил монарха перед выбором: или отказ от брака с Уэллис, или отречение от престола. Развернулась скрытая, но ожесточенная борьба между английским премьер-министром и Уэллис, которая со своей стороны потребовала, чтобы брак состоялся, чего бы это ни стоило. Вероятно, ее непреклонность сыграла на руку Болдуину. Король жил в одной из своих загородных резиденций, в замке Виндзор. Болдуин неоднократно приезжал к нему и убеждал отказаться от своих матримониальных намерений. К концу длительных бесед премьер-министр как будто бы достигал своей цели, и Эдуард VIII склонялся к тому, чтобы уступить. Но как только Болдуин уезжал, король садился в машину и направлялся в Лондон, где встречался с Уэллис. Возвращался в Виндзор он с твердым убеждением жениться на американке.

Вскоре кризис выплыл наружу. Епископ Бредфорда Блант публично выступил с осуждением поведения короля. Болдуину пришлось кратко изложить суть проблемы в парламенте. Ажиотаж вокруг этого пикантного дела нарастал. В осуждении поведения короля было много ханжества. Один из биографов Черчилля, Эмрис Хьюз, пишет: «Никогда ранее ни один английский король не предполагал жениться на дважды разведенной американке. Они имели своих любовниц и своих незаконнорожденных детей, но в этом не было ничего незаконного или конституционно неверного. И действительно, если бы король Эдуард просто решил сделать Симпсон своей любовницей, не женясь на ней, то, вероятно, ни премьер-министр, ни архиепископ Кентерберийский не осмелились бы упомянуть об этом деле публично. И существовало бы всеобщее молчаливое согласие помалкивать об этом скандале».

В конфликте между Болдуином и королем Уинстон Черчилль усмотрел свой шанс. Он решил встать на сторону короля, объединить вокруг себя людей, симпатизирующих или сочувствующих королю в его действительно затруднительном положении, а также людей, враждебно настроенных к Болдуину, и попытаться свергнуть премьер-министра. Королю стало известно, что Черчилль готов выступить в его поддержку, и он решил воспользоваться

его услугами. Эдуард VIII сказал Болдуину, что хотел бы получить совет от Черчилля. Говорят, что премьер-министр не заявил возражений против встречи короля со своим недругом. Однако несомненно, что вторжение Черчилля в конфликт лишь усилило решимость Болдуина и других членов правительства довести дело до окончательной победы. Участие Черчилля в конфликте свидетельствовало, что король намеревался вести борьбу против Болдуина, которая в случае ее успеха неизбежно повлекла бы за собой отстранение от власти Болдуина в пользу его соперника.

У Черчилля были влиятельные сторонники. Это прежде всего газетные короли Ротермир и Бивербрук, которые использовали свои газеты для агитации за то, чтобы Эдуарду VIII было разрешено жениться морганатическим браком. Утверждали, что примерно 60 членов парламента были готовы поддержать правительство, которое могло бы быть сформировано вместо правительства Болдуина. Поговаривали даже о создании некоей королевской партии.

В публичных выступлениях в поддержку короля Черчилль требовал, чтобы правительство не торопилось в решении этого вопроса, чтобы оно дало королю время хорошенько все обдумать, не оказывая на него нажима, и, наконец, чтобы парламент получил возможность должным образом заняться этим вопросом. Черчиллю явно нужно было время, чтобы заручиться поддержкой со стороны всех тех, кого он мог привлечь на свою сторону, и успеть мобилизовать против Болдуина общественное мнение. Черчилль запугивал правящие круги тем, что если короля заставят отречься от престола, то это «причинит такой ущерб конституционному положению монархии, который будет безграничным и опасным для самого монархического принципа независимо от того, кто будет занимать королевский трон». Он утверждал, что отречение Эдуарда VIII «бросит тень на многие будущие главы истории Британской империи». Черчилль апеллировал к чувствам широкой аудитории, подчеркивая личный, человеческий аспект проблемы.

«Если бы призыв Уинстона не торопиться и молиться за короля был реализован, — пишет Эмрис Хьюз, — то весьма вероятно, что в прессе была бы организована широкая кампания в поддержку короля, ибо и Болдуин, и архиепископ Лэнг никоим образом не были слишком

популярны. Вероятно, они отдавали себе отчет в том, что, чем быстрее произойдет отречение короля от престола, тем будет лучше».

Болдуин понимал, что надо спешить, и усилил нажим на короля. 7 декабря премьер-министр заявил в парламенте в осторожных выражениях, что король собирается с мыслями и готовится принять определенные решения. Черчилль немедленно поднялся и выступил с повторением своего требования, чтобы не совершались непоправимые шаги до тех пор, пока правительство не сделает официального заявления парламенту по этому вопросу. Попытка вынести спор на обсуждение парламента провалилась. Выступление Черчилля было встречено громкими криками «нет» и «сядьте». Черчилль не ожидал такого единодушного отпора и возмущения. Против него выступили не только консерваторы, но также либералы и лейбористы.

Тэйлор пишет, что «Черчилль совершил все возможные ошибки во время этого кризиса. Он не смог правильно оценить настроение общественного мнения или ловкость тех, кто им манипулировал. Он просчитался, полагаясь на решимость короля. Его криками заставили сесть в палате общин. Он хватался за любые средства, чтобы опрокинуть Болдуина и его состоящее из слабых людей правительство. Вместо этого двери к власти, казалось, закрылись перед Черчиллем навсегда. Теперь он оказался в положении конченого человека». Черчилль сам все это хорошо понял. Впоследствии он вспоминал, что его «влияние в то время упало до нуля».

Эдуард VIII предпочел брак с любимой женщиной королевскому трону. Он отрекся от престола и покинул Англию. Ему был дан титул герцога Виндзорского, однако его жене было отказано в праве именоваться королевским высочеством. С тех пор Виндзор и его супруга жили в основном во Франции, находя утешение в личном счастье.

Черчиллю по-прежнему приходилось довольствоваться в парламенте ролью «заднескамеечника». Он болезненно переживал это положение и при малейшем изменении внутри правительства пытался найти для себя место в нем. Весной 1936 г. кабинет склонялся в пользу создания нового министерства, которое должно было заняться координацией деятельности военных министерств. Зашла

речь о том, не следует ли поручить руководство новым министерством Черчиллю. Ему очень хотелось проявить свои способности на этом поприще. Но его время еще не пришло. Остин Чемберлен был за то, чтобы включить Черчилля в правительство, Болдуин — против. Невиль Чемберлен, ожидавший ухода Болдуина на покой, чтобы сменить его на посту премьер-министра, также не желал возвращения Черчилля к активной государственной деятельности. «Невиль Чемберлен, — пишет Тэйлор, — ненавидел Черчилля», а большинство консерваторов все еще не доверяли ему. Кейс Фейлинг в биографии Невиля Чемберлена пишет: «Если бы новое министерство было отдано Черчиллю, это встревожило бы те либеральные и центристские элементы, которые расценили его устранение как отказ от милитаристской политики. Это шло бы вразрез с советом тех, кто нес ответственность за толкование общей воли партии. Кроме того, разве это не вызвало бы спора, когда после ухода Болдуина должен был встать вопрос о его преемнике?»

В течение месяца обсуждалось, включать Черчилля в правительство или нет. Наконец 9 марта 1936 г. Болдуин сделал министром координации обороны Томаса Инскипа. Консерваторы вновь отказались от услуг Черчилля. «Для меня, — пишет он, — такое определенное и, как казалось, окончательное отстранение от какого-либо участия в подготовке нашей обороны было тяжким ударом». Более того, ему предпочли Инскипа, который, по мнению не только Черчилля, но и многих других, был весьма заурядной фигурой, не имел никакого опыта в руководстве обороной и, хотя перевалил уже за шестидесятилетний возраст, никогда прежде не являлся членом кабинета. «Это назначение, — пишет Тэйлор, — считалось самым невероятным после того, как римский император Калигула сделал свою лошадь консулом». Однако и здесь была своя логика. Болдуин и его коллеги боялись сильной личности на посту министра координации обороны. Инскип же был для них в этом плане вполне надежным человеком.

И опять Черчилль ищет успокоения и утешения в литературном труде. Он приступает к написанию исторического очерка о международных событиях со времени Версальского мирного договора и до середины 30-х годов. Черчилль написал вступительную главу, которая впоследствии была включена без каких-либо изменений в первый

том его мемуаров, посвященных второй мировой войне. Вскоре, однако, он бросает работу над очерком и погружается в создание «Истории народов, говорящих на английском языке». Черчилль быстро закончил этот обширный труд, однако публикация его задержалась на многие годы.

Вспоминая о своих неудачных попытках вернуться в правительство, Черчилль пишет: «Болдуин, так же как и я, плохо представлял себе, какую услугу он оказал мне, помешав втянуться на ближайшие три года в путаную политику кабинета и не дав мне, как это могло бы случиться, если бы я был министром, вступить в войну, неся прямую ответственность за состояние национальной обороны, которое оказалось чудовищно плохим». В принципе Черчилль прав. В конечном счете для него оказалось благом то, что он не участвовал в правительстве, которое правило Англией накануне второй мировой войны.

Биографы Черчилля сходятся в том, что его не допустили в правительство по двум причинам. Во-первых, оказавшись в правительстве, он неизбежно ввязался бы в борьбу за кресло премьер-министра и мог помешать Невилю Чемберлену занять его; к тому же другие деятели консервативной партии отнюдь не желали иметь своим лидером Уинстона Черчилля. Во-вторых, в середине 30-х годов Черчилль пришел к определенному мнению о политике, которую Англия должна была вести в отношении Германии. В министерстве иностранных дел Англии в то время один из важных постов занимал Роберт Ванситтарт, умный дипломат, правильнее других оценивавший угрозу интересам Англии со стороны рвавшейся к реваншу Германии. Общение с Ванситтартом, несомненно, помогло Черчиллю выработать в общем верный взгляд по этому вопросу. К тому времени уже давно миновали дни Локарно, когда Черчилль «питал светлые надежды на воссоединение европейской семьи народов», разумеется под руководством Англии, господствующей на континенте.

Принципы английской внешней политики в отношении Европы, которых Черчилль придерживался на протяжении многих лет и по существу до конца своей жизни, он изложил в конце марта 1936 г. на заседании группы консервативных членов комиссии по иностранным делам. «На протяжении 400 лет, — говорил Черчилль, — внешняя

политика Англии состояла в том, чтобы противостоять сильнейшей, самой агрессивной, самой влиятельной державе на континенте и, в частности, не допустить захвата такой державой Бельгии, Голландии и Люксембурга. Если подойти к вопросу с точки зрения истории, то эту четырехсотлетнюю неизменность цели на фоне бесконечной смены имен и событий, обстоятельств и условий следует отнести к самым примечательным явлениям, которые когда-либо имели место в жизни какой-либо расы, страны, государства или народа. Более того, во всех случаях Англия шла самым трудным путем. Столкнувшись с Филиппом II испанским, с Людовиком XIV при Вильгельме III и Мальборо, с Наполеоном, а затем Вильгельмом II германским, ей было бы легко и, безусловно, весьма соблазнительно присоединиться к сильнейшему и разделить с ним плоды его завоеваний. Однако мы всегда выбирали более трудный путь, объединялись с менее сильными державами, создавали из них коалицию и таким образом наносили поражение и срывали планы континентального военного тирана, кем бы он ни был, во главе какой бы страны ни стоял. Так мы сохранили свободу Европы, защитили развитие ее живого, многообразного общества и вышли из четырех ужасных битв с растущей славой и расширяющейся империей, а независимость Бельгии, Голландии и Люксембурга была сохранена. В этом замечательная инстинктивная традиция английской внешней политики. Сегодня все наши мысли исходят из этой традиции...

Заметьте, — продолжал Черчилль, — что политика Англии совершенно не считается с тем, какая именно страна стремится к господству в Европе. Дело не в том, Испания ли это, французская монархия, французская империя, германская империя или гитлеровский режим. Ей безразлично, о каких правителях или странах идет речь... Поэтому нам не следует бояться, что нас могут обвинить в профранцузской или антигерманской позиции. Если бы обстоятельства изменились, мы в такой же мере могли бы занимать прогерманскую или антифранцузскую позицию. Это закон государственной политики, которую мы проводим, а не просто целесообразность, диктуемая случайными обстоятельствами, симпатиями или антипатиями или же какими-то другими чувствами».

В соответствии с этими принципами Черчилль ставит

вопрос: какая держава в Европе является сейчас сильнейшей и стремится установить свою гегемонию над Европейским континентом? По его мнению, французская армия является сильнейшей, но Франция не представляет угрозы для Англии. Другое дело — Германия. Она никого не боится и «вооружается в масштабах, еще невиданных в истории этой страны. Во главе ее стоит кучка торжествующих головорезов... Очень скоро им придется сделать выбор между экономическим и финансовым крахом... и войной, у которой не может быть иной цели и которая, если она успешно закончится, не может иметь иного результата, кроме германизации Европы под нацистским контролем». В этих условиях Черчилль считает, что спасение Англии «зависит от того, удастся ли вновь собрать все силы Европы, чтобы сдержать, ограничить и, если необходимо, расстроить планы германского господства».

Черчилль исходит из того, что Англия должна опираться в проведении своей европейской политики на Францию и Лигу наций. Он считал необходимым использовать Лигу наций для создания антигерманского фронта в Европе. Знаменательно, что Советский Союз при этом не упоминался, хотя из рассуждений Черчилля о Лиге наций можно сделать вывод, что он не исключал участия в ней Советского Союза и, следовательно, сотрудничества между Англией и СССР в целях сдерживания Германии.

Выступление Черчилля с этой программой представляло собой изложение в существовавших тогда условиях известного английского принципа «баланса сил». Этот принцип означает не что иное, как требование установления и поддержания в Европе английской гегемонии. Крупный публицист либерального толка Норман Энджел писал в 1923 г.: «...«баланс сил» в действительности всегда означает стремление создать превосходство сил на нашей стороне... Позиция, которую мы занимаем в этом случае, означает, что мы... не терпим существования настолько сильной группы соперничающих с нами государств, сопротивление которой было бы для нас безнадежным, которая обрекла бы нас на постоянно подчиненное положение в дипломатии, а наше свободное передвижение по земному шару могло бы иметь место лишь с ее молчаливого согласия. В этом весь raison d'etre «баланса сил». Принцип «баланса сил» означает в действительности требова-

ние превосходства... требование превосходства сил означает *акт агрессии»* (курсив мой. — *В. Т.*).

Таким образом, программа Черчилля — это программа империалистической борьбы Англии против своего опаснейшего противника — Германии. Черчилль раньше многих других английских политических деятелей понял угрозу, которую Германия представляла в 30-е годы для Англии. Он отдавал себе отчет в том, что для Англии более важным было не то, что гитлеровская Германия готова была вести борьбу против Советского Союза, но то, что она являлась опаснейшим врагом Англии. Постепенно в уме Черчилля последнее обстоятельство все более и более перевешивает первое. Поняв это, Черчилль показал свое превосходство над другими английскими политиками своего времени.

Черчилль осознал и другое, а именно что политика нацистской Германии враждебна и иным странам, и, следовательно, у Англии имелась объективная возможность объединиться с этими государствами в сопротивлении германскому наступлению. Наконец, не последнюю роль играло и то, что, выступая знаменосцем борьбы против Германии, Черчилль получал возможность восстановить свою политическую репутацию и влияние в Англии. Этот путь вновь мог привести его к власти, и, чем больше нарастала германская угроза, тем более определенно двигался по нему Черчилль. Об этом пишет и Эмрис Хьюз: «Весьма вероятно, что политическая амбиция была самым важным фактором, который привел к тому, что Черчилль превратился в одного из настойчивых противников Гитлера и предпринял попытку поднять Англию против нацизма... Его антагонизм в отношении Гитлера, — продолжает Хьюз, — был порожден страхом, что Германия при нацистах может стать слишком мощной и бросить вызов английской гегемонии в Западной Европе. Этот антагонизм объяснялся убеждением Черчилля, что, поднимая Англию против Гитлера, он сможет опять завоевать какой-либо правительственный пост». Американский публицист Френсис Нейльсон резюмирует: «Без Гитлера и событий, которые стимулировали его действия, Черчилль никогда бы больше не вернулся к власти».

Хотя Черчилль довольно рано понял значение германской угрозы для Англии, это не означало, что он уже тогда занял безоговорочно враждебную позицию в отноше-

нии фюрера германских фашистов Адольфа Гитлера, возглавлявшего движение за реванш и, следовательно, за подготовку новой войны против тех держав, которые нанесли поражение Германии в первой мировой войне, включая и Англию. Черчилль даже питал к Гитлеру определенные симпатии. Превыше всего он ценил и уважал политический успех. Черчилль восхищался тем, что безвестный ефрейтор поднялся до роли главы государства. В Гитлере Черчиллю импонировало и то, что фюрер выступал в качестве злейшего врага Советского Союза и революционного движения. В мире, объятом пламенем революционного пожара, представитель английской буржуазии и лидер германского нацизма были на одной стороне баррикад. В классовом подходе к оценке событий у них было полное родство душ. «Фош, Хейг, Клемансо, Гинденбург, Муссолини, Гитлер... — пишет Эмрис Хьюз. — Перед ними Черчилль снимал свою шляпу, они принадлежали к его миру».

Черчилль никогда не встречался с Гитлером. Он рассказывает, что в 1932 г., во время его путешествия по Германии, предполагалось организовать в Мюнхене его встречу с Гитлером, но она не состоялась. Затем немецкий посол в Англии Риббентроп дважды приглашал его посетить Германию и встретиться с Гитлером. У Черчилля хватило осторожности и предусмотрительности, чтобы уклониться от этих приглашений. Впоследствии он справедливо замечал, что «англичане, посетившие в эти годы германского фюрера, оказались затем в неудобном положении или были скомпрометированы».

Черчилля разделяли с Гитлером те противоречия, которые лежали в основе борьбы между английским и германским империализмом. Гитлер требовал ликвидации Версальского мирного договора, и Черчилль воспринимал это как требование к Англии отказаться от плодов ее победы в первой мировой войне. Эмрис Хьюз пишет: Черчилль «не колеблясь, безоговорочно одобрил фашистское движение в Италии, но когда фашизм распространился на Германию и принял форму воинствующего возрождения германского национализма, целью которого было покончить с Версальским договором и изменить результаты военных поражений первой мировой войны, то это было уже другое дело. Если бы Гитлер ограничился только пропагандой священной войны против России, Черчилль,

вполне вероятно, не поссорился бы с ним. Ибо он был таким же злобным врагом большевиков, как Гитлер, или Геббельс, или любой другой из школы торговцев антирусской ненавистью и пропагандистов ее, которые эксплуатировали «красное пугало» в своей политической борьбе. Уинстон с самого начала, задолго до того, как русские или другие народы Европы услышали что-либо о Геббельсе, был пионером и выдающимся мастером этой пропаганды».

В 30-е годы, когда Черчилль регулярно снабжал прессу своими статьями и очерками, он написал ряд политических портретов, которые были затем изданы в виде отдельной книги под названием «Великие современники». Вошедший в эту книгу портрет Гитлера позволяет составить впечатление о том, как Черчилль в 1935 г. относился к нацистскому фюреру. Он писал: «Хотя никакие последующие политические действия не могут заставить забыть неправильные деяния, история полна примерами, когда люди, добившиеся власти при помощи суровых, жестоких и даже устрашающих методов, тем не менее, если их жизнь рассматривается в целом, расцениваются как великие фигуры, деятельность которых обогатила историю человечества. Так может быть и с Гитлером». Черчилль восхищался тем, чего Гитлер достиг к 1935 г., «преуспев в восстановлении Германии в качестве самой мощной державы Европы. Он не только восстановил положение своей страны, но даже в очень большой степени изменил результаты первой мировой войны... Что бы ни подумали об этих усилиях, они, безусловно, находятся в ряду наиболее выдающихся достижений в истории человечества».

Черчилль с симпатией пишет о том, как энергично и настойчиво Гитлер вел борьбу за власть в Германии, обнаружив в этой борьбе «патриотическое рвение и любовь к своей стране».

Двумя годами позднее, в 1937 г., когда зверский облик германского фашизма и его фюрера был уже вполне очевиден, Черчилль писал о Гитлере следующее: «Некоторым может не нравиться система Гитлера, но они тем не менее все же восхищаются его патриотическими достижениями». И затем: «Если бы моя страна потерпела поражение,— пишет Черчилль,— я надеюсь, что мы должны были бы найти такого же великолепного лидера, который возродил бы нашу отвагу и возвратил нам наше место среди наро-

дов». Нужно иметь в виду, что эти слова писались после того, как весь мир уже узнал о созданных в Германии концентрационных лагерях для прогрессивных людей, о беспощадном антисемитском терроре, о кровавой чистке национал-социалистской партии, о ремилитаризации Рейнской области и многих других аналогичных мерах. Прав Эмрис Хьюз, утверждая, что едва ли «Черчилль когда-либо серьезно беспокоился по поводу идеологических концепций Гитлера или его антидемократической политики».

Знаменательно, что в речах и статьях Черчилля, неустанно обращающих внимание парламента и общественности на германскую опасность, по существу отсутствует критика в адрес Гитлера и других нацистских руководителей по поводу их крайне реакционной деятельности.

В это время Черчилль настойчиво требует усиления перевооружения Англии. Он доказывает, что Германия тратит на вооружение огромные суммы, что Англия отстает от нее и что это отставание чревато огромной опасностью для Англии и Британской империи. В 1936 г. с помощью своих знакомых Черчилль провел специальное расследование, касающееся размеров германских военных расходов. Расследование показало, что немцы тратят на перевооружение 1 млрд. ф. ст. в год. Черчилль выступил в парламенте по этому вопросу и сообщил установленные им цифры, правда несколько сократив их на всякий случай.

Черчилль осуждал все действия английского правительства, которые вели к укреплению позиций Германии против Англии и разжигали реваншистские настроения в Германии. Летом 1935 г. было заключено англо-германское военно-морское соглашение, которое давало возможность немцам широко развернуть строительство своего военно-морского флота. Правительство Болдуина, подписывая это соглашение, рассчитывало, что строящийся германский флот явится орудием Германии для войны против СССР на Балтике. Но Черчилль — и он был, безусловно, прав — видел в этом соглашении и другую сторону. «Я не думаю,— говорил он 22 июня 1935 г.,— что это одностороннее действие Англии послужит делу мира. Непосредственным результатом его является то, что тоннаж германского флота с каждым днем приближается к таким размерам, которые обеспечат ему полное господство на Балтийском море, и очень скоро одно из препятствий на пути к европейской войне постепенно начнет исчезать. Что же каса-

ется положения на Средиземном море, то, мне кажется, нас ожидает очень серьезное затруднение... Однако наиболее неблагоприятное влияние все это окажет на наши позиции на другом конце мира — в Китае и на Дальнем Востоке».

В июле 1936 г. Черчилль организовал группу консерваторов, которые, так же как и он, были обеспокоены германской угрозой и состоянием английских вооружений, и просил Болдуина принять ее для обсуждения этих вопросов. В группу входило полтора десятка консервативных деятелей, которые в течение двух дней излагали премьер-министру свою точку зрения. Разумеется, Черчилль говорил больше всех. Невиль Чемберлен уклонился от присутствия на этой встрече. Черчилль приглашал лидера лейбористской партии Эттли и лидера либералов Арчибальда Синклера, но они тоже не приняли участия в переговорах с премьер-министром.

Лейбористская партия в это время выступала за использование Лиги наций в целях поддержания мира и борьбы против агрессии. Тем самым она отражала настроения основной массы английских трудящихся. Однако лейбористы не поддерживали требования о перевооружении Англии. В английском народе не было уверенности, что перевооружение будет направлено исключительно против агрессивных держав. Вся история Англии эпохи империализма свидетельствовала о том, что вооруженные силы страны используются ее правящими кругами в империалистических, агрессивных целях. Именно опасениями народа на этот счет объясняется, почему шумная кампания Черчилля в пользу быстрого перевооружения не встречала широкого отклика в стране.

Черчилль и вслед за ним английская историография утверждают, что Англия будто бы не была должным образом подготовлена ко второй мировой войне в военном плане. Вряд ли подобное утверждение в полной мере соответствует истине. Известно, что военные расходы Англии во второй половине 30-х годов были весьма значительными, что изготовление вооружения и снаряжения для вооруженных сил достигло большого размаха. Это явилось одним из факторов, вызвавших рост промышленного производства в стране в период после мирового экономического кризиса. Военный бюджет Англии, составлявший в 1935/36 бюджетном году 136,9 млн. ф. ст., равнялся в

1938/39 бюджетном году 254,4 млн. ф. ст. Очень большая часть этого бюджета расходовалась на перевооружение прежде всего военной авиации. Эмрис Хьюз в биографии Черчилля утверждает, что он был неправ, поднимая шум по поводу военной неподготовленности Англии. По мнению Хьюза, «английский военно-морской флот, безусловно, был сильным», как и военно-воздушные силы. «Никто из тех, кто читал парламентские дебаты по вопросу об ассигнованиях 1936 г. на вооруженные силы,— пишет Хьюз,— не может согласиться с описанием Черчилля, сделанным в сентябре этого года и гласившим, что Англия была «безоружной и бездумной». Она втянулась в гонку вооружений так же, как и континентальные страны. Это главный дефект Черчилля как историка. Его утверждения очень часто несовместимы с фактами». Хьюз приводит официальные свидетельства американских военных экспертов и выводы американских историков Лангера и Глиссона, опровергающие заявления Черчилля.

В своей критике политики правительства Болдуина — Чемберлена Черчилль проявил себя весьма энергичным, но непоследовательным. Источником этой непоследовательности была его одержимость антикоммунизмом. Когда в Испании в 1936 г. начался фашистский мятеж, а затем германо-итальянская интервенция против Испанской республики, Черчилль выступил сторонником политики «невмешательства» в испанские дела. Именно эту политику проводило английское правительство, причем она была на руку не только испанскому, но также немецкому и итальянскому фашизму. «В этом споре,— пишет Черчилль,— я сохранял нейтралитет. Я, естественно, не чувствовал расположения к коммунистам. Как я мог им сочувствовать... Я был уверен, что английское правительство поступало правильно, не вмешиваясь в дела Испании». Ненависть к социализму и революционному движению помешала Черчиллю увидеть, что политика «невмешательства» не только причиняла ущерб делу свободы испанского народа, но и шла вразрез со стратегическими интересами Англии.

28 мая 1937 г. Болдуин ушел в отставку с поста премьер-министра в связи с преклонным возрастом. Его преемником стал Невиль Чемберлен. Это опять поставило вопрос об использовании Черчилля в составе правительства. «Я не рассчитывал,— вспоминает Черчилль,— что Невиль

Чемберлен пожелает работать со мной и что он будет настолько мудр, чтобы поступить так в данный момент». Здесь Черчилль лукавит. Надежда па то, что его могут пригласить в правительство, у него была. Именно поэтому Черчилль и заискивал в то время перед Невилем Чемберленом, хотя, надо отдать ему должное, он вообще не любил, да и не умел заниматься подобными вещами.

И тем не менее, когда в руководящих кругах консервативной партии обсуждался вопрос о новом лидере, Черчилль демонстративно выступил за кандидатуру Невиля Чемберлена. Мало того, он даже добивался, чтоб ему была дана возможность официально поддержать выдвижение на пост лидера партии Чемберлена. По английским традициям при выборах кандидата на тот или иной пост требуется, чтобы кто-то один выдвинул его, а другой поддержал бы выдвижение. Черчиллю была предоставлена эта честь. В своем выступлении он расхваливал Невиля Чемберлена как выдающегося парламентария и деятеля палаты общин. «Мы чувствуем уверенность,— заявил он,— что лидер, которого мы собираемся выбрать... не будет возмущаться по поводу существования благородных расхождений в оценке методов управления, которые неизбежно должны время от времени возникать среди людей, стремящихся к одной и той же цели». Это был призыв к Чемберлену не обижаться на Черчилля за его критику действий правительства. И в то же время это было заверение, что Черчилль стремится по существу к той же цели, которую преследуют другие деятели консервативной партии. Далее Черчилль заявил: «Нам предстоит бороться против зверя социализма, и мы будем в состоянии справиться с ним куда более эффективно, если будем действовать как единая стая гончих, а не как стадо овец». Черчилль не случайно заговорил о борьбе против социализма. Именно в этом заключалась главная цель, которую преследовал и он сам, и другие консервативные деятели, включая и Невиля Чемберлена. Здесь у них не было расхождений.

Все эти реверансы и заверения имели целью убедить Невиля Чемберлена в том, что он должен взять Уинстона Черчилля в состав правительства. «Это рассматривалось,— пишет Эмрис Хьюз,— как просьба дать пост в новом кабинете. Лорд Солсбери и другие поддерживали движение за включение Уинстона в состав правительства, но откли-

ка с Даунинг-стрит не последовало». Чемберлен опасался, что Черчилль может стать слишком большой силой в его правительстве. Он сказал военному министру Хор-Белиша, настаивавшему на кандидатуре Черчилля: «Если я включу его в состав кабинета, он станет заправлять им. Он не даст другим даже слова сказать».

Расхождения между Черчиллем и Невилем Чемберленом по вопросам внешней политики, безусловно, существовали. Невиль Чемберлен, человек весьма ограниченных интеллектуальных способностей (и, как все такие люди, оказывающиеся на крупных государственных постах, весьма переоценивавший свои возможности), считал, что он нашел способ убить одним выстрелом двух зайцев. Он полагал, что Германию нужно подтолкнуть на войну с Советским Союзом и что в результате этой войны Советский Союз будет уничтожен или до крайности ослаблен, а Германия настолько истощит свои силы, что утратит способность бороться против Англии, за гегемонию в Европе. Для того чтобы организовать такую войну, Чемберлен готов был идти на очень большие уступки Германии, которые чрезвычайно укрепляли ее в политическом, экономическом и военном отношении.

Вот здесь-то Черчилль и расходился с Чемберленом. Он понимал (и в этом было его огромное превосходство над Чемберленом), что рост агрессивной мощи нацистской Германии опасен не только для СССР, но и для Англии и других государств. Черчилль внимательнее прочел и лучше усвоил книгу Гитлера «Майн кампф» — библию германского фашизма. Он понимал, что заявлениям Гитлера об отсутствии у него враждебных замыслов в отношении Англии верить нельзя.

Было бы неправильным полагать, будто только Невиль Чемберлен стремился к организации войны между Германией и СССР. Черчилль также считал, что подобная война отвечала бы интересам английского империализма. Он значительно раньше Чемберлена пропагандировал идею использования Германии для борьбы против революционной России. «Враждебность Черчилля к коммунизму,— пишет Эмрис Хьюз,— граничила с заболеванием. И действительно, разве не сам Черчилль выступал за то, чтобы Германия была превращена в бастион против России, и разве не это делал германский фашизм?» Так было в 1918—1919 гг. и на протяжении 20-х годов. Об этом сам

Черчилль написал в книге «Мировой кризис». Однако в 30-е годы Черчилль понял, что Германия может ударить не только на восток, но и на запад, и требовал, чтобы английское правительство принимало соответствующие меры страховки. Известный леволейбористский публицист Кони Зиллиакус пишет, что, по его мнению, «небольшая группа деятелей во главе с Черчиллем состояла из умиротворителей на основе «баланса сил», а огромное большинство во главе с Чемберленом выступало за умиротворение при любых условиях».

Чемберлен был очень высокого мнения о своих дипломатических способностях и возлагал совершенно необоснованные надежды на личные переговоры с Гитлером и Муссолини. Он считал, что стоит ему только встретиться за столом переговоров с фашистскими диктаторами, и он сразу же сможет убедить их припять вполне приемлемые для Англии условия соглашения с Германией и Италией.

По мере того как Германия усиливалась и, следовательно, возрастала угроза с ее стороны для Англии, Черчилль все чаще и чаще размышлял о том, что в коалицию государств, которые должны были быть противопоставлены Германии, следует включить Советский Союз. Однако до мюнхенской сделки, т. е. до осени 1938 г., Черчилль не выступал с этой идеей сколько-нибудь активно.

Советское правительство в 30-е годы неоднократно вносило предложения о создании в том или ином виде фронта мира, который должен был остановить развитие германской агрессии в Европе. Но такие предложения неизменно отклонялись английским правительством и другими правительствами империалистических стран. В связи с одним из таких предложений, относящимся к марту 1938 г., Черчилль пишет в своих мемуарах: «Я в то время настаивал на том, что только заключение франко-англо-русского союза даст надежду сдержать натиск нацистов». Однако знаменательно, что, когда Чемберлен сообщал в парламенте об отрицательной реакции кабинета на то или иное предложение, исходившее из Москвы, Черчилль не выступал с энергичной критикой английского правительства по этому вопросу. Так во всяком случае было до Мюнхена.

В 1938 г. на первом плане в международных отношениях стояла проблема Чехословакии. Германия требовала расчленения этой страны и отторжения ряда ее террито-

рий в свою пользу. Чемберлен готов был удовлетворить и эти притязания Германии. Черчилль же понимал, что выдача Чехословакии Гитлеру в огромной степени усилит Германию и в равной мере ослабит позиции Англии и ее союзников в Европе. Баланс сил будет резко изменен в ущерб Англии. 21 сентября Черчилль передал в печать заявление, в котором говорилось: «Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы. Такой крах не принесет мира или безопасности ни Англии, ни Франции. Наоборот, он поставит эти две страны в положение, которое будет становиться все слабее и опаснее. Одна лишь нейтрализация Чехословакии означает высвобождение 25 германских дивизий, которые будут угрожать Западному фронту. Кроме того, она откроет торжествующим нацистам путь к Черному морю. Речь идет об угрозе не только Чехословакии, но и свободе и демократии всех стран. Мнение, будто можно обеспечить безопасность, бросив малое государство на съедение волкам, — роковое заблуждение. Военный потенциал Германии будет возрастать в течение короткого времени гораздо быстрее, чем Франция и Англия смогут завершить мероприятия, необходимые для их обороны».

В это время Черчилль начал более активно говорить о необходимости достижения взаимопонимания с СССР с целью приостановить германскую экспансию. Чемберлен и его единомышленники в правительстве выступали противниками контактов с СССР, их политика состояла в том, чтобы договориться с Германией против СССР, а не с Советским Союзом против нацистской Германии. И хотя постепенно формулу Черчилля «Мы должны привлечь Россию» разделяло все больше и больше деятелей консервативной партии, это были все же единицы, и притом люди среднего калибра: лорд Сесиль, лорд Ллойд, сэр Эдвард Григ, сэр Роберт Хорн, Будби, Бракен и Лоу. Естественно, что такие скромные силы не могли добиться изменения линии Чемберлена. Поэтому, как замечает Черчилль, в Англии «советские предложения фактически игнорировались. Эти предложения не были использованы для давления на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом, так, будто бы Со-

ветской России вообще не существовало. Впоследствии мы дорого поплатились за это».

Советские государственные деятели еще в 1935 г., когда английский министр иностранных дел Антони Иден посетил Москву, заявили ему, что было бы опасно исходить из уверенности, что Германия обязательно направит свой удар против СССР, а Англия останется в стороне: «Пушки могут начать стрелять совсем в другом направлении». Это предупреждение, как и многие другие аналогичные предупреждения, исходившие от СССР, не встретило понимания на Западе.

28 сентября Чемберлен в палате общин выступил по внешнеполитическим вопросам. Он говорил уже около часу, когда ему подали записку, и, как вспоминает Гарольд Никольсон, неожиданно «его лицо, вся его фигура изменились... Казалось, он помолодел на десять лет». Чемберлен объявил, что Гитлер согласился отсрочить мобилизацию на 24 часа и встретиться с премьер-министрами Англии, Франции и Италии на конференции в Мюнхене. В ответ на это сообщение палата разразилась восторженной овацией. Лишь немногие не присоединились к ней. Иден вышел из зала заседаний. Черчилль же подошел пожать руку Чемберлену со словами: «Поздравляю с удачей. Вам очень повезло».

И вот в конце сентября 1938 г. Невиль Чемберлен и премьер-министр Франции Даладье явились к Гитлеру в Мюнхен, где при участии Муссолини заключили соглашение об отторжении от Чехословакии Судетской области и передаче ее Германии. Тем самым Чехословакия была резко ослаблена, и ее полное поглощение рейхом стало делом нескольких месяцев.

На следующий день, когда Чемберлен был уже в Мюнхене, в лондонском отеле «Савой» состоялся ланч, на котором присутствовали лидеры оппозиции Эттли и Синклер, а также несколько видных консерваторов — «заднескамеечников» — Черчилль, Иден, Ллойд и Роберт Сесиль. Черчилль убеждал их всех подписаться под телеграммой с требованием не допускать нарушения безопасности Чехословакии, которую он предлагал немедленно отправить Чемберлену. Но его собеседники один за другим заявили, что они не могут поставить свои подписи: Иден боялся, что с его стороны это будет выглядеть враждебным актом по отношению к премьер-министру, Эттли не мог ре-

шиться на такой ответственный шаг без консультации со своими коллегами по партии и т. д. Присутствовавшая на ланче дочь Асквита Вайолет Бонэм-Картер рассказывает, что, когда собравшиеся расставались, так ни на что и не решившись, «на глазах у Черчилля были слезы».

Вернувшись из Мюнхена в Англию, Чемберлен заявил: «Я верю, что это будет мир для нашего времени». Наивный человек! Он, вероятно, и не предполагал, что Гитлер с Муссолини во время этой же встречи в Мюнхене обсуждали перспективы войны против Англии. Позднее, 26 июня 1940 г., Муссолини писал Гитлеру: «Фюрер! Теперь, когда пришло время разделаться с Англией, я напоминаю вам о том, что я сказал вам в Мюнхене о прямом участии Италии в штурме острова. Я готов участвовать в нем сухопутными и воздушными силами, и вы знаете, как я этого желаю».

Черчилль понимал, насколько не в пользу Англии изменилось соотношение сил в Европе в результате Мюнхена. Он совершенно справедливо расценил Мюнхенское соглашение как поражение Англии и Франции. Но, осудив это соглашение в палате общин, он в то же время попытался оправдать его организатора — Невиля Чемберлена. «Никто, — сказал Черчилль, — не был более решительным и упорным борцом за мир, чем премьер-министр. Это известно всем. Человечество не знало такой твердой и неустрашимой решимости обеспечить и сохранить мир».

Далее Черчилль, не смущаясь явным противоречием, убедительно показал, что Мюнхенское соглашение ничего общего с делом обеспечения мира не имело и что оно поставило Англию в зависимое от Германии положение. «Мы без войны потерпели поражение, — сказал Черчилль, — последствия которого будем испытывать очень долго. Мы пережили ужасный этап нашей истории, когда было нарушено равновесие Европы... Для меня невыносимо сознание, что наша страна входит в орбиту нацистской Германии, попадает под ее власть и влияние и что наше существование отныне станет зависеть от ее доброй воли или прихоти». Он закончил свою речь грозным предупреждением: «Не думайте, что это конец. Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение той горькой чаши, которую нам будут подносить год за годом».

Действительно, после Мюнхена Гитлер начал разговаривать с Англией в весьма вызывающем тоне. Он заявил, например, что его не устраивал бы приход к власти Черчилля или некоторых других английских политических деятелей. «Было бы хорошо, — заявил Гитлер, — если бы люди в Англии постепенно отказались от некоторых манер, которые они унаследовали от эпохи Версаля. Мы не можем далее терпеть опеки гувернанток».

Черчилль и его немногочисленные единомышленники осудили Мюнхен, но они не использовали открывшихся в связи с Мюнхенским соглашением возможностей для борьбы против правительства Чемберлена с целью изменения его состава и политики. Черчилль становился все более и более осторожным и старался не раздражать руководство консервативной партии. Он знал, что без согласия людей, руководивших партией, ему не получить министерского портфеля. Парламент 366 голосами против 114 одобрил Мюнхенское соглашение. Против голосовала лейбористская оппозиция, 30 или 40 консерваторов, несогласных с правительством в оценке Мюнхена, и в их числе Черчилль, воздержались при голосовании.

В конце 1938 г. и в первые два с половиной месяца 1939 г. английское правительство спешило пожать плоды Мюнхена и старалось наладить широкое, всеобъемлющее политическое и экономическое сотрудничество с Германией. 31 октября посол Германии в Англии сообщает в Берлин, что «Чемберлен питает полное доверие к фюреру», что, по мнению Чемберлена, Мюнхен «создал основу для перестройки англо-германских отношений. Сближение между обеими странами на длительное время рассматривается Чемберленом и английским кабинетом как одна из главных целей английской внешней политики». Английские собеседники германского посла сулили за соглашение между Германией и Англией большую цену: и возврат отнятых у Германии после первой мировой войны колоний, и финансовую помощь, и союз против Советской России. Последний пункт немецкий посол Дирксен формулировал следующим образом: английская сторона считает, что «после дальнейшего сближения четырех великих европейских держав можно подумать о принятии на себя этими державами определенных обязанностей по обороне или даже гарантий против Советской России...». Это убедительное свидетельство того, что готовившееся

английскими правящими кругами англо-германское политическое соглашение, а также «пакт четырех», о котором много говорили те же круги, были направлены прежде всего против Советского Союза.

Английское правительство начиная с 1933 г. вынашивало идею заключения пакта между Англией, Францией, Германией и Италией — «пакта четырех», который урегулировал бы противоречия между этими странами и установил бы их совместный директорат для управления европейскими делами. Эта идея таила серьезнейшую угрозу для СССР. Подписанный в 1933 г. «пакт четырех» не был ратифицирован. После Мюнхена, где «сотрудничали» все участники пакта, в Лондоне не сочли возможным и необходимым оживить старую идею, тем более что переговоры в Мюнхене между Гитлером и Чемберленом возбудили у последнего еще более радужную надежду — организовать «пакт четырех» таким образом, чтобы он служил прикрытием «пакта двух» — Англии и Германии, которые по замыслу Чемберлена должны были руководить европейскими делами. Полпред СССР в Лондоне Майский в письме наркому иностранных дел Литвинову от 25 ноября 1938 г. сообщал по этому поводу следующее: «При первой же подходящей оказии он (Невиль Чемберлен. — *В. Т.*) постарается возобновить свой флирт с Германией и свою попытку создания «пакта четырех». Впрочем, после Мюнхена становится все яснее, что основная цель Чемберлена не подлинный «пакт четырех», а «пакт двух» (Англия и Германия), лишь формально облеченный в костюм «пакта четырех». Франция и Италия в соответствии с «философией» Чемберлена должны отныне играть лишь роль «младших партнеров» при Великобритании и Германии».

Ставшие известными в настоящее время документы и материалы, относящиеся к зиме 1938/39 г., убедительно свидетельствуют о том, что, во-первых, Советское правительство располагало вполне достаточной и надежной информацией относительно действий западных держав и, во-вторых, делало на основании имевшихся данных верные прогнозы дальнейшего развития международных отношений и политики отдельных стран. Через три десятилетия американский профессор Адам Улам написал в книге, посвященной внешней политике СССР: «Советская дипломатия между октябрем (1938 г.) и мартом (1939 г.)

обнаружила великолепное хладнокровие и силу нервов».

В Отчетном докладе Центрального Комитета XVIII съезду ВКП(б) содержалось серьезное предупреждение мюнхенским политикам из Лондона и Парижа о том, что Советский Союз не намерен быть пешкой в их игре судьбами народов. «В политике невмешательства, — говорилось в докладе, — сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии, впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево и мило!» «Большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, — подчеркивалось в докладе ЦК, — может окончиться для них серьезным провалом».

Однако «умиротворители» не желали внять предупреждениям Советского Союза (а эти предупреждения, как свидетельствуют документы, делались и по дипломатическим линиям).

Существовала ли в то время объективная возможность для заключения союза с СССР против германской агрессии? Безусловно, существовала. Во-первых, Советский Союз неоднократно демонстрировал свою искреннюю готовность принять участие в системе коллективной безопасности, которая могла бы остановить надвигавшуюся войну, и, во-вторых, для СССР, Англии и Франции существовала общая угроза со стороны Германии и, следовательно, общая заинтересованность парировать эту угрозу. Казалось бы, что в такой ситуации у Англии и Франции был только один разумный образ действий — вместе с СССР создать единый фронт против агрессии. Но на этот путь правительства западных держав не вступили.

А между тем широкие круги общественности в Англии и Франции все больше и больше начинали понимать простую истину, заключавшуюся в том, что спасение для их стран состоит в союзе с СССР. После кратко-

временных восторгов по поводу того, что Чемберлен привез из Мюнхена «длительный и устойчивый мир», быстро наступило отрезвление. Многим стало совершенно ясно, что Мюнхен лишь приблизил войну с Германией. Поэтому, как замечает Черчилль, в Англии «возникло сильное движение за энергичное перевооружение... Кабинет пришел к приемлемому компромиссу, решив вести всю возможную подготовку, не нарушая торговли страны и не раздражая немцев и итальянцев мерами широких масштабов».

Правительства Англии и Франции, испытывавшие давление со стороны общественного мнения, начали несложные дипломатические маневры — официальные лица в Лондоне и Париже вдруг стали частыми гостями в советских посольствах, и их посещения получали широкое освещение в печати. Однако подобные маневры никого не ввели в заблуждение в Москве. М. М. Литвинов в этой связи писал полпреду СССР в Англии Майскому: «Я полагаю, что у Вас нет никаких иллюзий насчет англо-советских отношений и что Вы не преувеличиваете значение положительного отношения к Вашим приглашениям на завтраки членов правительства. Часто бывает, что существенное скрытое ухудшение отношений пытаются компенсировать мелкими открытыми манифестациями корректности, что имеет место и в данном случае». 19 февраля 1939 г. в записи беседы с английским послом нарком отмечал: «Я указал послу, что пока я не вижу никаких признаков какого-либо изменения курса, обозначившегося в Мюнхене... Мы имеем дело только с жестами и тактическими маневрами, — резюмировал Литвинов, — а не с действительным стремлением Чемберлена к сотрудничеству с нами». Таким образом, Советское правительство прекрасно видело двойную игру «мюнхенцев».

В те дни еще можно было исправить положение, но в Лондоне продолжали азартную игру, где ставкой являлись судьбы стран и народов. А между тем 15 марта 1939 г. германские войска вступили в Прагу. Чехословацкое государство было ликвидировано, и все это Германия осуществила без какого-либо согласования с Англией, вопреки достигнутой в Мюнхене договоренности о совместном решении подобных вопросов. Мюнхенская политика официально потерпела крах.

Интересно в этом смысле письмо французского посла в Германии Кулондра своему министру иностранных дел от 19 марта 1939 г. После конференции в Мюнхене, пишет посол, «Франция и Англия были вправе ожидать, что в случае возникновения новых осложнений в Центральной Европе рейх будет консультироваться с ними... Франция и Англия не могли также полагать, что руководители рейха отнесутся к Мюнхенским соглашениям и к последовавшим за ними декларациям как к пустым бумажкам... Но в действительности так произошло. Мюнхенские соглашения больше не существуют». Мир убедился не только в том, что слову Гитлера верить нельзя, но и что Чемберлен позволил надуть себя самым примитивным образом. Стало ясно, что именно из-за близорукости и наивности английского премьера «страшная чаша весов, — как заметил Черчилль, — склонилась в пользу Гитлера».

В апреле 1939 г. воодушевленная примером Гитлера и подбодренная попустительством английского правительства Италия захватила Албанию. В этой связи Черчилль 13 апреля выступил в палате общин с весьма знаменательным заявлением. Он сказал: «На основании 25-летнего опыта мирного и военного времени я считаю, что английская служба разведки лучшая в мире, и тем не менее мы видели, что как при порабощении Чехословакии, так и при оккупации Албании министры короля явно не имели ни малейшего представления о том, что происходит... Не могу поверить, что в этом виновата английская разведка... Мне кажется, что министры идут на самый страшный риск, если они допускают, чтобы сведения, собранные и посланные им разведкой (я уверен, что своевременно), просеивались и приобретали определенную окраску, чтобы их важность и возможные последствия преуменьшались».

Вторая мировая война приближалась. Было ясно, что, когда она разразится, в состав английского правительства рано или поздно будут включены энергичные люди, способные руководить ведением войны против Германии. Объективное развитие событий с каждым днем повышало шансы Черчилля на участие в правительстве, на его приход к власти. Чемберлен в то время записывал в своем дневнике: «Шансы Черчилля на включение в состав правительства улучшаются, по мере того как война становится более вероятной, и наоборот». Даже весной и летом

1939 г. Чемберлен, несмотря на все его провалы, надеялся, что войны между Англией и Германией не будет, что ему удастся договориться с Гитлером. А раз так, то Черчилль в правительстве был не только не нужен, но и вреден, ибо включение его в состав правительства Гитлер рассматривал бы как недружелюбный в отношении Германии акт.

Черчилля это явно не устраивало: он не хотел ждать развития событий. В марте 1939 г. он пришел к выводу, что может попасть в число министров, если действующее правительство, официально именующее себя национальным, будет расширено. Вместе с Иденом и тридцатью другими консерваторами Черчилль поставил вопрос о создании расширенного национального правительства. Некоторые газеты высказались в том же духе. Но у Чемберлена были другие планы, и очередной рывок Черчилля к власти не достиг цели. Как замечает Эмрис Хьюз, «консерваторы были вполне готовы позволить ему продолжать играть роль рычащего английского бульдога, но они считали, что место такого бульдога не в столовой, а в конуре, на дворе». Когда в марте 1939 г. был проведен общественный опрос, кто был бы наилучшей кандидатурой на пост премьер-министра в случае отставки Чемберлена, 38% его участников назвали Идена, и лишь 7% голосов (столько же, сколько получил Галифакс) собрал Черчилль.

А между тем политика Чемберлена все больше лишалась поддержки английского общественного мнения. Одновременно происходил и другой процесс. Английский народ все яснее понимал, что предотвратить новую войну нельзя без союза с СССР. Эти настроения пробивали себе путь и в правящие круги страны. «Поскольку мы сами поставили себя в это ужасное положение в 1939 г., — пишет Черчилль, — было жизненно важно опереться на более широкую надежду». Такой надеждой был Советский Союз, но правительство Чемберлена ее игнорировало.

Если политический курс проваливается и это очевидно для всех, то надлежит изменить его, занять более рациональную и реальную позицию. Известно, однако, что и после 15 марта 1939 г. на протяжении оставшихся до войны пяти с половиной месяцев правительство Англии осуществляло политику соглашения с агрессивными державами. Эта соглашательская политика маскировалась

широкой системой дипломатических маневров, среди которых первое место принадлежит переговорам Англии и Франции с Советским Союзом летом 1939 г.

Некоторые полагают, что переговоры между СССР, Англией и Францией о союзе с целью обуздания дальнейшей германской агрессии в Европе начались 18 марта 1939 г. и что инициатива этих переговоров принадлежала англичанам и французам. Вероятно, было бы правильным считать, что переговоры с упомянутой целью начались месяцем позже и что инициатива их принадлежит Советскому Союзу. Если вдуматься в смысл дипломатической переписки и переговоров между представителями трех держав в период с 18 марта по 17 апреля, то нельзя не прийти к выводу, что на протяжении этого месяца шли не переговоры о союзе, а предпринимались попытки правительствами Англии и Франции спровоцировать СССР на такие дипломатические меры против Германии, которые вызвали бы дальнейшее ухудшение советско-германских отношений и побудили бы Гитлера оставить планы нанесения первого удара на Западе и предпринять вместо него военное нападение на Советский Союз.

На языке документов факты выглядят следующим образом. В связи с усилившимся нажимом Германии на Румынию (у которой вымогались важные экономические и политические уступки) англичане запросили у Советского Союза 18 марта одновременно через советского полпреда в Лондоне и наркома иностранных дел в Москве, «может ли и Румыния рассчитывать на помощь СССР в случае германской агрессии и в какой форме, в каких размерах». М. М. Литвинов ответил, что Советское правительство «тоже может чувствовать потребность, прежде чем ответить на запрос Сидса (английский посол в СССР. — *В. Т.*) знать позицию других государств, в частности Англии». Нарком выразил удивление, что помощью Советского Союза «интересуется Англия, а не Румыния», которая, как он заметил, «к нам не обращалась и, может быть, даже не желает ее». Однако Советское правительство, стремившееся не упустить ни одной возможности для переговоров с западными державами о совместном сопротивлении агрессии, решило использовать обращение англичан для внесения важного предложения о неотложных мерах по предотвращению агрессии.

В тот же день поздно вечером М. М. Литвинов вызвал Сидса и передал ему советское предложение «немедленно созвать совещание из представителей СССР, Англии, Франции, Польши и Румынии». Нарком объяснил послу, что «из вопросов одного правительства другому о позиции каждого ничего не выйдет, а поэтому необходима общая консультация». Американский профессор Флеминг впоследствии так расценил советскую акцию: «Это было то, в чем ощущалась неотложная необходимость». Но это было не то, чего хотели английские деятели. Уже на следующий день министр иностранных дел Англии Галифакс сообщил советскому полпреду, что «он уже консультировался с премьером по вопросу о предлагаемой Вами (советским полпредом. — *В. Т.*) конференции, и они пришли к выводу, что такой акт был бы преждевременным». Тем самым конкретное, деловое советское предложение о борьбе с агрессией было отклонено английской стороной.

21 марта Сидс вручил М. М. Литвинову проект декларации СССР, Англии, Франции и Польши о том, что эти страны обязываются совещаться о шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления агрессии. Сидс заявил, что «декларация составлена в таких необязывающих выражениях и так лаконично, что вряд ли могут быть серьезные возражения». Такой характер документа меньше всего импонировал Советскому правительству. Однако, следуя принципу «лучше что-либо, чем ничего», правительство СССР на следующий же день уведомило правительство Великобритании, что принимает его предложение. Но английская сторона вначале затянула ответ, а затем сообщила, что вопрос о декларации следует считать отпавшим.

На первый взгляд английская позиция выглядит непонятной. Однако в ней была своя логика. С каждым днем в Англии и во Франции (в несколько меньшей степени) нарастали требования народных масс объединиться с СССР для отпора агрессии. Полпреды СССР доносили в НКИД об этих требованиях. Чтобы успокоить народные массы, Чемберлен устанавливал контакты с Советским правительством, а когда его демарши давали результат, тут же брал свои предложения обратно, ибо не искал союза с СССР против агрессора, а думал о сговоре с ним против СССР. Что касается французского правительства, то оно пока активности не проявляло. М. М. Литвинов

писал советскому полпреду во Франции Я. З. Сурицу: «Франция, поскольку дело нас касается, как будто совершенно стушевалась, предоставив даже разговоры с нами одной Англии». А Англия вела переговоры лишь для видимости, и Советское правительство это прекрасно понимало. «В самом деле, — писал М. М. Литвинов Я. З. Сурицу 11 апреля, — в разговорах с нами англичан и французов после истории о совместной декларации не содержалось даже намека на какое-либое конкретное предложение или о каком-либо соглашении с нами. Если расшифровать эти разговоры, то выясняется лишь желание Англии и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие-то обязывающие нас обещания... Но почему мы должны принимать на себя такие односторонние обязательства?» Таким образом, Советское правительство с самого начала видело всю недобросовестность позиции западных держав. Занятая ими позиция заранее обрекала любые переговоры с СССР на провал.

15 апреля английское правительство обратилось к Советскому правительству с вопросом, не согласится ли оно сделать заявление о том, что в случае агрессии против какого-либо его европейского соседа Советский Союз окажет ему помощь, если она будет желательна. Предложение по сути дела носило провокационный характер. Его авторы предлагали СССР заявить, что при определенных обстоятельствах он будет воевать против Германии, но сами не обещали ему никакой поддержки. Это было не чем иным, как попыткой втяпуть Советский Союз в войну с Германией один на один. Даже Сидс понимал несуразность предложения своего правительства. После его вручения, «поразмыслив день», он сообщил своему министру иностранных дел: предложение создает впечатление, что «мы не имеем серьезных намерений, а Советский Союз, понятно, опасается, что ему придется таскать каштаны из огня».

Если английское правительство не имело серьезных намерений организовать фронт сопротивления агрессии, то у Советского правительства, напротив, такие намерения были. Поэтому оно использовало английское предложение для того, чтобы вручить 17 апреля 1939 г. правительствам Англии и Франции свои предложения, преду-

сматривавшие обязательство трех держав оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая и военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. Внесение Советским правительством этих предложений и положило начало трехсторонним переговорам о заключении военного оборонительного союза между СССР, Англией и Францией против агрессии в Европе.

Это был искренний конструктивный шаг со стороны правительства СССР. Оно знало, что в Лондоне и Париже весной 1939 г. лишь в тактических целях предпринимают некоторые внешнеполитические шаги, якобы означающие перемену политического курса, а в действительности намерены добиваться нового сговора с Гитлером, т. е. проводить мюнхенскую линию в новых условиях. На что же в таком случае рассчитывало Советское правительство, предлагая английскому и французскому правительствам союз против агрессии? Оно, во-первых, полагало, что общественное мнение западных стран будет усиливать нажим на свои правительства в пользу сотрудничества с СССР, во-вторых, учитывало действие межимпериалистических противоречий, препятствовавших соглашению между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой, и, наконец, в-третьих, считало, что необходимо использовать все, даже самые малейшие, возможности, чтобы попытаться создать единый фронт государств и народов против угрозы фашизма и войны. Это была правильпая политика, и если усилия Советского правительства в тот момент пе увенчались успехом, то только потому, что поддержка их общественным мнением стран Запада, т. е. силами, выступавшими против угрозы войны, оказалась недостаточно мощной. Флеминг так расценивает предложение СССР от 17 апреля: «Это было абсолютно реалистическое предложение: никакими другими мирными средствами невозможно было остановить Германию или обеспечить выигрыш в войне, если бы Гитлер стал упорствовать». «Если бы, например, по получении русского предложения, — пишет Черчилль, — Чемберлен ответил: «Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею» — или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил... и история могла бы пойти по иному пути».

В это время Черчилль уже выступает ка: энергичный

поборник достижения договоренности с Советским Союзом, заявляя: «Теперь нет вопроса о правом или левом; есть вопрос о правом и виноватом». 4 мая 1939 г. он утверждает: «Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без содействия со стороны России. Самое главное — нельзя терять времени».

Внешнеполитическая и внутриполитическая обстановка в Англии и Франции весной 1939 г. сложилась таким образом, что правительства этих стран оказались вынужденными согласиться вести переговоры по выдвинутым Советским правительством предложениям. Но вели переговоры они неохотно, без намерения привести их к успешному концу. Чемберлен сознательно затягивал переговоры. Ему нужно было время, чтобы договориться с Германией. Вопрос о переговорах с СССР время от времени поднимался в английском парламенте. Черчилль, а вместе с ним Иден и Ллойд Джордж ратовали за немедленное заключение союза с СССР. В ходе дебатов Черчилль говорил: «Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией... в широкой и простой форме, предложенной русским Советским правительством? Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Что плохого в этом простом предложении? Почему, — спрашивал Черчилль, — вы не хотите стать союзниками России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну!.. Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ней по мере возможности...»

Черчилль в своем стремлении добиться союза с СССР продвинулся настолько далеко, что требовал уважительного отношения к Советскому Союзу. «Ясно, — говорил он, — что Россия не пойдет на заключение соглашения, если к ней не будут относиться как к равной... Если правительство его величества, — продолжал Черчилль, — пренебрегавшее так долго нашей обороной, отрекшись от Чехословакии со всей ее военной мощью, обязав нас, не ознакомившись с технической стороной вопроса, защитить Польшу и Румынию, отклонит и отбросит необходимую помощь России и таким образом вовлечет нас наихудшим путем в наихудшую из всех войн, оно плохо оправдает доверие... его соотечественников».

Эти выступления Черчилля свидетельствуют, что в острые исторические моменты он, несмотря на сильные антисоветские предубеждения, был в состоянии подниматься до весьма разумных и глубоких суждений. В этом сказывались качества Черчилля как крупного государственного деятеля. Если бы английское правительство прислушалось к его голосу, Германия в сентябре 1939 г. не имела бы возможности развязать вторую мировую войну.

По существующей в Англии традиции в последний день 1969 г. в государственном архиве были открыты для широкой публики документы тридцатилетней давности. Печать в начале января 1970 г. сообщала, что эти документы полностью подтверждают оценку советской историографией событий, происходивших в 1939 г. Вместе с тем документы английского кабинета знакомят нас с интересными деталями. Так, стало известно, что на переговорах с СССР в правительстве настаивал министр здравоохранения Эллиот. Министр иностранных дел Галифакс и сам премьер-министр были категорически против реального соглашения с Советским Союзом. Галифакс, например, в марте 1939 г. докладывал правительству, что, «если надо выбирать между Польшей и Советской Россией, совершенно ясно, что Польша представляет больше ценности». Чемберлен в то же время заявлял, что «ощущает серьезное недоверие к России и не уверен, что нам следует получать активную и постоянную помощь от этой страны». Поэтому уже 21 апреля 1939 г. Галифакс заявил польскому послу Рачиньскому, что «советское предложение, хотя оно и серьезно, идет далее того, на что готово пойти британское правительство».

В то же время искренность Советского правительства и серьезность его намерений не вызывали сомнений у аккредитованных в Москве дипломатов. Временный поверенный в делах США в СССР телеграфировал государственному секретарю 22 апреля: «Британское посольство в Москве заявляет, что переговоры с Литвиновым проходят удовлетворительно и что Советский Союз занял позицию исключительно широкого сотрудничества с Францией и Англией». Но предложения СССР отклоняются этими двумя странами. Временный поверенный в делах Германии в Англии доносил 28 апреля своему МИДу, что, как стало известно из надежного источника, ответ британского правительства на советские предложения будет «равно-

значен отказу, хотя он облечен в форму замечаний к контрпредложениям Советской России». 8 мая английское правительство вместо соглашения трех стран о взаимной помощи предложило Советскому правительству принять одностороннюю декларацию о том, что в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия Советский Союз считал бы себя обязанным немедленно оказать им содействие. И ни слова о том, на что СССР может рассчитывать со стороны Англии и Франции. «Как видите, — телеграфировал полпреду СССР во Франции нарком иностранных дел В. М. Молотов, сменивший на этом посту М. М. Литвинова, — англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь».

Через неделю Советское правительство уведомило своих партнеров по переговорам, что, внимательно рассмотрев их предложения, оно пришло к заключению, что эти предложения «не могут послужить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе», ибо «не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров». Одновременно Советское правительство выдвинуло предложения, в случае реализации которых был бы создан действительный барьер против агрессии. Но представители Англии и Франции снова уклонились от того, чтобы сделать реальные шаги в направлении достижения договоренности с Советским Союзом.

Позиция западных держав не была секретом ни для их союзников, ни для Германии. Интересно в этом отношении письмо польского посла в Англии министру иностранных дел Польши от 19 мая. Посол рассказывает о группах деятелей в различных английских политических партиях, по мнению которых «Галифакс и премьер Чемберлен, первый скорее по идеологическим соображениям, второй же — чтобы полностью не закрыть себе пути к политике «умиротворения», сознательно и с умыслом затягивают переговоры с Москвой».

Советское правительство отдавало себе отчет в том, что его партнеры ведут нечестную игру. В. М. Молотов

дал понять это в беседе с дипломатическими представителями Англии и Франции в Москве 27 мая. «Отвечая Сидсу и Пайяру, — гласит запись беседы, — т. Молотов начал с заявления, что, ознакомившись с англо-французским проектом, он вынес отрицательное заключение об этом документе. Англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР. Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем. Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советскому правительству эти цели неизвестны. Оно заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действенной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе. Участвовать только в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает, Советское правительство не намерено. Такие разговоры английское и французское правительства могут вести с более подходящими, чем СССР, партнерами». Сейчас, в свете опубликованных секретных документов, совершенно ясно, что такой твердый тон в разговоре с дипломатами, ведшими двойную игру, был вполне оправдан.

Документы английского правительства рассказывают о том, как обсуждался в Лондопе вопрос о посылке в Москву специального представителя для ведения переговоров. Известно, что Чемберлен лично трижды ходил на поклон к Гитлеру, чтобы достичь Мюнхенского соглашения. В СССР же для ведепия переговоров о создании союза, призванного спасти мир в Европе, английское правительство послало рядового чиновника министерства иностранных дел Стрэнга. В Москве готовы были принять Галифакса, но он отказался поехать. Если бы английское правительство серьезно относилось к переговорам, оно как минимум поручило бы их ведение министру иностранных дел. Ведь с советской стороны переговоры вел нарком иностранных дел — Председатель Совета Народных Комиссаров. Когда в английском правительстве обсуждался этот вопрос в июле 1939 г. и шла речь о посылке в Москву министра, Чемберлен заявил, что «это

было бы весьма затруднительно, вызвало бы серьезную задержку и было бы унизительным для нас».

Благодаря твердости и настойчивости Советского правительства удалось договориться по ряду спорных вопросов. Однако в июле представители западных держав поставили (уже в который раз!) переговоры на грань срыва, не желая принять советскую формулировку о «косвенной агрессии». Смысл такого упорства был ясен: они хотели оставить лазейку для агрессора.

Предметом серьезных расхождений стал также вопрос о военном соглашении, которое, по мнению Советского правительства, должно было стать неотъемлемой частью политического договора. Правительства же Англии и Франции, уклонявшиеся от принятия на себя конкретных обязательств, пытались отложить вопрос о военном соглашении на неопределенное будущее. На этом этапе В. М. Молотов в телеграмме полпредам СССР в Англии и Франции следующим образом расценивал положение. «Остается, — писал он, — разногласие о формулировке, определяющей понятие «косвенная агрессия», так как в этом вопросе наши партнеры прибегают к всевозможным жульничествам и недостойным увертκам. Мы настаиваем также на том, что военная часть есть неотъемлемая составная часть военно-политического договора, каким является проект обсуждаемого договора, и категорически отклоняем англо-французское предложение о том, чтобы прежде договориться о «политической» части договора и только после этого перейти к военному соглашению. Это мошенническое англо-французское предложение разрывает единый договор на два договора и противоречит нашему основному предложению об одновременности заключения всего договора, включая и его военную часть, которая является самой важной и самой политической частью договора. Вам понятно, что без совершенно конкретного военного соглашения, как составной части всего договора, договор превратился бы в пустую декларацию, на которую мы не пойдем. Только жулики и мошенники, какими проявляют себя все это время господа переговорщики с англо-французской стороны, могут, прикидываясь, делать вид, что будто бы наше требование одновременности заключения политического и военного соглашений является в переговорах чем-то новым, а в прессе пустили даже утку, что мы требуем будто бы военного соглашения

предварительно, т. е. до заключения политического соглашения. Непонятно только, на что они рассчитывают, когда пускаются в переговорах на такие неумные проделки. Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя».

Справедливость этой оценки подтверждается донесением Стрэнга английскому правительству от 20 июля. «Их (советских представителей. — *В. Т.*) неверие и подозрения в отношении нас в ходе переговоров не уменьшились, — писал Стрэнг, — так же как и их уважение к нам не возросло. Тот факт, что мы создавали трудность за трудностью в вопросах, не казавшихся им существенными, породил впечатление, что мы не стремимся сколько нибудь серьезно к соглашению». И действительно, западные державы не стремились к соглашению с СССР. Они вынуждены были пойти на переговоры под давлением общественного мнения своих стран. А затем пытались вынужденные переговоры использовать для давления на Германию, чтобы побудить ее пойти на всеобъемлющее соглашение. Речь шла, следовательно, о новом Мюнхене, на этот раз уже чуть ли не глобального характера.

Историки располагают большим количеством документов и материалов, рассказывающих о том, что параллельно с переговорами в Москве английское правительство в глубочайшей тайне вело переговоры в Лондоне с представителями Германии. Еще в марте 1939 г. М. М. Литвинов, учитывая характер британской внешней политики, предвидел возможность таких переговоров. Он полагал, что английское правительство использует контакты с СССР как «усиление акции по натравливанию Гитлера на восток: иди, мол, на восток, или же мы с ним сойдемся против тебя». Выше уже отмечалось, что английское правительство в первые месяцы после Мюнхенской конференции пыталось начать переговоры с нацистами, но последние предпочитали выслушивать своих собеседников и помалкивать. Летом 1939 г. английское правительство более настойчиво ставило перед германским правительством вопрос о переговорах. Гитлеру предлагали тщательно разработанную программу таких переговоров и соблазняли его обещаниями крупных уступок. В мае посол Польши в Англии писал своему министру иностранных дел: Чемберлен, несомненно, избегает всего, что «лишало бы его возможности вновь вернуться

к переговорам с Берлином и, возможно, с Римом». По мнению посла, недавнее выступление Чемберлена «является очередным, не знаю, которым уже по счету, предложением, обращенным к Германии, прийти к соглашению. В то же время в этом выступлении нашло также отражение его давнишнее отрицательное отношение к заключению формального союза с Советами».

В пользу нового Мюнхена упорно трудился английский посол в Берлине Гендерсон. Записывая беседу с ним от 13 июня, статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вайцзекер отмечал, что Гендерсон, «явно имея поручение, говорил о готовности Лондона к переговорам с Берлином», что он «критически высказывался об английской политике в Москве» и «не придает никакого значения пакту с Россией». Через две недели собеседники встретились вновь. И опять Гендерсон занялся поисками «исходных моментов для новых англо-германских переговоров». Английский представитель готов был обещать прекращение Англией переговоров в Москве, если бы немцы посулили взамен начать официальные переговоры с английским правительством. «Как и 14 дней назад, — записывает Вайцзекер, — посол снова спросил, не послужило ли бы окончание переговоров Англии с Москвой стимулом для начала англо-германских переговоров... По его словам, было бы абсолютно неверно полагать, что Чемберлен ушел с тропы мира». Под «тропой мира» следует понимать тропу «умиротворения» агрессоров. Действительно, английское правительство, как свидетельствуют его заигрывания с нацистами, не сошло с гибельного мюнхенского пути даже в критические месяцы лета 1939 г.

Естественно, что двойная игра английской дипломатии мешала успеху московских переговоров, она же привела к безрезультатности начавшиеся в августе 1939 г. переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции.

В июле западные державы обсуждали вопрос о срыве переговоров с СССР. Такая акция представлялась им желательной, во-первых, потому, что Советское правительство использовало переговоры для разоблачения лицемерной позиции своих партнеров, что создавало для них внутриполитические сложности, и, во-вторых, это был дополнительный жест, демонстрирующий их готовность добиваться соглашения с Германией. Сидс 12 июля телегра-

фировал Галифаксу, что для срыва переговоров лучше воспользоваться вопросом о «косвенной агрессии», чем вопросом о военном соглашении.

Однако срыв переговоров сочли все же опасным. Стрэнг предупреждал, что это «может вынудить Советский Союз стать на путь... компромисса с Германией». Вопрос о «косвенной агрессии» повис в воздухе, а советское предложение начать переговоры военных миссий двух сторон было принято — принято для того, чтобы таким образом без конца тянуть переговоры, что в тех условиях было равносильно их срыву. Как показывают открытые в конце декабря 1969 г. документы английского кабинета, Галифакс по этому поводу говорил своим коллегам по кабинету: «Военные переговоры будут тянуться бесконечно, тем самым мы выиграем время и наилучшим образом выйдем из трудного положения, в которое попали».

Военные миссии Англии и Франции прибыли в Москву с нарочитой задержкой, без полномочий что-либо решать и подписывать (у английских военных вообще не оказалось никаких полномочий). У них было лишь два четких указания: а) по возможности тянуть переговоры и б) постараться в ходе переговоров получить исчерпывающие данные о состоянии советских вооруженных сил. Германский посол в Лондоне телеграфировал 1 августа своему МИД: «Военный, военно-воздушный и военно-морской атташе единодушно отмечают поразительный скепсис английских военных в отношении предстоящих переговоров с представителями советских вооруженных сил. Нельзя отделаться от впечатления, что с английской стороны переговоры ведутся, главным образом, с той целью, чтобы получить наконец представление о действительной боевой мощи советских вооруженных сил». Полпред СССР во Франции 3 августа докладывал НКИД на основании бесед с ответственными французскими деятелями, что французская «миссия выезжает в Москву без разработанного плана. Это тревожит и подрывает доверие к солидности переговоров... Причины всего этого кроются в том, что здесь и в Лондоне далеко еще не оставлены надежды договориться с Берлином и что на соглашение с СССР смотрят не как на средство «сломать Германию», а как на средство добиться лишь лучших позиций при будущих переговорах с Германией». Вскоре полпред со-

общил, что глава французской миссии генерал Думенк «остался не особенно доволен характером напутствования, которое ему перед отъездом дали на Кэ д'Орсэ: «Никакой ясности и определенности». «Отделывались общими и шаблонными фразами и замечаниями». Создается впечатление, что руководство военными переговорами, как и политическими, будет в руках англичан». Действительно, так оно и случилось. Англичане играли первую скрипку, что объяснялось зависимостью Франции от английской политики в те годы.

Переговоры военных миссий начались со взаимной информации о состоянии вооруженных сил трех держав и их стратегических планах в части, касающейся Европы. Советская делегация развернула точную и впечатляющую картину состояния Красной Армии и ее возможного вклада в борьбу против агрессии в Европе. Как доносил Думенк в Париж 17 августа, «заявления советской делегации носили точный характер и содержали многочисленные цифровые данные... Одним словом, мы констатируем ярко выраженное намерение (СССР. — *В. Т.*) не оставаться в стороне, а, как раз наоборот, действовать серьезно». Французский генерал был прав. СССР намеревался действовать серьезно в союзе с Англией и Францией по предотвращению войны в Европе. Но не все зависело от советской стороны. В ходе переговоров имелось в виду, что Советский Союз будет обязан оказать своими вооруженными силами помощь Англии, Франции и их союзникам — Польше и Румынии в случае нападения Германии на эти страны. Но, как известно, у СССР не было общей границы с Германией, и он мог использовать Красную Армию, лишь действуя через территорию Польши и Румынии. Это — самоочевидное положение, и, не учитывая его, нельзя было вести никаких переговоров о взаимной помощи трех держав. Без согласия Польши на пропуск Красной Армии через ее территорию и военные и политические соглашения о совместных действиях против агрессора повисли бы в воздухе. В равной степени как мог Советский Союз помочь Румынии в случае германского нападения на нее, если Красная Армия не имела возможности использовать румынскую территорию для того, чтобы ввести свои части в соприкосновение с противником? На вопрос главы советской военной делегации К. Е. Ворошилова, есть ли у Англии и Франции соответ-

ствующая договоренность с Польшей и Румынией, английская и французская делегации ответили отрицательно. Тогда советская сторона предложила, чтобы такое согласие было получено правительствами Англии и Франции, если они хотят заключить с СССР военное соглашение.

Это была совершенно закономерная и единственно возможная постановка вопроса. Между прочим, не только французские военные, но и английский посол в Москве считали ее таковой. Сидс телеграфировал Галифаксу: «Русские подняли теперь основной вопрос, от решения которого зависит успех или неудача военных переговоров». Поскольку мы взяли на себя обязательства в отношении Польши и Румынии, писал посол, советская делегация «имеет основания возложить на Великобританию и Францию обязанность обратиться к этим странам». Французский посол в Москве также считал: «То, что предлагает русское правительство для осуществления обязательств политического договора, по мнению генерала Думенка, соответствует интересам нашей безопасности и безопасности самой Польши». Едва ли, писал Пайяр, можно что-либо противопоставить советской позиции, которая «подводит нас к самой сущности вопроса». «Главное на данном этапе, — заключал он, — состоит в том, чтобы продвинуть вперед военные переговоры с СССР и не идти на разрыв, причиной которого явился бы наш отказ от обсуждения по существу тех определенных проблем, которые возникают в связи с вопросом о русской поддержке на Востоке».

Однако правительства западных держав, и прежде всего английское, не приняли необходимых мер, чтобы решить вопросы, вставшие в ходе военных переговоров. Да в Лондоне и не хотели их решать, поскольку не желали, чтобы московские переговоры дали положительные результаты. Обнародованные через 30 лет документы свидетельствуют, что когда глава английской военной миссии адмирал Дракс сообщил своему правительству запрос советской делегации, то Галифакс на заседании кабинета министров заявил, что он «не считает правильным посылать какой-либо ответ на эти вопросы».

Так правительства Англии и Франции сорвали переговоры 1939 г. с СССР о создании союза против дальнейшей агрессии в Европе. Советскому правительству было ясно, что лондонские и парижские политики сдела-

ли это с единственной целью — продолжить мюнхенскую политику соглашения с фашизмом и подтолкнуть Германию к нападению на СССР. В этих условиях Советское правительство, не желая играть на руку провокаторам войны и стремясь оградить интересы своих народов, пошло на единственно возможный в сложившейся тогда обстановке шаг и подписало с Германией пакт о ненападении. Тем самым военное нападение фашизма на СССР было задержано почти на два года, которые партия и правительство Советского Союза использовали для энергичной подготовки страны, народа и вооруженных сил к надвигавшейся войне.

У Черчилля можно найти признание разумности и справедливости действий Советского правительства в эти роковые дни, его политику он называет «в высокой степени реалистичной». Одновременно Черчилль пишет о том, что международные события августа 1939 г. «знаменовали всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет».

Сейчас на Западе принято утверждать, что Германия смогла развязать вторую мировую войну, напав 1 сентября 1939 г. на Польшу, потому, что Советский Союз подписал с Германией пакт о ненападении. Выше было показано, с какой настойчивостью боролся Советский Союз за заключение с Англией и Францией соглашения о совместном противодействии угрозе новой мировой войны. Такое соглашение действительно могло бы остановить войну, но оно не было достигнуто потому, что правительства Англии и Франции этого не пожелали. Некоторые из буржуазных историков также приходят к выводу, что СССР искренне стремился к союзу с Англией и Францией и что если бы он был заключен, то в Европе создалась бы решительная преграда войне. Профессор А. Тэйлор утверждает: «Советская Россия стремилась не к захватам, а к безопасности в Европе. Объяснение этого очевидно. Советские государственные деятели... не доверяли Гитлеру. Для них союз с западными державами представлялся более безопасным делом... Советское правительство повернулось в сторону Германии только тогда, когда удостоверилось, что заключение этого союза невозможно».

Прошли десятилетия с момента возникновения второй мировой войны, и уже в наше время английская газета «Гардиан» пишет: «Из опубликованных документов

1939 года ясно, что вторая мировая война не началась бы в этом году, если бы правительство Чемберлена прислушалось к совету русских. Союз между Англией, Францией и СССР предотвратил бы войну, ибо Гитлер не мог тогда решиться на конфликт с великими державами на двух фронтах». Почему же все-таки тогда не состоялся такой союз? Газета отвечает так: «Англия могла бы иметь приемлемый союз с Россией, если бы Чемберлен и его министры хотели этого. Россия нуждалась в союзе и хотела его. Англия нуждалась, но не хотела его». Таково мнение, исходящее из источников, далеко не дружественных в отношении Советского Союза. Подытоживая английскую политику периода между двумя мировыми войнами, Черчилль писал: «Самодовольная глупость и беспомощность англичан... сыграли определенную роль в развязывании тех ужасных бедствий, которые обрушились на мир».

В августе 1939 г. Черчилль вместе с женой провел некоторое время во Франции. 26 августа он возвращается в Англию, чтобы выяснить, что же все-таки происходит. Проездом в Париже он встречается с французским генералом Жоржем, который сообщил ему данные о состоянии французской и германской армий. Цифры произвели на Черчилля сильное впечатление. Он заявил Жоржу: «Да вы же хозяева положения». Это действительно было так, если при оценке положения исходить из объема сил, которыми располагали в то время Англия, Франция и Германия.

Черчилль вернулся в Англию, будучи твердо убежден, что его час приближается. Зная, что Гитлер считал его своим врагом, Черчилль опасался покушения на свою жизнь со стороны многочисленных германских агентов в Англии. Он пригласил бывшего инспектора Скотланд-ярда Томпсона, охранявшего его в свое время, приехать к нему, захватив с собой пистолет. Черчилль привел в порядок и свое оружие. Пока патрон спал, Томпсон бодрствовал. Черчилль следующим образом объясняет эти меры предосторожности: «В те часы я знал, что, если вспыхнет война — а кто мог в этом сомневаться? — на меня падет тяжелое бремя».

Вторая мировая война вспыхнула 1 сентября 1939 г.: Германия совершила нападение на Польшу. Объективный ход событий открыл перед Черчиллем путь к власти.

9

ЕГО ЛУЧШИЙ ЧАС

У Англии и Франции был союзный договор с Польшей, по которому обе страны должны были немедленно оказать ей всякую, включая и военную, помощь. Предполагалось, что помощь и уж во всяком случае объявление Англией войны Германии последует автоматически. В действительности же правительство Чемберлена вопреки торжественно взятым им обязательствам в последний момент предприняло попытку уклониться от выполнения данных Польше обязательств и договориться с Германией о мирном разрешении польского вопроса. Практически речь шла о налаживании нового Мюнхена, на этот раз уже за счет Польши. Известный лейбористский деятель Хью Дальтон 2 сентября записал в своем дневнике следующее: «Казалось, что политика умиротворения снова достигла полного расцвета и наше слово чести, данное полякам, умышленно нарушалось».

Английский народ считал, что отступления быть не должно, что с политикой умиротворения, скандальным образом провалившейся, надлежит покончить и что Англия должна выполнить свои обязательства перед Польшей, т. е. прежде всего объявить войну фашистской Германии. Подавляющее большинство членов палаты общин придерживалось того же мнения. Невиль Чемберлен не понял, насколько изменились настроения в народе и в палате общин, и старался выиграть время, надеясь как-то договориться с немцами и избежать объявления войны. В палате общин 2 сентября раздавались угрожающие речи в адрес правительства. Депутаты требовали, чтобы Англия сдержала данное Польше слово.

Когда читаешь парламентские дебаты тех дней и многочисленные исторические исследования, касающиеся это-

го периода английской истории, с удивлением отмечаешь кажущуюся на первый взгляд странной позицию Уинстона Черчилля. Самый непримиримый критик правительства, на протяжении ряда лет требовавший, чтобы Англия оказала Германии решительное сопротивление, вдруг в этот важный момент молчит. С энергичными требованиями объявления войны Германии выступают другие, менее влиятельные представители консервативной оппозиции, а также деятели лейбористской партии. И это происходит в условиях, когда, по собственному признанию Черчилля, в последние недели мира он «больше всего опасался, что, несмотря на наши гарантии, правительство его величества откажется воевать с Германией, если последняя нападет на Польшу».

Странное поведение Черчилля объяснялось просто. В день нападения Германии на Польшу он получил приглашение от Невиля Чемберлена посетить его вечером на Даунинг-стрит, 10. Черчилль сразу понял, в чем дело, и потому вел себя 1 сентября сдержанно и осторожно. Его предположения оправдались. Чемберлен предложил ему войти в состав правительства и стать членом военного кабинета. Черчилль сразу же согласился. Затем последовал разговор о составе военного кабинета, в ходе которого Черчилль попытался провести в правительство кое-кого из своих сторонников. В ночь с 1 на 2 сентября Черчилль написал Чемберлену письмо, советуя включить в состав правительства представителей либералов (имелся в виду его старый сотрудник Арчибальд Синклер), а также Антони Идена, ушедшего 20 февраля 1938 г. в отставку из правительства Чемберлена из-за несогласия с его тактикой достижения соглашения с Италией[1] и затем сблизившегося с Черчиллем. В этом же письме Черчилль писал

[1] Существуют различные мнения о причинах отставки Идена из правительства Чемберлена в 1938 г. В современной английской историографии его принято изображать противником проводившейся Чемберленом политики «умиротворения». В этой связи нам представляется интересным свидетельство Кадогана, долго работавшего с Иденом в Форин оффис и хорошо знавшего его. 1 декабря 1941 г. Кадоган записал в дневнике: «Отдает ли себе Иден отчет в том, что *он* (курсив Кадогана. — *В. Т.*) несет ответственность за великое и трагическое «умиротворение», не приняв ответных мер в связи с оккупацией Германией Рейнской области в 1936 году? Как ему везет. Никто никогда не упомянул об *этом*, а именно это было поворотным пунктом».

о том, о чем другие говорили в парламенте. Он выражал беспокойство по поводу того, что Чемберлен уклоняется от объявления войны Германии. Чемберлен тянул не только с объявлением войны, но и с включением Черчилля в состав правительства. Это было естественно. Намереваясь договориться с Гитлером, он не мог раздражать фюрера включением в состав правительства такой фигуры, как Черчилль. В ночь со 2 на 3 сентября Черчилль пишет Чемберлену: «Я ничего не слыхал от Вас после нашей последней беседы в пятницу. Я тогда понял, что должен буду стать Вашим коллегой, и Вы сказали, что об этом будет объявлено очень скоро. Не могу себе представить, что произошло за эти тревожные дни, хотя мне кажется, что теперь возобладали новые идеи, совершенно отличные от тех, которые Вы выразили мне, сказав: «Жребий брошен»».

Черчилль, разумеется, прекрасно представлял себе, что происходит. Однако он не хотел открыто выступить против Чемберлена в парламенте, понимая, что после такого выступления, даже если война и будет объявлена, премьер-министр может не пожелать взять его в состав правительства. Но Черчилль знал, что Чемберлен боится его выступления в палате общин против правительства в такое время. Чтобы заставить Черчилля молчать в эти дни, Чемберлен и сделал ему 1 сентября предложение о вступлении в правительство. Теперь же, в ночь со 2 на 3 сентября, когда обнаружилось, что премьер-министр тянет, Черчилль решил припугнуть его. Он сообщил Чемберлену, что если до начала назначенных на полдень 3 сентября дебатов в парламенте он не узнает, каковы дальнейшие планы Чемберлена в отношении включения его в правительство, то он может выступить в палате общин. Более того, Черчилль просил Чемберлена обсудить с ним и состав будущего военного кабинета. Таким образом, он заявил претензию на то, чтобы этот состав был согласован с ним. Не ясно, что на самом деле собирался делать Черчилль во время прений в парламенте 3 сентября. Во всяком случае Чемберлен связал Черчилля, передав ему в этот день в палате общин записку с просьбой зайти к нему в кабинет сразу же после окончания дебатов.

Чемберлен объявил в палате общин, что с 11 часов утра 3 сентября 1939 г. Англия находится в состоянии войны с Германией. «Палата общин, — замечает английский

историк Тэйлор, — силой навязала войну колебавшемуся английскому правительству».

По многим причинам Черчилль целиком разделял принятое правительством и поддержанное парламентом решение. «Сидя в палате и слушая выступления ораторов, — писал он впоследствии, — я испытывал чувство большого спокойствия после сильного напряжения и возбуждения нескольких минувших дней. У меня появилась какая-то особенная ясность ума и чувство возвышенной отрешенности от мирских и личных дел». Однако мирские и личные дела не давали о себе забыть. Объявление войны Германии было официальным признанием краха политики Невиля Чемберлена. А это означало, что уход Чемберлена с поста премьер-министра, по мере того как война будет развиваться, станет неизбежным. Поэтому Черчилль был озабочен тем, чтобы сделать свою кандидатуру максимально приемлемой для замены Чемберлена на посту премьер-министра.

Выступая в годы, предшествовавшие войне, с последовательной и решительной критикой внешней политики Чемберлена, с критикой, которая оправдалась развитием событий, Черчилль снискал в английском общественном мнении большую популярность и приобрел авторитет как сторонник сопротивления агрессивной Германии. Но Черчилль знал, что, хотя это и ценный капитал, его будет недостаточно для приобретения поста премьер-министра. Очень многое зависело от консервативной партии, которая обладала подавляющим большинством в парламенте. Поэтому в момент начала войны и позднее Черчилль воздерживался от каких бы то ни было критических замечаний в адрес партии и ее лидера Чемберлена. Более того, он подчеркивал, что на прошлом, иначе говоря, на ответственности Чемберлена и других лидеров консерваторов за их скандально провалившуюся политику должен быть поставлен крест. Черчилль всячески демонстрировал, что он готов искренне сотрудничать с этими людьми во всех вопросах внешней, военной и внутренней политики.

За свою длительную политическую жизнь Черчилль ухитрился испортить отношения со всеми политическими партиями. Теперь ему нужно было упорно работать над созданием базы для сотрудничества с руководством консерваторов. Он это хорошо понимал и не жалел усилий в этом направлении.

Даже в домашней обстановке он теперь не позволял ни себе, ни членам семьи никаких шуток в адрес Чемберлена. Американская журналистка Вирджиния Коулс вспоминает, как в те дни ей однажды пришлось завтракать в доме Черчилля. За столом разговоры всегда вертелись вокруг политических вопросов. В прежние времена можно было довольно часто услышать едкие остроты по адресу Чемберлена и других мюнхенцев. «На этот же раз, — пишет Коулс, — когда кто-то из детей Черчилля попытался отпустить мягкую шутку, я с глубоким удивлением отметила сердитый вид, который приобрело лицо отца. С невероятной торжественностью он заявил: «Если вы собираетесь делать оскорбительные замечания о моем шефе, вы должны уйти из-за стола. Мы объединены в одном большом и общем деле, и я не намерен терпеть такие выражения по адресу премьер-министра». Коулс замечает, что ей трудно было не улыбнуться при этих словах, поскольку она хорошо помнила, как за тем же столом еще несколько дней назад свободно упражнялись в остроумии по адресу Чемберлена.

Черчилль настойчиво культивировал и афишировал отношения сотрудничества с Чемберленом и консерваторами, зная, как много зависит от них в его дальнейшей политической судьбе. «Правительство, — пишет английский историк Тэйлор, — вступало в войну, двигаясь задом наперед и плотно зажмурив глаза. Черчилль являлся единственным исключением, он был кукушкой в чужом гнезде... Черчилль до возникновения войны пребывал почти в полном одиночестве. Число его последователей сократилось до двух... Положение в парламенте также было неблагоприятным для него... В 1939 г. консерваторы имели подавляющее большинство в парламенте, и Черчилль не мог бы ничего поделать с ними, если бы опирался на поддержку лишь двух оппозиционных партий и на несколько консервативных бунтарей. Ему нужно было повести за собой всю консервативную партию, а не раскалывать ее. Во всяком случае это он намерен был сделать. Годы горького опыта убедили его в том, что нужна организованная поддержка... Поэтому Черчилль двигался осторожно. Он не интриговал. Он был лояльным коллегой».

В правительстве Чемберлена Черчилль получил пост военно-морского министра и члена кабинета. Он, безусловно, был сторонником энергичного, решительного ведения

войны против Германии. Однако правительство Чемберлена не намеревалось вести такую войну. Период с сентября 1939 по апрель 1940 г. известен в истории как период «странной войны», когда Англия, официально находясь в состоянии войны с Германией, по существу войну не вела. Правительство Чемберлена вместе с правительством Франции палец о палец не ударило, чтобы оказать помощь Польше, а после разгрома Польши размышляло о том, что немцев не нужно раздражать, чтобы не затруднить достижение мира с Германией по соглашению. Это было по существу продолжение старой мюнхенской политики в новых условиях.

Черчиллю такая политическая линия не импонировала, но он был в правительстве и поэтому с критикой ее не выступал. Осторожно, чтобы не раздражать Чемберлена и других своих партнеров по правительству, Черчилль время от времени высказывался за энергичное ведение войны против Германии. Гитлер, обращаясь с лицемерными предложениями мира к Англии, заявлял, что мир будет возможен, если в английском правительстве не возобладают «взгляды Черчилля или его последователей». На это Черчилль отвечал ему заявлениями, что Гитлер и нацистский режим представляют смертельную угрозу всему тому, что дорого Англии и Франции.

В адмиралтействе Черчилль развернул кипучую деятельность. Военно-морская сфера была самой активной в военном отношении во время «странной войны». На море шла настоящая война. Черчилль работал по 18 часов в сутки, руководя отправкой торговых судов, охраняемых кораблями военно-морского флота, подготовляя планы блокады Германии с моря, занимаясь постройкой новых военных судов и организуя охоту за немецкими подводными лодками и рейдерами.

На этот раз более, чем когда-либо, Черчилля интересуют многие другие вопросы, не относящиеся к компетенции военно-морского министерства. Будущий премьер-министр, а Черчилль верил, что станет им, должен быть осведомлен об очень многом. Черчилль создал в адмиралтействе специальный статистический отдел и поставил во главе его своего долголетнего ближайшего советника по научным вопросам профессора Линдемана. В распоряжении последнего находилась группа энергичных и способных сотрудников, которые имели открытый доступ к официаль-

ной информации, поступавшей в распоряжение Черчилля как члена военного кабинета. Отдел Линдемана снабжал Черчилля таблицами и справками, касающимися не столько статистики, сколько хода войны в целом. Таким образом он получил источник постоянной и надежной информации.

В это время у Черчилля устанавливается прямой контакт с президентом США Франклином Рузвельтом. Рузвельт был умным, дальновидным государственным деятелем и в некоторых отношениях превосходил Уинстона Черчилля. Он обладал спокойной способностью здраво анализировать мировую обстановку, ему чужд был авантюризм, которым грешил Черчилль. Вероятно, в то время Рузвельт понял, что в создавшихся условиях будущее в английской политике принадлежит Черчиллю. 11 сентября 1939 г. Рузвельт, до этого встречавшийся с ним лишь однажды (это было в период первой мировой войны), обратился к Черчиллю с личным письмом, в котором сообщил, что он рад его возвращению в морское министерство. «Я хочу, — писал президент, — чтобы вы и премьер-министр знали, что я всегда буду рад, если вы лично будете держать меня в курсе всего, о чем вы хотели бы меня осведомить. Можете в любое время посылать мне запечатанные письма через свою или мою дипломатическую почту».

Черчилль с восторгом встретил обращение Рузвельта. Внимание со стороны президента, проявленное таким образом, представляло существенную политическую поддержку (ведь о нем знал Чемберлен) и имело большое значение для будущего. Черчилль сразу же ответил Рузвельту, подписав свой ответ псевдонимом «Бывший военный моряк». Так началась его переписка с президентом США, продолжавшаяся до весны 1945 г., когда она прекратилась в связи с кончиной Рузвельта. Эта переписка составила примерно до тысячи писем с обеих сторон.

«Странная война» не могла продолжаться бесконечно. Английское правительство решило искать выход из нее путем «переключения» войны с Германии на Советский Союз. Имелось в виду каким-либо способом добиться прекращения войны с Германией, чтобы вместе с ней выступить против Советского Союза. В конце 1939 г., когда не без подстрекательства со стороны правящих кругов Англии возникла советско-финская война, в Лондоне решили,

что появилась подходящая возможность для переключения войны. В это время Черчилль выступал с идеей проведения военной операции в Норвегии и Швеции с целью прекратить доступ шведской руды в Германию. После начала советско-финской войны английское правительство вместе с французским правительством не только оказывало Финляндии всяческую помощь, но и приняло решение направить через Норвегию и Швецию свои войска для войны против СССР, на стороне Финляндии. Эта акция означала неминуемую войну между Англией и СССР.

Черчилль поддержал Чемберлена в планах отправки английских и французских войск в Финляндию и, следовательно, на определенном этапе разделял его идею «переключения» войны с Германии на СССР. Эта позиция объяснялась рядом причин. Черчиллю, конечно, улыбалась идея стравить Германию и Советский Союз. Сказалось, вероятно, и то, что он не хотел расходиться с Чемберленом и другими членами правительства, выступавшими за «переключение» войны. Речи Черчилля в то время в части, касающейся Советского Союза, по существу не отличались от речей премьер-министра. Он радикальным образом изменил свое отношение к СССР по сравнению с предыдущим годом, когда не был еще в правительстве. Вновь начались враждебные высказывания в адрес СССР, напоминавшие его выступления периода интервенции и 20-х годов.

«Если бы началась война с Россией, — пишет Эмрис Хьюз, — вероятно, английский экспедиционный корпус был бы потерян в Финляндии и Англия встретилась бы с несчастьем значительно большим, чем операция в Дарданеллах». Тэйлор также вспоминает о Дарданеллах в этой связи: «Финская кампания представляла собой новое и даже худшее Галлиполи». «Мотивы предполагавшейся экспедиции в Финляндию, — продолжает английский историк, — не поддаются разумному анализу. Провоцирование Англией и Францией войны с Советской Россией в то время, когда они уже находились в войне с Германией, представляется продуктом сумасшедшего дома. Оно дает основания для того, чтобы предложить более зловещее толкование: переключение войны на антибольшевистские рельсы, с тем чтобы война против Германии могла быть окончена и даже забыта... В настоящее время единственно полезным выводом может явиться предположение, что

английское и французское правительства в то время утратили разум».

Прогрессивный английский журнал «Лейбор мансли» писал в феврале 1940 г.: «Наиболее шовинистические, агрессивные, реакционные силы английского и французского империализма, которые стремятся любыми средствами расширить войну и ликвидировать создавшийся на Западе тупик путем открытия военных действий на Востоке, здесь объединились с бывшими мюнхенскими элементами, которые ввязались в эту войну по ошибке и против своего желания именно потому, что они старались организовать антисоветскую войну, и которые только рады были бы теперь найти способ превратить эту войну в антисоветскую войну и построить на этой основе мировой контрреволюционный фронт под английским руководством». Таково представляющееся нам убедительным объяснение как планов, «достойных сумасшедшего дома», так и непонятного на первый взгляд поведения Черчилля, присоединившегося к тем, кто хотел переключить войну.

Лучшие представители английского народа в отличие от Черчилля понимали всю авантюристичность политики английского правительства в период советско-финской войны. Английская компартия осудила попытки создания антисоветского империалистического блока. Против антисоветской политики консервативного правительства и правых лейбористских лидеров выступали сознательные рядовые члены лейбористской партии. Отражавший их взгляды член Исполкома лейбористской партии Д. Н. Притт опубликовал две книги, в которых привел убедительные аргументы против антисоветского курса консервативного правительства, чреватого развязыванием войны между Англией и СССР.

Журнал «Лейбор мансли» созвал в феврале 1940 г. конференцию представителей рабочих и общественных организаций. «Дело Советского Союза, — заявили участники конференции, — является делом мирового социализма и всего международного рабочего класса. Мы просим рабочий класс помнить, как он в 1920 г. при помощи агитации и стачек предотвратил антисоветскую войну, и быстро действовать в настоящее время, чтобы предотвратить такую же войну еще раз».

Руководители Финляндии поняли, что получение ими планировавшейся помощи от Англии и Франции чревато

для страны национальной катастрофой. Поэтому, когда финские войска потерпели поражение, финляндское правительство подписало мир с Советским Союзом. Тем самым Англия была избавлена от катастрофических последствий, к которым ее неизбежно привела бы линия на «переключение» войны.

Ранней весной 1940 г. Чемберлен наивно считал, что победа в войне с Германией для Англии обеспечена. Как он полагал, за время «странной войны» Англия и Франция настолько мобилизовали свои ресурсы, что баланс сил изменился в пользу союзников и их будущая победа обеспечена. Это был один из многочисленных просчетов Чемберлена по крупным стратегического значения вопросам. Через пять дней после этого заявления немцы нанесли удар по Дании и Норвегии и быстро заняли их. Попытки Англии оказать своим флотом, авиацией и сухопутными силами сопротивление немцам в Норвегии закончились для нее поражением.

Провалившаяся к этому времени политика «странной войны», явная неудача с финской войной и, наконец, поражение в Норвегии вызвали в английском народе глубочайшее возмущение правительством Чемберлена. «Английский народ, — пишет Тэйлор, — осуждал людей наверху. Его негодование обратилось против Чемберлена. И в то же время он с энтузиазмом относился к Черчиллю». Настроение, охватившее английское общественное мнение, распространилось и на парламент. Не только лейбористы, либералы и консерваторы — сторонники Черчилля поняли, что правительство Чемберлена изжило себя. К этой мысли пришли теперь, весной 1940 г., и многие лояльные сторонники Чемберлена из числа консерваторов — депутатов палаты общин.

Встревоженные консерваторы 4 апреля создали наблюдательный комитет, объединявший десятка два наиболее видных депутатов из палаты общин и членов палаты лордов. Во главе комитета встал лорд Солсбери. Члены комитета систематически встречались для обмена мнениями и делали правительству время от времени соответствующие представления. Участники комитета сыграли видную роль в прениях в палате общин, состоявшихся 7—8 мая и носивших драматический характер.

При обсуждении деятельности правительства в палате общин многие ораторы заявили, что его некомпетентность

стала совершенно очевидной и что оно должно уйти в отставку. Видный консерватор Леопольд Эмери привел слова Кромвеля, обращенные к Долгому парламенту: «Вы заседали слишком долго, если даже и принесли какую-то пользу. Уходите, говорю я вам, и пусть мы наконец от вас избавимся. Во имя бога, уходите!»

Черчилль в ходе дебатов не выступил против Чемберлена. Дело было не только в том, что он как член правительства нес коллективную ответственность за его действия и не менее других был повинен в неудачах, которые постигли Англию в Норвегии. Черчилль вел тонкую, осторожную политическую игру. Ему нужно было показать консерваторам, что он надежный человек, что на него можно положиться в трудную минуту. Поэтому он даже пытался защищать Чемберлена и подчеркивал собственную ответственность за неудачный ход дел. Ллойд Джордж, выступивший с яркой критикой Чемберлена, предупреждал Черчилля, чтобы он «не позволял превратить себя в противовоздушное убежище», в котором могли бы укрыться Чемберлен и его коллеги.

При голосовании вопроса о доверии правительству Чемберлен получил большинство в 81 голос. Это было крупнейшим поражением, ибо обычно большинство депутатов, которые поддерживали правительство, составляло 240. Многие консерваторы голосовали против или воздержались, что также означало выражение недовольства правительством.

Итоги голосования означали, что правительство должно уйти в отставку. Настроение, господствовавшее в стране и в парламенте, было таково, что очевидным преемником Чемберлена на посту премьера мог стать только Черчилль. Он это понимал, но также знал, что Чемберлена и многих лидеров консерваторов его кандидатура не устраивает. Консерваторам не нравился его автократизм. Они помнили старые обиды, которые на протяжении многих лет наносил им Черчилль. Наконец, они не были уверены, что он будет вести войну так, как им хотелось бы. В общем консерваторов на посту премьер-министра устроил бы свой человек, спокойный и надежный, кто-нибудь из числа сторонников мюнхенской политики.

Чемберлен выступил с идеей, чтобы правительство сформировал лорд Галифакс — «князь умиротворителей», как его назвал Тэйлор. Лидер лейбористов Эттли вначале

склонялся в пользу Галифакса. Это являлось весьма существенным фактором, ибо в создавшихся условиях необходимо было сформировать коалиционное правительство, в которое наряду с консерваторами вошли бы также лейбористы и либералы. Наиболее существенным препятствием на пути Галифакса на Даунинг-стрит, 10, был Черчилль.

Общественное мнение было настроено в пользу того, чтобы правительство возглавил Черчилль. Но сам он не мог энергично заявить претензии на кресло премьер-министра. Для этого существовали две причины: во-первых, он неоднократно публично высказывался, что в чрезвычайных условиях, возникших в связи с войной, он готов служить своей стране под руководством кого угодно; во-вторых, прямое требование поста премьера было бы отрицательно встречено консервативной партией и во всяком случае ее верхушкой. В общем напористость могла испортить все дело.

В этой сложной ситуации на сцене появился лорд Бивербрук, любитель запутанных политических положений и интриг. Он был умнее Чемберлена и многих других лидеров консерваторов. Бивербрук понимал, что, учитывая дискредитацию партии консерваторов в глазах народа в связи с провалами политики Чемберлена и возросший авторитет Черчилля, в интересах самих консерваторов сделать Черчилля премьер-министром и тем самым отвести от себя недовольство народных масс. Бивербрук убеждал Черчилля, что ему необходимо активно заявить претензии на пост премьера. Но Черчилль держался осторожно и отказывался действовать в соответствии с рекомендацией Бивербрука, поддержанной некоторыми другими деятелями. Когда же лейбористская верхушка, посовещавшись, высказалась в его пользу и он узнал, что лейбористы готовы участвовать в правительстве под его руководством, Черчилль сказал Бивербруку, что может сделать лишь одно: если ему предложат служить под руководством Галифакса, он не скажет ни да ни нет.

9 мая Чемберлен встретился с Черчиллем, Галифаксом и Марджессоном, который являлся главным парламентским организатором консерваторов. Марджессон высказался за то, чтобы премьер-министром стал Галифакс. После этого Чемберлен задал решающий вопрос: согласится ли Черчилль войти в правительство, возглавляемое Галифаксом? Непревзойденный оратор и любитель поговорить,

Черчилль на этот раз молчал. Тягостное молчание продолжалось в течение двух минут. Галифакс понял молчание как отрицательный ответ. Да в общем и все так его поняли. Поэтому «князь умиротворителей» нарушил молчание первым и заявил, что ему, как члену палаты лордов, не следует формировать правительство, ибо в условиях такой войны, как нынешняя, премьер-министр обязательно должен быть депутатом палаты общин. «Черчилль, — замечает Тэйлор, — держал всех их в кулаке. Если бы он отказался войти в правительство, они все были бы сметены бурей народного возмущения».

В разгар этой невидимой для посторонних борьбы за власть в руководящих кругах английской консервативной партии Германия предприняла наступление на Западном фронте, двинув свои армии против Франции, Бельгии и Голландии. Наступление началось утром 10 мая. Чемберлен ухватился за это новое обстоятельство, чтобы удержаться у власти. Он решил, что в условиях активных военных действий никто не посмеет настаивать на замене правительства и лейбористы вместе с либералами согласятся на создание коалиционного правительства под его руководством. Расчет был неправильный. Лейбористы и либералы ответили отказом. Чемберлен понял, что теперь его уже ничто не может спасти. Он направился в Букингемский дворец и вручил королю отставку своего правительства. Король сказал, что, вероятно, надо будет поручить формирование нового кабинета Галифаксу. Чемберлен объяснил ситуацию, и в 6 часов вечера 10 мая 1940 г. король поручил сформировать правительство Черчиллю.

В тот момент политическая обстановка сложилась в его пользу. Народ выступал за ведение активной, решительной борьбы против фашистской Германии, и среди видных лиц, действовавших на английской политической сцене в то время, только Черчилль обнаружил выдающиеся способности руководить такой войной. «Черчилль, — замечает известный английский общественный деятель Деннис Притт, — каковы бы ни были его промахи и ошибки... был, безусловно, сильным человеком, способным воодушевить народ и безоговорочно враждебным к немцам». В ходе событий весны и лета 1940 г., пишет «Лейбор мансли», в Англии «произошли изменения в соотношении сил внутри правящих классов. Сторонники мюнхенской политики были сильно дискредитированы, но сохранили прочные

позиции и влияние. Непосредственное руководство правительством перешло в руки другой части правящих кругов, представленной Черчиллем, который последовательно отстаивал активную политику сопротивления Гитлеру».

Наконец Черчилль получил ту власть, к которой стремился всю жизнь. Впоследствии он вспоминал о чувствах, которые испытал 10 мая 1940 г., когда «был облечен величайшей властью в государстве». «В эти последние, насыщенные событиями дни политического кризиса, — писал он, — мой пульс бился все так же ровно... Когда я около трех часов утра улегся в постель, я испытал чувство большого облегчения. Наконец-то я получил право отдавать приказания по всем вопросам. Я чувствовал себя избранником судьбы, и мне казалось, что вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к этому часу и к этому испытанию». Черчилль всегда считал, что судьба поставила его выше всех других людей. Став премьер-министром Англии в самый трудный для страны час, он еще больше уверовал в свою исключительность. «Я считал, — пишет он, — что знаю очень много обо всем, и был уверен, что не провалюсь. Поэтому, с нетерпением ожидая утра, я тем не менее спал спокойным глубоким сном и не нуждался в ободряющих сновидениях. Действительность была лучше сновидений».

А действительность в то время состояла в том, что под мощными ударами германских армий рушился франко-английский фронт в Западной Европе и возникала смертельная опасность для национального и государственного существования английского народа.

13 мая 1940 г. Черчилль произнес в палате общин краткую «тронную» речь. «Мне нечего предложить вам, — заявил он, — кроме крови, труда, пота и слез». И продолжал: «Вы спросите: какова наша политика? Я отвечу: продолжать войну на море, на суше и в воздухе, со всей нашей мощью и со всей нашей силой... Такова наша политика. Вы спросите: какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа! Победа любой ценой, победа, несмотря ни на что, победа, каким бы долгим и тяжким ни был путь к ней».

Консерваторы крайне неохотно отдали власть Черчиллю. Когда в мае 1940 г., сформировав свое правительство, он впервые появился в палате общин, консервативная часть палаты демонстративно выразила свои симпатии

Чемберлену и подчеркнула свою неприязнь к Черчиллю. Все консервативные депутаты, а они составляли подавляющее большинство палаты общин, встали и бурно приветствовали Чемберлена. Черчилль же был встречен гробовым молчанием консервативных скамей. На протяжении первых недель его приветствовали в основном лейбористские депутаты. Все это объяснялось тем, что Черчилль был навязан консерваторам стечением обстоятельств и волей народа. И консерваторы это подчеркивали своим поведением.

Черчилль сформировал правительство, в котором наряду с консерваторами приняли участие лейбористы и либералы. Лидер лейбористов Эттли получил пост лорда — хранителя печати и являлся вначале по существу, а затем и официально заместителем премьер-министра. Лейбористский деятель крайне реакционного толка Бевин получил портфель министра труда и национальной повинности. Моррисон стал министром снабжения, Александер — военно-морским министром, Гринвуд — министром без портфеля. Лидер либералов, старый соратник Черчилля Арчибальд Синклер стал министром авиации. Все остальные важные посты сохранились за консерваторами, которые остались господствующей силой в правительстве и определяли его политическое лицо.

В состав нового правительства были включены многие министры, ответственные за проведение в свое время мюнхенской политики. Чемберлен и Галифакс вошли в состав военного кабинета — высшего органа по руководству войной. Противники политики умиротворения были допущены на вторые роли. Дафф Купер, например, подавший в 1938 г. в отставку из правительства Чемберлена в знак протеста против Мюнхенского соглашения, получил лишь портфель министра информации.

Засилье мюнхенцев в правительстве Черчилля объяснялось не только тем, что Черчилль зависел от консервативной партии, которую они возглавляли, и от подчинявшегося им консервативного большинства в палате общин, но и тем, что Черчилль и бывшие мюнхенцы стояли на одних и тех же классовых позициях, и поэтому они легко могли сговориться. Уже в период формирования правительства имели место разговоры о том, что вместо тех, кто в свое время проводил политику умиротворения агрессоров, в правительство должны быть включены люди, энер-

гично выступавшие против этой политики. Черчилль категорически возразил против подобных требований и взял под защиту бывших мюнхенцев. Как отмечает Притт, «он умиротворял умиротворителей и пренебрег великолепной предоставившейся ему возможностью удалить людей, проводивших политику соглашения с нацистской Германией». Сохранение в правительстве этих элементов имело своим последствием то, что в Англии на протяжении длительного периода прогрессивные и патриотические силы вели борьбу за удаление из правительства бывших мюнхенцев. Одновременно бывшие мюнхенцы оказывали сильное влияние на политику правительства Черчилля и осложняли ведение войны против фашистской Германии и ее союзников.

Компартия организовала широкую массовую кампанию под лозунгом «Мюнхенцы должны уйти из правительства!». Это было требование радикально покончить с мюнхенской политикой и энергично вести войну против фашизма. Многие профсоюзные и другие рабочие организации поддерживали требование компартии.

Кроме поста премьер-министра Черчилль принял посты лидера палаты общин и министра обороны. В качестве министра обороны он по существу взял на себя верховное руководство военными операциями. Как известно, собственный военный опыт Черчилля ограничивался лишь службой на весьма небольших постах (самый крупный из них — это пост командира пехотного батальона), причем службой весьма кратковременной. Однако он на протяжении многих лет интересовался военными вопросами, изучал военную историю и внимательно следил за деятельностью военного министерства, министерства военно-морского флота и министерства авиации. Это дало ему значительную сумму знаний общего характера и возможность выдвигать перед военными руководителями большое количество различных, как замечает Тэйлор, «оригинальных, но зачастую опасных идей». Обилие различных идей у Черчилля отмечал и президент Рузвельт, который за годы войны хорошо узнал английского премьер-министра. Он говорил, что у Черчилля всегда имеются «блестящие идеи. У него появляется примерно сотня идей в день, и из них примерно четыре стоящие».

Английским военным туговато приходилось с Черчиллем, поскольку характер он имел решительный, уверен-

ность в собственной мудрости и правоте безграничную и очень не любил сталкиваться с противодействием с чьей бы то ни было стороны. Спорить с ним было очень трудно: он мог заговорить и переговорить любого. Однако, как это ни странно, столкновения между стратегом-любителем и профессиональными военными в Англии в период второй мировой войны не перерастали в большие конфликты. Дело в том, что и Черчилль и военные лидеры придерживались в широком смысле примерно одних и тех же взглядов на ведение войны.

Задним числом, уже после войны, некоторые военные руководители в своих мемуарах спорят с Черчиллем, а иногда даже позволяют себе весьма непочтительно отзываться о его вмешательстве в военные дела. Объясняется это в значительной степени тем, что, как замечает Тэйлор, иногда «Черчилль в любимом им романтическом духе заявлял, что ведение войны значительно улучшилось бы, если бы расстрелять некоторых генералов и даже несколько начальников штабов».

Недовольство Черчилля генералами в большинстве случаев было справедливым. Английская печать также часто критиковала своих генералов за то, что они из-за неспособности, безынициативности и нерешительности проигрывали сражения. Подстегивание Черчиллем военных лидеров было, несомненно, полезным и вело к активизации их деятельности.

Аналогичным образом действовал Черчилль и в отношении руководителей гражданских министерств и служб. Под его руководством началась действительная перестройка страны на военный лад. Быстрыми темпами создавалась массовая армия, расширялись авиация и военно-морской флот, энергично развертывалась военная промышленность.

Черчилль любил заниматься внешней политикой и уделял ей большое внимание. С самого начала его пребывания на посту премьер-министра основные проблемы англо-американских отношений решались им самим в личной переписке с президентом Рузвельтом. Черчилль много занимался и отношениями с Советским Союзом. Министерство иностранных дел, возглавлявшееся вначале Галифаксом, а затем близким к Черчиллю Антони Иденом, оказалось отодвинутым на второй план. После наступившего в 1943 г. перелома во второй мировой войне и другие проб-

лемы внешней политики, прежде всего проблемы послевоенного мирного урегулирования, начинают занимать все большее место в деятельности Черчилля.

Роль Идена как министра иностранных дел была в годы войны бледной. Премьер-министр его совершенно подавлял. Очень часто Черчилль рассказывает в своих военных мемуарах об обмене посланиями по внешнеполитическим проблемам с Ф. Рузвельтом и И. В. Сталиным так, будто бы Идена и Форин оффис вообще не существовало. Вероятно, с целью исправить это весьма невыгодное для себя впечатление Иден в своих воспоминаниях в 1962 г. писал, что даже в самые напряженные моменты Черчилль не отправлял своих посланий, касающихся международных проблем, не показав их предварительно ему или другим руководителям министерства иностранных дел. Военные мемуары Черчилля, однако, не подтверждают это заявление.

Черчилль был человеком решительного характера, большой воли и энергии. К тому же он был хорошим оратором. Эти качества он полностью использовал в деле руководства страной в войне против Германии. В многочисленных речах, составленных с точным учетом обстановки и психологического состояния английского народа, он громил Гитлера и его клику и призывал свой народ к энергичному ведению войны. Эти выступления Черчилля импонировали народным массам, которые наконец получили энергичного военного лидера, выражавшего их настроения. Авторитет Черчилля неуклонно повышался.

Вся полнота власти в Англии во время войны концентрировалась в руках членов узкого военного кабинета. Кабинет опирался на поддержку всех политических партий, представленных в парламенте, и поэтому чувствовал себя прочно. Черчилль по своим личным качествам был выдающимся членом военного кабинета. В сочетании с правами, которыми он пользовался как премьер-министр и министр обороны, это привело к концентрации в его руках огромной, по существу неограниченной власти. Многие историки замечают по этому поводу, что в силу сложившейся обстановки Черчилль «превратился в диктатора». Этому способствовали не только обстоятельства, но и безграничная вера Черчилля в свои возможности.

Коллегам премьер-министра зачастую приходилось трудно. После одного из заседаний Кадоган записал в

дневнике: «Как все эти люди (члены кабинета. — *В. Т.*) боятся премьер-министра. И я тоже...» Черчилль как-то сформулировал свой метод руководства государственными делами в следующей фразе: «Все, что я хотел, так это согласия с моими желаниями после разумного обсуждения». То, что Черчилль называет «разумным обсуждением», обычно заканчивалось принятием его взглядов и предложений. Разумеется, из этого правила были и исключения, однако они не меняют общего положения дел. Оливер Литтлтон, занимавший во время войны ряд постов в правительстве Черчилля, рассказывает следующий случай. Однажды, пишет он, Черчилль созвал на 10 часов вечера заседание комитета обороны в подземной военной комнате, расположенной под помещением кабинета министров. Черчилль вошел, выпятив вперед подбородок. Это был верный знак предстоящего конфликта. Он предложил на рассмотрение собравшихся какой-то вопрос и спросил их мнение. Когда Литтлтон изложил свое мнение, Черчилль пришел в ярость. «Никогда за всю свою жизнь, — заявил он, — я не слышал более идиотского предложения, выдвигаемого старшим министром короля». Предложение оказалось реальным и было поддержано присутствующими. Черчиллю ничего не оставалось, как после полуночи с ворчанием заключить: «Короче говоря, мы единодушно приняли идиотское предложение министра снабжения».

Очень не нравился коллегам Черчилля режим работы, который установил для себя премьер-министр. Все наиболее важные совещания проводились по вечерам и заканчивались иногда поздно ночью. В свое время, когда Черчилль молодым кавалерийским офицером был на Кубе, он обратил внимание, что испанцы в самую жаркую пору дня ежедневно отдыхают. Привычку отдыхать в середине дня Черчилль практиковал в первую мировую войну, когда работал в адмиралтействе. Он обладал счастливым даром немедленно засыпать, как только его голова касалась подушки, и пользовался этим даром ежедневно. Поэтому, отдохнув днем, мог работать допоздна. В шутливой форме Черчилль пропагандировал идею дневного отдыха среди своих коллег, но, как свидетельствуют его мемуары, нашел мало последователей. Одним из них был адмирал Паунд, военный руководитель адмиралтейства, который настолько пристрастился дремать в кресле, что засыпал даже на заседаниях военного кабинета.

Черчилль просыпался обычно около 8 часов утра и, лежа в постели, прочитывал газеты, телеграммы и другие срочные материалы. Прессу Черчилль читал очень внимательно. Его личный врач лорд Моран вспоминает, что «он всегда хотел знать, что о нем пишут в газетах». Здесь же Черчилль принимал посетителей и диктовал распоряжения и директивы министерствам и комитету начальников штабов. Эти материалы немедленно передавались генералу Исмею, заместителю секретаря военного кабинета, личному представителю Черчилля в комитете начальников штабов. Работа в постели зачастую продолжалась до полудня.

Первые дни пребывания Черчилля у власти были трудными. Немецкие армии, прорвав франко-английский фронт, затопили Северную Францию, двигались на Париж и создали реальную опасность уничтожения английского экспедиционного корпуса. Вероятно, Черчилль с первых же дней немецкого наступления понял, что битва во Франции проиграна. Это означало, что Англия в самом ближайшем будущем останется без своего главного и последнего союзника.

Перед правительством Черчилля сразу же встало несколько задач. Ему нужно было любыми средствами продлить сопротивление Франции, чтобы причинить максимальный урон немецкой военной машине и выиграть время для укрепления обороны Англии — для подготовки армии, авиации и производства вооружения.

Французы настойчиво требовали подкреплений. У англичан сухопутных войск было мало, но они располагали сильной военной авиацией, и французское правительство требовало все новых и новых эскадрилий. Невзирая на опасность, Черчилль несколько раз, в самые критические моменты, прилетал во Францию для встречи с членами французского правительства. На этих встречах французы, как правило, просили самолетов, а Черчилль уклонялся от того, чтобы бросить свои авиационные резервы во Францию, и настаивал, чтобы Франция продолжала борьбу имеющимися у нее средствами.

Вскоре крупные английские и французские силы были отрезаны немцами на севере Франции, и главной заботой правительства Черчилля стала эвакуация своего экспедиционного корпуса. Английские войска, а также часть французских войск были эвакуированы, но им пришлось

бросить во Франции все свое вооружение. Таким образом, английская армия потерпела в 1940 г. сокрушительное поражение. Перспективы дальнейшей борьбы с Германией для Англии были весьма мрачными.

В этот момент, как никогда, сказались решимость и отвага, которыми обладал Черчилль. Когда 4 июня собрался парламент, премьер-министр произнес пламенную речь, обращенную к английскому народу. «Несмотря на неудачи, — сказал он, — мы не сдадимся и не покоримся. Мы дойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с возрастающей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем оборонять наш остров, чего бы это ни стоило, мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в пунктах высадки, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы не сдадимся никогда. И если даже — чему я ни на минуту не поверю — наш остров или его значительная часть будут захвачены и люди будут умирать с голоду, наша заморская империя, вооруженная и охраняемая английским флотом, будет продолжать борьбу».

Во второй половине мая 1940 г. Черчилль предпринял безнадежную попытку склонить на свою сторону Муссолини. Он обратился к фашистскому диктатору с личным посланием, напоминая о своем давнем дружественном отношении к нему, и просил воздержаться от вступления в войну на стороне Германии. Это обращение не дало результатов. Фашистская Италия поспешила на помощь победителю. Англия получила нового сильного врага в Южной Европе, на Средиземном море и в Северной Африке.

В последние дни агонии Франции Черчилль с целью продлить ее сопротивление выступил с сенсационной идеей объединения Франции и Англии в едином государстве, которое должно было иметь одну конституцию, общий парламент, единое правительство и вооруженные силы. Смысл этого предложения сводился к желанию побудить Францию продолжать сражаться против Германии, опираясь на свои колониальные владения, и прежде всего на Северную Африку. Кроме того, реализация идеи Черчилля передала бы в распоряжение Англии французскую колониальную империю и мощный французский военно-морской флот. Во Франции к этому времени в правительстве одержали верх элементы, ориентировавшиеся на

сговор с победоносной Германией, а не с Англией, дни которой, как тогда казалось, были сочтены. Предложение Черчилля успеха не имело. 22 июня 1940 г. Франция подписала перемирие с Германией. Англия осталась в одиночестве, потеряв всех своих союзников.

В это время английский народ нашел в себе незаурядное мужество; сознавая, какая смертельная угроза создалась его национальному и государственному существованию, он готов был с новой силой продолжать борьбу против Германии. «Только после того, — пишет Черчилль, — как Франция была раздавлена, у Англии благодаря ее преимущественному островному положению родилась из мук поражения и угрозы уничтожения национальная решимость, равная решимости Германии». Уинстон Черчилль в это время проявил волю к борьбе, равную воле английского народа. Это в огромной степени увеличило его популярность. По мере того как народ убеждался, что Черчилль принимает энергичные меры для ведения войны, он превращался в национального военного лидера.

Решительность действий Черчилля определялась боевой антифашистской позицией народных масс Англии. Глава государства стал выразителем того духа стойкости и упорства в борьбе с врагом, который испытывал английский народ в годы войны.

Выступая 18 июня в палате общин, Черчилль сказал: «Битва за Францию окончена. Теперь должна начаться битва за Британию... Поэтому посвятим себя своему долгу и будем выполнять его так, чтобы даже если Британская империя просуществовала бы тысячу лет, и тогда люди могли сказать: «Это был их лучший час».

Руководители Англии после разгрома Франции считали, что «поражение Германии может быть достигнуто совокупным применением следующих средств: экономического давления, действий военно-воздушных сил против промышленных и транспортных объектов Германии, а также против гражданского населения, организации широкого движения сопротивления на завоеванных Германией территориях». Дальнейший ход войны показал, что этих средств для завоевания победы недостаточно. Но у Англии в то время других средств не имелось. Авторы этой стратегической концепции, вероятно, понимали ее несостоятельность, но они не могли придумать ничего другого. «Никто не мог сказать, — пишет английский официальный

историк второй мировой войны Дж. Батлер, — как нужно действовать, чтобы эту победу обеспечить... как предотвратить гибель государства в ближайшие критические месяцы».

В летние месяцы 1940 г., когда Германия предприняла воздушное наступление на Англию, английская авиация дала немцам решительный отпор. Англичане понесли в воздушном сражении тягчайшие потери, но и у немцев были большие жертвы. Дух английского народа еще больше закалился в этой борьбе.

По мере того как правительство продолжало вести войну после поражения Франции, росла популярность Черчилля в широких народных массах, и это постепенно меняло его положение в консервативной партии. Консерваторы все лучше понимали, что Черчилль для них единственная надежда, что, лишь используя его растущий авторитет, они могут восстановить влияние своей партии в народе.

В конце сентября 1940 г. здоровье Невиля Чемберлена ухудшилось, он подал в отставку и вскоре скончался. Возник вопрос об избрании нового лидера консервативной партии. К этому времени уже было ясно, что им может быть только Черчилль. «Уинстон Черчилль является нашим секретным оружием, — писала газета «Санди таймс». — В этот великий час мы поистине счастливы сражаться под несравненным предводительством великого лидера. Сегодня Уинстон Черчилль не только воплощение духа Англии, он наш упорный лидер, к которому полны доверия не только англичане, но и весь мир свободных людей». Так выражала эта газета точку зрения тогдашних руководителей консервативной партии Англии.

Черчилль полностью отдавал себе отчет в том, что, оставаясь в одиночестве, Англия обречена на неминуемое и быстрое поражение. Поэтому, занимаясь осуществлением многих решительных мер по мобилизации ресурсов страны на отпор врагу, по расширению военной промышленности и созданию массовых вооруженных сил, по подготовке отпора немецким войскам, в случае если они осуществят вторжение на Британские острова, Черчилль предпринимал лихорадочные меры по приобретению новых союзников. Германия показала себя как страшный и мощный враг, поэтому и союзники нужны были равной или превосходящей мощи. Только два таких государства

не участвовали в то время в войне. Это Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. В их сторону и обратил Черчилль свои взоры. Он сохранил и расширил личную переписку с президентом Рузвельтом, в которой обсуждались важнейшие вопросы англо-американских отношений и положения в мире. По-прежнему свои письма Черчилль подписывал: «Бывший военный моряк». Он был большой любитель красивых фраз и всего необычного, а в годы войны особенно любил выдумывать кодовые названия для различных конференций и военных операций.

Черчилль настойчиво убеждал Рузвельта, что для Соединенных Штатов выгодна победа Англии, а победа Германии чревата огромными неприятностями и опасностями. Он стремился путем различных мероприятий подтолкнуть США к вступлению в войну против Германии. И когда он договаривался с Рузвельтом о том, что США передадут Англии в обмен на базы в Карибском море 50 старых эсминцев, для него было важно не столько получить пополнение для английского военно-морского флота, сколько побудить США таким образом сделать шаг на пути к вступлению в войну. Вместе с тем моральная и материальная (в виде различных поставок вооружения) поддержка со стороны США, оказанная Англии во второй половине 1940 и в первой половине 1941 г., явилась существенной помощью для нее в это трудное время.

Соединенные Штаты оказывали эту поддержку, но вступить в войну не торопились. Английские руководители опасались, что трагическая развязка может наступить до того, как Америка окончательно и бесповоротно встанет рядом с Англией. Это обстоятельство придавало особенно важное значение использованию Советского Союза в борьбе с Германией.

Известно, что Советский Союз готов был в 1939 г. вместе с Англией и другими странами выступить против фашистской Германии, с тем чтобы помешать ей развязать войну, а если это не удастся, то обеспечить быстрый разгром агрессора. Создание такого антифашистского фронта тогда оказалось сорванным прежде всего по вине английского правительства, и союзные отношения между Англией и СССР не были установлены.

Английские историки и сам Черчилль много пишут о том, что после поражения Франции Англия в одиночестве вела героическую борьбу против Германии. Причем пи-

шут так, что ответственность за ее одиночество как бы возлагается на другие государства, и прежде всего на Советский Союз. В то же время читатель подводится к выводам, что, какие бы неразумные шаги ни сделало английское правительство до этого, Англия искупила их своими усилиями в период «героического одиночества». В этой связи представляет интерес следующее вскрывающее суть дела замечание Д. Н. Притта. «Часто хвастались, — пишет он, — что Англия длительное время «стояла одна» в войне. Мы справедливо можем гордиться тем, что, когда народу пришлось бороться одному, он вел борьбу решительно. Однако черным пятном на наш правящий класс легло то, что он так вел дела своей страны, что в мире, где большинство стран ненавидели фашизм и хотели покончить с ним, ни одно государство на протяжении определенного времени не могло стать рядом с Англией».

Черчилль решил исправить кардинальную ошибку, допущенную Чемберленом, и опереться в войне с Германией на поддержку Советского Союза. Было бы, однако, неправильно полагать, что в это время английское правительство взяло прямой и определенный курс на равноправный союз с СССР в борьбе против фашизма. Проведению такого курса мешали как враждебность реакционных кругов Англии, так и нежелание бывших мюнхенцев бороться против Германии вместе с Советским Союзом. Играло роль и то, что Черчилль на протяжении всей своей политической жизни был, да и теперь оставался врагом дела социализма и, следовательно, социального строя, существовавшего в Советском Союзе. Но нужда заставляла его отодвигать на второй план свои чувства. Поэтому Черчилль летом 1940 г. послал в Советский Союз считавшегося тогда левым лейбористом Стаффорда Криппса, который должен был работать над улучшением англо-советских отношений и попытаться побудить Советский Союз отказаться от нейтралитета во второй мировой войне. Советское правительство внимательно отнеслось к миссии Криппса. Неудивительно, однако, что оно настороженно воспринимало попытки английских руководителей заставить СССР разорвать договор о ненападении с Германией.

Черчилль имел от разведки сведения, что Германия концентрирует войска против СССР. Означало ли это,

что Гитлер готовит нападение на Советский Союз? Определенного ответа на этот вопрос не было. Черчилля тревожило, как бы концентрация германских войск на советских границах не оказалась лишь средством военно-политического давления на СССР и Советский Союз не капитулировал бы перед Германией без войны. А Черчиллю, как воздух, нужна была война между Германией и СССР. Лишь такая война дала бы Англии мощного союзника и, следовательно, надежду не только выжить в борьбе с Германией, но и одержать над ней победу. Участие Советского Союза в войне дало бы Англии возможность продержаться до тех пор, пока наконец Соединенные Штаты не выступят на ее стороне. Таким образом, страшная нужда заставляла Черчилля в 1940—1941 гг. желать войны между Германией и СССР.

А если к этой проблеме подходить исторически и с классовых позиций, то никуда нельзя уйти от того факта, что с самого момента возникновения Советского государства английские правящие круги всегда считали необходимым и отвечающим их интересам столкновение между Германией и СССР. Достаточно вспомнить хотя бы беседу Черчилля и Ллойд Джорджа по этому вопросу вечером 11 ноября 1918 г., в день подписания перемирия с Германией в первой мировой войне, а также и Мюнхенское соглашение 1938 г. Следовательно, война между Германией и СССР отвечала долговременным стратегическим замыслам английских империалистов и в то же время являлась якорем спасения для Англии, которой в противном случае грозил неминуемый разгром во второй мировой войне.

В свете этих совершенно бесспорных фактов и соображений следует рассматривать предупреждения, которые делал Черчилль главе Советского правительства И. В. Сталину весной 1941 г. о вероятной возможности нападения Германии на СССР.

Препровождая в ночь с 12 на 13 апреля заместителю народного комиссара иностранных дел СССР послание Черчилля на имя И. В. Сталина, Стаффорд Криппс писал, что, «если Советское правительство не примет немедленно решения о сотрудничестве со странами, еще сопротивляющимися державам «оси» на Балканах, русские потеряют последний шанс защищать свои границы вместе с другими». Криппс, таким образом, по существу требо-

вал, чтобы СССР немедленно разорвал пакт о ненападении с Германией и напал на нее. Разумеется, эти требования не могли не создать у Советского правительства дополнительных оснований для размышлений о том, чем вызвана такая предупредительность и «забота» о безопасности Советского Союза со стороны Черчилля.

В настоящее время стало известно, что, подталкивая Советский Союз на выступление против Германии, Черчилль одновременно подстрекал и Германию к нападению на СССР. В 1963 г. в США была опубликована книга о деятельности во время второй мировой войны английского разведывательного центра в Нью-Йорке, которым руководил миллионер-канадец Уильям Стефенсон, поддерживавший тесный контакт с Черчиллем. Автор книги, бывший сотрудник этого центра, пользовавшийся его документами, сообщает, что весной 1941 г. английский разведывательный центр вместе с американским федеральным бюро расследований подсунул посольству Германии в Вашингтоне материал, который гласил: «Из в высшей степени надежного источника стало известно, что СССР намерен совершить... военную агрессию в тот момент, когда Германия предпримет какие-либо крупные военные операции». По мнению английских разведчиков, это был «дезинформационный материал стратегического значения». Совершенно очевидно, что, подкидывая немцам такой материал, сотрудники Черчилля преследовали единственную цель — подтолкнуть Германию к нападению на СССР.

Трудно сказать, оказали ли подобные старания английских и американских разведчиков какое-либо воздействие на решение германского правительства направить весной 1941 г. в Англию Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера по руководству фашистской партией, чтобы заключить с Англией мир и привлечь ее к участию в войне против СССР, на стороне Германии. Однако историк не может не принимать их во внимание при оценке предупреждений, с которыми Черчилль обращался в то время к И. В. Сталину.

Сообщение о прилете Гесса Черчилль получил, находясь на отдыхе. Несмотря на условия войны, он строго соблюдал режим дня, и прежде всего уик-энд, т. е. воскресный отдых. Обычно в пятницу во второй половине дня он уезжал из Лондона в официальную загородную рези-

денцию премьер-министра Чекерс, где и проводил конец пятницы, субботу и воскресенье, совмещая отдых с работой. Предполагалось, что немцы, считая Черчилля, и не без оснований, своим упорным и опасным противником, попытаются покончить с ним. Опасались, что они могут сделать это, выбросив десант на Чекерс или разбомбив резиденцию с воздуха в то время, когда Черчилль будет там находиться. Поэтому были приняты меры предосторожности. Одна из них состояла в том, что в полнолуние, когда Чекерс сравнительно легко мог быть обнаружен с воздуха, Черчилль не бывал там. В такие дни он направлялся для воскресного отдыха в поместье Дитчли, принадлежавшее одному из его друзей, Рональду Три. Хозяева приглашали на конец недели тех гостей, которые были нужны премьер-министру. В Дитчли он чувствовал себя как дома.

Черчилль очень любил кино. Обычно во время пребывания в Дитчли или Чекерсе ему показывали кинокартину по его выбору. Говорят, что в то время одним из самых любимых его фильмов была «Леди Гамильтон». Он шесть раз смотрел эту картину во время войны, а поставившего ее режиссера Александра Корда возвел в рыцарское достоинство.

В субботу, 11 мая 1941 г., Черчилль проводил конец недели в Дитчли и смотрел комический фильм с участием братьев Маркс. Во время сеанса к нему подошел секретарь и сообщил, что его вызывает к телефону герцог Гамильтон из Шотландии. Черчилль не любил, чтобы его беспокоили в подобных случаях, и, хотя Гамильтон был его другом, попросил одного из сидевших рядом с ним министров подойти к телефону и узнать, что тому нужно. Как оказалось, Гамильтон хотел сообщить Черчиллю, что в Шотландию прибыл Рудольф Гесс.

Гесс выбросился с парашютом с самолета, который он сам пилотировал, и, будучи задержан английскими властями, заявил, что ему необходимо встретиться с Гамильтоном, вблизи поместья которого он приземлился. Начались покрытые и до сегодняшнего дня глубокой тайной переговоры представителей английского правительства с Гессом. Сейчас уже, бесспорно, известно, что Гесс предложил английским государственным деятелям заключить мир между Германией и Англией и предпринять совместную войну против СССР.

Гесс и те, кто его посылал, рассчитывали, что влияние бывших мюнхенцев в политической и экономической жизни Англии должно быть сильным и что эти элементы добьются тем или иным способом заключения мира с Германией. Однако германские руководители переоценили степень влияния мюнхенцев и недооценили решимость английского народа, не желавшего мира с фашизмом, равно как и основывавшуюся на этом прочность позиции Черчилля.

Из того, что говорил Гесс, английские деятели поняли, что им по существу предлагается мир на условиях подчинения Англии Германии. Нетрудно было догадаться, что в случае победы Германии над СССР степень такого подчинения невероятно возрастет. Это делало привезенное Гессом предложение неприемлемым для английских правящих кругов.

Для Черчилля же оно было вдвойне неприемлемым. Гесс потребовал отстранения Черчилля от власти и создания нового правительства, состоящего из профашистски настроенных деятелей. Неизвестно, как сам Черчилль комментировал сделанные Гессом предложения. В своих мемуарах Черчилль не говорит об этом ни слова. Однако можно с уверенностью предположить, что он понял всю опасность этих предложений для Англии и для себя лично и выступил за их отклонение.

Предложения Гесса приняты не были. В то же время английское правительство хранило загадочное молчание явно с тем, чтобы руководители Германии не могли понять его истинного отношения к миссии Гесса. В чем были причины этого странного поведения? Почему английское правительство молчало, хотя в Англии и в некоторых других государствах выражалось беспокойство по поводу миссии Гесса и существовали опасения, что в переговорах с ним Лондон вырабатывает условия сделки с гитлеровской Германией? Распространение подобных опасений в мировом и английском общественном мнении было, безусловно, нежелательным для английского правительства, так как бросало тень на его решимость продолжать войну. И тем не менее, как известно, оно ничего не сделало, чтобы рассеять эти опасения.

Учитывая факты, относящиеся к этому делу, и существовавшую в то время расстановку сил в мире, а также заинтересованность английского правительства в войне

между Германией и СССР, нельзя не прийти к выводу, что молчание английского правительства выглядело весьма красноречиво. Оно должно было подтолкнуть Гитлера к выводу, что, если он нападет на Советский Союз, ему не придется вести войну на два фронта. Английский журнал «Лейбор мансли» писал в 1941 г.: «Почему Черчилль и английские власти умышленно решили сохранить таинственное молчание относительно Гесса, когда в действительности его предложения были отвергнуты, остается официально неразъясненным. Не было ли это молчание с заключавшимся в нем намеком на возможность некоторого соучастия ловушкой, которая должна была подтолкнуть Гитлера на его отчаянное предприятие, дав ему надежду на некую возможную в будущем поддержку с тем только, чтобы нанести ему самый решительный контрудар, как только он осуществит свое предприятие (т. е. нападет на СССР. — *В. Т.*). Не придумал ли какой-то яркий ум в английской дипломатии этот план использовать Гесса в виде бумеранга и поймать Гитлера на его собственную антисоветскую приманку, которой в прошлом он так часто дурачил английские правящие классы?»

Гитлер не отменил и не задержал намеченного нападения на Советский Союз. Если учесть, что он и все военные руководители Германии безоговорочно придерживались принципа не идти на войну, которую пришлось бы вести на два фронта, то нельзя не сделать вывод, что Гитлер проглотил брошенную ему приманку. Учитывая, что Черчилль осуществлял полное руководство английской внешней политикой, а также важность вопроса, следует предположить, что «ярким умом в английской дипломатии», бросившей Гитлеру эту приманку, мог быть не кто иной, как сам Черчилль.

Во второй половине 30-х годов Гитлер неоднократно дурачил английских государственных деятелей, и прежде всего Невиля Чемберлена. На этот раз, кажется, Гитлера очень ловко, а главное, с катастрофическими для него последствиями провел Черчилль.

В середине июня 1941 г. Черчилль предполагал, что до нападения Германии на СССР остались считанные дни, а может быть, и часы. У него не было сомнений в том, что Англия должна опереться на поддержку со стороны Советского Союза, которую ей даст это нападение. Черчилль снесся с президентом Рузвельтом, и президент

согласился с ним, что Советскому Союзу должна быть оказана помощь в войне с Германией, ибо этого требуют жизненные интересы и Англии и Соединенных Штатов.

20 июня 1941 г. Черчилль выехал в Чекерс для воскресного отдыха. Чекерс находится сравнительно недалеко от Лондона, и до него в течение часа можно добраться на машине. Черчилль обычно направлялся в Чекерс в пятницу и прибывал на место около 4 часов дня. Как правило, вместе с ним в качестве гостей приезжали те или иные члены правительства, высокопоставленные американцы, государственные деятели некоторых европейских стран. В Чекерсе Черчилль пользовался услугами трех секретарей. Кроме этого Черчилля сопровождал личный помощник командор Томпсон, лакей, другой Томпсон — телохранитель, которому помогал еще один детектив. Доставлялись в Чекерс также два киномеханика, три шофера и дополнительный наряд лондонской полиции для усиления внешней охраны.

По прибытии в Чекерс Черчилль прежде всего принимал ванну. Биографы рассказывают, что он очень любил купаться. Телохранитель Томпсон сообщает, что однажды, путешествуя поездом по Египту (это было еще в начале 20-х годов), Черчилль приказал остановиться среди пустыни и добыть ему горячей воды для ванны из паровозного котла. Когда это было сделано, он на глазах многочисленных изумленных арабов принял ванну, сказав: «Можно подумать, что они никогда не видели голых». Выкупавшись, Черчилль надевал, по выражению инспектора Томпсона, «полукомический и, безусловно, практичный костюм сирены» — вариант комбинезона с многочисленными застежками-молниями, специально придуманный Черчиллем для путешествий в военные годы. Он выходил в этом костюме к обеду, совершенно не принимая во внимание, как одеты его гости. После обеда Черчилль удалялся на несколько минут в свою комнату и вскоре представал перед гостями в ярком восточном халате, в котором обычно смотрел фильмы. Таких халатов у него было несколько. После окончания сеанса Черчилль уходил к себе наверх, вызывал секретарей и занимался делами зачастую до 3 или 4 часов утра. Характерно, что, несмотря на огромную загруженность, Черчилль в это время чувствовал себя, как никогда, бодрым и здоровым, имел прекрасный аппетит, выглядел в свои 67 лет «мо-

лодым и подвижным», как писал редактор «Таймс» Баррингтон-Уорд, «совсем другим человеком, чем та обрюзгшая личность, которую я видел в последний раз вблизи в канун войны».

В уик-энд накануне 22 июня 1941 г. гостями в Чекерсе были Иден, Стаффорд Криппс, лорд Бивербрук, лорд Крэнборн и американский посол Уайнант. Он привез Черчиллю сообщение от Рузвельта, что президент поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника». Личный секретарь Черчилля Колвилл, дежуривший в те дни в Чекерсе, рассказывает, что в субботу, прогуливаясь с Черчиллем по крокетной площадке, он спросил его, не будет ли для него, злейшего врага коммунистов, отступлением от принципа поддержка Советского Союза в войне против Германии. Черчилль дал знаменательный ответ: «Нисколько. У меня лишь одна цель — уничтожение Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я в палате общин по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане».

В воскресенье, 22 июня, Колвилл был разбужен в 4 часа утра телефонным звонком из Лондона. Из министерства иностранных дел сообщили, что Германия напала на СССР. Черчилль раз и навсегда строго приказал своему штату не будить его ранее 8 часов, что бы ни случилось. Приказ мог быть нарушен только в одном случае — если бы началось вторжение немцев в Англию. Поэтому Колвилл лишь в 8 часов утра сообщил Черчиллю о войне между Германией и СССР. Томпсон пишет об атмосфере, царившей в то время в Чекерсе: «Трудно понять... то чувство чрезвычайного облегчения, неожиданного освобождения от гнета», которое испытывали все, узнав о нападении Германии на СССР. «Значение этого было весьма радостным для всех нас». Эмрис Хьюз отмечает: «Решение Гитлера напасть на Россию было для Черчилля даром богов. Это было самое лучшее известие, которое Черчилль получил на протяжении долгого времени».

Черчилль распорядился, чтобы Би-Би-Си подготовилась к передаче его речи по радио в 9 часов вечера. В течение всего дня он занимался подготовкой этой речи, основные положения которой для него были уже давно ясны.

В выступлении по радио Черчилль заявил: «Я вижу русских солдат, стоящих на рубежах родной страны, охраняющих землю, которую их отцы населяли со времен незапамятных, я вижу нависшую над ними немецкую военную машину, тупую, вымуштрованную, послушную, жестокую армаду нацистской солдатни, надвигающуюся как стая саранчи. И за ними я вижу ту кучку негодяев, которые планируют и организуют весь этот водопад ужаса, низвергающегося на человечество. У нас, в Великобритании, только одна цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и малейшие следы нацистского режима... Мы поможем России и русскому народу всем, чем только сможем, — продолжал он. — Опасность для России — это опасность для нас и для Америки, и борьба каждого русского за свой дом и очаг — это борьба каждого свободного человека в любом уголке земного шара».

В этот момент Черчилль показал себя крупным государственным деятелем. Он понял, в чем состоят коренные жизненные интересы его страны, что в данных условиях наилучшим образом отвечает этим интересам, и совершил крутой поворот в английской политике и в своей собственной деятельности. Никто другой в Англии не был таким последовательным и упорным врагом Советского Союза, как Уинстон Черчилль, но он решился на этот поворот, потому что другого выхода из того положения, в котором оказалась его страна весной 1941 г., не было.

Любое иное решение грозило в конечном счете поражением Англии в этой страшной войне. Известный лейбористский публицист Майкл Фут констатирует: «До 22 июня 1941 г. победа для Англии была убегающей мечтой; после этой даты она оказалась в пределах практических расчетов». Американский дипломат и историк Джордж Кеннан пишет: «Возникновение войны между Германией и Россией явилось первым лучом надежды для англичан... Государственные деятели Запада полагали, что судьба всей войны зависит от готовности и способности России противостоять германскому нападению».

Придя к власти в труднейший для Англии момент, Черчилль обнаружил большую решимость, равную решимости английского народа, и не колеблясь выступил за продолжение войны; не займи Черчилль этой позиции, английские мюнхенцы могли бы попытаться тогда капитулировать перед фашистскими державами и присоеди-

ниться к ним в их политике международного разбоя. Придя к власти, правительство Черчилля приняло решительные меры по перестройке экономики и всей жизни страны на военный лад в целях дальнейшего ведения войны против фашистских держав. Черчилль раньше и яснее других английских деятелей понял, что залог спасения Англии — в военном союзе с Советским Союзом и США, и в июне 1941 г. пошел на объединение военных усилий с СССР. Правительство Черчилля считало необходимым сохранение союзнических отношений с Советским Союзом для обеспечения победы над фашистской Германией, и это нашло свое выражение в подписанном 26 мая 1942 г. англо-советском союзном договоре.

Однако для того чтобы до конца понять занятую Черчиллем 22 июня 1941 г. позицию в отношении Советского Союза, нужно иметь в виду не только приведенные выше слова из его речи по радио. Черчилль одновременно заявил и следующее: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма... За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем».

Это заявление имеет большое принципиальное значение. Черчилль не только публично, на весь мир провозгласил, что по-прежнему остается последовательным врагом существующего в СССР общественного строя. Он сформулировал своеобразную программу своей деятельности в рамках намечавшегося союза с СССР. Тем самым он успокоил реакционные элементы в Англии и США насчет характера его политики в отношении Советского Союза. Разумеется, эта позиция английского премьер-министра не могла не осложнить установление союзных отношений с СССР. Противоречие между готовностью Черчилля вступить в союз с СССР и намерением и впредь занимать враждебную позицию в отношении существующего в Советском Союзе общественного строя дало себя знать в полной мере в антигитлеровской коалиции, в которой руководимое Черчиллем английское правительство сыграло важную роль.

Вступление Советского Союза в войну сулило Англии значительное ослабление германской военной машины на полях России. Но на окончательную победу СССР над Германией английские государственные деятели не рас-

считывали и потому выжидали с оказанием ему практической помощи. 12 июля было подписано соглашение о совместных действиях правительства СССР и правительства Англии в войне против Германии, по которому обе стороны обязались оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в этой войне, а также не вести переговоров и не заключать сепаратного перемирия или мира с Германией. Постепенно англо-советские союзные отношения налаживались.

Далеко не всегда Черчилль содействовал этому. Например, в ходе обсуждения вопроса о заключении соглашения от 12 июля Черчилль выдвигал предложение, на случай если Советский Союз все же устоит, включить в соглашение параграф, который предусматривал бы пересмотр его границ на мирной конференции после войны. Черчилль имел в виду отторжение от СССР тех территорий, которые вошли в его состав в 1939—1940 гг. Английский военный кабинет в то время не поддержал этой идеи, но выдвижение ее Черчиллем было весьма многозначительным.

Вступление Советского Союза в войну радикальным образом изменило мировую обстановку. В августе 1941 г. Черчилль встретился с Рузвельтом, чтобы наметить совместную линию поведения в новых условиях. Открылось первое за войну совещание президента США и премьер-министра Англии. По подсчетам Черчилля, за военные годы он провел вместе с Рузвельтом на различного рода встречах 120 дней — факт уникальный в современной истории.

На совещании было решено оказать помощь СССР поставками вооружения и стратегического сырья. Однако это решение было принято лишь в принципе, и его реализация зависела от дальнейшего хода борьбы на советско-германском фронте.

Черчилль и Рузвельт сформулировали Атлантическую хартию и заявили в ней, что Англия и США стремятся к справедливому и демократическому миру, который должен последовать за победой над Германией и ее союзниками. Как выяснилось впоследствии, это не было выражением истинных намерений обоих правительств, а лишь пропагандистским обращением к народам с целью получить их поддержку в ведении войны. Оба государственных деятеля обсуждали в общих чертах вопрос о том, ка-

ким бы им хотелось видеть мир после войны. Они пришли к единодушному мнению, что по окончании войны все государства должны быть разоружены, а Англия и США должны сохранить свои вооружения и продиктовать послевоенное мирное урегулирование для «всех народов во всех землях».

Шла речь о том, что и Советский Союз должен быть разоружен и, следовательно, его судьба будет зависеть от Англии и Соединенных Штатов. Таким образом, намечалась линия борьбы за установление англо-американского господства в послевоенном мире. Руководители Англии и США вырабатывали эти планы, когда СССР уже нес основную тяжесть войны против Германии на своих плечах, а Америка еще не участвовала в войне.

Во время встречи премьер-министра Англии и президента США вскрылись острые политические и экономические противоречия между двумя странами. Черчилль решительно выступил против американских попыток наступления на экономические и колониальные позиции английского империализма.

Однако на конференции во многом возобладала точка зрения США, что отражало соотношение сил в англо-американском блоке. В этом плане оба политических деятеля очень ревниво относились друг к другу.

Поскольку Черчилль все еще не верил в способность Советского Союза выстоять в вооруженной борьбе с Германией, для него особенно важно было добиться скорейшего вступления Америки в войну. На Дальнем Востоке усилилась напряженность в американо-японских отношениях. Японская военщина использовала европейскую войну для развертывания агрессии в Азии и на Тихом океане, что было чревато войной между Японией и США. Черчилль понимал, что столкновение интересов обеих держав может привести к вооруженному конфликту между ними. В силу союза, существовавшего между Японией и Германией, этот конфликт автоматически привел бы к объявлению войны между Германией и США. Поэтому Черчилль делал все, что мог, чтобы побудить американское правительство «проявить твердость» в отношениях с Японией.

Но и без его усилий дело явно шло к войне на Дальнем Востоке, которая и началась нападением Японии на американский военный флот в Пёрл-Харборе 7 декабря

1941 г. Одновременно Япония напала на Англию в Малайе. Английский парламент 8 декабря единодушно проголосовал за объявление войны Японии. Война между Японией и США повлекла за собой объявление 11 декабря 1941 г. Германией и Италией войны Соединенным Штатам. Как заметил американский сенатор Джеральд Най, «это как раз то, что англичане планировали для нас». Черчилль торжествовал: теперь было ясно, что, получив в качестве союзников СССР и США, Англия выживет, что отныне она имеет реальные шансы на победу в войне.

Традиционная политика английских правящих кругов состояла в том, чтобы вести войну по возможности чужими руками. На протяжении веков Англия вела колониальные войны, используя формируемые из местного населения в колониальных странах армии для завоевания новых колоний и порабощения новых народов. В Европе Англия, используя свою финансовую и экономическую мощь, создавала против своих врагов коалиции европейских держав, которые должны были поставлять пехоту, выносившую основную тяжесть борьбы. Сравнительно большие потери, которые Англия понесла в первую мировую войну, усилили решимость Черчилля и других английских деятелей переложить основную тяжесть войны против держав «оси» на плечи союзников Англии. Имелось в виду, что активную роль в войне Англия сыграет своими военно-воздушными силами и флотом.

Получив мощных союзников, правительство Черчилля взяло курс на преимущественное использование английских вооруженных сил в районе Ближнего Востока и Средиземного моря. Там оно вело колониальную войну за свои империалистические интересы. В то же время задача разгрома основных сил Германии, находившихся на Европейском материке, возлагалась целиком на Советский Союз. «Черчилль желал, — пишет в своей книге «Секрет Черчилля» греческий журналист Э. Дзелепи, — чтобы Советский Союз истек кровью на войне и к моменту победы настолько ослабел, что не в состоянии был бы играть первостепенную роль в Европе и во всем мире. Эта идея всецело овладела им особенно с того момента, когда после временных неудач в начале войны на востоке Красная Армия превратилась в существенный военный фактор победы союзников. В принципе война должна

была в целом вестись на суше. В ответ на открытие фронта на востоке следовало вновь открыть фронт на западе, чтобы помочь русским, которые одни несли всю огромную тяжесть борьбы с вермахтом в ожидании того, что он будет взят в клещи. На настоятельные и взволнованные призывы Сталина... открыть второй фронт на западе Черчилль отвечал систематической обструкцией. Он хотел оставить русских одних сражаться против немцев. В этом случае и те и другие вышли бы из войны истощенными, каким бы ни был ее исход».

По замыслу Черчилля Англия должна была воздерживаться от схватки с основными вооруженными силами Германии в Западной Европе и вести борьбу на периферии, ослабляя противника локальными ударами и подрывая его мощь морской блокадой и авиационными бомбардировками промышленных и населенных центров.

Уже в первые недели войны Советское правительство вынуждено было поставить вопрос о том, чтобы Лондон выполнил свои союзнические обязательства и оказал ему помощь, обещанную в выступлении Черчилля от 22 июня 1941 г. и затем в соглашении от 12 июля. Помощь могла быть оказана прежде всего участием английских вооруженных сил в борьбе против Германии на Европейском материке. Все говорило за то, что Англия и Соединенные Штаты должны открыть на западе второй фронт против Германии, которого так боялись нацистские руководители и который мог бы намного сократить сроки и жертвы войны.

Советское правительство неоднократно ставило вопрос об открытии второго фронта в Европе — вначале в 1941 г., а затем в 1942 г. Черчилль упорно отказывался удовлетворить это справедливое требование. Несколько иначе смотрели на проблему второго фронта американские руководители. В силу ряда причин они высказывались за то, чтобы второй фронт был открыт в 1942 г. В апреле 1942 г. личный представитель президента США Гарри Гопкинс и начальник штаба армии США генерал Маршалл прибыли в Лондон и обсуждали с Черчиллем и другими английскими лидерами проблему высадки в Западной Европе. Была достигнута договоренность, что в 1942 г. будет осуществлена высадка на материке небольших англо-американских сил, а в 1943 г. последует вторжение мощных сил.

Решение было принято вопреки желанию Черчилля, и вскоре он и другие английские руководители по существу от него отказались. Американцы считали, что англичане их провели. Генерал Исмей пишет в своих воспоминаниях, что во время переговоров все были полны энтузиазма и никто не заявил о своем несогласии. «Американские друзья, — отмечает он, — отправились домой, находясь под ошибочным впечатлением, что мы взяли на себя обязательство осуществить» высадку в Европе в 1942 и 1943 гг. Черчилль сознательно ввел в заблуждение американских представителей. Исмей замечает: «Американцы сочли, что мы поступили в отношении их вероломно». В вопросе о втором фронте Черчиллем было допущено много вероломства, причем в отношении Советского правительства значительно больше, чем в отношении американского.

Его личный врач лорд Моран, начиная с мая 1940 г. в течение 25 лет близко находившийся к Черчиллю, писал впоследствии, что Черчилль «использовал все свое искусство, все красноречие, весь свой огромный опыт, чтобы оттянуть этот несчастный день», т. е. открытие второго фронта. Секретарь военного кабинета говорил Морану: задержка открытия второго фронта «была самым большим достижением Черчилля после того, что он сделал в 1940 году». Несомненно, секретарь отражал мнение своего шефа. Моран замечает, что сам Черчилль «никогда не ставил себе в заслугу задержку вторжения во Францию». И здесь же добавляет: «Не было ли это молчание Черчилля страховкой на тот случай, чтобы потомки не сочли его ответственным за затягивание войны?»

Хотя Черчиллю и не хотелось предпринимать крупную операцию в Западной Европе, он не мог при решении этого вопроса игнорировать желание английского народа, чтобы его страна добросовестно выполняла союзнические обязанности перед СССР. Коммунисты и другие прогрессивные люди Англии выступали с требованием выполнения правительством Англии его обязательства об открытии второго фронта. В городах страны проходили многочисленные демонстрации и митинги под лозунгом скорейшего открытия второго фронта. Английский народ понимал, что невыполнение союзнических обязательств опасно не только для СССР, но и для самой Англии. На конференции представителей рабочих машиностроитель-

ной промышленности в октябре 1941 г. один из выступавших заявил: «Мы разделяем великую и оправданную тревогу, испытываемую рабочими на каждом предприятии, по поводу того, что правительство не использует все имеющиеся у него средства для поддержки России. Необходимо сказать во всеуслышание, что предприятия охвачены подозрениями, что правительство предает Россию и что присутствие галифаксов, мурбрабазонов и марджесонов (известные антисоветчики. — *В. Т.*) в правительстве является причиной отсутствия второго фронта. Мы предупреждаем правительство, что рабочие никогда не позволят ему предать Россию, ибо они знают, что это будет также и предательством в отношении их самих. Рабочие требуют, чтобы вклад Англии был таким же, как вклад России, поэтому они настаивают на немедленном открытии второго фронта».

В мае 1942 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов прибыл в Лондон. Он поставил перед английским правительством вопрос, как оно рассматривает перспективу отвлечения в 1942 г. с советско-германского фронта по меньшей мере 40 германских дивизий. В ответ Черчилль подробно распространялся об условиях высадки в Западной Европе, о роли контроля на море и о значении авиации для высадки, говорил о том, что высадку десанта разумно осуществить в районе Па-де-Кале, Шербура и Бреста, но упорно уклонялся от взятия конкретных обязательств в отношении сроков и масштабов такой высадки. Во время англо-советских переговоров 21—26 мая по вопросу о втором фронте Черчилль, как замечает американский историк Г. Фейс, «держался предусмотрительно неопределенно. Он уклонился от прямого положительного ответа на вопрос о том, где и когда начнут Соединенные Штаты и Англия операции против Германии на Западе». Поскольку было известно, что советский нарком из Лондона направляется в Вашингтон, Черчилль предложил ему на обратном пути в СССР заехать в Лондон и обещал дать тогда «более конкретный ответ в свете обсуждения этого вопроса в Вашингтоне».

30 мая в ходе переговоров с Рузвельтом и его советниками Молотов поставил вопрос об открытии второго фронта в 1942 г. перед американским правительством. «После этого, — гласит запись Самюэла Кросса, профессора славянских языков и литературы Гарвардского университе-

та, выступавшего на этих переговорах в качестве переводчика, — президент спросил генерала Маршалла, достаточно ли ясно ему положение дел и можем ли мы сказать Сталину, что мы готовим второй фронт. «Да», — ответил генерал. Тогда президент попросил советского представителя уведомить свое правительство в том, «что мы надеемся создать второй фронт в этом году»». В ходе дальнейших переговоров с американцами, а позднее и с англичанами был согласован текст коммюнике, содержавшего обязательство США и Англии открыть второй фронт в Европе в 1942 г. То, что переговоры в мае 1942 г. в Вашингтоне имели своим результатом именно это, не берут под сомнение официальные американские историки второй мировой войны. Например, М. Мэтлофф и Э. Снелл пишут, что Советскому Союзу тогда было дано «твердое обязательство открыть второй фронт в 1942 г.». В письме к Черчиллю Рузвельт объяснил, почему он дал такое обязательство: необходимо было, чтобы советский нарком «вернулся из своей поездки с какими-то реальными результатами и сделал Сталину благоприятный отчет». Зачем это было нужно, становится ясным из телеграммы Рузвельта, посланной Черчиллю 6 июня. «Должен признаться, — писал президент, — что я с большой тревогой взираю на русский фронт».

Черчилль тоже тревожно следил за гигантской битвой, развертывавшейся на советско-германском фронте. Он боялся, как бы Советское правительство, убедившись, что оно не может в ближайшее время рассчитывать на получение от Англии и США военной помощи, не предпочло единоборству с Германией выход из войны и заключение с ней мира. Эти опасения у Черчилля усиливались в связи с тем, что в 1941 г. и особенно в 1942 г. положение на советско-германском фронте для СССР действительно было крайне тяжелым. Поэтому он и решил «помочь» Советскому Союзу фальшивым обещанием оказать в 1942 г. военную помощь. По возвращении советского наркома в Лондон из Вашингтона английское правительство дало согласие на открытие второго фронта в Европе в 1942 г. Это согласие было оформлено путем включения в совместное англо-советское коммюнике фразы, гласившей, что во время переговоров «между обеими странами была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.».

Аналогичная фраза содержалась и в советско-американском коммюнике. Оба коммюнике были опубликованы 12 июня 1942 г. после возвращения советского наркома в Москву. Таким образом, Англия и США дали Советскому Союзу четкое и определенное обязательство открыть второй фронт в 1942 г. и объявили об этом для всеобщего сведения.

Обязательство Черчилля открыть второй фронт в 1942 г. и его согласие на опубликование этого коммюнике, как оказалось впоследствии и как явствует сейчас из опубликованных документов, было заранее рассчитанным обманом Советского правительства. То, что Черчилль не собирался выполнять взятое им от имени Англии обязательство, подтверждается тем, что в момент составления англо-советского коммюнике Черчилль вручил советскому наркому памятную записку, которую он, а за ним и некоторые не заинтересованные в установлении истины английские и иные историки в дальнейшем широко использовали для оправдания недобросовестного отношения английского правительства к своим обязательствам о втором фронте. Вручение этого документа означало, что английское правительство, задумав в отношении Советского Союза обман, заранее готовило для себя алиби. В документе утверждалось: «Мы ведем подготовку к высадке на континенте в августе или сентябре 1942 г... Невозможно сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время. Следовательно, мы не можем дать обещания в этом отношении, но, если это окажется здравым и разумным, мы не поколеблемся претворить свои планы в жизнь».

Как можно было понять эти слова? Только буквально: английское правительство ведет подготовку — не просто обещает принять меры для открытия второго фронта, или изучает возможность этой операции, или намеревается начать ее планирование, а именно ведет подготовку к тому, чтобы вторгнуться на Европейский континент в 1942 г., если какие-либо непредвиденные обстоятельства (отсюда и слова «невозможно сказать заранее») не помешают. Выражение «следовательно, мы не можем дать обещания в этом отношении» относится к могущим возникнуть в августе — сентябре 1942 г. обстоятельствам, которые, разумеется, не зависели от воли английского правительства и могли сложиться по-разному. В том же слу-

чае, если ничего непредвиденного не случится (а, как известно, так оно и было), английское правительство «не поколеблется претворить свои планы в жизнь».

Памятная записка Черчилля не должна рассматриваться отдельно от других документов, согласованных и подписанных представителями СССР и Англии. При толковании ее необходимо учитывать не только англо-советское коммюнике, предусматривающее открытие второго фронта в 1942 г., но и англо-советский договор о союзе. Нельзя рассматривать памятную записку также изолированно от советско-американского коммюнике, от того, что было заявлено советскому наркому иностранных дел в Вашингтоне, ибо сам Черчилль предложил дать окончательный ответ Советскому правительству относительно второго фронта после того, как на этот счет выскажется американское правительство. Это по существу означало: «Как американцы, так и мы». Американцы без всяких оговорок и резерваций заявили и написали в коммюнике, что второй фронт будет открыт в 1942 г. Вслед за ними английское правительство дало согласие на опубликование коммюнике о втором фронте, которое было идентично советско-американскому. Это означало, что и английское и американское правительства в равной степени обязались перед Советским Союзом открыть второй фронт.

Черчилль и оправдывающие его историки считают важной в памятной записке лишь оговорку («следовательно, мы не можем дать обещания в этом отношении») и признают не имеющими значения те ее части, где подтверждается обязательство открыть второй фронт. Это может означать лишь одно — что памятная записка сознательно была составлена таким образом, чтобы использовать ее в качестве оправдания нарушения обязательства, заключенного в советско-английском коммюнике. Американский генерал Ведемейер, участвовавший вместе с Гопкинсом и Маршаллом в апреле 1942 г. в переговорах о втором фронте, пишет: «Англичане вели переговоры мастерски. Особенно выделялось их умение использовать фразы и слова, которые имели более одного значения и допускали более чем одно толкование. Это была постановка в классическом стиле Макиавелли. Я не утверждаю, что стремление обмануть было личной характерной чертой того или иного участника переговоров. Но когда дело шло о государственных интересах, совесть у наших анг-

лийских партнеров по переговорам становилась эластичной... Я был свидетелем английского дипломатического искусства в его лучший час, искусства, которое развивалось в течение столетий успешных международных интриг и обмана, сочетающегося с лестью».

Только имея в виду эту, по определению Ведемейера, «эластичность совести» английских политиков, можно понять смысл памятной записки о втором фронте, врученной Черчиллем советскому наркому, а также использование этого документа в дальнейшем Черчиллем и другими английскими деятелями и английской буржуазной историографией.

В русском языке для таких действий есть определение «сознательный обман». Английская политика, часто пользующаяся обманом и лицемерием для достижения своих целей, породила в английском языке термин, отсутствующий во всех других языках, — humbug — «хамбаг». Английские словари толкуют это слово как «ложь, прикрытая благовидным предлогом», или «ложь, ловко замаскированная под правду». Известный английский политический деятель и публицист Кони Зиллиакус пишет по поводу использования хамбага в английской политике следующее: «Презрение англичан к логике часто приводит к попытке совместить две несовместимые идеи: одну как моральное алиби и основу для речи и чувства, другую как убеждение и основу для действий. Именно эта «раздвоенность мышления» чрезвычайно упрощается европейцем, когда он называет ее английским лицемерием. Следует, однако, признать, что весьма часто ее практические последствия очень трудно отличить от лицемерия и что крайне легко совершить переход от бессознательного самообмана к нарочитой двуличности».

Черчилль как-то писал об «огромной и, бесспорно, положительной роли, которую хамбаг играет в социальной жизни великих народов, живущих в государстве, где существует демократическая свобода». Сам он дал наиболее циничный пример применения хамбага в виде памятной записки о втором фронте, которую он вручил советскому наркому.

Те историки, которые действительно ищут правду, правильно понимают памятную записку Черчилля и утверждают, что Англия и США весной 1942 г. дали Советскому Союзу обязательство открыть второй фронт в

1942 г. И это отнюдь не только марксистские историки. Среди них такие буржуазные историки, как американцы Хиггинс, Ньюмэн и Фейс, англичанин Медликотт и ряд других. Медликотт, например, писал: «Второй фронт был обещан русским в 1942 г.», «как Черчилль, так и Рузвельт согласились на второй фронт».

В июле 1942 г. Черчилль и Рузвельт без участия Советского правительства пересмотрели свое обязательство об открытии второго фронта. Вместо высадки в Европе они решили предпринять в 1942 г. вторжение в Северную Африку. Это было грубейшим нарушением союзнических обязательств перед СССР, и Черчилль очень беспокоился по поводу того, как будет реагировать на такое решение своих союзников Советское правительство. Беспокойство охватило и всех высших английских руководителей. Кадоган в дневнике за 7 июля 1942 г. записал: «Предупредил Идена об идее премьер-министра приостановить *приготовления* (курсив Кадогана. — *В. Т.)* ко второму фронту и откровенно сказать об этом русским. Мы *не можем* сделать это. Это произведет плохой эффект. Кроме этого, мы должны быть *готовы* на *случай* прорыва (советских армий. — *В. Т.)*, когда нам будет необходимо проскользнуть на континент без промедления».

Щекотливую миссию сообщить Советскому правительству о принятом решении Черчилль взял на себя. В августе 1942 г. он прибыл в Москву для этой цели. Интересно, что в мемуарах Черчилль пишет следующее о настроении, с которым он летел в советскую столицу: «Я размышлял о своей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл суммировал все это в стихотворении... В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: «Не будет второго фронта в 1942 г.»». Д. Дилкс в книге, содержащей дневники Кадогана, приводит свидетельство одного из лиц, сопровождавших Черчилля. Будучи в Москве, столице союзного Англии государства, Черчилль 14 августа разразился следующей тирадой: «Мне говорили, что русские не являются человеческими существами. В шкале природы они стоят ниже орангутангов». Разумеется, чувства, которые

английский премьер-министр питал к Советскому Союзу, в отрицательном смысле влияли и на его позицию в вопросе о втором фронте, и на становление англо-советских союзных отношений.

В Москве Черчилль пытался убедить Советское правительство, во-первых, в том, что Англия не в состоянии открыть второй фронт в текущем 1942 г., и, во-вторых, в том, что Англия и не брала на себя такого обязательства (при этом он ссылался на памятную записку, врученную им в свое время наркому иностранных дел). Черчилля не смущало, что в англо-советском коммюнике от 11 июня 1942 г. было твердо зафиксировано обязательство Англии на этот счет и что сам его приезд в Москву для оправданий перед Советским правительством лишь подтверждал как существование обязательства об открытии второго фронта в 1942 г., так и нарушение его Англией, а также и США. Не будь всего этого, зачем Черчиллю было бы ехать в Москву? Американский историк Хиггинс, специально изучавший позицию Черчилля в вопросе о втором фронте и написавший на эту тему книгу, высмеивает попытки Черчилля утверждать, «что его совесть чиста», поскольку он-де «не обманул и не ввел в заблуждение» Советское правительство. Хиггинс приходит к заключению, что Черчилль «обдуманно обманул своего русского союзника».

Руководители Советского правительства держались с ним по-иному. Черчиллю было сообщено о положении на советско-германском фронте, о состоянии Красной Армии и о замысле контрнаступления, которое затем привело к великой победе советского оружия у стен Сталинграда. Это была большая откровенность со стороны Советского правительства, действовавшего честно и искренне в отношениях со своим союзником. Черчилль 15 августа сообщал в Лондон и президенту Рузвельту: «В частной беседе со мной Сталин открыл мне... план широкого контрнаступления», а на следующий день телеграфировал, что он «получил полный отчет о положении русских».

Советские руководители заявили Черчиллю, что, по их убеждению, правительства Англии и США грубо нарушают взятые обязательства, отказываясь открыть второй фронт в 1942 г. 13 августа И. В. Сталин вручил Черчиллю следующий меморандум, суммирующий позиции сторон по этому вопросу. «Организация второго фронта в Европе

в 1942 году, — говорилось в меморандуме, — была предрешена во время посещения Молотовым Лондона и она была отражена в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня с. г. Известно также, что организация второго фронта в Европе имела своей целью отвлечение немецких сил с Восточного фронта на Запад, создание на Западе серьезной базы сопротивления немецко-фашистским силам и облегчение таким образом положения советских войск на советско-германском фронте в 1942 году.

Легко понять, что отказ Правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского Командования. Я уже не говорю о том, что затруднения для Красной Армии, создающиеся в результате отказа от создания второго фронта в 1942 году, несомненно, должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников.

Мне и моим коллегам кажется, что 1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил. Неизвестно, будет ли представлять 1943 год такие же благоприятные условия для создания второго фронта, как 1942 год. Мы считаем поэтому, что именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе. Но мне, к сожалению, не удалось убедить в этом господина Премьер-Министра Великобритании, а г. Гарриман, представитель Президента США при переговорах в Москве, целиком поддержал господина Премьер-Министра».

Советское правительство приняло к сведению намерение союзников высадиться в 1942 г. в Северной Африке и заверение Черчилля (оно также оказалось обманом и впоследствии не было выполнено), что английские и американские войска вторгнутся в Западную Европу мощными силами в 1943 г.

Черчилль всерьез опасался, что недобросовестное поведение союзников побудит Советский Союз пойти на заключение сепаратного мира с Германией. Никаких приз-

наков этого он в Москве не заметил и с величайшим удовлетворением сообщал английскому военному кабинету: «Никогда за все время не было сделано ни малейшего намека на то, что они не будут сражаться».

После окончания переговоров Черчилля с Советским правительством английский король следующим образом поздравил его: «Будучи посланцем с неблагоприятными известиями, вы имели весьма неприятную задачу, и я от всего сердца поздравляю вас с ее искусным выполнением».

Второй фронт был не единственной проблемой, осложнявшей и затруднявшей развитие союзных отношений между СССР и Англией в годы второй мировой войны. Серьезный ущерб этим отношениям наносило стремление Черчилля и его правительства уклониться от признания существовавших в 1941 г. границ Советского Союза и тем самым создать условия для отторжения от СССР ряда территорий при будущем мирном урегулировании.

Впервые этот вопрос был затронут на переговорах с Иденом в декабре 1941 г. в Москве. К тому времени Иден уже заменил на посту министра иностранных дел Галифакса, который был назначен послом Англии в США. На вопрос, гарантирует ли английское правительство, что при мирном урегулировании оно поддержит Советский Союз в его требовании признания его границ 1941 г., Иден не дал положительного ответа. Как это ни странно, в качестве аргумента Иден сослался на Атлантическую хартию. В связи с этим И. В. Сталин заметил Идену: «Я думал, что Атлантическая хартия направлена против тех, кто пытается установить свою мировую гегемонию, а сейчас дело выглядит так, что Атлантическая хартия направлена против СССР. Все, о чем мы просим, — продолжал он, — это восстановить нашу страну в ее прошлых границах. Мы должны иметь их по соображениям нашей безопасности... Я должен отметить, что если вы уклоняетесь от этого, то это выглядит так, как если бы вы создавали возможность для расчленения Советского Союза». И. В. Сталин сказал Идену, что «он удивлен и поражен тем, что правительство Черчилля занимает такую позицию. Это практически та же позиция, которую занимало правительство Чемберлена».

В вопросе о границах Советского Союза такую же позицию, как Черчилль, занимало и американское прави-

тельство. Более того, когда Черчилль, опасаясь за судьбу союза с СССР, склонялся к мнению, что, может быть, лучше было бы все же удовлетворить требования СССР, Вашингтон дал категорически отрицательный ответ.

Желая укреплять и развивать отношения с Англией, Советское правительство пошло на большую уступку: оно решило в то время не настаивать на своем справедливом требовании о границах и заключить с Англией договор о союзе, который не затрагивал бы этой проблемы. 26 мая 1942 г. в здании министерства иностранных дел Англии в присутствии Черчилля был подписан договор между Советским Союзом и Англией, содержавший обязательство обеих сторон оказывать друг другу военную помощь и поддержку всякого рода в войне с Германией и ее сателлитами и определял взаимоотношения обеих сторон в послевоенный период. Договор явился важным положительным фактором в англо-советских отношениях. Его заключение укрепляло международно-политические позиции СССР и Англии, цементировало антигитлеровскую коалицию государств и народов.

В конце 1941 г. английское правительство подписало с СССР и США протокол о поставках в Советский Союз английского и американского вооружения и стратегических материалов. Правда, поставки начались далеко не сразу и в самые трудные моменты для СССР осуществлялись явно недостаточно, но тем не менее они сыграли безусловно положительную роль для Советского Союза и его вооруженных сил. В 1942 г., когда немецкие войска рвались к берегам Волги, английское правительство прервало поставки военных материалов Советскому Союзу. Сам Черчилль и английские историки уверяют, что поставки тормозились трудностями проведения караванов торговых судов в северные порты СССР. Представляется, что большее значение здесь имело то, что в Англии существовали влиятельные круги, которые препятствовали нормальному развитию ее союзнических отношений с Советским Союзом.

Английские вооруженные силы с переменным успехом вели военные действия в Северной Африке против немецко-итальянских войск. По размаху и значению эти операции не могли идти ни в какое сравнение с операциями на советско-германском фронте. Поэтому Черчиллю очень нужна была эффектная победа английского оружия. Не-

обходимость такой победы вызывалась и внутриполитическими соображениями. Военные неудачи и поражений, которые терпело английское оружие в 1942 г., серьезно ослабили позиции правительства Черчилля. В Англии росло недовольство руководством войной, представлявшее серьезную опасность для правительства. Моран пишет, что его дневники за 1942 г. пронизывает мысль: «Уинстон убежден, что его положение как премьер-министра может быть спасено только победой на поле сражения». Близкий к Черчиллю министр Брендон Бракен говорил в сентябре 1942 г. Морану: «Если мы будем разбиты в этом сражении (в Северной Африке. — *В. Т.*), это будет концом Уинстона».

Когда в конце 1942 г. английские войска перешли в наступление против немцев и итальянцев и одержали над ними победу у Эль-Аламейна, Черчилль принялся раздувать это в общем-то второразрядное военное событие до невероятных размеров. Он назвал его «великой битвой», дал указание звонить в колокола по всей Англии и впоследствии утверждал, что битва за Эль-Аламейн «фактически знаменовала поворот судьбы» и явилась «самым решающим сухопутным сражением с целью защиты интересов союзников».

Американский генерал Ведемейер пишет: «Черчилль страшно преувеличивал значение победы союзников в Африке». Этим он преследовал три цели: во-первых, стремился противопоставить Эль-Аламейн советской победе под Сталинградом; во-вторых, хотел укрепить положение своего правительства на внутриполитическом фронте и, следовательно, свои позиции как премьер-министра; в-третьих, демонстрировал перед всем миром крупный вклад Англии в борьбу против Германии и Италии, чтобы ослабить неблагоприятное впечатление от той политики, которую Англия вела в отношении фашистских агрессоров накануне войны. Английский публицист Джон Мандер писал в 1963 г., что в Англии о политике умиротворения теперь говорят: «Какова бы ни была нереалистичность политики Англии в 30-х годах, английский народ искупил ее своей борьбой против Гитлера... Такова официальная версия. Она достаточно приукрашивает дело. Она допускает, что Мюнхен был пятном, но в то же время она утверждает, что это пятно было стерто битвой за Англию и у Эль-Аламейна. Англия, мол, сама себя очистила, и

пусть иностранцы переключат свое внимание с часа ее позора на час ее славы».

«В своих мемуарах, — пишет Г. Пеллинг, — Черчилль рискнул сделать следующее обобщение: «До Аламейна мы не знали победы, после Аламейна мы никогда не знали поражения»... Однако главным фактором, приведшим к изменению характера войны, был успех русских, истощивших германскую армию».

История знает, что не звон английских колоколов в честь Эль-Аламейна, а грохот русских пушек под Сталинградом в действительности знаменовал начало перелома во второй мировой войне. Исход великой битвы под Сталинградом означал, что теперь война будет выиграна союзниками. Тем самым заканчивался этап в английской политике, проходивший под знаком «выжить любыми средствами». Теперь уже было ясно, что Англия выжила и что деятельность Черчилля на посту премьер-министра содействовала снятию смертельной угрозы, нависшей в 1940—1941 гг. над страной.

Однако до победы предстоял еще долгий и тяжкий путь. На рубеже между 1942 и 1943 гг. политика правительства Черчилля вступила в новую фазу.

10

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Поразмыслив некоторое время над тем, что он увидел и услышал в Москве, английский премьер-министр понял, что Советский Союз выйдет из войны не разбитым и ослабленным, как предполагали Черчилль и его единомышленники, а мощной державой. Подобный оборот дела неизбежно должен был оказать решающее влияние на ход войны на ее завершающем этапе. Мощный Советский Союз, думал Черчилль, обязательно будет вести дело к полному разгрому фашизма, результатом чего может явиться бурное развитие революционного движения в странах Европы и во всем мире. Победа Советского Союза в войне в огромной степени укрепит дело социализма, а тот факт, что именно победоносный Советский Союз освободит от фашизма ряд стран Европы, явится дополнительным стимулом для развития социалистической революции в европейских странах. «К 1943 г.,— пишет «Лейбор мансли»,— паника охватила западных правителей при мысли о возможности падения фашизма и победе коммунизма». Черчилль тревожился на этот счет сильнее, чем кто-либо другой.

Еще в октябре 1942 г., до того, как германские войска были разгромлены под Сталинградом, Черчилль составил меморандум и разослал его членам английского военного кабинета. Он писал: «Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств». Эти строки были написаны в дни Сталинградской битвы.

Разумеется, в то время и впоследствии в ходе войны Черчилль неоднократно направлял Советскому правитель-

ству официальные послания, в которых писал, что он радуется победам советского оружия и восхищается успехами Советского государства. Это была лицемерная дань вежливости. Истинные его чувства и намерения были изложены в секретном октябрьском меморандуме 1942 г. для военного кабинета.

Далее Черчилль писал: «Я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое под руководством европейского совета. Я обращаю взоры к созданию объединенной Европы. Я надеюсь, что совет, вероятно, будет состоять из 10 участников, включая бывшие великие державы, шведов, норвежцев, датчан, голландцев, бельгийцев, французов, испанцев, поляков, чехов и турок». Поскольку речь шла о бывших великих державах, то это означало, что в блок, который должен был действовать против СССР, Черчилль имел в виду ввести Германию и Италию. Францию он к числу великих держав не относил, поскольку французы упоминаются им наряду с голландцами и турками. Таким образом, послевоенная внешняя политика Англии периода «холодной войны», имеющая ярко выраженную антисоветскую направленность, была сформулирована Черчиллем еще в конце 1942 г., задолго до разгрома блока фашистских государств объединенными усилиями участников антигитлеровской коалиции.

В конце 1942 — начале 1943 г. было еще очень далеко до победы над Германией, не говоря уже о победе над Японией. Огромный размах сражений на советско-германском фронте убеждал Черчилля, насколько важно для Англии сохранить союз с СССР. Без этого о победе и думать было нечего. После Сталинграда Черчилль и его правительство особенно настойчиво старались переложить на Советский Союз максимум жертв и тягот войны. Одновременно они форсировали выработку участниками антигитлеровской коалиции основ послевоенного мирного урегулирования, стремясь заранее связать Советский Союз в этом отношении.

Правительство Черчилля продолжало нарушать свои обязательства по открытию второго фронта. В Москве в августе 1942 г. Черчилль заверил Советское правительство, что второй фронт будет открыт в 1943 г. Его заверения оказались чистейшим обманом. Узнав об этом, правительство СССР заявило энергичный протест. Неоднократ-

ное нарушение Англией и США обязательств о втором фронте, указало оно, ставит вопрос «о сохранении... доверия к союзникам». Советские руководители тщательно анализировали слова и дела Черчилля, стремясь установить его истинные намерения и цели, и приходили к неутешительным выводам. И. В. Сталин в письме послу СССР в Лондоне в октябре 1942 г. писал: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР... по вопросу о систематической бомбежке англичанами Берлина в течение сентября, которую провозгласил Черчилль в Москве и которую он не выполнил ни на йоту, несмотря на то, что он безусловно мог это выполнить».

После битвы на Курской дуге летом 1943 г. был окончательно закреплен перелом в ходе второй мировой войны и Красная Армия начала неудержимый марш на запад, изгоняя захватчиков с собственной территории и неся свободу народам Европы. Такой поворот событий поставил вопрос о втором фронте в иную плоскость. По мере продвижения советских войск на запад политики Лондона и Вашингтона постепенно приходили к мысли, что им надо поторопиться со вторым фронтом, и не столько чтобы помочь своему советскому союзнику, сколько чтобы ввести свои войска в Западную Европу до того, как она будет освобождена Красной Армией. Поэтому на состоявшейся в конце ноября 1943 г. в Тегеране конференции глав трех государств — СССР, США и Англии было принято окончательное решение о вторжении англо-американских войск в Западную Европу в мае 1944 г.

К концу 1943 г. внутри антигитлеровской коалиции произошло радикальное изменение в соотношении сил не в пользу Англии. Советский Союз с успехом выполнял роль главной ударной силы в борьбе против гитлеровской Германии и ее сателлитов, и соответственно его роль в определении послевоенных судеб мира возрастала. Соединенные Штаты разворачивали свои вооруженные силы и военную промышленность, в результате чего их влияние в коалиции также увеличивалось. Вследствие этого влияние Англии относительно падало. В конце 1943 г. премьер-министр Южно-Африканского Союза Смэтс, один из крупнейших политических деятелей Британской империи, го-

ворил английским руководителям, что «после войны будет два колосса. В Европе — Россия. Другим колоссом будет Северная Америка». Черчилль с горечью и раздражением сознавал это. По словам английского историка Д. Дилкса, подготовившего к печати дневники Александра Кадогана[1], во время Тегеранской конференции Черчилль несколько раз говорил, что он тогда впервые понял, «какая малая страна Британия». «С одной стороны от меня, скрестив лапы, сидел огромный русский медведь, с другой — огромный американский бизон,— рассказывал он.— А между ними сидел бедный маленький английский осел... и только он, один из всех трех, знал верный путь домой» (какой характерный для Черчилля заключительный аккорд!). Однако по мере того, как война шла к концу, ему все больше приходилось считаться с мнением других участников коалиции и все меньше удавалось навязывать собственные предложения.

На протяжении всей своей жизни Черчилль был сторонником тесных отношений между Англией и Соединенными Штатами. Первое его высказывание на этот счет относится еще к началу XX в. Биографы Черчилля утверждают, что его симпатии к США объясняются тем, что он по крови наполовину американец. Это обстоятельство, вероятно, имело известное значение. Однако решающую роль играло, конечно, другое: Черчилль пришел к выводу, что у Англии и США в XX в. в общем одни и те же соперники. В Европе это — Германия, на Дальнем Востоке — Япония, а во всем мире — социализм и революционное движение народов. Несомненно выражая мнение Черчилля, Иден в беседе с Рузвельтом 15 марта 1943 г. говорил: «Россия является нашей самой трудной проблемой», «Англия, вероятно, будет слишком слаба, чтобы одной выступать против России». Поэтому вражда между Англией и США недопустима и они должны вместе выступать против общих противников.

---

[1] Кадоган был постоянным заместителем министра иностранных дел и в этом качестве присутствовал на заседаниях британского военного кабинета и принимал участие в принятии внешнеполитических решений на самом высоком уровне. Будучи умным наблюдателем, Кадоган зафиксировал в своем дневнике, вначале не предназначавшемся для опубликования, обстановку и настроения, царившие в высшем британском руководстве в годы второй мировой войны.

В годы второй мировой войны сотрудничество между Англией и США было очень тесным. Официального договора о союзе между двумя странами не существовало, но фактически отношения между ними были союзническими и во всяком случае намного более тесными, чем отношения между Англией и СССР, заключившими союзный договор. Англия получала от Соединенных Штатов значительно большую материальную помощь, чем Советский Союз от обоих своих союзников. Военные усилия Англии и США координировались довольно тесным образом. Существовал объединенный комитет начальников штабов, осуществлявший эту координацию. Действовали, хотя и не очень результативно, объединенные органы по распределению производимого вооружения, снаряжения и стратегических материалов. Политические контакты между двумя правительствами были более частыми и тесными, чем между ними и правительством Советского Союза.

Президент Рузвельт знал и понимал Черчилля, как немногие. Он не обманывался насчет внешних выражений почтительности, хотя Черчилль часто именовал себя «первым лейтенантом» Рузвельта, неизменно обращался к нему «г-н президент», получая в ответ дружеское «Уинстон».

Рузвельта утомляло упрямство британского премьера. К концу войны, повествуют очевидцы, президент обычно давал выговориться Черчиллю, а затем коротко предлагал вердикт. Так было на второй конференции в Квебеке. В Ялте, как вспоминает государственный секретарь Стеттиниус, после начала очередной речи Черчилля президент послал американской делегации записку: «Опять полчаса болтовни!» Как-то в конце войны, говоря о своих взаимоотношениях с Черчиллем, Рузвельт вышел из себя. Он закричал: «Да, я устал! И вы устанете, если вам придется истратить пять часов, как только что сделал я, пытаясь втащить Уинстона в тачке на крутой холм!» Черчилль видел это. Недаром американские наблюдатели подметили, что на последних встречах с Рузвельтом он выглядел так, «как будто ежеминутно ожидал пинка».

При всем этом Рузвельт привык к Черчиллю и ценил его. Только со смертью президента с его стола в кабинете Белого дома была убрана деревянная статуэтка Черчилля с громадной сигарой во рту. К фигурке была приколота записка, написанная рукой президента: «Не убирать! Штраф 250 долларов!»

Наряду с тенденциями, ведущими к сближению между Англией и США, за которое Черчилль неустанно ратовал, действовали и противоположные — обострялись и углублялись противоречия между английским и американским империализмом. Чем больше изменялось соотношение сил между двумя странами в ущерб Англии, чем сильнее обнаруживалась в политике США тенденция к установлению в послевоенном мире своего господства, тем больше обострялись англо-американские противоречия. США использовали оказание помощи Англии по ленд-лизу для того, чтобы навязать ей условия, неблагоприятные для английской внешней торговли. Соединенные Штаты вмешивались в финансовую политику Англии и пытались регулировать объем ее валютных запасов. Американцы не считались с английскими интересами при разработке ядерного оружия, хотя она велась обеими странами совместно; США заявили претензии на запасы нефти на Ближнем Востоке, ранее находившиеся в безраздельном владении Англии. Обострилась борьба между Лондоном и Вашингтоном за влияние в арабском мире, и прежде всего в Саудовской Аравии.

Американские правящие круги пытались взорвать Британскую империю, выступая с демагогическим требованием предоставления Индии независимости. В действительности речь шла не о реальной независимости, а о том, чтобы номинально независимую Индию американский империализм экономическими и иными методами подчинил своему влиянию, вытеснив оттуда английских колонизаторов. В декабре 1944 г. Черчилль писал Идену: «Умоляю помнить мое заявление в речи, произнесенной в ноябре 1942 г., против ликвидации Британской империи. Если американцы хотят забрать японские острова, которые они завоевали, пусть они их забирают с нашего благословения... но «Руки прочь от Британской империи!» — это наша заповедь».

Соединенные Штаты использовали военные условия для вытеснения английских товаров и влияния из Латинской Америки. Черчилль был склонен не оказывать настойчивого сопротивления в этом вопросе. «Думая о важнейших вопросах,— писал он Идену в феврале 1944 г.,— по которым мы можем иметь затруднения с Соединенными Штатами,— нефть, долларовые балансы, торговое судоходство, политика в отношении Франции, Италии, Испании, Бал-

кап и т. д.,— я полагаю, что мы должны попытаться дать им почувствовать, что мы их друзья и помощники в американской сфере».

Обдумывая послевоенное устройство мира, Черчилль развивал, во-первых, идею создания ряда федераций в Европе и в мире вообще и, во-вторых, концепцию тесного англо-американского союза, который должен был по его замыслу обеспечить англо-американскую гегемонию в послевоенном мире. Американцам Черчилль заявил, что план создания региональных объединений в Европе (подразумевалось, но вслух не произносилось, что руководить этими объединениями должна, конечно, Англия) направлен против Советского Союза и революционного движения. Это была правда, но не вся правда. Английское правительство надеялось, что, опираясь на такие объединения, ему будет легче разговаривать со своим более мощным и все более бесцеремонным американским партнером. Об этом Черчилль в беседах с американцами, конечно, не распространялся.

Он полагал, что сохранение на постоянной основе и расширение сложившегося в годы войны англо-американского блока должно снять возражения США против создания региональных союзов в Европе под эгидой Англии. В мае 1943 г., во время одного из своих частых визитов в США, Черчилль пригласил в английское посольство группу видных американских государственных деятелей (Рузвельта среди них не было) и выступил перед ними с идеей «послевоенного сотрудничества Соединенных Штатов и Британского содружества наций в братском сообществе». Черчилль готов был идти по этому пути довольно далеко. Он предлагал, чтобы граждане Англии и США могли, не теряя своего нынешнего гражданства, свободно приезжать, поселяться и торговать на равных началах на территориях друг друга. По его словам, было бы целесообразно ввести общий паспорт и выработать какую-то общую форму гражданства, в соответствии с которой американские и английские граждане пользовались бы правом голоса по истечении определенного срока проживания и могли работать в государственных учреждениях на территориях друг друга, подчиняясь существующим там законам. Черчилль предлагал сохранить и после войны объединенный англо-американский военный штаб, систематически вести переговоры между штабами обеих стран и

принять меры для обеспечения общей линии во внешней политике.

Чтобы сделать идею англо-американского союза привлекательной для США, Черчилль заявлял, что таким образом они получат возможность по своему выбору пользоваться военными базами на территории Британской империи. В июле 1945 г. на Берлинской конференции, когда Рузвельта уже не было в живых, Черчилль вновь развивал эти идеи перед новым американским президентом Трумэном. «Англия,— говорил он,— как держава меньше, чем Соединенные Штаты, но она многое может дать».

Когда в ответ на эти прожекты вице-президент Уоллес заметил: «Не подумают ли другие страны, что Англия и Соединенные Штаты пытаются управлять миром?» — Черчилль не стал опровергать такую возможность. Он лишь заметил, что «подобного рода предположения не должны препятствовать созданию англо-американского союза».

По замыслу Черчилля союз с Америкой должен был помочь Англии сохранить на многие годы свое господство над гигантской колониальной империей. Выработав вместе с Рузвельтом Атлантическую хартию, которая провозглашала право народов избирать по собственному желанию форму управления своими делами, Черчилль тут же официально заявил, что Британская империя должна быть исключена из сферы действия Атлантической хартии. Он неоднократно выступал с заявлениями, что не потерпит никаких изменений в управлении Британской колониальной империей. Широкую известность приобрело заявление Черчилля о том, что он «стал первым министром короля не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи».

Особенно отрицательно ультраколониалистская политика Черчилля сказалась на положении в Индии. Лидеры индийского народа, выступавшие с требованием предоставить ему свободу, были в августе 1942 г. заключены по решению английского правительства в тюрьму. За тюремной решеткой оказались такие деятели, как Ганди и Джавахарлал Неру.

Усилиями Советского Союза проблема колоний в годы войны была превращена из внутренней, касавшейся исключительно компетенции соответствующих государств-колонизаторов, в международную проблему, рассматривав-

шуюся всеми участниками антигитлеровской коалиции. На конференции в Сан-Франциско, которая создала Организацию Объединенных Наций и приняла ее Устав, Советский Союз отстаивал признание права на независимость за народами колоний и зависимых стран. Против него объединенными силами выступали английская, американская, французская и ряд других делегаций. Обстановка на конференции сложилась таким образом, что колонизаторам не удалось помешать включению в Устав ООН положений, отвечавших, хотя и недостаточно полно, интересам национально-освободительной борьбы народов.

В области внутренней политики Черчилль не имел во время войны больших забот. Сознавая, что Англия ведет справедливую антифашистскую войну, английские трудящиеся единодушно поддерживали правительство и его меры, направленные на завоевание победы. Рабочий класс с гораздо большей готовностью, чем во время первой мировой войны, переносил тяготы военного времени. Классовая борьба в стране, разумеется, не исчезла, но она была менее острой, чем в первую мировую войну.

Консерваторы заключили с либералами и лейбористами политическое перемирие. Это означало, что они не будут бороться за освобождающиеся по каким-либо причинам парламентские места и что эти места закрепляются за той партией, которой они принадлежали ранее. Когда рабочие организации ставили вопрос об отмене направленного против профсоюзов законодательства, принятого парламентом в 1927 г. в виде мести рабочему классу за всеобщую забастовку 1926 г., или когда речь заходила о национализации после окончания войны тех или иных отраслей промышленности или железнодорожного транспорта, Черчилль действовал как верный страж интересов английских монополий. Он отказывался от рассмотрения подобных вопросов под тем предлогом, что это могло бы нарушить национальное единство и имело бы отрицательное значение для военных усилий страны. Это, разумеется, была отговорка, но правые лидеры лейбористской партии и профсоюзов удовлетворялись ею.

Хорошо помня, в какое трудное положение попало английское правительство в 1914—1918 гг. в связи с огромным размахом рабочего движения в стране, Черчилль испытывал тревогу, как бы в погоне за военными прибылями монополии не перегнули палку и не вызвали обостре-

ние классовой борьбы. Но и английская буржуазия помнила уроки истории.

Правительство Черчилля осуществило систему мероприятий, которые должны были в какой-то степени сдержать рост цен на продовольствие и предметы первой необходимости. Хотя эти меры не предотвратили снижения уровня реальной заработной платы, однако они все же несколько смягчили внутриполитическую обстановку.

В первые годы войны правительство Черчилля широко рекламировало готовность разработать систему реформ, улучшающих социальные условия английских трудящихся, которая будет осуществлена после войны. Был создан специальный комитет под руководством лейбориста Гринвуда. По мере того как победа становилась все более реальной и близкой, правительство все меньше вспоминало о проектах послевоенных реформ.

Когда либеральный реформатор Бевеоидж представил доклад о реформе социального страхования, подготовленный в соответствии с указаниями правительства, Черчилль и его коллеги весьма прохладно отнеслись к его предложениям. Страховые компании, разумеется, выступили против этого доклада. Правительство Черчилля сразу же капитулировало перед ними, не предприняв никакой попытки защитить рекомендации Бевериджа. Гринвуда, несшего ответственность за разработку программы социальных реформ, удалили из военного кабинета. Это уже было слишком для лейбористской партии, и ее парламентская фракция официально выразила «свое неудовлетворение политикой правительства в отношении доклада Бевериджа», что явилось знаменательным симптомом нараставшего в рядах лейбористской партии недовольства деятельностью коалиционного правительства. Были и другие аналогичные симптомы.

Если правительство Черчилля к концу войны усвоило тактику умолчания относительно послевоенного будущего Англии, то левые силы страны все более настойчиво требовали изменения экономических и социальных условий в стране после победы. В конце 1944 г. компартия опубликовала программу под названием «Как выиграть мир» и обратилась ко всем демократическим силам Англии с призывом объединиться, чтобы положить конец господству консерваторов. Состоявшийся в октябре 1944 г. съезд компартии выдвинул требование проведения плановой эконо-

мической и социальной реконструкции в Англии на базе национализации земли, угольной и энергетической промышленности, транспорта, металлургии и банков. Компартия выступила с предложением, адресованным лейбористской партии, либеральной и кооперативной партии, создать на предстоящих выборах в парламент прогрессивный блок, чтобы обеспечить поражение консерваторов на выборах и заменить консервативное правительство.

Большое недовольство вызывало то, что Черчилль все больше концентрировал власть в своих руках. Премьер-министр по своему усмотрению перетасовывал военный кабинет. Роль кабинета, не говоря уже о роли парламента, в управлении страной сокращалась. «К концу 1942 г.,— замечает Хьюз,— Черчилль в действительности стал фактическим диктатором Англии».

В декабре 1944 г. была опубликована статья Герберта Уэллса под заголовком «Черчилль должен уйти». «Уинстон Черчилль,— писал Уэллс,— ныне являющийся будущим английским фюрером, представляет собой личность с набором авантюристических идей, ограниченных возможностями английской политической жизни. Он никогда не обнаруживал широты мышления или способности к научному подходу, равно как и данных в области литературного творчества. Сейчас он, кажется, совсем потерял голову. Когда английский народ был сыт унижением в связи с неумной политикой находившейся у власти старой консервативной шайки, задиристость Уинстона выдвинула его на первый план. Страна хотела бороться, а он любил драку. Из-за отсутствия лучших оснований он стал символом нашей воли к борьбе. Эта роль уже изжила себя... Черчилль выполнил свою задачу, и уже давно пришло время для того, чтобы он ушел в отставку и почил на лаврах, пока мы не забыли, чем ему обязаны».

Конечно, подобная оценка слишком сурова, но она убедительно показывает, как в Англии постепенно нарастало критическое отношение к Черчиллю. В какой-то момент на завершающем этапе войны рост его популярности замедлился, а затем начался и обратный процесс. Последние месяцы войны, бесспорно, прошли под знаком именно такого обратного процесса. Черчилль и другие консервативные лидеры не придавали этому значения и вскоре столкнулись с большими неприятностями во время парламентских выборов 1945 г.

Черчилль понимал, что победа Советского Союза в войне неизбежно будет стимулировать рост международного революционного движения, содействовать вызреванию революционной ситуации в странах Европы. В этом же направлении действовало и то, что коммунистические партии Европы находились в первых рядах борьбы против фашизма. Было очевидно, что в таких условиях война должна закончиться новым революционным взрывом, который может смести буржуазный строй в ряде государств. Кошмар социалистической революции мучил Черчилля на протяжении всей войны. Страхом перед революцией диктовались многие действия его правительства.

По мере того как одна за другой страны Западной Европы подпадали под власть Германии, в Лондоне концентрировались эмигрантские правительства этих стран. Английское правительство оказывало им покровительство, руководствуясь двумя соображениями: оно стремилось использовать их возможности в военной борьбе против Германии, а также сохранить их как зародыш власти, которую надлежало восстановить в соответствующих странах после их освобождения от немецких захватчиков. Это все были в большей или меньшей степени реакционные правительства, и возвращение их в соответствующие страны означало бы, что власть там будет передана в руки реакции, а не тех левых сил, которые консолидировались в борьбе против фашизма.

Эмигрантские правительства использовались английским правительством в целях подготовки различных межгосударственных объединений в странах Европы, направленных против Советского Союза. Они использовались англичанами также для того, чтобы укреплять и расширять позиции правых сил в движении Сопротивления на Европейском материке.

В Лондоне объективно были заинтересованы, чтобы движение Сопротивления германской оккупации приняло возможно более широкие размеры. Этого требовали военные соображения. В то же время нельзя было не понимать, что по мере увеличения размаха борьбы в оккупированных немцами странах политический баланс сил там будет меняться в пользу коммунистов и других левых сил. Поэтому английское правительство непрестанно колебалось между желанием использовать движение Сопротивления в своих целях и стремлением затормозить его разви-

тие, с тем чтобы задержать рост революционных тенденций в странах Европы. Оно широко практиковало такое средство, как предоставление вооружения и снаряжения участникам движения Сопротивления для поддержки его правого крыла. Занимавшийся этими вопросами в годы войны полковник Дикин, переквалифицировавшийся впоследствии в историка, пишет: «Предоставляемое управлением специальных операций оружие неизбежно должно было воздействовать на соотношение политических сил внутри движения Сопротивления».

Упорно борясь против стратегической концепции нанесения удара по Германии в Западной Европе, Черчилль так же настойчиво отстаивал свой стратегический план удара по врагу с юга через Балканы. Утверждают, что он руководствовался соображением бить по самому слабому месту противника. Говорят также о его желании взять своеобразный реванш за свой провал в Дарданеллах в 1915 г. Однако если эти мотивы в стратегическом мышлении Черчилля и играли какую-либо роль, то во всяком случае не главную.

Главными в его стратегии были политические соображения. Черчилль добивался введения английских и американских войск на Балканы с тем, чтобы они затем сделали мощный рывок на север, заняли страны Юго-Восточной и Центральной Европы и преградили Красной Армии путь на запад. Введение англо-американских войск служило бы гарантией того, что в странах этого региона будут восстановлены реакционные порядки, а заодно укрепится и влияние Англии. Черчилль писал в записке министерству иностранных дел: «Вопрос стоит так: готовы ли мы примириться с коммунизацией Балкан и, возможно, Италии?.. Наш вывод должен состоять в том, что мы должны сопротивляться коммунистическому проникновению и вторжению».

Черчилль оказывал сильный нажим на командовавшего англо-американскими войсками в Европе генерала Эйзенхауэра, добиваясь, чтобы американцы согласились на балканскую стратегию. Как пишет Эйзенхауэр в своих мемуарах, английский премьер исходил при этом из соображения, что, «если бы западные союзники имели большие силы на Балканах, положение было бы более благоприятным для создания устойчивого мира по окончании военных действий, чем если бы русские армии оккупировали этот

район». Черчилль имел в виду в подходящий момент бросить англо-американские армии, находившиеся в Италии, через Люблянский проход в Центральную Европу. «Он настойчиво обращал внимание,— пишет Оливер Литтлтон в своих воспоминаниях,— на преимущества, которые могут быть получены, если западные союзники, а не русские освободят и оккупируют некоторые столицы, такие как Будапешт, Прага, Вена, Варшава, составляющие часть самой основы европейского порядка».

Против балканской стратегии Черчилля возражал не только Советский Союз. Американцы прекрасно понимали, что балканская стратегия имеет две стороны — не только антисоветскую, но и антиамериканскую. Президент Рузвельт отдавал себе отчет в том, что реализация замыслов Черчилля должна была повести к установлению английского господства в Юго-Восточной Европе, и считал, что американцы не должны таскать каштаны из огня для своих английских друзей-соперников. Крайне неохотно Черчилль был вынужден согласиться на то, чтобы союзники нанесли удар по Германии с запада. Однако он, как пишет американский генерал Ведемейер, «настолько упорно боролся за свой план, что ему удалось задержать начало «Оверлорда» (кодовое название операции по высадке десанта в Нормандии.— *В. Т.*) до того момента, когда его ценность как решающей операции была утрачена».

Вторжение англо-американских войск в Западную Европу началось 6 июня 1944 г. Грандиозный американо-английский десант высадился на западном побережье Франции. В высадке приняли участие и канадские войска. Вторжение было тщательно подготовлено и продумано до мелочей. Перед организаторами высадки встал трудный вопрос: как на пляжах Нормандии осуществить разгрузку техники и снаряжения с крупных и средних судов. Черчилль настоял, чтобы в Англии заранее были построены бетонные гавани, которые в момент высадки надлежало отбуксировать к пляжам Нормандии. Эти гавани принесли большую пользу при высадке десанта.

Войска вторжения закрепились на берегу без особых затруднений — значительно легче, чем опасались Черчилль и его военные советники. Уже 12 июня он сам прибыл в Нормандию в сопровождении начальника генерального штаба Аланбрука и своего старого друга престарелого фельдмаршала Смэтса, премьер-министра Южно-Афри-

канского Союза. Визит Черчилля в войска имел чисто символическое значение. Он пообедал в штабе английского генерала Монтгомери, расположенном в пяти милях от побережья, и затем на эсминце вернулся в Англию.

Советский Союз пунктуально выполнил свое обязательство предпринять весной 1944 г. мощное наступление, облегчающее вторжение союзников через Ла-Манш. Как подчеркивает американский историк Г. Фейс, «когда это обещание было выполнено и советские армии действительно начали огромное наступление в соответствии с планом, военные лидеры с Запада не только оценили это должным образом, но все это произвело на них сильное впечатление. Это убедило их... в надежности слов Советского правительства». Началось постепенное освобождение ряда стран от фашистской оккупации.

Однако конец 1944 г. ознаменовался крупной неудачей для союзников на Западном фронте. Гитлер использовал обстановку наступления союзников у границ Германии для того, чтобы нанести им контрудар в районе Арденн (Бельгия). Замысел немцев состоял в том, чтобы отрезать и разгромить англо-американские войска в Бельгии и Голландии, сорвать их планы наступления на будущий год и получить тем самым возможность перебросить значительную часть войск на восток для борьбы с Советской Армией. Фронт был прорван, и немецкие войска продвинулись на 90 км. Наступление немцев кое-как удалось задержать, но угроза разгрома ими второго фронта существовала в самой острой форме.

Это заставило Черчилля обратиться 6 января 1945 г. к Сталину с просьбой помочь «крупным русским наступлением на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января». В ответном письме Сталин писал, что, «учитывая положение наших союзников на Западном фронте», решено «усиленным темпом закончить подготовку и... открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января». 12 января, на восемь дней ранее намечавшегося срока, советские войска нанесли гитлеровской армии мощный удар, немцы сразу же прекратили наступательные действия на западе и начали переброску войск на восток. В течение первых трех недель наступления советские войска продвинулись на 500 км на главном направлении наступления, вышли на реку Одер и оказались в 70 км

от Берлина. Верность СССР своему союзническому долгу еще выше подняла его мировой престиж.

Освободившиеся народы Европы не желали возврата к старому и стремились построить для себя новую жизнь на демократических основах. Наиболее боевые элементы концентрировались в рядах движения Сопротивления, и английское правительство, старавшееся любыми средствами сохранить в Европе буржуазные порядки, использовало свои вооруженные силы для разоружения участников Сопротивления. Без пропагандистского прикрытия это делать было нельзя. Поэтому, например, когда английскими воинскими частями разоружалось движение Сопротивления в Бельгии, Черчилль заявил, что его участники якобы готовили восстание против возвратившегося в страну правительства. Корреспондент одной из английских буржуазных газет произвел в Бельгии тщательное расследование этого вопроса и написал в своей газете, что он «не смог найти никаких признаков готовившегося путча, которым Черчилль мотивировал английское вмешательство в бельгийские дела».

В Греции, где движение Сопротивления было значительно более мощным и где, как пишет Г. Пеллинг, основную его силу составляли партизаны-коммунисты, действовавшие в горах, Черчилль видел свою задачу в том, чтобы не дать им возможности войти в Афины и взять власть. В своих усилиях навязать народу реакционного короля и правительство он начал открытую войну против населения страны. К концу декабря 1944 г. в Грецию было направлено до 60 тыс. английских солдат. Черчилль приказал командовавшему этими войсками генералу Скоби действовать «без колебаний» («так, как если бы вы были в завоеванном городе, в котором нарастает... бунт»). Английские войска расстреляли мирную демонстрацию и тем самым положили начало длительной кровопролитной войне английского империализма против греческого народа. Солдатам Черчилля пришлось штурмом брать столицу Греции Афины.

Особую заботу Черчилля составляло будущее Польши. Находившееся в Лондоне польское правительство было реакционным и более враждебным Советскому Союзу, чем любое другое эмигрантское правительство. Лондонские поляки считали Советский Союз бо́льшим врагом, чем гитлеровскую Германию. Польское эмигрантское правительст-

во было озабочено не столько ведением войны против Германии, сколько тем, как бы после ее окончания вновь захватить Западную Белоруссию и Западную Украину, которые в свое время белопанская Польша отторгла от Советской России, пользуясь ее временной слабостью и поддержкой империалистических держав, и которые в 1939 г. воссоединились с народами Советского Союза в одном государстве. Правительство Черчилля поддерживало эти территориальные претензии польской эмиграции. Черчиллю нужна была не просто сильная Польша. Он пишет, что все годы между первой и второй мировыми войнами «Польша была авангардом антибольшевизма». Вот такую Польшу он и хотел возродить после второй мировой войны.

К началу 1943 г. обстановка на фронтах сложилась таким образом, что Черчилль понял всю безнадежность попыток отторжения от СССР Западной Белоруссии и Западной Украины. Это заставило его согласиться на установление границы между СССР и Польшей по так называемой линии Керзона, которая еще во время Парижской мирной конференции 1919 г. была предложена английским министром иностранных дел как справедливая граница между Советской Россией и Польшей. На Тегеранской конференции в конце 1943 г. Черчилль предложил принять по польскому вопросу решение, гласившее: «Очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции». Сталин и Рузвельт приняли это предложение. Однако достаточно было эмигрантскому польскому правительству заявить свои возражения, и Черчилль отказался от данного им в Тегеране слова.

В конце войны Черчилль усилил активность в польском вопросе. Он даже предложил Советскому правительству поставить освобождаемые Красной Армией территории Западной Украины и Западной Белоруссии под контроль представителей Объединенных Наций. По этому поводу Сталин писал Черчиллю: «Такие поползновения мы не можем принять к обсуждению, ибо даже саму постановку такого вопроса считаем оскорбительной для Советского Союза».

В октябре 1944 г. Черчилль в сопровождении Идена посетил Москву, чтобы решить вопросы, связанные с Поль-

шей и Балканскими странами. Рузвельт не мог принять участия в этой встрече из-за занятости в связи с предстоящими президентскими выборами. Как пишет Г. Пеллинг, Черчиллю был оказан в Москве «очень сердечный прием». В его распоряжение предоставили загородную дачу и «маленький, прекрасно обставленный» особняк в городе. Специально для Черчилля и сопровождавших его лиц был устроен концерт в Большом театре с участием лучших артистов советской оперы и балета. Больше всего Черчиллю понравилось выступление Ансамбля песни и пляски Красной Армии.

В Москве произошла встреча Черчилля и Идена с представителями Польского Комитета Национального Освобождения. Оба английских лидера убедились, что польские патриоты, ведшие в годы войны самоотверженную борьбу против фашистской оккупации, намерены сами решать судьбу своей родины.

Хотя Черчилль пользовался в вопросе о Польше полной поддержкой американского правительства, его усилия были обречены на провал. Польские патриоты консолидировали свои силы и создали свои органы государственной власти. Советский Союз оказывал всяческую помощь и поддержку демократическим силам польского народа. В то же время Советское правительство проявляло готовность идти навстречу пожеланиям английского правительства в том, чтобы будущее правительство Польши было создано на широкой политической базе с включением как демократических деятелей из самой Польши, так и поляков из-за границы.

Черчилль использовал это проявление доброй воли Советским правительством, чтобы попытаться навязать будущей Польше по существу реакционное правительство, не допустить в него прогрессивных деятелей, и прежде всего коммунистов. Эта позиция противоречила не только интересам польского народа, но и принятым с участием самого же Черчилля решениям Крымской конференции в феврале 1945 г.

Действия Черчилля в польском вопросе — это безнадежная борьба против польского народа, который был полон решимости не допустить возврата к старому и перестроить свою жизнь на демократических основах. В то же время это была борьба и против Советского Союза, который не намеревался терпеть восстановление на его гра-

ницах пресловутого «санитарного кордона», воздвигнутого после первой мировой войны усилиями Англии, Франции и Соединенных Штатов в контрреволюционных, антисоветских целях.

На Потсдамской конференции глав правительств СССР, Англии и США большие споры вызвал вопрос о западных границах Польши. Советский Союз выступал за возврат польскому народу его исконных земель, ранее силой захваченных немцами. Черчилль же стремился провести западную границу Польши так, чтобы часть этих земель все же осталась у Германии.

«Потсдамская конференция,— пишет в этой связи американский историк Моррей,— заслушала президента Берута из Польши, который высказался за установление западной границы Польши по рекам Одеру и Западной Нейсе... Черчилль выступил против требования Берута... Можно счесть за парадокс, что Черчилль, который добивался вступления Англии в войну с Германией из-за Польши и который выступил в Ялте в пользу «существенного прибавления» германской территории к Польше, теперь действовал в роли защитника немцев от польских претензий... Не объяснялось ли это в действительности характером польского временного правительства национального единства?» Моррей правильно понял суть позиции Черчилля. Однако английский премьер-министр не смог добиться своего — по настоянию Советского Союза Польша получила справедливые границы.

На Крымской конференции в феврале 1945 г. с участием Черчилля было принято решение, говорившее об общей решимости СССР, Англии и США «сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной... Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами... может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир». Черчилль подписался под этим решением вынужденно. В то время он на самом деле думал не о взаимопонимании с СССР, а об использовании силы, с тем чтобы ограничить влияние Советского Союза в мировой политике и заставить его согласиться на экспорт западными державами контрреволюции в страны Европы, освобождаемые Красной Армией.

В военных мемуарах Черчилль пишет, что его политика и стратегия в марте 1945 г. состояла в следующем: «Во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток; в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин; в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важное значение; в-шестых, Вена и по существу вся Австрия должна управляться западными державами... в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито... Наконец,— и это главное — урегулирование между Западом и Востоком по всем основным вопросам, касающимся Европы, должно быть достигнуто до того, как армии демократии уйдут...»

Насколько эта политика и стратегия Черчилля отличается от того, что он несколько недель тому назад говорил и подписал в Ялте! Теперь для него Россия — это смертельная угроза, и против нее должен быть немедленно создан новый фронт. Разумеется, официальная позиция Черчилля оставалась прежней, от ялтинских решений он тогда еще не отказался, но в действительности, как он сам свидетельствует в мемуарах, его политика находилась в прямом противоречии с этими решениями.

Вопреки ялтинским решениям Черчилль предпринял попытку добиться от генерала Эйзенхауэра, чтобы союзные войска сделали мощный рывок в сторону Берлина и заняли германскую столицу раньше, чем это сможет сделать Красная Армия. «Особенно важно,— писал Черчилль Рузвельту 5 апреля 1945 г.,— чтобы мы соединились с русскими армиями как можно дальше на восток и, если позволят обстоятельства, вступили в Берлин». Военная обстановка была такова, что Эйзенхауэр вряд ли имел возможность реализовать этот замысел.

Когда 12 апреля 1945 г. Франклин Рузвельт умер и президентом США стал Гарри Трумэн, Черчилль счел, что у него появились дополнительные шансы взорвать антигитлеровскую коалицию на последнем этапе войны.

Впоследствии Черчилль поведал миру, что «еще до того, как кончилась война, и в то время, когда немцы сдавались сотнями тысяч, а наши улицы были заполнены ликующими толпами, я направил Монтгомери (командую-

щему английскими войсками в Западной Европе.— *В. Т.*) телеграмму, предписывая тщательно собирать и складывать германское оружие, чтобы его легко можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось». Четверть века спустя западногерманский публицист буржуазно-либерального толка С. Хаффнер писал на этот счет: «Надежда Гитлера на столкновение Запада с Востоком была не такой уж необоснованной: весной и ранним летом 1945 года действительно существовала опасность (или, если хотите, шанс), что война между победителями могла вспыхнуть сразу же. По крайней мере один из ведущих деятелей коалиции — Черчилль был, по достоверным источникам, готов и даже стремился к этому». Приведенное выше свидетельство самого Черчилля — это откровенное признание того факта, что на заключительном этапе войны Черчилль готов был вступить в союз с недобитыми нацистами и вместе с ними повернуть оружие против своего союзника — СССР!

«В это поразительное предприятие,— пишет Э. Дзелепи,— которое он замыслил, в этот, так сказать, дьявольский расчет Черчилль вложил всю ту страстность, с которой он вел войну против Гитлера». И если бы Черчилль достиг своей цели, «третья мировая война последовала бы за второй без всякого перерыва, воюющие стороны поменялись бы ролями и союзами, явив миру эффектное зрелище. И гигантская борьба против гитлеровского чудовища, чуть было не повергшего Европу в нацистское варварство, была бы сведена на нет. Германия вышла бы из войны невредимой, чтобы позднее возобновить свое наступление так, словно войны и не было».

Черчилль пытался договориться с американцами о том, чтобы вместе с ними заключить сепаратное — без участия СССР — перемирие с Германией. Американское правительство не пошло на это. В досье, которое американский Комитет начальников штабов подготовил для делегации США на Берлинской конференции, был помещен документ, который гласил, что к концу войны наблюдается «феноменальный рост мощи Советского Союза» и, следовательно, «в случае конфликта между Англией и СССР разница в военных силах, которые они выставят на континенте Европы, будет в нынешних условиях такова, что ее не сможет преодолеть наше вмешательство на стороне

Англии. С учетом военных факторов — людских ресурсов, географических условий и особенно нашей способности перебросить силы через океан и развернуть их на континенте — мы сможем успешно защитить Англию, однако мы не сможем нанести поражение России. Другими словами, мы окажемся в войне, которую не сможем выиграть».

Одним из важнейших факторов, помешавших Черчиллю повернуть фронт против СССР, были симпатии народов к Советскому Союзу. Когда еще в июне 1942 г. проводился опрос общественного мнения на тему «Какая страна более популярна в настоящее время в Англии — Россия или США?», 62% опрошенных ответили «Россия» и только 24% — «США». Английский официальный историк второй мировой войны Вудворд пишет, что «общественное мнение территорий, находящихся за пределами русского контроля... было бы возмущено угрозой применить силу против союзника, который в действительности так долго выдерживал всю мощь сухопутных германских ударов, чье сопротивление сделало возможным вторжение Запада в контролируемую немцами Европу». И Черчилль должен был признать такое положение вещей. «В их борьбе против Гитлера,— пишет он,— народы России вызвали к себе огромное доброжелательство на Западе, и прежде всего в Соединенных Штатах».

Разумеется, свои глубоко враждебные СССР планы Черчилль строил в глубокой тайне. Официально перед Советским правительством он выступал в качестве добросовестного и надежного союзника. Внешне в англо-советских отношениях все как будто бы обстояло хорошо. Создавалось впечатление, что эти отношения становятся все более и более сердечными.

Весной 1945 г. Клементина Черчилль посетила Советский Союз в качестве гостьи Советского правительства. Она была приглашена в СССР в знак благодарности за работу, которую выполняла как председатель общественного комитета «Фонд помощи России».

Советский народ высоко ценил желание английской общественности оказать ему помощь, а также усилия в этой области Клементины Черчилль. Она была тепло принята в СССР и награждена орденом Трудового Красного Знамени.

9 мая 1945 г. по случаю безоговорочной капитуляции

гитлеровской Германии Клементина Черчилль от имени своего мужа, премьер-министра Англии, огласила по московскому радио следующее послание советскому народу и его армии: «Я шлю вам сердечные приветствия по случаю блестящей победы, которую вы одержали, изгнав захватчиков из вашей страны и разгромив нацистскую тиранию. Я твердо верю, что от дружбы и взаимопонимания между британским и русским народами зависит будущее человечества. Здесь, в нашем островном отечестве, мы сегодня очень часто думаем о вас, и мы шлем вам из глубины наших сердец пожелания счастья и благополучия. Мы хотим, чтобы после всех жертв и страданий той мрачной долины, через которую мы вместе прошли, мы теперь в лояльной дружбе и симпатии могли бы дальше идти под ярким солнцем победоносного мира. Я прошу мою жену передать вам всем эти слова дружбы и восхищения».

Это были слова, дела же Черчилля выглядели иначе. После капитуляции Германии Черчилль лелеял идею, чтобы американские войска, которые продвинулись на восток несколько дальше, чем предусматривалось правительствами СССР, США и Англии при установлении границ их оккупационных зон в Германии, не были отведены до тех пор, пока у Советского Союза под угрозой применения силы не будут вырваны важные уступки. Черчилль считал необходимым провести встречу на высоком уровне и добиться от правительства СССР принятия английских и американских требований относительно Польши и ряда других стран Восточной и Юго-Восточной Европы, имея в виду подавление развивающейся в этих странах революции и сохранение капиталистического строя. Это явилось бы грубейшим нарушением лишь недавно заключенных тремя великими державами соглашений. Но Черчилля это не смущало. «Было бы катастрофой,— пишет он,— если бы мы твердо соблюдали все свои соглашения».

Реализация предложенного Черчиллем плана могла привести к возникновению войны между Англией, США и СССР. Черчилль прекрасно отдавал себе в этом отчет. Более того, он дал указание своим военным советникам изучить возможности и перспективы такой войны. Английский фельдмаршал Аланбрук 24 мая 1945 г. записал в своем дневнике: «Сегодня вечером я внимательно просмотрел доклад о возможности открытия военных действий против России в случае, если в ходе дальнейших пе-

реговоров с ней возникнут осложнения. Нам было поручено провести такое исследование».

Встречавшийся в это время с Черчиллем личный представитель президента США Дэвис докладывал президенту, что целью английского премьера является «использовать присутствие американских войск и их выдвинутые вперед позиции как средство заставить Советы пойти на уступки... Он готов пойти на огромный риск, который содержится в этой азартной игре. Позиция Черчилля создает реальную угрозу миру не только в будущем, но и сейчас».

Соотношение сил оставалось прежним, и Черчилль был бессилен реализовать свою угрозу. К мнению американских начальников штабов о невозможности выиграть войну против СССР присоединились английские военные руководители. Фельдмаршал Аланбрук, ознакомившись с докладом «О возможности открытия военных действий против России», записал в дневнике: «Эта идея, несомненно, фантастическая, и она не имеет никаких шансов на успех. Не подлежит сомнению, что отныне Россия стала самой могущественной державой Европы».

Нельзя не поражаться безрассудству Черчилля весной 1945 г. Лорд Моран утверждает, что его поступки «в последний год войны были в значительной степени вызваны нервным и физическим истощением; иначе они необъяснимы». Однако едва ли правомерно в данном случае объяснять политику физиологией. Истоки безрассудства Черчилля следует искать в его ненависти к социализму и революционному движению, которая и ранее (в период интервенции) и впоследствии (Фултон) не раз толкала его на крайние авантюры.

В конце мая 1945 г. к Черчиллю прибыл личный представитель Трумэна Дэвис для подготовки Потсдамской конференции глав трех правительств. В беседах с ним Черчилль проявил такую враждебность в отношении Советского Союза, что Дэвис, как он докладывал своему шефу, был «поражен резким изменением его отношения к Советам. Оно вселило в меня страх, что мира не будет. Я слышал, что такие настроения существуют в Англии, но не доверял этим сообщениям... Слушая, с какой яростью он говорит об угрозе распространения коммунизма в Европе... я думал о том, не собирается ли он, премьер-министр, теперь заявить перед всем миром, что он и Англия

допустили ошибку, не поддержав Гитлера, ибо, насколько я его понял, он теперь проповедует ту доктрину, которую Гитлер и Геббельс проповедовали и повторяли на протяжении последних четырех лет, стараясь нарушить единство между союзниками и «разделять и властвовать». Они делали точно такие же заключения и выводы, какие сейчас делает он».

С такими настроениями Черчилль направился на конференцию глав трех держав — СССР, Англии и США, которая состоялась 17 июля — 2 августа 1945 г. в Потсдаме.

Решения конференции явились компромиссом между различными позициями трех держав. Важное значение имели решения по германскому вопросу. Они предусматривали демократизацию политической жизни, демилитаризацию и денацификацию Германии.

Английская политика в отношении будущего Германии претерпела к этому времени серьезную метаморфозу. В ходе войны Германия показала себя страшным и весьма опасным врагом. Следствием этого было появление в Англии, равно как и в Соединенных Штатах, планов максимального ослабления Германии после завоевания победы над ней. Имелось в виду лишить Германию военно-промышленного потенциала, превратив ее в основном в аграрную страну. В этом же направлении шли и многократно выдвигавшиеся и обсуждавшиеся англичанами и американцами планы расчленения Германии на ряд самостоятельных государств. Однако, по мере того как обнаруживалось, что Советский Союз выйдет из войны окрепшим и победоносным, в английских правительственных сферах начали сомневаться в целесообразности осуществления этих планов в отношении Германии. Английское правительство стало подумывать о том, что после войны лучше иметь достаточно сильную Германию, чтобы ее можно было использовать против Советского Союза.

Фельдмаршал Аланбрук 27 июля 1944 г. записал в своем дневнике: «Провел час в военном министерстве, обсуждая с министром иностранных дел послевоенную политику в Европе. Следует ли расчленять Германию или постепенно превратить ее в союзника, чтобы встретить русскую угрозу через 20 лет? Я предложил последнее и убежден, что отныне мы должны по-иному относиться к Германии. Германия больше не господствующая держава в Европе, таковой является Россия... Поэтому следует по-

ощрять Германию, постепенно укреплять ее и ввести в федерацию Западной Европы. К несчастью, все это придется делать под прикрытием священного союза Англии, России и Америки». Так еще в то время формулировались основы политики Англии в отношении Германии, которая затем проводилась в течение ряда лет, последовавших за второй мировой войной.

Руководствуясь этими соображениями, Черчилль при поддержке Трумэна сделал на Потсдамской конференции все возможное, чтобы ограничить права СССР на справедливое получение им репараций от Германии. Законные требования СССР в этом отношении удовлетворены не были.

Конференция приняла решение о создании Совета министров иностранных дел, которому поручалось подготовить к предстоящей мирной конференции проекты мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, а также условия мирного урегулирования для Германии. Это решение имело большое значение, ибо оно предусматривало сотрудничество СССР, Англии и США в разрешении ряда важных международных проблем. Оно свидетельствовало также, что, как бы ни усердствовал Черчилль, взорвать антигитлеровскую коалицию в то время не удалось.

Несмотря на компромиссный характер, решения Потсдамской конференции явились важным этапом в сотрудничестве трех ведущих держав антигитлеровской коалиции. Если бы эти решения были осуществлены не только в советской зоне оккупации Германии, но и в других зонах, дело международной безопасности и прогресса оказалось бы в еще большем выигрыше. Успех Потсдама — это результат того, что Советский Союз использовал свое влияние в интересах демократического мира.

Англия и США должны были считаться с предложениями СССР также и потому, что английский и американский народы требовали сохранения сотрудничества и союза с СССР на послевоенный период.

Черчилля и Трумэна побуждало также идти на известный компромисс с СССР в Потсдаме твердое намерение американского правительства получить поддержку Советского Союза для завершения войны на Дальнем Востоке. Черчилль не был особенно заинтересован в этом, поскольку основную тяжесть войны на дальневосточном театре

несли США, но он не мог не считаться с позицией американцев в данном вопросе.

Британский премьер испытал огромную радость, когда во время работы Потсдамской конференции американская делегация получила доклад о том, что успешно произведен экспериментальный взрыв атомной бомбы. Черчилль знал, что исследования в этой области должны были дать Америке — а по его расчетам, и Англии — новое оружие огромной разрушительной силы. Теперь такое оружие было создано. К великой досаде Черчилля, оно было создано не в Англии, а в Америке, хотя правительство Черчилля пыталось на протяжении всех военных лет перехватить у американцев пальму первенства в этой области.

В начале 1940 г. ученые-эмигранты Пайерлс и Фриш, работавшие в Англии в Бирмингамском университете, опубликовали меморандум, в котором уверенно утверждали, что существует возможность создания атомной бомбы; они также указали ориентировочные результаты применения такой бомбы. Документ появился в условиях, когда открытия в области атомного ядра вызвали не только новый прилив интереса к ним в научных кругах, но и привлекли пристальное внимание политиков. Недавно началась вторая мировая война, ее дальнейший ход было трудно предвидеть, и получение нового оружия кем-либо из участников войны могло дать ему огромные преимущества. А вдруг Германия создаст такое оружие первой, что тогда?

Поэтому вскоре английские власти создали специальный комитет по атомной бомбе — он известен как Комитет Мод. Комитет приступил к работе уже в апреле 1940 г. Ему было поручено тщательно изучить всю проблему и срочно доложить правительству, можно ли в ходе войны изготовить атомную бомбу, и если да, то целесообразно ли отвлечение на это предприятие ресурсов, которые были так необходимы для других военных нужд. Комитет Мод подготовил доклад, в котором утверждалось, что «можно создать урановую бомбу, мощь которой будет эквивалентна взрыву 1800 *т* тринитротолуола», что она будет поражать не только силой взрыва, но и радиоактивностью, которая «сделает пространство вокруг места взрыва бомбы опасным для человеческой жизни на длительное время». Комитет полагал, что расходы на создание бомбы будут

оправданы, и высказывал при этом весьма многозначительное соображение: «Даже если война закончится до того, как бомбы будут изготовлены, усилия все равно будут не напрасны, ибо, если не считать невероятную возможность полного разоружения, ни одна страна не может пойти на риск оказаться без оружия, дающего такие решающие возможности». Авторы доклада отмечали, что над решением этой проблемы работают Германия и США, и подчеркивали большую опасность, если Англия отстанет в этой области от Германии.

Когда появился доклад Комитета Мод, Англия уже потерпела в войне с Германией сокрушительное поражение, потеряв всех своих союзников. «Военное положение Англии, — замечает английский автор А. Грум, — было мрачным, если не абсолютно безнадежным». Не удивительно, что за возможность создания атомной бомбы правительство Черчилля ухватилось как утопающий за соломинку. Поэтому было принято решение срочно развернуть работу по созданию атомной бомбы.

В докладе Комитета Мод была определенно зафиксирована желательность, чтобы Англия самостоятельно осуществила этот проект. Так полагали ученые — члены Комитета, и еще больше импонировала эта идея политикам, ибо обладание атомной бомбой, как уже тогда считали, символизировало бы для Англии положение великой державы. У. Черчилль — надо отдать ему в этом должное — понял потенциальное значение нового оружия и поручил члену кабинета Дж. Андерсону возглавить работу по его созданию.

Как ни соблазнительно было получить самостоятельно собственную атомную бомбу, но правительство Черчилля понимало, насколько Англия зависит от поддержки США, и поэтому содержание доклада Комитета Мод было сообщено американцам. Сделано это было очень неохотно. Во-первых, англичане в конце 1941 г. были убеждены, что они далеко обогнали в решении атомной проблемы своих американских коллег. Во-вторых, головы у лондонских политиков закружились, и они решили, что тот, кто заполучит атомную бомбу, будет управлять миром. А если делать ее вместе с американцами, то и результаты придется делить пополам.

В это время — в 1941 году,— как свидетельствуют результаты встречи Черчилля и Рузвельта в августе, Англия

и США ставили своей целью установление англо-американского господства в мире. Документы, свидетельствующие об этом, приведены выше. История попыток создания атомной бомбы Англией дает дополнительные подтверждения существования этого замысла. Как явствует из письма министра авиационной промышленности Мур-Брабазона лорду Хэнки, председателю научного консультативного комитета английского военного кабинета, Мур-Брабазон считал, что, «обладая этим оружием, Соединенные Штаты и Англия могут управлять всем миром. Подавляющее превосходство ударной мощи... даст возможность международным (читай: английским и американским. — *В. Т.*) полицейским силам не допустить, чтобы другие страны осуществили разработку атомной бомбы».

Колебания правительства Черчилля относительно совместной с американцами работы над атомным проектом объяснялись и тем, что в Лондоне полагали, что английские ученые идут впереди американских, хотя уверенности в длительном сохранении этого преимущества не было, к тому же английское руководство не отдавало себе ясного отчета, насколько это дорогое предприятие. И, наконец, слишком уж заманчивой была перспектива сделать английскую атомную бомбу раньше, чем США решат эту задачу. Это сразу радикально изменило бы баланс сил между двумя странами в пользу Англии, и ее голос в англо-американских отношениях зазвучал бы совершенно по-иному. Как это ни выглядит сомнительно, учитывая международную обстановку и военное положение Англии в конце 1941 г., но уже тогда создание английского атомного оружия имело целью изменить в пользу Англии соотношение сил как между Англией и Германией, так и между Англией и США. Что касается Советского Союза, то о нем в этом плане пока не думали, ибо надеялись, что он потерпит в войне поражение и впоследствии будет целиком и полностью подчинен воле победоносных Англии и США. Учитывались также возможности получения преимуществ от овладения атомной энергией в промышленных целях, но это на данном этапе мало интересовало Черчилля.

11 октября 1941 г. президент Рузвельт обратился к Черчиллю с предложением осуществить разработку нового оружия совместно. Черчилль вопреки своей привычке отвечать президенту немедленно затянул ответ до декабря.

Американцы твердо вели дело к совместной работе с англичанами. Однако, несмотря на безусловную срочность работ, лишь в середине 1942 г. английское правительство приняло американское предложение о совместном осуществлении атомного проекта. Решающим было то, что к этому времени в США были сделаны важные шаги в этой области. В Соединенные Штаты была направлена группа английских ученых и инженеров для работы совместно с американцами над решением атомной проблемы. Одновременно работы были организованы в Канаде на тройственной англо-американо-канадской основе.

Но английское правительство не вложило все свои научные и инженерные силы в сотрудничество с США. Большая группа ученых была оставлена в Англии и вела параллельные работы по созданию атомного оружия. Исследования велись в основном в ряде лабораторий концерна «Импириэл кэмикл индастриз». Крупный английский физик Дж. Чэдвик в те дни утверждал: «Я абсолютно уверен, что помощь со стороны США нам не нужна для осуществления этого проекта в Англии. Мы можем стоять на собственных ногах».

В США прекрасно понимали английские колебания и маневры и, вероятно, отдавали себе отчет, что английское стремление к обладанию самостоятельным атомным оружием имеет косвенную антиамериканскую направленность. Поэтому когда в Англии убедились, что американцы достигли значительного прогресса и английское правительство пожелало послать в США новую группу специалистов, с американской стороны последовал отказ. Если в 1941 г. и в первой половине 1942 г. англо-американское сотрудничество в осуществлении ядерного проекта было довольно тесным, то затем ситуация изменилась. Американцы по существу изолировали своих английских коллег, находившихся в США, и это состояние продолжалось около года.

В США работы по изготовлению ядерного оружия велись под кодовым названием «Манхэттенский проект». Во главе проекта стоял организатор из военных генерал Гровс. Научно-техническое руководство осуществлял известный физик-теоретик Р. Оппенгеймер. Автор работы об Р. Оппенгеймере М. Рузе пишет, что «цель была не в том, чтобы содействовать развитию теоретических исследований, а в том, чтобы приобретенные в прошлые годы

знания нашли практическое применение в огромных масштабах. А это значило преодолеть тысячи технологических трудностей и... ничего больше».

Генерал Гровс похвалялся впоследствии тем, что саботировал, сколько мог, сотрудничество с англичанами. В Англии нежелание американцев сотрудничать со своими английскими коллегами в решении атомной проблемы «вызвало состояние шока, страха и породило решимость не допустить, чтобы англичан оттерли от решения проблемы атомной бомбы». Учитывая свои первоначальные колебания относительно сотрудничества с США и жажду собственного независимого атомного оружия, английским руководителям следовало бы спокойнее отнестись к действиям американцев: они получили простую взаимность. Но английские правящие круги с имперских времен усвоили принцип: то, что нам можно в отношении других, недопустимо, чтобы наши партнеры применяли в отношении нас самих, если нам это невыгодно. Так еще до создания атомного оружия проявились довольно сильные англо-американские противоречия по этому вопросу. Они оказались весьма устойчивыми и долговременными.

Как только Дж. Андерсон убедился, что американцы умышленно блокируют сотрудничество с английскими специалистами, он тут же написал Черчиллю: «Этот оборот событий явился для нас взрывом бомбы и абсолютно невыносим. Я думаю, вам следует попросить президента Рузвельта немедленно заняться этим вопросом».

К этому времени стало ясно, что «Англия просто не имеет ресурсов для разработки атомной бомбы» и что этот проект обойдется в сумму, исчисляемую в миллиардах долларов. Поэтому Черчилль несколько раз поднимал перед Рузвельтом вопрос о совместной разработке атомного проекта. Его предложение сводилось к тому, что «все должно быть на основе полного совместного использования результатов производимых работ, как это бывает между равными партнерами». Размах работ в Соединенных Штатах и участие в них Англии отнюдь не свидетельствовали о равенстве партнерства, если, конечно, не руководствоваться принципом: «Идеи наши — деньги ваши». Да и по части идей американцы уже не отставали от англичан.

В конце концов вопрос был решен компромиссом. В августе 1943 г. во время встречи в Квебеке Черчилль и Руз-

вельт по настоянию английской стороны заключили соглашение, по которому обязались никогда не использовать атомную бомбу друг против друга, не применять ее против третьей стороны, кроме как со взаимного согласия, не передавать третьим странам без взаимного согласия никакой информации о разработке атомной бомбы. В послевоенный период атомная энергия будет использована Англией в коммерческих целях, на условиях, которые определит президент США. На этих основаниях будут приняты меры к обеспечению «полного и эффективного сотрудничества между двумя странами в деле успешного завершения осуществляемого проекта». После этого в США прибыла новая крупная группа английских ученых и инженеров для участия в работе по атомному проекту.

Соглашение в Квебеке зафиксировало резкое изменение в соотношении сил между Англией и США. Это был август 1943 г., то есть период после Сталинграда и битвы на Курской дуге, когда стало ясно, что война против Германии и ее союзников будет выиграна. Черчилль еще произносил эффектные речи, но всем участникам антигитлеровской коалиции было ясно, что в Большой тройке третьей является Англия. Отсюда и весьма невыгодные условия соглашения в Квебеке. По сути, оно зафиксировало связывающие Англию условия, причем весьма тяжелые, только лишь за то, что английские специалисты допускались к участию в американском проекте, где они неминуемо должны были раствориться в огромном штате, уже работавшем в Америке. Надежда англичан на то, что результаты будут разделены пополам, в соглашении отражения не нашла, что было в высшей степени многозначительно. Это предопределяло будущую ситуацию. Английское правительство жаждало получить атомную бомбу в свое распоряжение — это ему не было обещано. Было у него желание использовать атомную энергию и в промышленных целях, но об этом было сказано, что президент США сформулирует условия, на которых данный вопрос будет решаться. Кроме всего прочего, это был удар и по английскому самолюбию.

Какие же цели преследовало английское правительство, добиваясь создания атомной бомбы? Поначалу действительно существовало стремление изготовить атомную бомбу до того, как ее изготовит Германия. Но вскоре ста-

ло ясно, что такая опасность не угрожает. Сначала американские и английские специалисты думали, что для создания бомбы потребуется один год. Но дело оказалось намного сложнее. Значит, и для немцев существовали те же трудности, если они работали над бомбой. Но вот в ноябре 1944 г. американские войска захватили в Страсбурге документы, убедительно свидетельствовавшие, что немцы очень далеки от создания бомбы. Это означало полную уверенность для союзников, что война закончится до того, как Германия добьется создания собственного атомного оружия.

На первый взгляд покажется странным, но именно в это время США и Англия развили активную деятельность по изготовлению бомбы. Зачем? Последующие годы дали на этот вопрос точный ответ. Он содержался в официальных английских и американских документах последних лет второй мировой войны. Что касается Соединенных Штатов, то, как замечает М. Рузе, «несмотря на официальную политику Белого дома, многие руководители службы безопасности вовсе не скрывали, что рассматривают вступление США в войну против держав оси лишь как первый тактический этап длительной борьбы, в которой главным врагом в конечном счете явится Советский Союз».

Надежды, которые связывало с атомной бомбой английское правительство, были сложнее. Прежде всего на основании опыта работы в этой области в военные годы — самостоятельно и совместно с США — английское правительство «прониклось огромной решимостью создать бомбу и, в случае необходимости, сделать это самостоятельно». Уже в тот период наметились цели, которых впоследствии Англия намеревалась добиться при помощи обладания ядерным оружием. И среди них главная — продиктовать Советскому Союзу англо-американские условия послевоенного устройства мира.

В годы войны в английском руководстве были люди, которые понимали, что позиция английского правительства в отношении разрабатывавшейся тогда атомной бомбы может оказать отрицательное воздействие на послевоенные отношения с СССР. Однако не они делали погоду в правительстве. «Черчилль самым решительным образом отказался просить президента США согласиться хотя бы самым минимальным образом информировать... Россию»,

Летом 1943 г. Черчилль говорил американским лидерам, что Англия «жизненно заинтересована в том, чтобы быть в состоянии поддержать свою независимость в будущем перед лицом международного шантажа, к которому русские в конце концов будут иметь возможность прибегнуть». Отсюда явствует, во-первых, что английское правительство готовило ядерное оружие «против русских» и, во-вторых, что Черчилль уже в 1943 г. определил, что английские и американские бомбы будут использованы для ядерного шантажа, что и подтвердила послевоенная история международных отношений. В данном случае Черчилль приписал стране, которую считал своим врагом, собственные замыслы. Это стандартный прием, к которому автоматически прибегают английские политики в соответствующих случаях.

Уже тогда Черчиллю было ясно, что США будут в конце концов располагать атомной бомбой. Но Черчилль не считал, что американской бомбы будет достаточно для того, чтобы бороться против Советского Союза. Крайне важным в атомной схеме английского правительства был элемент полной самостоятельности и независимости от Америки в антисоветских атомных планах. Дж. Андерсон «рассматривал атомную бомбу в аспекте советской угрозы и ставил под вопрос разумность полагаться исключительно на Соединенные Штаты». «Мы, — писал он, — не можем встретить послевоенное будущее без этого оружия и целиком полагаться на Америку, если Россия или какая-либо другая страна разработает его».

Как в любом сложном явлении международной жизни, так и в английской атомной политике действовал не один, а ряд мотивов. Важную роль среди них играло убеждение тогдашних английских руководителей, что Англия, обретя атомную бомбу, сможет этим путем сохранить уходящее в прошлое положение великой державы. Более того, если бомба появится своевременно, то в той или иной форме Англия установит свое господство над миром или частью его. Будет ли это самостоятельное или англо-американское господство, не уточняли, ибо многие черты послевоенного будущего были не ясны. В августе 1943 г. Дж. Андерсон говорил премьер-министру Канады Макензи Кингу, что «атомное оружие даст контроль над миром той стране, которая первой получит его». И далее: «Война, вероятно, закончится к тому времени, когда бомба

будет изготовлена, и она явится ужасающим фактором в послевоенном мире, ибо даст абсолютный контроль той стране, которая будет располагать секретом ее изготовления». Итак, будущая борьба против Советского Союза переплеталась в разгоряченных умах Черчилля и других английских деятелей с борьбой за установление своего послевоенного мирового господства. В те дни, еще не имея бомбы, английские руководители чрезвычайно преувеличивали ее возможное воздействие на международные отношения. История послевоенной мировой политики показала это со всей убедительностью.

Стремление Англии к обладанию собственным ядерным оружием в известной степени было направлено и против Соединенных Штатов, ибо это оружие должно было дать Англии возможность разговаривать с Америкой если не на равных, то хотя бы более твердым тоном. Именно поэтому и были колебания у англичан — самостоятельно или вместе с американцами делать атомную бомбу. В конце концов пошли двумя путями: английские специалисты участвовали в «Манхэттенском проекте» в США, и одновременно велись самостоятельные работы в Англии по атомной проблеме. Как отмечают авторы официальной английской истории атомной проблемы, «отношения Англии с Соединенными Штатами по этому вопросу были важны для нее не только потому, что Англия нуждалась в информации для осуществления своей самостоятельной программы, но и потому, что эти отношения должны были стать ключом к упрочению и сбалансированию англо-американских отношений в целом». Эти же авторы утверждают, что поведение американцев в атомных делах «вызвало у Англии решимость стать ядерной державой, с тем чтобы приобрести этим способом влияние в Вашингтоне». Эта решимость укреплялась по мере того, как увеличивались свидетельства, что правящие круги США стремятся к монопольному обладанию атомным оружием.

Наконец, такое оружие в руках Англии должно было обеспечить ей особое, преобладающее положение среди других буржуазных государств, и прежде всего среди стран Западной Европы. В Лондоне предполагали, что это обстоятельство заставит их внимательно прислушиваться к голосу Англии в мировой политике. Отсюда логически вытекало, что обладание Англией атомным оружием было

направлено в известной мере и против интересов западноевропейских стран.

К середине 1945 г. работы по созданию атомной бомбы в США подходили к концу. Германия к этому времени уже капитулировала. Война с Японией продолжалась, но было ясно, что предстоящее вступление Советского Союза в войну против Японии, о чем Сталин, Рузвельт и Черчилль условились на Ялтинской конференции, быстро приведет Японию к капитуляции. В таких условиях встал вопрос, как быть с атомной бомбой, которая вот-вот будет готова. Военная необходимость ее использования была снята ходом событий. Рузвельта к этому времени уже не было в живых, и новая американская администрация президента Трумэна без угрызений совести намеревалась подвергнуть Японию атомной бомбежке. По Квебекскому соглашению решение об этом США и Англия должны были принять совместно. Но в этом отношении никаких проблем не возникло. Правительство Черчилля дало свое согласие на атомную бомбардировку Японии еще 4 июля 1945 г., до того как была испытана первая бомба.

Испытание было произведено 16 июля в Аламогордо, в пустыне штата Нью-Мексико (США). Его результаты в основном соответствовали предположениям ученых.

Знаменательно, что первая мысль Черчилля, после того как он прочел переданный ему Трумэном доклад, состояла в том, что атомную бомбу следует использовать против Советского Союза, что теперь Англия и США, запугав СССР новым оружием, смогут добиться его капитуляции. «Теперь, — заявил он Аланбруку, — у нас есть в руках средство, которое сбалансирует соотношение сил с Россией... Теперь у нас есть новое средство, которое восстановит наши позиции». Черчилль говорил, что сейчас Советскому Союзу можно заявить: «Если вы настаиваете на том, чтобы сделать то или это, то ладно же... а затем — куда девались эти русские?» Имелось в виду, что после «ладно же» сбрасываются атомные бомбы на Советский Союз, в результате чего «эти русские» будут стерты с лица земли. Аланбрук замечает, что Черчилль «уже видел себя способным уничтожить все русские промышленные центры, все города».

Сам же Черчилль признавался, что к весне 1945 г. «советская угроза» в его глазах «уже встала на место нацистского врага».

Последний том своих мемуаров Черчилль назвал «Триумф и трагедия». Поскольку он, как обычно, рассматривает историю со своих личных позиций, то это означает, что окончание войны с Германией явилось для него одновременно и триумфом и трагедией.

Англия выжила в страшной смертельной схватке с фашистской Германией. В начале войны казалось, что ее поражение неминуемо, что, по выражению французских генералов, немцы скоро свернут ей шею, как цыпленку. В этом свете безоговорочная капитуляция Германии перед союзниками, в числе которых была и Англия, представляла собой бесспорный триумф. Честь руководить страной в годы, когда этот триумф завоевывался, выпала на долю Черчилля. Его заслуги в завоевании победы над Германией хотя и не так велики, как он сам считает, но все же не подлежат сомнению. Годы, когда Черчилль возглавлял английское правительство и представлял свою страну в антигитлеровской коалиции, были его величайшим достижением как государственного деятеля, они явились высшей точкой политической карьеры Уинстона Черчилля.

Радость, которую испытывал Черчилль по поводу победы над Германией, омрачалась тем, что в конце войны и особенно после нее в странах Европы, а затем и Азии поднялась мощная волна социалистической революции, которая разрушила капитализм в ряде государств и привела к возникновению мировой социалистической системы. Капитализм как система потерпел серьезный урон. Это и превращало в глазах Черчилля триумф победы над Германией в трагедию.

Война привела к радикальному изменению в соотношении сил в капиталистическом мире в ущерб Англии. Разрыв между экономической и военной мощью США и Англии значительно увеличился. Англия вышла из войны во многих отношениях зависимой от Америки страной. Автор одного из томов английской официальной истории второй мировой войны Томпсон с грустью замечает, что в «день вторжения союзников в Западную Европу Англия перестала быть великой мировой державой. Она потеряла возможность определять свои собственные цели. Новая Европа не будет уже ее Европой и не будет создана ею...». Английская газета «Гардиан» писала в январе 1965 г., что во второй мировой войне Англия под руко-

водством Черчилля завоевала «иллюзорную победу». Англия «вышла из войны с улучшившейся репутацией, но с меньшей мощью, чем она располагала в начале войны».

Итоги войны для Англии контрастировали с ее военными целями, которые Черчилль формулировал в беседах с президентом Рузвельтом во время Атлантической конференции 1941 г. Тогда оба англосаксонских лидера надеялись, что война приведет к установлению англо-американского господства над миром. Но, как справедливо замечает американский историк Ньюмэн, «вторая мировая война не привела к реализации надежд и стремлений, высказанных Рузвельтом и Черчиллем в августе 1941 г.». Вирджиния Коулс замечает, что в конечном счете коммунизм, а не капитализм «явился победителем на большей части мира».

Именно эти обстоятельства превратили окончание второй мировой войны в трагедию для Черчилля. Он не примирился с результатами второй мировой войны и оставшиеся годы своей жизни посвятил напрасным усилиям изменить их.

11

ЗНАМЕНОСЕЦ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Весной 1945 г. Черчилль глубоко разошелся в своих планах с настроениями английского народа. В 1945 г. для всей Европы, не исключая и Англии, в настроениях народных масс был характерен сдвиг влево. Англичане хотели продолжения союза и сотрудничества с СССР и переустройства своей внутренней жизни на демократических основах. Черчилль этого не заметил, не понял, и результатом явился страшный для него удар.

К моменту капитуляции Германии английский парламент, избранный в 1935 г., уже доживал десятый год. В военных условиях парламент просуществовал два срока, но было ясно, что выборы состоятся еще до полного завершения второй мировой войны. Черчилль в октябре 1944 г. заявил, что они произойдут сразу же после победы над Германией.

Черчилль не слишком стремился ускорить выборы. Его устроило бы сохранение коалиции с лейбористами и либералами и на послевоенный период. 18 мая 1945 г. он предложил им продолжить сотрудничество до окончания войны с Японией, а в случае, если обе партии предпочтут уход из коалиции, провести немедленные выборы.

Правые лейбористские лидеры, участвовавшие в коалиционном правительстве Черчилля во время войны, не прочь были оставаться в одной упряжке с консерваторами и в послевоенный период. Они высказывались за коалицию, рассчитывая сохранить свои министерские портфели и не надеясь, что новые выборы в парламент дадут большинство лейбористам. Однако ежегодная конференция лейбористской партии проголосовала против коалиции. Рядовые лейбористы жаждали перемен и понимали, что кабинет Черчилля не даст их. Они хотели поставить у

власти самостоятельное лейбористское правительство, полагая, что опо проведет ряд важных реформ во внутренней жизни страны.

Немедленные выборы, которыми угрожал Черчилль в случае отказа лейбористов и либералов от коалиции, по мнению лейбористских лидеров, были невыгодны для них, ибо консерваторы имели в своем распоряжении значительный козырь — личный авторитет Черчилля как военного лидера. Лейбористская же партия не была достаточно хорошо подготовлена к выборам. Требовалось время, чтобы привести весь сложный партийный механизм в боевую готовность. Эттли предложил сохранить коалицию до октября. Черчилль понял замысел лейбористов и ответил отказом.

23 мая 1945 г. Черчилль подал в отставку, и существование национального правительства, действовавшего в 1940—1945 гг. под его руководством, прекратилось. Автоматически перестал функционировать и военный кабинет.

Черчилль образовал так называемое переходное правительство, которое должно было управлять страной до выборов в парламент, назначенных па 5 июля. И здесь он допустил крупную тактическую ошибку. Переходное правительство было сформировано исключительно из консерваторов самого реакционного толка, в прошлом активнейших поборников Мюнхена, людей, ответственных за пагубный политический курс Англии в период между двумя мировыми войнами. Состав нового правительства представлял собой как бы программу на послевоенный период. Рядовой англичанин сразу же понял, что Черчилль ни о каких реформах не помышляет, что под его властью Англию попытаются возвратить на позиции мрачных 20-х и 30-х годов. Таким образом, уже па этом этапе Черчилль серьезно подорвал свои позиции на будущих выборах. Английские избиратели насторожились и усомнились в том, что он является действительно тем человеком, которому можно доверить управление страной в условиях мира.

Главным политическим противником консерваторов на выборах была лейбористская партия. Отказ лейбористов от участия в коалиционном правительстве под руководством Черчилля и их выступления па выборах против консерваторов привели в негодование Черчилля и других

консервативных лидеров. Они утратили чувство реальности и повели избирательную борьбу таким образом, что она намного ослабила их собственные позиции на выборах. В конечном счете, однако, исход выборов решали не столько тактические просчеты консервативных лидеров, сколько создавшаяся после войны новая расстановка классовых сил в стране.

Победа Советского Союза в войне с Германией вызвала огромный рост симпатий к делу социализма. Англия не явилась в этом смысле исключением. В этой стране тяга к социализму всегда была очень мощной. Консерваторы же, атакуя лейбористскую партию в ходе избирательной кампании, обвиняли ее прежде всего в том, что она является социалистической партией. Такое обвинение могло дать лишь обратный результат по сравнению с тем, к которому они стремились.

Черчилль обрушился с нападками личного характера на лидеров лейбористской партии, которые только что были членами его военного кабинета, лояльно сотрудничали с ним на протяжении ряда лет и по существу в 1940 г. поставили его у власти, дав согласие на участие в коалиционном правительстве под его руководством.

Он заявил, что «лейбористская партия является опасным вызовом свободе и авторитету английского народа», что ее победа на выборах означала бы в конечном счете установление таких порядков, какие Гитлер ввел в Германии. Он утверждал, что лейбористское правительство, «руководя жизнью страны и ее промышленным аппаратом, не сможет допустить выражения свободного, остро и энергично сформулированного общественного неудовольствия его деятельностью...». В конце концов он договорился до абсурда: «Если лейбористы победят на выборах, в Англии будет гестапо».

Судя по всему, у Черчилля был замысел повторить ход, который консерваторы сделали во время избирательных кампаний 1924 и 1931 гг. Они тогда запугали многочисленную мелкобуржуазную часть английских избирателей призраком революции и толкнули ее в сторону консервативной партии. На этот раз Черчилль пытался устрашить эту категорию избирателей тоталитаризмом. Консервативная пресса утверждала: «После того как гестапо вырвано из все еще бьющегося сердца Германии, неужели вы будете выступать за то, чтобы под другим

названием гестапо было введено у вас дома? Неужели вы не были поражены, узнав от Черчилля, что государственный контроль ведет к фашизму?»

Подобные выступления против лейбористов, против социализма были второй тактической ошибкой Черчилля в избирательной кампании 1945 г. Многие консерваторы это сразу же поняли. Вирджиния Коулс рассказывает, что она слушала выступление Черчилля по радио 5 июня в доме газетного короля лорда Ротермира. Она вспоминает, что, когда Черчилль кончил говорить, наступило тягостное молчание. Затем хозяин дома заявил: «Если он будет продолжать в том же духе, можно считать, что выборы проиграны». «Таймс» и некоторые другие газеты пытались смягчить высказывания Черчилля, но напрасно. Он слишком верил в свою популярность и государственную мудрость, чтобы его можно было убедить в ошибочности взятой линии.

Черчилль не уловил настроений, царивших в стране. Он всю свою жизнь был очень далек от народа, и избиратели это чувствовали. В апреле 1945 г. Клементина говорила лорду Морану, что «Уинстон всегда смотрел на мир как бы в шорах... Он ничего не знает о жизни простых людей. Он никогда не ездил в автобусе и только один раз был в метро».

Во время избирательной кампании Черчилль предпринял большое агитационное турне по Англии. Зачастую, когда его группа прибывала в тот или иной город, впереди двигался специальный автомобиль местной консервативной организации с громкоговорителем, из которого неслись слова: «К нам прибывает Уинни, следите за третьей машиной. Это величайший человек на земле, величайший государственный деятель мира». Улицы городов и поселков пестрели плакатами с фотографиями Черчилля и надписями: «Это человек, который выиграл войну» и «Это человек, который должен закончить дело».

Но победа в войне для английского избирателя была уже делом прошлого. Англичан интересовало будущее. Они хотели голосовать за человека, который выиграет мир, и не были уверены, что Черчилль является именно таким человеком.

Консервативные организаторы избирательной кампании быстро усвоили, что выступления против СССР неизбежно оттолкнут избирателей. Поэтому Черчилль и его

коллеги по партии, атакуя лейбористов как социалистов, в то же время настойчиво пытались убедить избирателей, что именно консерваторы обеспечили союз с СССР во второй мировой войне. Особенно подчеркивалось, что Черчилль якобы является лучшим другом Сталина.

Консерваторы вели избирательную кампанию, делая главный упор на критику своих политических противников. Они по существу не выдвинули никакой позитивной программы. Как заметил один из биографов Черчилля, они шли на выборы, располагая лишь фотографией своего лидера, и рассчитывали пробраться в новый парламент, используя его личный авторитет. Видный деятель консервативной партии Р. А. Батлер много лет спустя писал в своих мемуарах: «Было бы лучше, если бы утверждение послевоенной политики не занимало в нашей избирательной кампании скромного третьего места вслед за чрезмерной эксплуатацией авторитета Черчилля и негативной атакой на лейбористов... И тем не менее, — неожиданно заключает он, — видимо, в любом случае мы были обречены на провал».

«Может показаться удивительным, — пишет по этому поводу Г. Пеллинг, — как много людей в Англии видели в чем-то сходство между лейбористской партией и советской формой социализма. Успехи Красной Армии на Восточном фронте доказывали, что вопреки утверждениям консерваторов есть формы социализма, которые оборачиваются благом для государства. Естественно было предположить, что вмешательство государства может явиться лучшим способом управления английской экономикой и решения основных проблем, стоявших перед страной».

Лейбористское же руководство провело избирательную кампанию 1945 г. весьма разумно. Оно выступило с программой важных реформ, которая отвечала настроениям избирателей. Лейбористы обещали национализацию ряда крупных отраслей английской экономики, коренную реорганизацию системы социального страхования, а также широкое развитие жилищного строительства. Они обещали приложить все силы к тому, чтобы боевой союз между Англией, СССР и США, возникший в ходе войны, был сохранен и в послевоенный период. Значительная разница в пользу лейбористов наблюдалась в стиле проведения избирательной кампании обеими партиями. Черчилль путешествовал по стране в специальном поезде, а на ми-

тинги прибывал в роскошном открытом автомобиле. Лидер лейбористов Эттли разъезжал из города в город на старенькой машине вместе с женой. Человек спокойный, уравновешенный и без особых претензий, он держал себя в ходе избирательной кампании скромно. Его непритязательные выступления контрастировали с разнузданной и претенциозной манерой Черчилля и производили выгодное для лейбористов впечатление.

У Черчилля не было ни малейшего сомнения в том, каков будет вердикт избирателей. Многочисленные предсказатели результатов выборов расходились лишь в том, каково будет большинство, которое консерваторы получат в новом парламенте. Бивербрук уверял Черчилля, что это большинство составит минимум 100 мандатов. Не только Черчилль, но и Эттли был уверен, что консерваторы получат большинство в новой палате общин.

Голосование проходило 5 июля, но объявление результатов отложили до 26 июля, в связи с тем что нужно было получить бюллетени из армии, многие соединения которой находились в отдаленных районах земного шара.

Потсдамская конференция глав правительств СССР, Англии и США начала свою работу до того, как стали известны итоги выборов в Англии. В работе конференции был сделан перерыв, чтобы Черчилль смог съездить в Англию, когда там будут объявлять итоги голосования. Уезжая из Потсдама, он заявил, что не сомневается в своем возвращении. Врач Черчилля Моран оставил в Берлине все вещи, надеясь через день вернуться туда со своим подопечным. Черчилль распорядился, чтобы в день объявления итогов выборов в его лондонском доме был организован небольшой семейный обед в честь победы консерваторов.

Случилось, однако, так, что ни консерваторы, ни лейбористы не смогли правильно уловить настроения английского народа весной 1945 г. Консерваторы потерпели на выборах сокрушительное поражение. Лейбористы получили 393 места в палате общин, а консерваторы вместе с примыкавшими к ним — лишь 213.

Это был тяжкий и совершенно неожиданный для Черчилля удар. В час его высшего торжества, когда он выступал в ореоле славы вождя английского народа, который он привел к победе, когда казалось, что авторитет его достиг апогея, избиратели отвергли Черчилля и его пар-

тию. Вирджиния Коулс, присутствовавшая на злосчастном обеде 26 июля, свидетельствует, что Черчилль был совершенно убит случившимся. Он сидел недвижим, не в состоянии произнести хотя бы слово. Его дочери были в слезах.

Черчилль никогда не понял и никогда не простил английскому народу то, что произошло с ним на выборах 1945 г. Он был убежден, что английский народ совершил величайшее безрассудство, отстранив от власти его и партию консерваторов. Упреки по этому поводу в адрес английского народа рассыпаны в изобилии по шести томам военных мемуаров Черчилля, где приведены слова Плутарха: «Неблагодарность по отношению к своим великим людям есть характерная черта сильных народов». Особенно остро Черчилль переживал то, что солдаты в основной своей массе проголосовали против консерваторов, тогда как он считал, что зарекомендовал себя в годы войны прежде всего как великий военный лидер.

С. Хаффнер был близок к истине, когда писал, что «Черчилль был нужен Англии, чтобы вести войну против Германии. Однако при всем восхищении и всей благодарности за то, что он сделал в войне против Германии, Англия не захотела его услуг для развязывания войны против Советского Союза».

Антони Иден следующим образом описывает последнее заседание правительства Черчилля на Даунинг-стрит, 10: «27 июля. В полдень Уинстон созвал прощальное заседание кабинета. Это было довольно мрачное зрелище. Когда все кончилось и я направился к выходу, Уинстон подозвал меня, и мы провели полчаса одни. Он был в расстроенных чувствах, бедняга... Говорил, что сегодня он вовсе не примирился со случившимся. Напротив, боль стала еще сильнее, как боль от раны, которая становится невыносимой после первого шока. Он не может не чувствовать, что с ним обошлись жестоко. «Тридцать лет моей жизни связаны с этой комнатой, — сказал он. — Я никогда больше не буду здесь сидеть. Вы будете, а я нет»».

Вместо возвращения в Потсдам Черчиллю пришлось направиться во дворец и вручить королю отставку своего правительства. Король предложил ему орден Подвязки, но экс-премьер счел момент не подходящим для принятия наград. Формирование нового кабинета было поручено лидеру лейбористов Клементу Эттли.

Лейбористское правительство было образовано в основном из крайне правых лидеров, прошедших выучку у консерваторов и служивших в коалиционном правительстве Черчилля в годы войны. Утверждают, что Черчилль даже принял участие в формировании нового правительства.

Эттли предполагал сделать министром иностранных дел Хью Дальтона, а Эрнеста Бевина — министром финансов. «Вплоть до утра решающего дня, когда члены нового кабинета должны были быть представлены королю в Виндзорском дворце, — пишет Палм Датт, — намерения были именно таковы. Однако к вечеру план изменился. Министром иностранных дел стал Бевин. В печати появились сообщения, что днем Эттли уезжал завтракать с «неким лицом», имя которого не называлось. Впоследствии стало известно, что этим «неким лицом» был Черчилль. Правдива эта история или нет, но, несомненно, Черчилль от души одобрил назначение Бевина министром иностранных дел. Он достаточно часто заявлял об этом».

В Потсдам пришлось ехать новому премьер-министру Эттли и новому министру иностранных дел Бевину. Эттли был в составе делегации Черчилля и участвовал в первой части Потсдамской конференции. Черчилль взял с собой Эттли, с тем чтобы руководство лейбористов было информировано о происходившем на конференции и, возможно, поддержало ее решения в дальнейшем при обсуждении их в парламенте.

Рассказывают, что, когда Эттли стал премьер-министром, он предложил Черчиллю вернуться с ним на Потсдамскую конференцию на тех же правах, на каких он сам вначале ездил в Берлин. Черчилль отказался, и его легко понять. Он не мог вернуться в качестве рядового члена делегации туда, где выступал облеченный полномочиями главного представителя Англии как один из трех руководителей коалиции, обеспечившей победу над Германией.

Предстояло решить вопрос, как быть и что делать дальше. Многим из близких Черчиллю людей казалось, что ему следует уйти от активной политической деятельности и оставшиеся годы жизни наслаждаться славой, которую он приобрел в период войны, не довольствуясь сравнительно скромной ролью лидера оппозиции в палате общин. К тому же парламент должен был решать уже не

грандиозные проблемы ведения войны, а заниматься обыденными делами мирного времени, социальными и экономическими вопросами, к которым у Черчилля никогда не лежала душа. Еще в те первые послевоенные дни, когда Черчилль возглавлял переходное правительство, он говорил Морану: «Я чувствую себя очень одиноким без войны». Многие друзья советовали Черчиллю оставить парламент и посвятить себя созданию истории второй мировой войны.

В этих советах был здравый смысл. Однако не исключено, что в какой-то степени они диктовались желанием избавиться от Черчилля как лидера консервативной партии, который допустил во время избирательной кампании 1945 г. ряд крупнейших ошибок, явившихся одной из причин поражения на выборах.

Не таков, однако, был Черчилль, чтобы прислушаться к этим советам, признать свое окончательное поражение и навсегда уйти от активной политической деятельности. Ведь откажись он от поста лидера оппозиции и лидера партии, ему уже больше не бывать премьер-министром. Поэтому Черчилль заявил, что намерен заниматься всеми вопросами, с которыми придется столкнуться в послевоенный период в парламенте, и продолжать руководить консервативной партией.

У лейбористов было устойчивое большинство в палате общин, и это означало, что правительство почти наверняка просуществует полные пять лет. Не исключено, что и следующие выборы могли окончиться победой лейбористов. Черчиллю к этому времени уже исполнился 71 год, но чувствовал он себя хорошо и был уверен, что вновь вернется на Даунинг-стрит, 10. «Не будет же лейбористское правительство существовать вечно, — говорил он. — Дай бог, чтобы оно не причинило слишком много вреда до тех пор, покуда мы не вернемся обратно. Мы должны вернуться. Мы вернемся, и это так же верно, как то, что завтра солнце взойдет снова».

Приняв такое решение, Черчилль поставил своей главной задачей в парламенте как можно сильнее дискредитировать лейбористское правительство и тем самым приблизить возвращение к власти консерваторов. Это была в общем трудная задача. Правительство Эттли активно действовало в основном в области экономической политики и социальных проблем. В этой сфере лейбористские

министры были сильнее Черчилля. Они имели лучшую теоретическую и практическую подготовку к тому, чтобы заниматься этими проблемами. Вообще лейбористское правительство состояло из довольно способных деятелей, к тому же прошедших школу государственного управления в правительстве самого Черчилля. В послевоенные годы руководящая верхушка консервативной партии в общем была слабее той группы, которая возглавляла лейбористов.

Перед лейбористским правительством встали огромные проблемы, и как следовало с ними справляться, было далеко не ясно. Война причинила Англии меньший ущерб, чем ряду других государств, но все же серьезно ослабила ее экономические и политические позиции. Ухудшилось финансовое положение, расходы на войну составили более 25 млрд. ф. ст., вследствие чего государственный долг вырос в 3 раза. Ущерб от бомбардировок, потери судов и грузов, необновленный основной капитал в промышленности, потери капиталовложений за границей составили примерно четвертую часть национального богатства страны. Выпуск промышленной продукции Англии упал, экспорт сократился.

Английские правящие круги приняли после войны ряд мер, направленных на обеспечение роста промышленного производства, с тем чтобы не допустить дальнейшего отставания от ее конкурентов. Англия использовала вызванное войной ослабление некоторых своих конкурентов, а также систему имперских преференций и стерлинговый блок для увеличения экспорта. Однако и в этой области успехи оказались непрочными, временными. Были увеличены капиталовложения в промышленность. Одновременно последовала национализация и реконструкция за счет государства ряда важных отраслей промышленности (угольной, энергетической, газовой, внутреннего транспорта). В результате этих мер на принадлежащих государству предприятиях была занята четвертая часть рабочих и служащих Англии. Таким образом, капиталистические противоречия ускорили перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Рост промышленного производства в Англии происходил быстрее, чем в период после первой мировой войны, но медленнее, чем в ряде других стран.

Не выдерживает никакой критики утверждение лей-

бористов, будто путем национализации ряда отраслей промышленности они создали в Англии социалистический сектор хозяйства и тем самым превратили экономику страны из капиталистической в смешанную. Лейбористская национализация была по своему характеру капиталистической, ее результатом явилось усиление государственно-монополистического капитализма, создание государственной собственности ради удовлетворения требований капитализма. Буржуазными по своему характеру были и проведенные лейбористами реформы в области социального страхования, народного образования и здравоохранения. Эксплуатация рабочего класса в Англии стала более интенсивной. Ему приходилось отстаивать свои права и жизненный уровень в упорной стачечной борьбе.

Начавшийся после второй мировой войны процесс ликвидации колониальной системы империализма привел к тому, что уже в период пребывания у власти правительства Эттли завоевали свободу и создали свои независимые государства многие народы английских колоний, в том числе Индии, Бирмы, Пакистана, Цейлона и ряда территорий Африки. Крушение Британской империи резко ослабило английский империализм.

Распад колониальной системы, огромные военные расходы, прежде всего по содержанию войск за границей, усиление паразитизма и загнивания английского капитализма в связи с высокой степенью милитаризации экономики и большим ростом государственно-монополистической бюрократической надстройки — все эти факторы обусловили падение роли Англии внутри капиталистического мира после второй мировой войны.

Не способствовала повышению международного престижа страны и политика ее правительства в первые послевоенные годы. Лейбористское правительство Эттли — Бевина не выполнило своих предвыборных обязательств ни во внутренней, ни во внешней политике. Такова уж английская политическая традиция, и лейбористы не являются исключением. Они сразу же начали отходить от согласованной политики союзных держав, сформулированной в годы войны, и в сотрудничестве с американскими правящими кругами стали открыто проводить агрессивную, империалистическую внешнюю политику.

В нарушение англо-советского договора 1942 г. лейбористское правительство сразу же после войны фактичес-

ки ликвидировало союзные отношения с СССР и вместе с США начало «холодную войну» против Советского Союза и других социалистических стран. Правящие круги Англии сохранили созданный в годы войны англо-американский блок и в союзе с США саботировали дело разоружения и запрещения атомного оружия.

Английских политиков преследовал с самого начала кошмар появления эквивалентного оружия в распоряжении Советского Союза, что означало бы крах всех основных внешнеполитических замыслов правящих кругов Англии. «Чувство беспомощности возникало из-за невозможности помешать враждебной державе изготовить это оружие», — замечает А. Грум.

Лейбористское правительство поначалу заняло, на первый взгляд, рациональную позицию. Во-первых, оно несколько раз заговаривало о том, не следует ли обсудить атомную проблему в рамках Большой тройки — СССР, Англия и США — и попытаться достигнуть соглашения. Во-вторых, в ходе таких переговоров следовало поднажать на Советский Союз и под угрозой атомной бомбы добиться от него далеко идущих уступок. Если первый мотив может восприниматься как реалистический, то второй — ликвидирует начисто этот «реализм».

Осенью 1945 г. перед поездкой в Вашингтон Эттли понимал, что сообщество государств не согласится, чтобы секрет бомбы постоянно находился в руках Англии и США, и полагал, что следует обсудить проблему с Советским Союзом. Министр иностранных дел Э. Бевин настаивал на том, что «этот вопрос не должен быть поднят перед Трумэном и Сталиным в отрыве от многих других вопросов, являющихся предметом обсуждения между тремя державами». Итак, Бевин предлагал сразу же взять быка за рога и начать атомный шантаж Советского Союза. Это было предложено за полгода до выступления Черчилля в Фултоне!

Приглашением Советского Союза к переговорам Эттли хотел, как он утверждал, «продемонстрировать акт доверия». Проект письма Трумэну по этому вопросу Эттли показал Черчиллю. Старый лидер консерваторов пришел в бешенство и энергично отчитал лейбористского премьер-министра. «Неужели вы хотите, чтобы американцы продемонстрировали процесс производства бомбы перед Объединенными Нациями?» — в гневе вопрошал Чер-

чилль. «Вы хотите, чтобы они рассказали русским, как делается бомба?» Черчилль заявил, что он решительно против этой идеи и выступит публично, когда этот вопрос станет известен общественности. Черчилль утверждал, что «ответственность за провозглашение мировой политики безусловно лежит на Соединенных Штатах» и что «они и мы должны попытаться обеспечить какую-то форму безопасности на основании торжественного соглашения, поддержанного силой, то есть силой атомной бомбы... Мы не должны на этом этапе заводить разговор об акте доверия». Интересно, что уже в наше время один из английских исследователей заметил, что эта «позиция Черчилля вольно или невольно вела к послевоенной гонке вооружений и „холодной войне"».

Эттли не был так наивен и миролюбив, как думал готовый часто идти напролом Черчилль. У него было желание раньше времени не выявлять враждебное отношение к СССР и приманкой участия в переговорах успокоить опасения СССР по части атомной бомбы, чтобы Советский Союз не форсировал ее разработку. Именно об этом говорит бесспорное нежелание лейбористского правительства делиться ядерной информацией с СССР. Наконец, участие СССР в переговорах позволило бы Англии, сталкивая его с США, извлекать для себя определенную дипломатическую выгоду. Между прочим, этой тактике Эттли учился у Черчилля.

В конце концов верх одержала точка зрения Черчилля — Бевина и совещание в Вашингтоне состоялось без Советского Союза. Кое-кто в составе английского правительства и некоторые английские дипломаты считали нежелательным такое демонстрирование враждебности к Советскому Союзу, тем более, что напряженность в отношениях между двумя странами возрастала и в других сферах.

Вопрос о привлечении или исключении СССР решился сам собой, когда 1 августа 1946 г. вступил в силу принятый американским конгрессом акт Макмагона, запрещавший американской администрации сотрудничество с другими странами в ядерной области. Тем самым и Англия оказалась исключенной из такого сотрудничества. Это было сильным морально-политическим ударом по английскому самолюбию. В Лондоне сетовали, что американцы таким образом отблагодарили за английскую помощь в

создании атомной бомбы. Теперь английское правительство после акта Макмагона уже не могло сомневаться, что США намерены были сохранить монополию на ядерное оружие в своих руках и не допускать к нему никого, включая и Англию.

В апреле 1949 г. оно подписало вместе с рядом других государств агрессивный Североатлантический пакт, отказалось от согласованной тремя державами в Потсдаме политики в отношении Германии, встало на путь ее расчленения и возрождения в Западной Германии милитаризма и реваншизма.

Втянув Англию в НАТО, лейбористы возложили на английский народ тяжкое бремя вооружений. После победы народной революции в Китае лейбористское правительство в надежде на получение экономических и политических выгод юридически признало Китайскую Народную Республику в январе 1950 г. Пребывание у власти правительства Эттли — Бевина ознаменовалось такими действиями, как участие вместе с США в агрессивной войне в Корее в 1950 г., подписание в 1951 г. мирного договора с Японией, превращавшего ее в базу американской агрессии на Дальнем Востоке, и поддержка ряда других акций американского империализма.

На протяжении шести лет правления лейбористов английский народ все больше и больше убеждался, что все их разговоры о социализме, о «государстве всеобщего благоденствия» были фальшью, что их внутренняя и внешняя политика проводилась в интересах монополистического капитала.

Такова была общая обстановка в Англии, когда Черчилль возглавлял в парламенте консервативную оппозицию его величества. Он не слишком интересовался парламентскими делами в послевоенные годы, не часто появлялся в палате общин, довольно редко и в общем неудачно выступал. Его выступления четко разделяются по тону и направленности на две части. В речах по вопросам внешней политики он поддерживал и одобрял линию правительства. По всем же вопросам внутренней и экономической политики выступал в роли упорного критика, хотя, вернувшись в 1951 г. к власти, консерваторы оставили нетронутыми меры, которые были проведены лейбористским правительством Эттли при ожесточенном сопротивлении со стороны Черчилля.

Обвинения, которые бросал Черчилль в адрес лейбористского правительства, шли по двум линиям. Он утверждал, что все проводимые лейбористами мероприятия вызваны не необходимостью, а их приверженностью к определенным социалистическим доктринам. Одновременно он предрекал неминуемый крах английской экономики, который последует как непосредственный результат действий лейбористского правительства.

Выступая против национализации промышленности и государственного контроля над некоторыми сторонами экономической жизни страны, против социальных реформ, Черчилль словно забыл, что он сам в начале XX в., будучи либеральным министром, пропагандировал примерно те же идеи. В нашумевшей тогда речи, произнесенной в 1906 г. в Глазго, Черчилль предлагал, чтобы государство стало одним из нанимателей, и доказывал целесообразность национализации железных дорог. Один из биографов Черчилля в 1961 г. писал: «Мы должны помнить, что это говорилось 50 лет тому назад. Сегодня это выглядело бы как произнесение очевидных истин... Передача в распоряжение государства железных дорог и других общественных служб была осуществлена лишь в 1947 г., и это было сделано лейбористским правительством, которое осталось непоколебимым, несмотря на упреки Черчилля, что оно следует по пути, диктуемому социальными предрассудками и доктринерской теорией... Все это было не так, и Черчилль это прекрасно знал. В 1945 г. он называл это социализмом. В 1906 г. Черчилль сделал все, что мог, чтобы доказать, что эти меры не являются социалистическими. Но если это не социализм, то что же это такое? Это был чистой воды радикализм ллойдджорджевского типа».

Тот же автор замечает, что в действительности «не трудно установить поразительные параллели между высказываниями Черчилля, относящимися к 1906 г., и заявлениями Эттли, сделанными в 1945 г.». И это на самом деле так.

Когда лейбористское правительство проводило через палату общин закон о некотором дальнейшем ограничении прав палаты лордов, Черчилль атаковал правительственный законопроект. Лейбористские лидеры прекрасно помнили, что говорил Черчилль по этому вопросу перед первой мировой войной. Они зачитали в парламенте вы-

держки из многих его выступлений того периода, когда либеральное правительство проводило свой законопроект о палате лордов. Это был сильный аргумент. Консерваторы сидели с насупившимися лицами, а на лейбористских скамьях раздавался смех.

Часто речи Черчилля звучали не так, как хотелось его коллегам-консерваторам. Он их произносил, не спрашивая ничьего совета и не консультируясь со своим «теневым кабинетом». Не соответствующие духу времени, не учитывающие соотношения сил в парламенте и, что особенно важно, настроений рядового англичанина, эти выступления все больше и больше вызывали раздражение среди видных деятелей консервативной партии. Соратники престарелого лидера консерваторов, как и многие другие, понимали, что лейбористское правительство в сложившихся тогда условиях лишено было возможности пойти на отмену введенного в военное время контроля государства над экономической жизнью страны, что оно не могло не провести национализацию ряда отраслей экономики, что оно, наконец, не могло не осуществить такую уступку рабочему классу страны, как введение новой системы социального страхования.

Черчилль не уделял достаточного внимания своим обязанностям лидера оппозиции, не старался как-то сплотить консерваторов в палате общин в монолитную группу, действующую согласованно под единым руководством. По свидетельству Морана, «он раздражался, когда слышал, что консерваторы должны вырабатывать определенную политику. Обязанность лидера оппозиции, говорил он, состоит в том, чтобы нападать на правительство; только в этом и ни в чем другом». Моран замечает на этот счет: «Уинстон стареет. Его дело уже сделано, он живет в прошлом».

Ряд консервативных деятелей среднего поколения, и прежде всего Р. А. Батлер, в это время принимали энергичные меры по перестройке консервативной партии, с тем чтобы она пришла к следующим парламентским выборам полностью мобилизованной и во всеоружии. Провалившись на попытке завоевать большинство в палате общин, опираясь лишь на популярность Черчилля, консервативные лидеры сделали вывод, что избирателю нужно дать конструктивную программу, которая привлекала бы его внимание настолько, чтобы он отдал свои голоса консерваторам. Для этого была разработана серия программ-

ных документов, среди которых наибольшее значение придавалось промышленной хартии консерваторов.

Вся эта работа шла помимо Черчилля. Он не только не участвовал в ней, не интересовался ею, но и относился к ней с пренебрежением. «Ходил слух, — пишет Вирджиния Коулс, — что Черчилль даже не взял на себя труд прочесть консервативную промышленную хартию, которую Р. А. Батлер разработал с таким трудом». «Консерваторы, — продолжает она, — шептались, что, вероятно, дела пошли бы лучше, если бы Уинстон ушел в отставку, а Иден занял его место».

В это время в печати консервативного направления появляются статьи, озаглавленные весьма многозначительно: «Не является ли Черчилль обузой для консерваторов».

Действительно, его упрямство, неспособность применяться к новой обстановке объективно причиняли вред консерваторам. И в то же время консервативная партия не могла обойтись без Черчилля. У консерваторов не было других крупных лидеров, которые пользовались бы большой популярностью в стране и, возглавив партию могли бы привлечь к ней внимание избирателей. Военная слава Черчилля была картой, на которую консерваторы ставили в борьбе за симпатии рядового англичанина.

Эту ситуацию убедительно вскрыл Эньюрин Бивен в своем выступлении в палате общин в 1949 г. Он показал, каковы истинная роль и место Черчилля в консервативной партии. «Он думает, — сказал Бивен, — что он является лидером консервативной партии. Он им не является. Он представляет собой приманку в руках консерваторов. В настоящее время внутри консервативной партии имеет место легкое беспокойство в связи с вопросом о том, является ли достопочтенный джентльмен обузой для партии или ее активом. Это весьма значительное беспокойство...» Ссылаясь на прежние выступления Черчилля, Бивен показал, что он сам считал консерваторов ответственными за провал политики английского правительства, проводившейся накануне второй мировой войны. «И этих людей, — заявил Бивен, — Черчилль хотел бы вновь привести к власти... Неужели он думает, что народ будет благодарен ему?»

Во многом Бивен был прав. Действительно, Черчилль не импонировал консерваторам, но служил выгодной при-

манкой в их руках, которой они широко пользовались. В самом деле, борясь за свержение лейбористского правительства и за возврат к власти консерваторов, Черчилль пытался навязать английскому народу группу обанкротившихся реакционных политиков, дискредитировавших себя и консервативную партию еще в 30-е годы. Но что иное мог он предложить? Ведь именно эта группа управляла партией и сохраняла Черчилля на посту ее лидера.

В 1945—1951 гг. Черчилль пишет многочисленные статьи, совершает поездки за границу, произносит речи, присутствует в качестве почетного гостя на многих митингах и собраниях. Такая активная деятельность свидетельствовала, что у него все еще были значительные запасы сил и энергии.

Но этим не исчерпывались занятия Черчилля. Он вновь много времени уделяет живописи и выставляет свои картины в Королевской академии. У него появилась страсть к сельскому хозяйству. Черчилль прикупил 500 акров земли вблизи Чартвелла и устроил животноводческую ферму. Несмотря на преклонный возраст, он пылко увлекся скачками, завел скаковых лошадей, которые хотя и не занимали первых мест, но выступали довольно успешно.

Главным среди всех его занятий было написание шеститомной истории второй мировой войны. К созданию этого труда Черчилль готовился, еще будучи премьер-министром. Опыт с книгой «Мировой кризис» был учтен им полностью. Став членом правительства Чемберлена, а затем премьер-министром, Черчилль собирал копии всех наиболее важных документов, которые попадали ему в руки. Он любил излагать свои мысли письменно и готовил по многим вопросам бесконечные памятные записки, меморандумы, распоряжения. Свою переписку с Рузвельтом и Сталиным Черчилль вел не в виде официальных документов, исходящих от правительств, а путем так называемых частных писем, копии которых также тщательно собирались. Все эти и многие другие дополнительные материалы были сконцентрированы в Чартвелле и явились основой задуманного труда.

По существующему в Англии правилу официальные государственные документы, остающиеся у министров и генералов после отставки, автоматически превращаются

в их частную собственность. Черчилль в полной мере воспользовался этим правом.

Работа над историей второй мировой войны была предприятием, поставленным на широкую ногу. Как пишет Вирджиния Коулс, Черчилль придерживался мнения, что глупо погружаться самому в ту работу, которую могут выполнять для него другие. Поэтому он собрал вокруг себя военно-морских, военных и военно-воздушных экспертов, ученых, историков, литераторов и создал из них обширный аппарат, в задачу которого входила проверка фактов, отбор материала, подготовка записок по отдельным вопросам, в которых сам он был слабо осведомлен. Кроме того, при Черчилле работала группа способных и знающих секретарей в две смены по 8 часов.

Один из видных английских журналистов — Малкольм Маггеридж замечает, что Черчилль «развил в себе способность организовывать крупные труды. Его «Мальборо», «Мировой кризис» и в еще большей степени «Вторая мировая война» по существу должны рассматриваться скорее как коллективные труды, чем как продукт усилий индивидуального автора». Правда, Маггеридж здесь же отмечает, что подача материала в этих и других аналогичных трудах неизменно черчиллевская, равно как и оценки, выводы и концепции.

Многие люди были заинтересованы в том, чтобы быть отмеченными в задуманном Черчиллем труде, причем отмеченными достаточно полно и в положительном смысле. Поэтому кроме мощного аппарата, работавшего постоянно на Черчилля, он мог широко пользоваться услугами крупных деятелей и специалистов со стороны. Бывшие военные, политические деятели и бизнесмены охотно откликались на просьбы Черчилля изложить на бумаге, и поподробнее, тот или иной эпизод или событие, к которому они были причастны в годы войны.

Черчилль по традиции не писал, а диктовал свои воспоминания о второй мировой войне. Работая по существу по две смены в день, он успевал продиктовать примерно 8 или 9 тыс. слов, т. е. около полутора авторских листов.

Одновременно шла широкая реклама будущего издания. Гонорар за историю второй мировой войны превзошел все, что Черчилль получал ранее. Крупнейшие журналы Америки и Англии соревновались, чтобы получить право первыми опубликовать труд Черчилля по главам

в виде отдельных серий с продолжением. Американский журнал «Лайф» купил это право за сумму, которая, как утверждают, составила около 2 млн. долл. Если к этому прибавить гонорары, полученные Черчиллем за публикацию истории войны в других органах печати, а также за выход ее в ряде стран в шести томах отдельными изданиями, то можно себе представить, какую огромную сумму дало ему это литературное предприятие. Газета «Санди таймс» писала в 1965 г.: «Очень немногие авторы в двадцатом столетии получили больше денег от своих книг, чем Черчилль». Когда один из издателей обратился к Черчиллю с вопросом, не согласится ли он передать ему для издания книгу, которую пишет, Черчилль заявил: «Я не пишу книгу, я делаю состояние». И он сказал правду.

Охват событий в новом труде Черчилля огромен. Он в деталях прослеживает мировую историю за четверть века. События развиваются, естественно, прежде всего в Европе, но автор пишет и об Америке, Азии, Африке, Австралии.

Для Черчилля история всегда была повестью о подвигах добрых и злых героев, действующих на фоне безликой, инертной человеческой массы. И историю второй мировой войны он писал под этим углом зрения. Разумеется, в центре событий фигура самого Черчилля. Создается впечатление, что именно он был главной силой происходящих событий, средоточием мировой истории. Все хорошее и разумное, что было сделано в годы войны, сделано прежде всего благодаря ему. Все плохое объясняется или злым гением Гитлера и ему подобных, или же некомпетентностью и глупостью государственных деятелей Англии, Франции, США и других стран.

Диапазон «Второй мировой войны» намного шире диапазона «Мирового кризиса». Если в «Мировом кризисе» Черчилль рисовал свою борьбу с английскими деятелями, и прежде всего с Асквитом, то во «Второй мировой войне» он действует уже на мировой арене, в глобальном масштабе.

Теперь он уже борется с Гитлером, сотрудничает с Рузвельтом, выступает против Муссолини, разоблачает японских деятелей, взаимодействует с 1941 г. с И. В. Сталиным, а затем с 1943 г. борется с ним в рамках этого взаимодействия.

Черчилль часто упоминает тех или иных деятелей, с которыми он поддерживал контакты. Некоторых близких к нему лиц он рисует в положительном плане и называет своими друзьями. Но читатель, следуя за автором, неизбежно убеждается, какая огромная разница между ним и этими людьми. Все они предстают лилипутами в сравнении с Гулливером — Уинстоном Черчиллем.

Вторым действующим лицом во «Второй мировой войне» Черчилля является Англия. Автор не жалеет красок своей богатой литературной палитры, чтобы утвердить и прославить величие Англии. Для него Англия и англичане — явление исключительное, они стоят выше всех государств и народов. «Защита славы, чести и миссии британской расы,— пишет лорд Чандос,— является важнейшей частью трудов Черчилля».

Если сравнить последний том «Мирового кризиса» и первый том «Второй мировой войны», нельзя не поразиться различию тона и подхода к трактовке некоторых событий. В последнем томе «Мирового кризиса» Советская Россия изображается Черчиллем как главный враг Англии и всего человечества. Чтобы справиться с этим врагом, Черчилль выдвигает идею союза с Германией и возрождения ее мощи. В первом томе «Второй мировой войны» Черчилль утверждает, что в лице Германии сконцентрировались силы зла и что с ее стороны возникла угроза Англии и всему миру. Отвести эту угрозу можно было лишь в союзе с СССР. Таким образом, трактовка проблемы совершенно обратная.

«Тема данного тома,— пишет Черчилль в первом томе «Второй мировой войны»,— как народы, говорящие на английском языке, из-за своего неблагоразумия, легкомыслия и добродушия позволили вновь вооружиться силам зла». Вероятно, он предполагал, что читатель забыл описанную в «Мировом кризисе» его собственную беседу с Ллойд Джорджем вечером 11 ноября 1918 г., в которой шла речь о необходимости возродить Германию для борьбы против Советской России. Именно эта линия в английской внешней политике привела к тому, что «силы зла» вновь вооружились.

Черчилль не мог замолчать решающий вклад, внесенный Советским Союзом в дело разгрома фашизма. Правда, он дает волю своим антисоветским чувствам в шестом, заключительном томе, где пытается доказать, что англий-

кое правительство вело честную, добросовестную, направленную на сохранение великого союза политику, но что этот союз был взорван благодаря действиям Советского правительства.

Военные мемуары Черчилль писал в те годы, когда он совершил открытое возвращение к своей старой, враждебной Советскому Союзу и делу социализма политике. Поэтому естественно, что его книга — это своеобразное объяснение причин существования союза между Англией и СССР в годы войны, а также идеологическая подготовка к переходу на ту оголтелую антисоветскую линию, которую премьер-министр в отставке занял в послевоенный период.

Черчилль был последовательным сторонником тесных взаимоотношений между Англией и Соединенными Штатами Америки. Эту идею он пропагандирует на протяжении всех шести томов. Однако американцы в изображении Черчилля — это и недобрые по отношению к Англии и немудрые люди, зачастую обнаруживавшие в ходе войны неспособность правильно оценить мировую обстановку. Черчилль много пишет о том, как правительство США посягало в годы войны на интересы Англии в международно-экономической и колониальной сферах и как он давал энергичный отпор подобным посягательствам со стороны США.

При оценке итогов второй мировой войны Черчилль искажает развитие событий и сложившуюся объективно обстановку. Он считает, что война закончилась трагедией для Англии и мирового капитализма из-за злой воли Советского правительства. Узнав из книги Черчилля, что весной 1945 г. он стремился силой англо-американского оружия отбросить Советский Союз из Восточной Европы и задавить поднимавшуюся там социалистическую революцию, читатель неизбежно приходит к выводу, что в это время он готов был, не дождавшись окончания второй мировой войны, развязать третью мировую войну.

В своем новом труде, как и в предыдущих, Черчилль широко привлекает лишь те факты, которые свидетельствуют в его пользу и содействуют возвеличению Англии и его собственной персоны. Все остальные факты, не укладывающиеся в рамки его концепции, он игнорирует и отбрасывает. В ряде важных случаев Черчилль идет и на прямое извращение фактов. Проблема второго фронта осве-

щается им с грубейшим нарушением фактической стороны дела. Аналогичным образом ведет рассказ Черчилль о том, как посылались из Англии в северные порты СССР корабли с вооружением. Как говорил Эньюрин Бивен в 1949 г. в палате общин, Черчилль «подправляет историю, и если натыкается на неприемлемый для него факт, то такой факт летит за борт».

Лорд Чандос рассказывает об одном случае, показательном для понимания того, как Черчилль относился к фактам при написании «Второй мировой войны». В годы войны Чандос, тогда еще Оливер Литтлтон, был государственным министром Англии на Ближнем Востоке. Однажды Черчилль дал ему указание обеспечить срочную разгрузку танков с судна, доставившего их из Англии. Указание было выполнено, но Черчилль остался недоволен и прислал Литтлтону телеграмму с выговором за то, что его указание выполнили недостаточно точно. Обвинение было необоснованным, и Оливер Литтлтон ответил Черчиллю, что его последняя телеграмма «в высшей степени несправедлива и должна быть немедленно взята обратно». Разумеется, премьер-министр и не подумал этого сделать. Важно, однако, другое. Через два года после войны генерал Паунэл, помогавший Черчиллю разбирать его военный архив и подбиравший для него документы для «Второй мировой войны», позвонил Литтлтону и просил разрешения на опубликование этой телеграммы. Литтлтон ответил: «Разумеется, можете публиковать, но при условии, что Черчилль опубликует также и мой ответ». Легко догадаться, что ни первая, ни вторая телеграммы так и не увидели свет.

Черчилль — достаточно серьезный и солидный автор, чтобы не допускать искажений в документах. Однако использование документов в книге носит сугубо тенденциозный характер: автор умалчивает о ряде важных материалов, публикует документы в выдержках, цитирует лишь импонирующие ему места, вырванные из контекста. «Я полагаю,— пишет лорд Чандос,— что Черчилль явится самым документированным премьер-министром, который когда-либо занимал этот пост. Будет удивительно, если через несколько лет историк, изучая его документы, не придет к выводу, что они отражают в высшей степени субъективный взгляд на положение дел. Постепенно время и ученые произведут сбалансирование».

Шесть томов Черчилля о второй мировой войне — это, конечно, не историческое исследование. Но они содержат богатейший материал, без которого не может обойтись ни один историк-исследователь, обращающийся к проблемам второй мировой войны. Ценность их в том, что они содержат не столько авторский текст, сколько обширные выдержки из огромного количества официальных документов, находившихся в распоряжении Черчилля. В частности, в этих томах впервые была опубликована значительная часть переписки английского премьер-министра с Председателем Совета Министров СССР И. В. Сталиным и президентом США Рузвельтом. Текст самого Черчилля — это в основном связки между многочисленными документами и комментарии к ним. Большое количество документов дано в приложении к каждому тому. Малкольм Маггеридж пишет: ««Мировой кризис» и «Вторая мировая война»... представляют собой скорее фотографии, чем живопись, это скорее образцы ораторского искусства, чем литературы, это журналистика в лучшем смысле этого слова, но не история».

Черчилль давно выработал свой собственный монументальный стиль изложения исторических событий. Многие страницы его труда отмечены несомненным художественным талантом автора, и все шесть томов пользуются широкой известностью в Англии. Черчилль получил Нобелевскую премию за свои литературные произведения, и прежде всего за историю второй мировой войны. Разумеется, при этом сыграла свою роль и политическая направленность книги.

Зимой 1945/46 г. Черчилль провел несколько месяцев в Соединенных Штатах. Здесь он встречался с президентом Трумэном, руководителями государственного департамента и другими деятелями. Во время этих встреч возникла идея выступления Черчилля по проблемам мировой политики и была определена его общая линия. 10 февраля основные положения были согласованы с президентом Трумэном. Несколько недель Черчилль провел на курорте во Флориде, где шлифовал и отрабатывал свою речь. Когда все было готово, он вместе с Трумэном отправился в г. Фултон, в штате Миссури, где и произнес в Вестминстерском колледже 5 марта 1946 г. «знаменитую» речь, положившую начало «холодной войне».

Как известно, эта речь была произнесена с ведома и

согласия Эттли и Бевина, а также президента Трумэна и государственного секретаря Бирнса. Трумэн даже совершил тысячемильное путешествие, чтобы представить оратора аудитории. По словам Г. Пеллинга, Черчилль сообщил Эттли, что Трумэн «казался очень довольным» его речью. Все эти факты свидетельствуют, что Черчилль в своем выступлении не только высказал личные взгляды, но и провозгласил антисоветскую программу правящих кругов обеих стран — Англии и Соединенных Штатов Америки. Присутствие Трумэна в Фултоне подчеркнуло значение, которое в Америке придавали этому выступлению. К тому же США должны были в силу своего положения в капиталистическом мире сыграть ведущую роль в реализации предложенного Черчиллем плана.

Заявив, что миру угрожает прямая и непосредственная опасность новой мировой войны и тирании и что причиной этой угрозы является Советский Союз и международное коммунистическое движение, оратор предложил создать «братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке. Это означает особые отношения между Британским содружеством наций и империей, с одной стороны, и Соединенными Штатами — с другой... Братская ассоциация требует не только растущей дружбы и взаимопонимания между нашими двумя обширными, но родственными системами общества, но и сохранения близких отношений между нашими военными советниками, проведения совместного изучения возможных опасностей, стандартизации оружия и учебных пособий, а также обмена офицерами и слушателями в технических колледжах. Это должно сопровождаться сохранением нынешних условий, созданных в интересах взаимной безопасности, путем совместного использования всех военно-морских и авиационных баз, принадлежащих обеим странам во всем мире. Это, возможно, удвоило бы мобильность американского флота и авиации. Это значительно увеличило бы мощь британских имперских вооруженных сил и вполне могло бы привести... к значительной финансовой экономии... Впоследствии может возникнуть принцип общего гражданства, и я уверен, что он возникнет».

Против кого должен был быть направлен англо-американский военный союз? Черчилль совершенно четко и определенно объяснил — против Советского Союза и развивающейся социалистической революции. Он употребил в

своей речи ставший впоследствии очень популярным у антисоветских пропагандистов термин «железный занавес», который, по его словам, опустился на континент Европы и разделил ее по линии от Штеттина на Балтике и до Триеста на Адриатике.

Черчилль предложил применить силу против СССР, и притом срочно, пока США имеют атомную бомбу, а Советский Союз еще не изготовил это оружие. Его уже не удовлетворял традиционный английский принцип баланса сил, когда Англия, используя одну страну против другой, проводила свою политику на Европейском континенте. «Наша старая доктрина равновесия сил является несостоятельной,— говорил Черчилль.— Мы не можем позволить себе полагаться на незначительный перевес в силах». Теперь он сформулировал новую политику империалистов, ставшую впоследствии известной как политика «с позиции силы». «Судя по моим встречам с русскими, — сказал Черчилль, — я уверен, что они больше всего восхищаются силой». Он предложил немедленно, в 1946 г., «достигнуть полного взаимопонимания с Россией по всем вопросам». Это означало, что если Советский Союз не капитулирует перед угрозой применения силы, то против него необходимо будет развязать превентивную войну.

«Взаимопонимание с Россией» должно было «поддерживаться всей силой стран, говорящих на английском языке, и всеми их связями». Таким образом, высказывалась идея установления англо-американского мирового господства. Эта идея не была новой. Как известно, Черчилль лелеял ее на протяжении всей второй мировой войны. «Если население Содружества наций, говорящих на английском языке,— говорил Черчилль,— добавить к США и учесть, что будет означать подобное сотрудничество на море, в воздухе, во всем мире, в области науки и промышленности, то не будет существовать никакого шаткого и опасного соотношения сил... Мы будем продвигаться вперед, располагая строгой и трезвой силой... Если все британские моральные силы и убеждения сольются с вашими в братской ассоциации, то широкий путь в будущее откроется не только для нас, но и для всех, не только в наше время, но и на целое столетие».

Смысл речи Черчилля в Фултоне сводился к следующему: Советский Союз является главной угрозой безопасности и свободе всех остальных народов, поэтому челове-

чество должно объединиться под англо-американским руководством и силой ликвидировать эту угрозу. Таким образом, Черчилль пытался поднять весь мир против советского народа. Все это говорилось, когда и года не прошло после того, как советский народ ценой гигантских жертв и страданий обеспечил разгром фашизма и принес свободу порабощенным народам. Это говорилось после того, как благодаря огромным жертвам, принесенным народами СССР на алтарь победы, Англия спаслась от угрожающего ей неминуемого разгрома. Это говорилось в дни, когда, как предполагали англо-американские военные специалисты, Англия и США вели бы еще войну на Дальнем Востоке против Японии, если бы Советский Союз не вступил в эту войну на стороне союзников и тем самым не обеспечил ее быстрое, так сказать, досрочное окончание.

Неудивительно, что речь Черчилля в Фултоне была воспринята в СССР с глубоким возмущением. Советские люди увидели, что он стал вдохновителем нового военного похода против СССР, поджигателем мировой войны, глашатаем установления господства над миром одной расы и подчинения ей всех других народов.

В интервью корреспонденту «Правды» И. В. Сталин заявил, что «по сути дела г. Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И г. Черчилль здесь не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки». Далее в интервью было отмечено, что своим выступлением в Фултоне Черчилль поразительно напоминает Гитлера: «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... По сути дела г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке,— в противном случае неизбежна война... Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР».

Выражение Черчилля «железный занавес» в дальнейшем миллионы раз в различных вариантах использовалось

недругами СССР и других социалистических стран. «Во всем мире считают,— пишет Палм Датт,— что этот термин был изобретен гением сэра Уинстона Черчилля, впервые употребившего его в своей печально известной фултонской речи. А в действительности он был впервые приведен в том смысле, какой придается ему теперь западными политиками... еще Геббельсом в передовой статье, напечатанной в газете «Дас рейх» 25 февраля 1945 г... В капиталистических странах определение «железный занавес» вошло в обиход. О нацистском его происхождении упоминаний, конечно, не делается. Если бы за каждое употребление этих слов западные публицисты и политики платили бы гонорар их подлинному автору, тень Геббельса была бы теперь самой богатой тенью в аду».

Речь Черчилля вызвала тревогу и в буржуазном мире. Очень многие поняли, что это призыв к развязыванию новой мировой войны. В английском парламенте более 100 лейбористов предложили резолюцию, осуждающую выступление Черчилля. Однако правительство Эттли уклонилось от того, чтобы официально отмежеваться от идей, которые бывший премьер проповедовал в Фултоне. Оно заявило, что это частное мнение частного лица. На самом же деле вся последующая внешняя политика лейбористов осуществлялась в соответствии с линией, намеченной в Фултоне.

Английская компартия выступала с осуждением империалистической программы, сформулированной Черчиллем в Фултоне. Коммунистическая печать не только разоблачала антисоветскую направленность фултонской речи, ее безграничную враждебность делу социализма и прогресса, но и показала, что программа Черчилля является по существу программой подготовки и развязывания новой мировой войны.

В марте 1947 г. американское правительство провозгласило «доктрину Трумэна», и тем самым внешнеполитический план, изложенный Черчиллем, был принят в качестве государственной политики. Усилиями правительств Англии и США сколачивались агрессивные военно-политические блоки, направленные против СССР и социалистического и национально-освободительного движений. Это была фултонская программа в действии.

Империалистические политики и идеологи приложили немало усилий, чтобы убедить народы в том, будто Анг-

лия и США развязали «холодную войну» против СССР в ответ на ряд действий с его стороны. В их числе называются обычно отказ социалистических стран от участия в «плане Маршалла», создание Информбюро коммунистических и рабочих партий и победа демократических сил в Чехословакии в 1948 г. Эта концепция не соответствует истине и опровергается общеизвестными фактами.

Сейчас никто на Западе не спорит против того, что Западный союз и НАТО явились реализацией фултонской речи Черчилля и «доктрины Трумэна». Поскольку речь была произнесена в марте 1946 г., а доктрина провозглашена в марте 1947 г., то, следовательно, правящие круги Англии и США подняли знамя «холодной войны» до того, как Советский Союз и страны народной демократии летом 1947 г. отвергли «план Маршалла», до того, как в сентябре 1947 г. было создано Информбюро коммунистических и рабочих партий, и до того, как в феврале 1948 г. в Чехословакии произошли события, окончательно направившие эту страну по пути демократического развития.

Вскоре Черчилль развернул новую шумную пропагандистскую кампанию. Осенью 1946 г. он отдыхал в Швейцарии на берегу Женевского озера и под сенью Монблана готовил речь, с которой выступил 19 сентября 1946 г. в Цюрихском университете.

На этот раз он предложил создать так называемую объединенную Европу с целью противопоставить ее Советскому Союзу и ликвидировать объединенными усилиями европейской реакции демократические и социалистические завоевания народов стран Восточной Европы. «Почему,— вопрошал оратор,— не должна существовать европейская группа, которая дала бы чувство повышенного патриотизма и общего гражданства обезумевшим народам этого бурлящего и мощного континента?» Главной силой в объединенной Европе, по мысли Черчилля, должна стать Германия. Поскольку в памяти народов еще свежи были ужасы того времени, когда нацисты пытались создать объединенную Европу под руководством Германии, Черчилль призвал народы во имя будущего забыть о преступлениях нацизма. «Все мы,— сказал он,— должны повернуться спиной к ужасам прошлого. Мы должны обратить свой взор в будущее... Европейская семья должна совершить акт веры и предать забвению все преступления и ужасы прошлого».

Следует отметить, что объединенная Европа в планах

Черчилля — это не только антисоветский бастион, но и опора для Англии в ее отношениях с Соединенными Штатами. Опираясь на мощь Британской империи и на поддержку объединенной Европы, Англия могла бы на равных с США основаниях выступать на мировой арене. Интересно, что, выступая в 1948 г., Черчилль проговорился о том, какую роль он отводит объединенной Европе в планах восстановления былых позиций английского империализма. Он развивал тогда концепцию «трех великих сфер». Первая сфера, по Черчиллю,— это Британское содружество наций и империя со всем тем, что они включают. На второе место Черчилль поставил «страны, говорящие на английском языке, среди которых Англия, Канада и другие английские доминионы играют такую важную роль». На третье место была отнесена объединенная Европа. «Теперь,— заявил Черчилль,— если вы подумаете о трех связанных между собой сферах, вы убедитесь, что мы являемся единственной страной, которая играет великую роль в каждой из них. Фактически мы являемся главным центром связи, и здесь, на наших островах, являющихся узлом морских, а возможно, и воздушных путей, мы имеем возможность объединить все три сферы».

План Черчилля, рассчитанный на восстановление ведущей роли Англии в мировой политике, предусматривал, как это ни кажется странным, оттеснение США на второе место. Добиться этого Черчилль рассчитывал в результате американо-советского столкновения. Отсюда и его усилия побудить США занять более жесткую позицию в отношении Советского Союза.

Моран рассказывает, что 8 августа 1946 г. у него был разговор с Черчиллем. Черчилль в мрачных тонах говорил о будущем.

— Вы думаете, будет еще одна война? — спросил Моран.

— Да,— ответил Черчилль.

— Вы полагаете, что она будет в ближайшие 10 лет?

— Скорее, 7 или 8 лет. Меня тогда уже не будет.

Я спросил его,— пишет Моран,— будет ли эта война между Россией и ее союзниками и англосаксонскими странами.

— Да. И Франция, Скандинавия, Бельгия и Голландия будут на нашей стороне.

Я удивился, как маленькая Англия сможет принять

участие в атомной войне. Черчилль сказал: «Мы не должны ждать, пока Россия подготовится. Я верю, что пройдет 8 лет, прежде чем она станет обладательницей бомбы».

Через два месяца, в октябре 1946 г., разговор на эту тему возобновился.

Моран: Вы думаете, через два или три года начнется война?

Черчилль: Вероятно, даже скорее; возможно, этой зимой.

В речи на конференции консервативной партии в Ландудно в октябре 1948 г. Черчилль предложил немедленно, не откладывая дела в долгий ящик, предъявить Советскому Союзу определенные ультимативные требования. «Правда» в редакционной статье, посвященной этой речи, писала: «Черчилль требует ни много ни мало — уничтожения народно-демократического строя в странах Восточной Европы; ухода советских оккупационных сил из Германии и Австрии; самоликвидации коммунистического движения во всех странах, а заодно народно-освободительного движения в колониях и полуколониях; наконец, предоставления международным монополиям доступа к эксплуатации «обширных просторов» СССР, то есть в конечном счете восстановления в Советской стране капиталистических порядков и ее отказа от своей независимости». Черчилль утверждал, что «урегулирование с Советской Россией» мирным путем немыслимо, и призывал капиталистические державы тут же, безотлагательно начать войну против СССР, «пока они располагают атомной энергией и до того, как русские коммунисты тоже ее добудут».

Это была широкая программа развязывания немедленной агрессивной войны против СССР и других государств социалистического лагеря. Как отмечала английская газета «Ньюс кроникл», «готовность вести превентивную войну» является «логическим выводом» из всех рассуждений Черчилля.

Было бы неправильным утверждать, что Черчилль был одинок в планах насильственной ликвидации социализма на земном шаре, и прежде всего в СССР. Его взгляды разделяли влиятельные круги Англии и Соединенных Штатов Америки. Черчилль был лишь мощным рупором этих кругов. В докладе, подготовленном в английском Институте международных отношений в 1950 г., например, утверждалось, что «основные цели политики западных стран

не будут достигнуты до тех пор, пока территории Европы от Ла-Манша до советской границы 1938 г. не будут свободными партнерами в единой Европе». Это утверждение нужно понимать так, что империалистическим державам надлежало добиваться реставрации капитализма в странах народной демократии и отторжения от СССР ряда его территорий.

Внешняя политика лейбористского правительства на протяжении шести послевоенных лет являлась практически осуществлением намеченных Черчиллем планов. В 1947 г. Англия подписала с Францией союз, ставший первым шагом на пути создания более широких антисоветских блоков. В 1948 г. прежде всего благодаря усилиям английского правительства был основан Западноевропейский союз. Через год создается мощный военно-политический блок — организация Североатлантического пакта с участием Соединенных Штатов Америки. Английское правительство явилось одним из активнейших организаторов этого союза империалистических держав, поставившего своей целью сохранение капиталистического мира, борьбу против революционного движения как внутри стран — участниц союза, так и за их пределами, борьбу против национально-освободительного движения колоний и зависимых стран, и прежде всего борьбу против Советского Союза и других социалистических государств, возникших в Европе и Азии после второй мировой войны. Когда в 1950 г. Соединенные Штаты организовали войну против корейского народа, лейбористское правительство поставило вооруженные силы Англии и некоторых других стран Британской империи рядом с войсками американских интервентов, воевавшими в Корее. Как пишет Г. Пеллинг, Черчилль считал, что, если бы он был в этот момент у власти и решился на подобный шаг, это вызвало бы ожесточенную критику со стороны лейбористов. Завтракая вместе с ближайшими коллегами-консерваторами в Савой-отеле, он сказал: «Старик очень добр ко мне. Я бы не смог справиться с этой ситуацией, окажись я на месте Эттли. Меня бы назвали поджигателем войны». «Какой старик?» — спросил один из присутствовавших. «Господь бог», — ответил Черчилль.

Наиболее последовательным и упорным проводником идей Черчилля в английской внешней политике был министр иностранных дел Эрнст Бевин. Его называли «рас-

толстевшим Антони Иденом». Черчилль ценил Бевина больше, чем кого-либо другого из лейбористских деятелей, сотрудничавших с ним в коалиционном правительстве военного времени. Эмрис Хьюз объясняет это тем, что «Черчилль рассматривал Бевина как «лейбористского Джона Буля», который продолжал вести традиционную английскую внешнюю политику и которого постоянный штат Форин оффис прочно держал под своим контролем. Кроме того, Эрнст Бевин был настроен резко антикоммунистически...».

Черчилль неоднократно публично заявлял, что Бевин проводит фултонскую политику. 12 мая 1949 г. лидер консерваторов просил палату общин «не удивляться тому, что в целом он вполне согласен с речью министра иностранных дел... Он высказал свое мнение в свое время в Фултоне... То, что он предлагал тогда, в действительности было намного перевыполнено». С подобными заявлениями Черчилль выступал множество раз.

23 февраля 1950 г. в Англии состоялись очередные выборы в палату общин. Лейбористское правительство, втягивавшее страну в гонку вооружений и понимавшее, что ближайшее будущее даст значительное ухудшение жизненного уровня трудящихся, провело выборы несколько ранее срока истечения полномочий парламента. Программа лейбористов была намного скромнее той, с которой они шли на выборы 1945 г. О дальнейшей национализации важных отраслей английской промышленности речь уже не шла. Консерваторы, напротив, хорошо подготовились к выборам. Они реорганизовали аппарат партии и разработали ряд программных документов, которые должны были изобразить их в глазах избирателей поборниками интересов народа.

Сознавая стремление английского народа к миру и сотрудничеству с СССР, Черчилль выдвинул во время избирательной кампании «идею новых переговоров с Советской Россией на самом высоком уровне». Тем самым он хотел убедить избирателей, будто его помыслы заняты налаживанием нормальных отношений между Англией и СССР, и одновременно напомнить, что в годы войны он небезуспешно сотрудничал с Советским правительством, используя метод переговоров на высоком уровне. За этим заявлением в действительности не скрывалось ничего, кроме желания привлечь избирателей и заставить их забыть

о том, что Черчилль говорил некоторое время назад в Фултоне, в Цюрихе, в Лландудно и во многих других местах. Заранее готовя себе возможность пренебречь данным обещанием, Черчилль объявил, что многое будет зависеть от позиции Соединенных Штатов Америки. Даже его лейбористский друг Бевин заметил, что обещание Черчилля организовать встречу с представителями СССР и США на высоком уровне является предвыборным трюком. И это действительно было так.

В результате выборов лейбористы получили в новом парламенте 315 мандатов. Консерваторы с примыкающими к ним группами значительно улучшили свои позиции, завоевав 298 мест.

Правительство Эттли осталось у власти, опираясь на незначительное большинство в палате общин. Это обстоятельство делало позиции правительства непрочными, а новые выборы в парламент весьма вероятными в самом ближайшем будущем.

За годы, проведенные в отставке, состояние здоровья Черчилля, пошатнувшееся к концу войны, заметно поправилось. Как отмечает Г. Пеллинг, частично это следует отнести за счет жажды реванша, которая вселяла в него энергию и бодрость. Однако возраст брал свое — приходилось постепенно расставаться с любимыми с юности видами спорта. Зато теперь появились новые увлечения. В 1949 г. муж младшей дочери Черчилля Мэри Кристофер Сомс подарил ему скаковую лошадь, и с тех пор Черчилль стал выставлять на скачки собственных лошадей. Он нанял для них специального тренера. Любимый серый жеребец Черчилля по кличке Колонист II тринадцать раз выигрывал скачки, заработав своему хозяину почти 12 тыс. фунтов. Черчилль обычно бывал на ипподроме в дни, когда Колонист II участвовал в состязаниях, и приходил в восторг, когда тот побеждал.

Черчилль по-прежнему любил заниматься живописью. Он был очень доволен, когда две его картины, выставленные под псевдонимом, отобрали для Королевской академии художеств. В 1948 г. экс-премьера избрали почетным членом Академии художеств.

Много времени проводил он в Чартвелле, предаваясь различного рода удовольствиям сельской жизни. Особенно Черчилль любил животных. В Чартвелле жили черные

лебеди из Западной Австралии, диковинные рыбы плавали в пруду. Любимцем хозяина был маленький коричневый пудель Руфус или Руфи. Черчилль был страшно расстроен, когда собака погибла под колесами автобуса. Один из друзей подарил ему точно такого же пуделя, получившего имя Руфус II. «Во многих отношениях, — пишет Г. Пеллинг, — жизнь Черчилля в период пребывания в оппозиции была королевским существованием... Но его главной целью в те годы было вернуть власть себе и своей партии, изменить приговор избирателей, вынесенный в 1945 г.».

12

ЗАКАТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ

«Бульдог опять упустил свою кость»,— пишет Эмрис Хьюз, имея в виду, что Черчилль не смог прийти к власти в итоге выборов в парламент в 1950 г.

После этого нового провала вся оставшаяся у Черчилля энергия сконцентрировалась на нападках на лейбористское правительство. Стараясь максимально дискредитировать его, Черчилль пытался ускорить новые выборы в палату общин. Если ранее он ограничивался критикой в адрес лейбористов по внутриполитическим проблемам, то отныне сделал предметом нападок их политику перевооружения. Разумеется, Черчилль выступал не против гонки вооружений, а утверждал, что все делается не так, как надо и как делалось бы, если бы он был премьер-министром.

Положение лейбористского правительства подтачивалось тем, что проводимая им политика противоречила интересам народа, снижала его жизненный уровень и влекла за собой рост военной опасности. Под влиянием этих факторов внутри руководства лейбористской партии возникли резкие разногласия. В апреле 1951 г. они привели к уходу в отставку министра труда и национальной повинности Эньюрина Бивена и некоторых других деятелей, занимавших менее видные посты. В отставку подали люди, считавшиеся левыми, и среди них будущий премьер-министр Гарольд Вильсон.

Неблагоприятное положение в стране и в партии вынудило лейбористское правительство назначить досрочные выборы в парламент на 25 октября 1951 г.

Вопрос о войне и мире был главным на выборах. Английскому народу надоели двуличные лейбористские министры, позировавшие как социалисты, а действовавшие как

заурядные империалисты. Он разочаровался в их деятельности и готов был заменить их другими. Но рядовые англичане опасались, как бы консервативные министры, если они придут к власти, не втянули страну в большую войну. Поэтому консерваторы сделали все возможное, дабы убедить избирателей в том, что подобные опасения не имеют под собой оснований. Это была трудная задача, учитывая действительную внешнюю политику консерваторов.

Черчилля очень беспокоило, что его рассматривают как поджигателя войны. Поэтому он опять пустил в ход предложение об организации совещания с главами правительств СССР и США, если консерваторы придут к власти.

Английская печать подробно обсуждала вопрос, каковы будут последствия того, что палец Черчилля окажется на курке английской военной машины. Когда газета «Дейли миррор» опубликовала на своей первой полосе огромное изображение руки с пальцем на курке револьвера, Черчилль подал на газету в суд, требуя возмещения за ущерб, причиненный ему путем опубликования клеветнической информации. В соответствии с английскими законами иск Черчилля был признан обоснованным, газета принесла ему публичные извинения и выплатила крупную компенсацию, которую он передал на содержание домов для престарелых.

Консерваторы выиграли избирательную кампанию, но не получили устойчивого большинства, на которое рассчитывал Черчилль и которое ему было так нужно. В новой палате общин консерваторы получили 321 место, а лейбористы — 295.

Итоги выборов были объявлены 25 октября 1951 г., а на следующий день Черчилль снова, в третий и последний раз, стал премьер-министром Англии. Основные посты в сформированном им правительстве получили представители старой консервативной гвардии. Антони Иден по традиции стал министром иностранных дел. Батлер, много поработавший над подготовкой программных заявлений партии, соответствующих новой обстановке, получил портфель министра финансов. Лорд Вултон, руководивший реорганизацией консервативной партии, стал лордом — президентом совета. Старый помощник Черчилля профессор Линдеман, который к этому времени уже именовался лордом Черуэллом, был назначен министром почт,

Сам Черчилль, следуя практике, которая была введена им в военное время, взял себе портфель министра обороны, которому подчинялись военно-морской, военный и авиационный министры. Однако в мирное время такая практика оказалась ненужной, да и силы у Черчилля были уже не те, и он вскоре отказался от этого поста.

На сей раз Черчилль стал премьер-министром, когда ему было уже 77 лет. Со стороны могло показаться, что и в этом возрасте он все еще чувствовал себя вполне здоровым и достаточно энергичным. Однако в действительности могучий организм Черчилля начал сдавать. Он постепенно глох, и обращения за помощью к врачам не дали ощутимых результатов. Вследствие напряжения, которое Черчилль испытал во время парламентских выборов в октябре 1951 г., глухота значительно усилилась. В момент выборов Моран, размышляя о состоянии здоровья Черчилля, пришел к выводу: «Если он победит на этих выборах и возвратится на Даунинг-стрит, 10, я сомневаюсь, будет ли он в состоянии справиться с работой. За последние 14 месяцев... он потерял почву под ногами и уже не в состоянии, как прежде, схватывать суть вещей и событий».

Последнее премьерство доставило Черчиллю вначале большое удовлетворение. Он понимал, что в 1940 г. его сделали главой правительства в силу сложившихся тогда особых условий. Теперь же, в 1951 г., Черчилль получил кресло премьер-министра в полном соответствии с английской традицией, после победы возглавляемой им партии на выборах.

Когда министры-консерваторы разместились в палате общин на казначейской скамье (т. е. на первой скамье, где по традиции сидят члены правительства), у всех были свежи в памяти ожесточенные нападки Черчилля на лейбористское правительство в период с 1945 по 1951 г., а также его выступления против политических противников в ходе двух последних избирательных кампаний. Поэтому с большим изумлением политические наблюдатели отметили совершенно необычные для Черчилля спокойствие и сдержанность, с которыми он начал теперь действовать в качестве премьер-министра. «Что нужно народу,— заявил он,— так это несколько лет хорошего устойчивого управления. В чем нуждается палата общин, так это в периоде терпимого и конструктивного обсуждения стоящих перед нами вопросов в соответствии с тем значени-

ем, которое они имеют, без того, чтобы каждая речь, произносимая с той или иной стороны, была продиктована страстностью одной избирательной кампании или соображениями подготовки к другой такой кампании».

Для такой сдержанности были две причины решающего значения. Деятельность правительства Эттли — Бевина в области внешней политики осуществлялась в полном соответствии с собственными взглядами Черчилля. Естественно, он считал, что в этой сфере никакие изменения не требуются. Его правительство попросту продолжало политику своих лейбористских предшественников без каких-либо существенных модификаций.

Черчилль, критиковавший лейбористов за неудовлетворительное руководство делом перевооружения Англии, принял решение о том, чтобы перевооружение осуществлялось несколько менее интенсивно. Правительство Эттли имело в виду истратить на гонку вооружений 4 700 млн. ф. ст. в течение трех лет, Черчилль же запланировал израсходовать эту сумму за четыре года. Это удивило многих. Дело, однако, было не в том, что правительство Черчилля стремилось замедлить темпы перевооружения. Оно понимало, что возложенное лейбористами на Англию бремя вооружений слишком тяжело для английской экономики, и, опасаясь экономического краха, несколько облегчило его.

Что касается внутренней политики, то и здесь консервативное правительство никаких радикальных изменений не внесло, хотя эта область деятельности лейбористов подвергалась в свое время ожесточенной критике со стороны Черчилля. Система социального страхования продолжала действовать при новом правительстве в том виде, как она была создана лейбористами в первые послевоенные годы. Даже в таком важном для консерваторов вопросе, как национализация, правительство Черчилля по существу ничего не изменило. Были денационализированы лишь металлургическая промышленность и автомобильный транспорт. Это означало, что английская крупная буржуазия, представителем и выразителем интересов которой был Уинстон Черчилль, считала экономические и социальные реформы, проведенные правительством Эттли — Бевина, соответствующими ее интересам.

Разрыв между политикой консервативной и лейбористской партий все больше и больше сокращался. Это стано-

вилось отличительной чертой политической жизни послевоенной Англии.

А в общем внутриполитические проблемы по-прежнему мало интересовали Черчилля. В этой сфере его министры действовали со значительной долей самостоятельности. Премьер сосредоточил свое внимание прежде всего на вопросах внешней политики.

В январе 1952 г. Черчилль направился в Соединенные Штаты для встречи с президентом США. Он с помпой, в стиле военных лет, прибыл в Америку в сопровождении большой группы советников и сотрудников. Переговоры касались ряда важных проблем. Черчилль хотел получить у американцев помощь для осуществления программы перевооружения. Была достигнута договоренность о том, что Соединенные Штаты поставят Англии сталь в обмен на цветные металлы. Еще в 1948 г. лейбористское правительство разрешило создание на Британских островах американских военных баз. Теперь Черчилль договорился с американцами, что в случае войны эти базы будут использоваться по взаимному согласию обоих правительств. Участники переговоров подтвердили свою готовность консультироваться в дальнейшем по всем важным вопросам, затрагивающим проблему войны и мира. Президент и премьер-министр обещали поддерживать создаваемое Европейское оборонительное сообщество и использовать Западную Германию в военных блоках, участниками которых являлись Англия и США. Черчилль пытался добиться американского согласия на то, чтобы в армиях стран НАТО на вооружение была принята новая английская винтовка, которую англичане считали лучшей в мире. Однако американцы не пошли на это.

Черчиллю была предоставлена возможность выступить с речью перед американским конгрессом. Он воспользовался ею и в решительных выражениях заявил о поддержке Англией войны в Корее и политики, проводимой США против Китая. Его речь в конгрессе значительно отличалась от тех речей, которые он произносил в Англии. Она была более агрессивной и проамериканской. Английскую общественность несколько встревожила агрессивность заявлений, сделанных Черчиллем в Америке. Лейбористы воспользовались этим обстоятельством, чтобы повести на Черчилля атаку в палате общин по его возвращении из США. Эттли цитировал многочисленные заявления амери-

канских газет относительно выступления Черчилля в конгрессе и подчеркивал, что премьер-министр, выступая в Америке и в Англии по одним и тем же вопросам, говорил разные вещи.

Правительство Черчилля продолжало политику «с позиции силы» и уделяло большое внимание исследованиям в области атомной энергии. Еще в 1945 г., после успешного испытания в США первой атомной бомбы, Черчилль правильно оценил значение нового оружия, рожденного научно-технической революцией. Но он ошибся в своих прогнозах, связанных с политическими аспектами атомной проблемы. Не оправдались его надежды угрозой применения этого оружия подчипить Советский Союз англо-американскому диктату. Неприятной неожиданностью было для Черчилля также то, что США в августе 1946 г. актом Макмагона приняли решение не делиться с Англией атомными секретами, хотя английские ученые и техники принимали активное участие в создании нового оружия.

Неправ оказался Черчилль и в другом: во-первых, он считал, что Сталин, когда Трумэн сообщил ему в Потсдаме о создании атомной бомбы, не понял значения этого события, и, во-вторых, полагал, что Советскому Союзу потребуется очень большой срок для раскрытия секрета нового оружия и его изготовления. Советский атомный взрыв в августе 1949 г. явился для Черчилля громом среди ясного неба, и не для него одного. Американский исследователь А. Пьерр констатирует, что «быстрота советского атомного развития явилась сюрпризом как для Лондона, так и для Вашингтона». С этого момента и до возвращения консерваторов к власти в октябре 1951 г. Черчилль неустанно критиковал лейбористское правительство за отставание в области ядерной энергии, но правительство хранило загадочное молчание. В сентябре 1949 г. Черчилль вместе с другими депутатами парламента — консерваторами потребовал пересмотра английской атомной программы на том основании, что «нас обогнали русские». «Время и терпение,— говорил он,— эти мощные средства для разрешения человеческих затруднений, не обязательно работают на нас». Однако, как выяснилось впоследствии, Черчилль напрасно нападал на лейбористское правительство.

В конце 1974 г. в Англии была опубликована книга профессора Оксфордского университета М. Гоуинг, в которой на основании документальных источников расска-

зано о развитии атомной программы лейбористским правительством. 10 августа 1945 г., когда лейбористы находились у власти лишь две недели, в Лондоне были сделаны первые шаги по разработке программы обеспечения для Англии ядерного потенциала, реализация которой заняла 15 лет и обошлась в миллиард фунтов стерлингов, поглотив самые дефицитные ресурсы и квалифицированную рабочую силу. Занимавшийся этой программой так называемый комитет «Джен-75» включал в свой состав премьер-министра К. Эттли, министра иностранных дел Э. Бевина, министра внутренних дел Г. Моррисона и министра торговли С. Криппса; позднее к ним присоединились министр финансов Х. Дальтон и министр снабжения Д. Уилмот. Реальная власть в этой сфере сосредоточилась в руках двух человек — К. Эттли и Д. Андерсона. Последний был крайним консерватором, сидевшим теперь на первой скамье оппозиции. В годы войны он занимал в правительстве Черчилля пост министра финансов и во многом определял политику правительства. При Черчилле Д. Андерсон руководил атомной политикой и в этой же роли находился при правительстве Эттли.

Вернувшись к власти, Черчилль «с восхищением и завистью» обнаружил, что его лейбористские предшественники уже истратили на атомную программу почти 100 млн. ф. ст., утаив эти расходы от парламента. Делать это удавалось при помощи манипуляций с бюджетом министерства снабжения, в котором расходы на разработку атомного оружия проводились по таким общим статьям, как заработная плата, здания, склады и тому подобное, без указания существа операций.

Придя к власти, Черчилль проводил в атомных делах ту же линию, которой до него следовали К. Эттли и Д. Андерсон. 3 октября 1952 г. Англия испытала свою первую атомную бомбу.

Какие цели преследовали английские правящие круги, идя на тяжелые жертвы в сфере экономики страны с целью получения собственного ядерного оружия? Во-первых, обладание им должно было укрепить позиции Англии в ее борьбе против социализма, коммунизма, национально-освободительного движения, помочь достигнуть «урегулирования» с Советским Союзом в духе фултонской речи Черчилля, т. е. одержать победу в «холодной войне». Во-вторых, сделать более прочными позиции Англии в ее

отношениях с США, которые становились все более и более неравноправными. Английская атомная бомба должна была дать возможность правительству Англии разговаривать с американцами на равных. В-третьих, правящие круги Англии питали надежду, что, обретя атомную бомбу, она вернет себе положение великой мировой державы.

Говорили о всех этих расчетах, надеждах и мечтах довольно громко и откровенно. Поэтому А. Пьерр и пришел к следующему выводу: «Черчилль полагал, что, чем бы ни обладали американцы и русские, Англия, как великая держава, должна обладать тем же». Черчилль с большим доверием относился к мнению своего многолетнего научного советника профессора Линдемана (лорда Черуэлла), который полагал, что если Англия не сможет самостоятельно изготовить атомную бомбу и должна будет целиком полагаться на США, то она упадет до «уровня государства второго ранга, которому будет позволено только поставлять вспомогательные войска». Маршал авиации Д. Слессор в книге, опубликованной в 1954 г., следующим образом формулировал позицию английского высшего военного руководства: «Если мы должны будем оставить в руках какого бы то ни было союзника монополию на инструмент такого решающего значения в таких огромной важности вопросах, как вопросы войны и мира, мы рано или поздно опустимся до уровня державы четвертого класса. Во время мира мы неминуемо утратим наше огромное влияние на союзную политику и планирование, в период войны у нас будет незначительное влияние на определение союзнической стратегии, или на установление условий мира». Черчилль формулировал свою позицию следующим образом: «Если мы не внесем свой собственный вклад (в развитие атомных вооружений), у нас не может быть уверенности, что в чрезвычайных условиях ресурсы других стран будут планироваться в точном соответствии с нашим желанием или что цели, представляющие для нас наибольшую угрозу, получают необходимый, по нашему мнению... приоритет в первые же несколько часов».

В правительстве Черчилля все были уверены, что путь к восстановлению былого величия Британии лежит через самостоятельное обладание ядерным оружием. Консерваторы не принимали в расчет то обстоятельство, что участие Англии в гонке ядерных вооружений неизбежно по-

дорвет ее экономику и, следовательно, ослабит ее положение в ряду других держав, хотя трезвых и авторитетных предупреждений на этот счет высказывалось достаточно. Крупнейшие английские физики, действовавшие в качестве правительственных советников,— Г. Тизард и П. Блэкетт, как и многие другие, были убеждены в том, что Англии не следует разрабатывать и производить атомное и ядерное оружие. По мнению М. Гоуинг, в основе их позиции лежала реалистическая оценка положения Англии. «Мы не являемся великой державой,— писал Г. Тизард,— и никогда не станем ею вновь. Мы — одна из великих наций, но, если мы будем продолжать вести себя как великая держава, мы вскоре перестанем быть великой нацией. Давайте усвоим урок, вытекающий из судьбы великих держав прошлого, и не будем раздуваться от гордости, как печально известная лягушка».

Эти призывы не были услышаны. В 1955 г. консервативное правительство решило полным ходом развернуть работы по изготовлению ядерного оружия. 15 мая 1957 г. была испытана первая водородная бомба английского производства.

В феврале 1952 г. в возрасте 56 лет скончался английский король Георг VI. Королевой Англии была провозглашена его дочь Елизавета II. Роялист по натуре, Черчилль с огромным удовольствием погрузился в заботы, связанные с похоронами скончавшегося короля и с восшествием на престол новой королевы. «Циники в палате общин,— пишет Эмрис Хьюз,— замечали, что Черчилль наслаждался каждой минутой долгой траурной церемонии, которая тянулась целую неделю». В эту неделю премьер-министр разразился каскадом речей, выдержанных в столь любимом им высокопарном стиле.

Характерно, что, восхваляя Георга VI, Черчилль не упускал ни единого случая для прославления собственной персоны. Отдавая последнюю дань покойному королю, он подводил англичан к мысли, что Англия прошла с честью через все испытания военных лет лишь потому, что ею управлял в трудные годы войны Уинстон Черчилль.

Восшествие на престол Елизаветы II не сопровождалось какими-либо осложнениями. Расхождения между ней и правительством возникли лишь по одному вопросу — как именоваться королеве. Ее мужем стал внук греческого короля, племянник видного английского военного деятеля

времен второй мировой войны лорда Маунтбэттена. Члены королевской семьи считали, что по восшествии на престол Елизавете следует сохранить фамилию мужа Маунтбэттен, которая должна перейти и к ее детям. Правительство не согласилось с этим. Королева должна была подчиниться требованию Черчилля и официально объявить об изменении собственной фамилии, которая распространялась и на ее детей. Она приняла фамилию Виндзор; тем самым было продолжено существование Виндзорской династии. Супруг королевы сохранил свою прежнюю фамилию.

В 1953 г. молодая королева наградила Черчилля высшим орденом Англии — орденом Подвязки. Награда давала ему рыцарское достоинство и право именоваться сэром Уинстоном Черчиллем.

Последний срок пребывания у власти был бледным периодом в политической биографии Черчилля. Его стратегическая концепция, в основе которой лежала надежда ликвидировать социалистическую систему и восстановить всемирное единство системы капитализма, к этому времени изжила себя. Черчиллю самому пришлось признать это и сделать соответствующие выводы.

В 1957 г. Черчилль писал, что «возник новый, совершенно немыслимый баланс сил, баланс, который основывается на обладании средствами взаимного уничтожения». Речь шла о крупнейших, имевших огромное историческое значение достижениях Советского Союза в области науки и техники. Советский Союз в сроки, которые Черчилль не мог предвидеть, создал вначале атомную бомбу, а затем водородную бомбу и сделал это значительно раньше, чем Англия изготовила свое ядерное оружие. Таким образом, замысел Черчилля, состоявший в том, чтобы свести счеты с Советским Союзом, пока он не обладал ядерным оружием, потерпел полный крах.

Советский Союз восстановил разрушенную войной экономику и двинулся вперед по пути дальнейшего экономического, политического и культурного развития. Все это было сделано народами Советского Союза не только без какой-либо помощи извне, но и в условиях, когда над их головой висела угроза истребительной ядерной войны, которую империалистические державы готовы были развязать в любой момент. Это был величайший подвиг советского народа.

Опираясь на поддержку Советского государства, народы ряда стран Европы и Азии успешно совершили социалистическую революцию и влились в единую семью народов, создавших социалистическую систему государств. Это был мощный удар по капитализму вообще и по английскому капитализму в частности. Не меньшим потрясением являлась национально-освободительная революция народов колоний и зависимых стран. Черчилль, гордо заявлявший в свое время, что он не намерен председательствовать при ликвидации Британской империи, был свидетелем того, как эта империя быстро распадалась и народы, веками угнетаемые английскими империалистами, один за другим выходили на путь самостоятельного политического развития.

И Черчилль, и его класс были бессильны помешать этим процессам, определявшим развитие истории человечества после второй мировой войны. Английское лейбористское правительство вместе с американским и рядом других империалистических правительств создало систему военно-политических блоков в соответствии с планом, намеченным Черчиллем в его речи в Фултоне. Однако эти блоки, оказавшись перед лицом политической и военной мощи, которая была противопоставлена им социалистическим лагерем и другими силами, выступавшими за сохранение мира, оказались не в состоянии достигнуть тех целей, которые намечал Черчилль в Фултоне. В самой Англии, равно как и в других империалистических странах, возникло мощное движение народов за мир, против провозглашенной Черчиллем политики войны. Это движение стало серьезной поддержкой миролюбивого внешнеполитического курса стран социализма и существенным препятствием на пути англо-американских организаторов третьей мировой войны. Политика гонки вооружений, которую с благословения Черчилля провозгласило лейбористское правительство, оказалась несостоятельной. Безопасность Англии она не укрепила, а экономика страны была значительно ослаблена. «Политика перевооружения западного мира для крестового похода против коммунизма,— замечает Эмрис Хьюз,— привела Англию на грань банкротства, никоим образом не улучшив ее безопасность. Она превратилась в атомную базу Америки в Европе, открытую в случае войны для уничтожающих, сокрушительных контратак».

Ввиду всех этих обстоятельств Черчиллю в бытность его премьер-министром пришлось констатировать полный провал планов, которые он сформулировал в Фултоне. Он признал не только то, что капитализм не в состоянии уничтожить социализм силой оружия, но и то, что если такая попытка будет предпринята, то Англия, оказавшись на передовой линии ядерного фронта, первая подвергнется уничтожению.

Черчилль с большим уважением относился к крупнейшему английскому авторитету в области военной стратегии — капитану Лиддел Гарту. В ряде статей Лиддел Гарт, проанализировав стратегическое положение Англии в случае атомной войны, пришел к печальному выводу, что Англия явится ее первой жертвой и что ее ждет трагическая судьба. Черчилль вынужден был заключить, что сейчас уже и речи не может быть «о безоговорочной капитуляции Советского Союза», что в случае войны обе стороны окажутся в состоянии «разорвать на мелкие части все человечество, включая самих себя».

С этими мыслями Черчилль официально выступил весной 1935 г. А ведь еще совсем недавно, 5—7 лет назад, он считал возможным продиктовать волю западных империалистов Советскому Союзу. Нельзя без глубочайшего возмущения читать следующие строки, написанные Черчиллем в 1957 г. и относящиеся к его размышлениям начала 50-х годов. «Мне даже приходило в голову,— пишет он,— что следует заранее объявить и провести мирную военно-воздушную демонстрацию над главными советскими городами, которая должна сопровождаться информированием советских лидеров о некоторых наших новейших изобретениях в области военной техники. Все это вызвало бы у советских лидеров более дружественное и трезвое отношение к нам». Такая «демонстрация» стала бы не чем иным, как началом войны, ибо нельзя допустить, чтобы правительство СССР в подобных условиях не приняло все меры, чтобы очистить советское небо от чужих самолетов.

Однако вскоре Черчилль приходит к выводу, что подобный шантаж и провокации в отношении СССР уже неосуществимы. «Ядерный век, — пишет он, — изменил отношения между великими державами... Производство русскими этих видов оружия и замечательный успех их военно-воздушных сил уже давно сделали невозможным осуществление этой идеи».

Обстановка в мире в те годы коренным образом изменилась, и не один Черчилль в капиталистических странах искал новую стратегию и новую политику. Стало очевидным, что сложилось новое соотношение сил, что иллюзии Фултона уже надо отбросить. Но что следует предпринять дальше?

В период, когда Черчилль терзался раздумьями на этот счет, было получено сообщение о смерти Сталина. Черчилль вел с И. В. Сталиным в годы войны интенсивную переписку. В последний период войны и на выборах в парламент 1945 г. он любил ссылаться на то, что Сталин — его лучший друг. Это было, конечно, не что иное, как ораторский и тактический прием, применяемый для привлечения симпатий тех англичан, которые доброжелательно относились к СССР. На самом деле Черчилль питал к Сталину чувство глубокой неприязни.

Во время Ялтинской конференции состоялся обед, на котором Черчилль произнес тост, как он сам писал, «на серьезную тему». «Я возлагаю, — сказал Черчилль, — свои надежды на замечательного президента Соединенных Штатов и на маршала Сталина... которые, разбив наголову противника, поведут нас (какая необычная для Черчилля скромность. — *В. Т.*) на борьбу против нищеты, беспорядков, хаоса, гнета». Черчилль говорил, что считает жизнь маршала Сталина «драгоценнейшим сокровищем» и шагает по земле с большой смелостью и надеждой, сознавая, что «находится в дружеских и близких отношениях с великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру».

Эти слова были уж очень далеки от истинных чувств Черчилля. Вероятно, И. В. Сталин решил показать Черчиллю, что не верит в такую пылкую любовь английского премьер-министра. Он ответил: «Я хочу выпить за наш союз... В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: а почему бы мне не обмануть моего союзника? Но я как наивный человек считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз столь крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, быть может, потому, что не так уж легко обмануть друг друга. Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав. Да будет он сильным и устойчивым; да будем мы как можно более откровенны».

Черчилль понял, что это серьезный разговор, а не шутка, и много лет спустя в мемуарах написал: «Я никогда не думал, что он может быть таким откровенным».

Когда в начале марта 1953 г. стало известно о болезни Сталина, Черчилль проявил живейший интерес по этому поводу. Он связался с советским посольством в Лондоне и просил регулярно информировать его о состоянии здоровья Сталина. Но когда И. В. Сталин скончался, «Черчилль, — пишет Эмрис Хьюз, — публично никак не реагировал на смерть Сталина. Это было в высшей степени необычным для него».

Черчилль никогда как следует не знал Советского Союза, хотя и вел против него на протяжении ряда десятилетий отчаянную борьбу. Теперь, в 1953 г., это плохое знание советской действительности сказалось в том, что Черчилль переоценил значение смерти И. В. Сталина для советской внешней политики. Он предположил, что в ней отныне наступит коренной поворот.

Весной 1953 г. у Черчилля возникла идея организации совещания на высоком уровне между представителями СССР, Англии, США и Франции. Английский премьер-министр рассчитывал, что на совещании можно будет оказать нажим на Советское правительство и добиться от него важных уступок в пользу империалистических держав. Если бы этого достичь не удалось, то совещание все же оказалось бы полезным с разведывательной точки зрения. «За круглым столом» можно было определить, каковы шансы на то, чтобы в дальнейшем заставить Советское правительство стать более сговорчивым в отношениях с капиталистическим миром.

Относительно переговоров с Советским Союзом, о которых время от времени говорили английские деятели после второй мировой войны, Палм Датт пишет, что в действительности они предлагались «не ради достижения соглашения, а затем, чтобы испытать силы противника». Это верно и в данном случае. Черчилль, как он сам говорил, собирался выяснить, не появился ли у русских «новый взгляд».

Ему хотелось, чтобы такое совещание воскресило в памяти английского народа встречи Большой тройки периода второй мировой войны, в которых он принимал участие и которые принесли ему признание и славу. Теперь, когда двух членов Большой тройки уже не было в живых, Чер-

чилль, несомненно, стал бы наиболее яркой фигурой такого совещания.

Важно было для Черчилля и другое: выполнить хотя бы по видимости свои обязательства перед избирателями, которым он неоднократно обещал, что, придя к власти, примет меры для организации встречи в верхах с представителями Советского Союза. Газета «Дейли телеграф» писала, что Черчилль «не питал иллюзий относительно возможностей такой встречи, но он глубоко чувствовал, что английский народ не простит, если в деле обеспечения реального мира будет упущен какой-либо шанс, как бы незначителен он ни был».

В этом вопросе у Черчилля наметились известные расхождения с американскими лидерами. Если английский премьер проявлял готовность встретиться «за круглым столом» с советскими представителями, то американское правительство не хотело такой встречи: она могла лишь помешать реализации его планов. В то время в Соединенных Штатах активизировалась реакция и на политической авансцене лицедействовал крайний реакционер сенатор Маккарти. Американское правительство осуществляло очередную серию агрессивных военных акций на Дальнем Востоке.

Английские правящие круги с известной тревогой взирали на эти в высшей степени опасные действия. Черчилль и многие другие в Англии понимали, что политика США на Дальнем Востоке может вызвать третью мировую войну. А это означало, что Англия, как выдвинутая вперед атомная база Америки, первой сгорела бы в ядерном пламени. Даже если бы дело ограничилось большой войной в границах только Дальнего Востока и Азии, то итог ее для Англии во всех случаях оказался бы отрицательным. Если бы победили народы Азии, то поражение Америки было бы одновременно и поражением Англии. Ее колониальные интересы были бы окончательно ликвидированы. Если же победителем оказались бы США, расстановка сил на Дальнем Востоке сложилась бы таким образом, что и в этом случае Англия должна была утратить свои колониальные интересы. Их обязательно прибрал бы к рукам американский империализм.

А чувства Черчилля в отношении Советского Союза? Каковы они были в сумерки его политической жизни? Не пересмотрел ли он свое отношение к социалистическо-

му государству, не признал ли, что борьба, которую он десятилетиями вел против него, оказалась напрасной? Ничего подобного не случилось. Более того, в 1953 г. он заявил: «Наступит день, когда во всем цивилизованном мире с несомненностью будет признано, что удушение большевизма при его рождении явилось бы величайшим благодеянием для человечества».

Это говорилось одновременно с рассуждениями о желательности встречи в верхах с советскими руководителями. Как тут не прийти к выводу, что серьезно о достижении договоренности с СССР по спорным международным проблемам он не думал.

И все же в 1953—1954 гг. к удивлению очень многих на Западе и на Востоке, Черчилль вдруг стал говорить о том, что он «желает прийти к мирному соглашению о сосуществовании с Россией». Прибыв в Америку в июне 1954 г., Черчилль заявил: «Я придерживаюсь того мнения, что мы должны предпринять попытку обеспечить мирное сосуществование».

Эти декларации в устах Черчилля были признанием полного краха политики, провозглашенной им в Фултоне. Там он требовал превентивной войны против Советского Союза, со стороны которого, как он утверждал, человечеству грозят самые страшные беды и опасности. Теперь же он выступал за мирное сосуществование с тем же государством. Что же заставило Черчилля совершить поворот на 180 градусов?

Необычные для Черчилля высказывания объяснялись изменившимся соотношением сил в мире. Говоря о причинах, побудивших «великого воителя превратиться в умиротворителя», американский историк Флеминг пишет: ««Холодная война» закончилась тупиком, который сделал невозможным продолжение атомной дипломатии... Вначале исчезла наша атомная монополия, затем наше решающее превосходство в силах, и, наконец, создалось положение, когда наша собственная территория уже не могла быть защищена».

Было бы большой ошибкой утверждать, что в конце своей политической жизни Черчилль из врага социализма номер один превратился в сторонника мирного сосуществования с ним. Мирное сосуществование в интерпретации Черчилля далеко не то, что советские люди вкладывают в это понятие. Выступая в национальном клубе пе-

чати США, Черчилль заявил, что его предложение о мирном сосуществовании сводится к тому, чтобы «осуществить изменения в жесткой русской системе», и что эти изменения могут быть осуществлены «при помощи культурных и торговых контактов между западным миром и русским народом». Таким образом, черчиллевская идея мирного сосуществования — это новый план того, как добиться изменения и перерождения существующей в СССР социально-экономической системы, не прибегая к военным средствам.

Вернувшись в Англию из США, Черчилль заявил относительно своих бесед с американскими руководителями: «Я думаю, мы убедили их в том, что мы не отказались ни от одной из наших конечных общих целей и что существует, по крайней мере, известная мудрость в тех средствах, при помощи которых мы предлагаем достигнуть этих целей». Таким образом, Черчилль официально подтвердил, что его разговоры о мирном сосуществовании не предусматривали отказа от борьбы против социализма во имя реставрации капитализма.

Речь, разумеется, не шла о том, чтобы капиталистический мир в своей борьбе против СССР и других социалистических стран ограничился лишь политической, экономической и идеологической борьбой. Сила, оружие являлись, как и ранее, важным средством, при помощи которого Черчилль намеревался достигнуть своих целей в отношениях с миром социализма. «Он направлял свои усилия к достижению... мира, — пишет Л. Брод, — при помощи силы». Рассказывая о том, как Черчилль принимал меры к созданию английской водородной бомбы, Брод приводит его слова о том, что она создается против Советского Союза. Одновременно Черчилль подчеркивал, что на протяжении многих лет, начиная с последних месяцев второй мировой войны, он лелеял идею использования Германии против СССР. В конце 1954 г. Черчилль поведал пораженным англичанам, что накануне капитуляции Германии он отдал приказ фельдмаршалу Монтгомери собирать немецкое оружие, чтобы его можно было вновь раздать немцам, если вместе с ними придется выступить против СССР. Откровение Черчилля было с возмущением встречено в Англии. Оно показало, во-первых, что английское правительство вело недостойную линию в отношениях с СССР в конце войны, а во-вторых, что и теперь, в

1954 г., оно глубоко враждебно настроено к СССР. Раз Черчилль считает возможным публично хвастать подобными «заслугами», то грош цена его заверениям о стремлении к мирному урегулированию спорных вопросов. «Таймс» и другие газеты осудили излишнюю болтливость премьер-министра. «Почему, спрашивали, — замечает Брод, — Черчилль должен был вспомнить такой эпизод из прошлого в момент, когда он стремился достигнуть соглашения с новыми лидерами России?» Сам Черчилль признавался Морану: «Я беспокоюсь по поводу этой глупой ошибки... Если мой промах причинил ущерб нашим отношениям с русскими, мне придется уйти в отставку раньше, чем я предполагал».

Когда в июле 1953 г. было подписано соглашение о перемирии в Корее, американское правительство попыталось превратить колониальную войну Франции в Индокитае в общий поход империалистов против народов Юго-Восточной Азии, поднявшихся на национально-освободительную борьбу. Государственный секретарь США Даллес выступил с идеей «объединенных действий» в Индокитае, имея в виду организовать такую же интервенцию против народов Индокитая, какая была организована Соединенными Штатами против корейского народа. В 1954 г. американская политика на Дальнем Востоке поставила мир на грань новой мировой войны. В английских правящих кругах хорошо это поняли и не на шутку встревожились.

Даллес срочно прибыл в Лондон, но не смог убедить правительство Черчилля в целесообразности развязывания большой войны в Азии. Английское правительство считало нужным рассмотреть индокитайский вопрос на конференции заинтересованных стран в Женеве.

Такая конференция состоялась. Советский Союз, Китай, Франция и ряд других стран высказались за мирное разрешение индокитайского вопроса. Англия присоединилась к ним. Американцы сочли, что англичане их предали. «Женевскому совещанию, — пишет английский историк Д. Кэмпбелл, — суждено было обострить англо-американские отношения чуть ли не до разрыва».

Причин, по которым правительство Черчилля заняло разумную позицию в Женеве, было несколько. Прежде всего оно боялось, что авантюристическая американская политика на Дальнем Востоке приведет к возникновению

третьей мировой войны с трагическими для Англии последствиями. Эмрис Хьюз следующим образом объясняет позицию англичан на Женевской конференции. «Ужас перед водородной бомбой, — пишет он, — висел над английскими лидерами. Было известно, что Россия имеет в своем распоряжении новейшую и самую разрушительную водородную бомбу. Военные эксперты подсчитали, что 8 удачно сброшенных бомб этого типа совершенно уничтожат Англию. Предполагалось, что Россия должна иметь к лету 1954 г. более 8 таких бомб... Русские технические успехи, одержанные в течение 8 лет, целиком и полностью изменили положение, и Черчилль был вынужден соответственно изменить свою политику».

Позиция Англии в Женеве определялась также и тем, что, как говорилось выше, расширение войны на Дальнем Востоке независимо от ее исхода принесло бы Англии горькие плоды поражения. За прекращение войны в Индокитае выступали многие страны Британского содружества, и правительство Черчилля не могло игнорировать их позицию.

Однако в сентябре 1954 г. Англия явилась одним из активных участников создания военно-агрессивного блока империалистических государств для Дальнего Востока — СЕАТО. В заявлении МИД СССР по этому поводу говорилось: Англия и Франция «еще недавно заявляли о своем понимании национальных нужд народов Азии... Но позволительно спросить, как совместить такие заявления с участием Англии и Франции в агрессивном военном блоке, направленном против стран Азии».

Последние годы своего пребывания у власти Черчилль посвятил усилиям, направленным на включение в созданные ранее агрессивные военно-политические блоки наиболее реакционной и агрессивной в то время силы в Западной Европе — Западной Германии; стараниями правительств Англии, США и Франции у власти в Западной Германии вновь были поставлены те политические группировки, которые в свое время подготовили две мировые войны и теперь ни в коем случае не хотели примириться с итогами последней из них. Включение в империалистические блоки Западной Германии означало окончательный разрыв с политикой союза с СССР, которой придерживалось английское правительство в годы второй мировой войны, и, следовательно, ликвидацию англо-советского

союзного договора 1942 г. К этому и вело дело правительство Черчилля в 1952—1955 гг.

В мае 1952 г. Англия и ряд других держав заключили с правительством Аденауэра два договора, предусматривавших создание западногерманских вооруженных сил. Имелось в виду, что эти силы явятся ядром так называемой европейской армии. Однако народы Европы понимали, что речь идет о передаче оружия тем же силам, которые совсем недавно принесли Европе столько горя и зла. В ряде стран, включая и Англию, развернулось движение против ремилитаризации Западной Германии.

Очень опасались последствий создания «европейской армии» французы. У них для этого, как известно, имелись особые причины. Черчилль знал, что без согласия Франции нельзя будет вновь вооружить Западную Германию. Знал он также, что у Франции есть веские основания страшиться вооружения Западной Германии. Как он писал позднее, «на протяжении 70 лет французы трижды подвергались вторжению из-за Рейна. Трудно было забыть Седан, кровавую баню Вердена, крах 1940 года, длительную и мучительную оккупацию периода второй мировой войны... Я знал о существовании во Франции широкой враждебности идее вручения оружия новой германской республике даже при строжайших гарантиях. Но было невероятно, что советское вторжение в Западную Европу когда-либо может быть отбито без помощи немцев».

Черчилль как-то говорил Морану: «Правда настолько драгоценна, что ее должен сопровождать эскорт из лжи». В приведенном выше пассаже подобный эскорт очень силен. Ведь эти слова написаны в 1957 г., когда уже ходом истории были опровергнуты утверждения Черчилля о мнимой советской угрозе Западной Европе, относящиеся к середине 40-х годов.

Чтобы вырвать у французов согласие на включение западногерманских воинских частей в состав «европейской армии», Черчилль запугивал их тем, что если они откажутся ратифицировать Боннский и Парижский договоры 1952 г., то германские вооруженные силы все равно будут созданы в рамках Атлантического союза. Черчилль никогда не был популярен во Франции, особенно после второй мировой войны. Не удивительно, что его грубый нажим на французское правительство вызвал возмущение. Правый депутат Национального собрания Франции

Филипп Баррес заявил: «Сэру Уинстону Черчиллю не поручали управлять Францией... Нам самим надлежит решить, хотим ли мы пойти на самоубийство». Национальное собрание Франции в августе 1954 г. отклонило договор о создании Европейского оборонительного сообщества, этого, по выражению «Дейли телеграф», «дитя цюрихской речи Черчилля». В ответ английское правительство развило бурную активность по налаживанию нового соглашения о ремилитаризации Западной Германии. Созывается конференция в Лондоне, затем вторая — в Париже, где 23 октября 1954 г. девять стран, включая и Англию, подписали новые соглашения, предусматривающие ремилитаризацию Западной Германии. ФРГ включалась в Западноевропейский союз и в НАТО. Чтобы нейтрализовать опасения Франции относительно последствий такой политики в отношении ФРГ, правительство Черчилля согласилось в качестве гарантии «хорошего поведения» получающей оружие Западной Германии держать на ее территории свои воинские части. Лейборист Кроссмэн заметил по этому поводу в парламенте: «Я согласился бы с необходимостью постоянно держать английскую армию в Европе, если бы это было единственным способом помешать возрождению германского милитаризма, но держать 120-тысячную армию в качестве цены за возрождение германского милитаризма — это поистине величайшее безумие».

Несмотря на эти гарантии, существовали большие опасения, что французский парламент под давлением народа отвергнет и новые договоры о ремилитаризации Западной Германии. Черчилль удвоил свои усилия с целью побудить Францию ратифицировать подписанные документы. 10 января 1955 г. он обратился с письмом к премьер-министру Франции Мендес-Франсу, в котором писал: «Я буду до крайности огорчен, если увижу, что Франция изолирована и теряет свое влияние среди других держав свободного мира. Я надеюсь, что на вашу долю выпадет спасти вашу страну от такого поворота событий». В конце концов реакционные силы Англии, США и самой Франции добились ратификации французским парламентом соглашения о ремилитаризации Западной Германии.

Участие Англии в этих соглашениях означало, что английское правительство официально вступало вместе с правительством США, Франции и некоторых других стран

в союз с ФРГ против Советского государства, ибо, как признавал и сам Черчилль, перевооружение Западной Германии было направлено против СССР. Тем самым правительство Черчилля официально заявляло перед всем миром, что оно игнорирует договор о союзе между Англией и СССР и демонстрирует готовность окончательно порвать союзные отношения с Советским Союзом, установившиеся в годы второй мировой войны.

Советское правительство неоднократно предупреждало, что, если Англия вступит в направленный против СССР союз с западногерманскими реваншистами, она тем самым разорвет англо-советский союзный договор. Правительство Черчилля не вняло предупреждениям Советского правительства, и 7 мая 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ об аннулировании англо-советского договора.

Это решение было принято в СССР через месяц после отставки лидера консерваторов с поста премьер-министра, однако разрыв соглашения целиком и полностью лежит на совести Черчилля, который готовил его на протяжении ряда лет. Таким образом, он закончил свою политическую карьеру двусторонней акцией: заключил союз против СССР с западногерманским империализмом и одновременно разорвал договор о союзе между Англией и СССР.

К середине 50-х годов обнаружилась несостоятельность внешней политики Черчилля. Провал «холодной войны», знаменосцем которой он выступал, чрезвычайно подорвал его авторитет. С каждым днем становилось все более ясно, что во главе правительства нужен новый человек с новыми идеями, более гибкий и менее дискредитированный в глазах народа.

К тому же Черчилль был уже очень стар. Бремя обязанностей премьер-министра стало для него непосильным. Доктор Моран еще в январе 1952 г. отмечал, что у престарелого премьера «уже нет прежней жажды деятельности, он все делает с большим усилием». В июне 1953 г. у Черчилля после инсульта оказалась парализована левая сторона тела. На 79-м году жизни это было очень опасно. О степени заболевания Черчилля знали только немногие из его близкого окружения, официально сообщалось лишь, что премьер-министр болен и ему на длительное время предписан абсолютный покой. Близкие к Черчиллю люди, видя состояние больного, были единодушны в том, что к

политической деятельности он уже вернуться не сможет. Но Черчилль обладал огромным запасом жизненных сил. Он сумел оправиться от удара, жизненные функции левой стороны тела восстановились, и в октябре он уже выступал на ежегодной конференции консервативной партии. Однако годы брали свое, не прошло бесследно и тяжкое заболевание.

В ноябре 1954 г. было пышно отпраздновано 80-летие Уинстона Черчилля. Произносились речи, восхвалявшие его как крупнейшего английского политического деятеля, как одного из выдающихся лидеров буржуазного мира. На чествовании присутствовала палата общин, палата лордов, дипломатический корпус и высокопоставленные гости из-за рубежа.

Парламент подарил Черчиллю портрет, написанный одним из видных английских художников — Грэхэмом Сазерлендом. Портрет вызвал большие споры о его художественных достоинствах. Одни говорили, что Черчилль получился очень непохожим ни на благородного воителя, ни на престарелого государственного деятеля. Однако были и другие мнения. Один из депутатов палаты общин заявил, что это «правдивое изображение. Это портрет старого человека, погруженного в состояние депрессии и размышляющего об атомной бомбе».

Долгое время судьба портрета Черчилля, преподнесенного ему британским парламентом в 1954 г., оставалась неизвестной. И только после смерти его жены Клементины, последовавшей в декабре 1977 г., в бумагах покойной удалось обнаружить упоминание о том, что она уничтожила портрет, который не понравился ее мужу. «Я выгляжу на нем полоумным», — заявил, получив подарок, сам Черчилль. Автор портрета художник Сазерленд охарактеризовал уничтожение картины как «акт вандализма». Впрочем, по его мнению, в проигрыше осталось само семейство Черчилля, поскольку сейчас, то есть в конце 70-х годов, это произведение оценивалось бы по крайней мере в 100 тыс. ф. ст.

На протяжении 1953—1954 гг. в руководстве консервативной партии все более и более настойчиво велись разговоры о том, что Черчиллю пора в отставку, что его следует заменить во главе правительства и консервативной партии другим лидером. Расхождений относительно его преемника не было. Еще в свое время, в 1940 г., ког-

да Черчилля избирали лидером консервативной партии, некоторые консерваторы предлагали избрать заместителем лидера Антони Идена. Имелось в виду в какой-то степени поставить Черчилля под контроль более спокойного человека. Но тогда же признали нецелесообразность этого. В 1942 г., направляясь в США, Черчилль рекомендовал королю в случае его гибели назначить премьер-министром Идена.

Когда в 1953 г. Черчилль заболел, казалось, что наконец настал час Идена. Однако в это время тот сам лежал тяжелобольной после перенесенной сложной операции. Сын Черчилля Рандольф пишет, что если бы в то время Иден находился в Англии и был здоров, то его отцу пришлось бы подать в отставку и Антони Иден стал бы премьер-министром. В руководящих кругах консервативной партии тогда сочли, что не следует спешить с отставкой Черчилля, не дождавшись выздоровления Идена. По словам Рандольфа, при этом руководствовались сочувствием к Идену, который так долго ждал возможности водвориться на Даунинг-стрит, 10.

Дело, вероятно, заключалось не только в этом. В то время среди деятелей консервативной партии не было фигуры, которая могла бы быть противопоставлена Идену. Строились даже планы о создании некоего переходного правительства до выздоровления Идена. Решилось все значительно проще. Уинстон Черчилль поправился и вновь приступил к исполнению своих обязанностей главы правительства.

Черчилль знал, что в консервативной партии усиливаются настроения в пользу его отставки. Не было секретом для него и то, что «кронпринц» заждался. Иногда Черчилль поддразнивал Антони Идена, заявляя, что Гладстон в последний раз возглавлял правительство, когда ему было уже за 80. Биографы Черчилля утверждают, что окончательное решение уйти от дел он принял в январе 1955 г.

Отставка Черчилля готовилась постепенно, без шума. Его провожали на покой со всеми возможными почестями. 4 апреля 1955 г. королева Елизавета II с супругом посетила премьер-министра в его резиденции на Даунинг-стрит, 10, где в ее честь был дан обед. На обеде присутствовали члены кабинета, видные лейбористы, многие военные деятели времен второй мировой войны и ближай-

шие сотрудники Черчилля. Присутствие королевы на обеде было знаком особого внимания к уходящему на покой премьер-министру.

В сентябре 1973 г., выступая на открытии памятника Черчиллю, сооруженного у здания парламента, королева сообщила, что в 1955 г. она предложила Черчиллю герцогский титул — отличие, которое не давалось в Англии на протяжении последних ста лет. Однако он не принял титул, пожелав сохранить собственное имя и возможность остаться в палате общин.

5 апреля все формальности были завершены. Сильно сутулясь, опираясь па палку, престарелый премьер-министр вышел из автомобиля у подъезда Букингемского дворца. Он вручил королеве просьбу об отставке со своего поста. На следующий день во дворец был приглашен Антони Иден, и ему поручили сформировать новое правительство.

Черчилль устроил чай для сотрудников, обслуживающих резиденцию премьер-министра на Даунинг-стрит, 10, попрощался с ними и покинул этот дом навсегда. Ожидавшая у входа толпа наблюдала, как Черчилль садился в машину с неизменной сигарой во рту и в сопровождении своего пуделя Руфуса. Он отсалютовал зрителям широко известным жестом — изображением двумя пальцами правой руки латинской буквы «V», означавшей знак победы, которым он так часто приветствовал соотечественников во время своих публичных выступлений в военные годы. Черчилль направился в свой загородный дом Чартвелл, где и провел большую часть оставшихся 10 лет жизни.

На этот раз отставка Черчилля была окончательной. Длительная политическая карьера, изобиловавшая многими превратностями, закончилась. Номинально он остался членом парламента, но по существу полностью ушел из политической жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении всей своей политической жизни Черчилль торопился. Особенно он спешил в первое десятилетие XX в. Да и в зрелом возрасте неизменно испытывал нетерпение, например в годы, предшествовавшие его третьему премьерству.

Когда Черчилля спрашивали, почему он так спешит, почему ему не терпится добиться всего сразу и немедленно, он отвечал, что не надеется прожить на свете дольше своего отца и потому ему надо спешить, чтобы достичь не только того, что успел отец, но и того, чего Рандольф не смог добиться. Получилось, однако, так, что Уинстон прожил ровно в 2 раза дольше, чем его отец.

Уйдя в 1955 г. от политики, Уинстон Черчилль провел последние 10 лет жизни на покое. В эти годы он жил в Чартвелле, а также в своем лондонском доме в тихом переулке Хайд-парк гэйт, 28, недалеко от Хайд-парка. Он любил бывать на французской Ривьере, иногда предпринимал путешествия по Средиземному морю на яхте «Кристина» в качестве гостя греческого миллиардера Аристотеля Онассиса.

Первое время в кругу друзей Черчилля и среди журналистов шли споры о том, как он будет вести себя, покинув арену активной политической деятельности. Одни считали, что Черчилль станет играть роль старейшего заслуженного политического деятеля, время от времени выступая с публичными советами по политическим проблемам и упреками в адрес действующего правительства. Другие думали, что он полностью уединится, порвав все связи с политическим миром и утратив интерес к политике вообще.

И те и другие оказались неправы. Черчилль предпо-

чел до конца своих дней остаться членом парламента. Он переместился с так называемой казначейской скамьи, на которой восседают члены правительства, в сторону и занял место в углу за поперечным проходом между скамьями. Черчилль появлялся в парламенте редко и молча сидел на своем угловом месте. Страсти бушевали вокруг него, а он будто бы и не замечал происходящего. Иногда депутаты поглядывали на маститого политика, ожидая, не выскажется ли он по тому или иному вопросу, но он безмолвствовал и выражал свое отношение к происходившим спорам, лишь участвуя в голосовании.

Один раз (это было во время тяжелого кризиса, в который правительство Идена вовлекло Англию в конце 1956 г., развязав войну против Египта) Черчилль оказал некоторое влияние на ход государственных дел. Антони Иден, так долго ходивший в «наследниках престола» и получивший пост премьер-министра лишь весной 1955 г., в январе 1957 г. должен был навсегда покинуть его. Консерваторы принесли Идена в жертву, сделав козлом отпущения за провал своей суэцкой авантюры. Премьер-министром стал другой близкий Черчиллю человек — Гарольд Макмиллан. Общественное мнение было настроено в пользу того, чтобы пост премьер-министра от Идена перешел к Ричарду Батлеру, который внутри правительства придерживался более разумного курса в отношении Египта. Но Уинстон Черчилль, будучи приглашен в Букингемский дворец, дал королеве совет поручить формирование правительства Макмиллану, такому же стороннику интервенции против Египта, как и сам Антони Иден. Аналогичный совет дали королеве и некоторые другие деятели, с которыми она консультировалась, и вопрос о премьерстве был решен в пользу Макмиллана.

Уходя в отставку, Черчилль говорил, что на покое у него будет интересное и приятное занятие — его книги. Но случилось иначе. Психологический упадок после отставки оказался настолько сильным, что он не смог уже заниматься литературным трудом. У него не было для этого ни физических, ни интеллектуальных сил.

В 1956—1958 гг. вышли в свет его четыре тома «Истории народов, говорящих на английском языке». Как рассказывал Черчилль Морану, эти тома он написал очень быстро — на протяжении года и трех месяцев накануне второй мировой войны. «Я работал над ними, — говорил

Черчилль, — каждый вечер до двух часов ночи, хотя мне и приходилось в то время вести борьбу за перевооружение Англии. Конечно, у меня была группа помощников, но я сам написал каждое слово». Война, а затем работа над более интересными и важными книгами о второй мировой войне задержали издание истории англосаксонских стран.

Консервативная пресса, разумеется, расхвалила «Историю народов, говорящих на английском языке». Эти похвалы объяснялись в значительной степени политическими соображениями — стремлением использовать выход этих книг для дальнейшей пропаганды англо-американского сотрудничества. «Новый исторический этап, — пишет автор, — вырисовывается перед нами. На этом этапе союз опять подвергнется испытаниям и его огромная мощь будет направлена на сохранение мира и свободы». Черчилль произнес четырехтомный монолог в пользу союза между Англией и США, который, по его мнению, должен был обеспечить сохранение капиталистического мира. Идея союза пронизывает весь труд Черчилля и получает историческое обоснование.

Первый том озаглавлен «Рождение Британии». Автор ведет рассказ начиная с глубокой древности и заканчивает приходом Тюдоров к власти. Второй том — «Новый мир» — рассматривает период английской истории с 1485 по 1688 г. Третий том назван «Эпоха революций» и посвящен истории Англии и США начиная с конца XVII в. по 1815 г. Последний, четвертый том — «Великие демократии» — доводит изложение английской и американской истории до 1901 г.

Читатели должны были отметить, что автор явно стоит на шовинистических позициях. Он таким образом доказывал существование особой ответственности, якобы лежащей на англосаксонских народах, перед которыми стоит задача указать путь в лучшее будущее всему остальному миру, что читатель неизбежно должен был прийти к мысли о превосходстве англосаксонской расы над другими расами. Черчилль это делал и ранее в той или иной мере во всех своих литературных трудах и во многих речах. Однако нигде этот мотив не звучал так сильно, как в его «Истории народов, говорящих на английском языке».

Несмотря на хвалебные отзывы в прессе, историки критически отнеслись к последнему труду Черчилля. И дело

не только в том, что это, как сетовали критики, «история королей, знати и сражений» — Черчилль всегда писал историю лишь под таким углом зрения, — а в том, что он не содержал никаких новых фактов или документов и был написан на основании давно опубликованных обобщающих работ по истории Англии. Между тем обилие свежего фактического материала являлось отличительной чертой прежних работ Черчилля. Специалисты-историки отмечали, что автор не учел достижения исторической науки по проблемам, которые он затрагивал, минимум за последние три-четыре десятилетия.

До конца своих дней Уинстон Черчилль сохранил слабость к различного рода почестям и наградам. По-прежнему то один, то другой город избирает его своим почетным гражданином. Президент де Голль наградил его медалью Освобождения. В ноябре 1958 г., после перерыва в 14 лет, Черчилль встретился с де Голлем по этому случаю и произнес прочувствованную речь на тему о том, каким большим другом Франции он является. В апреле 1963 г. американский конгресс принял специальный акт, провозгласивший Уинстона Черчилля почетным гражданином Соединенных Штатов Америки. Это решение подписал президент Джон Кеннеди.

В глазах Кеннеди Черчилль был исполинской фигурой. Еще в юности будущий американский президент зачитывался его произведениями, особенно историей Мальборо. Молодой Кеннеди находил, что никто не писал лучше на политические сюжеты, чем почитаемый им политик. Работая над собственным литературным языком, Кеннеди пытался подражать возвышенной риторике Черчилля. Известный американский журналист Хью Сиди отмечал: «Кеннеди иногда размышлял над тем, в какой мере возвышению Черчилля способствовали его литературные труды. Он часто перечитывал мемуары Черчилля просто для того, чтобы овладеть литературным мастерством».

Записные книжки Кеннеди пестрели выписками из работ Черчилля. Он любил повторять его слова: «Вся история мира как в фокусе концентрируется в следующем положении: когда нации сильны, они не всегда справедливы, а когда они хотят быть справедливыми, они часто больше не являются сильными».

Многие годы Кеннеди мечтал познакомиться с Черчиллем. Случай представился в конце 50-х годов: супруги

Кеннеди отдыхали в Каннах, где гостил и Черчилль. Кеннеди с трепетом пожал руку престарелого политика. Одряхлевший Черчилль спутал его с кем-то другим, а когда наконец разобрались, повествует биограф Кеннеди А. Шлезингер, «разговор так и не завязался. Он встретил своего героя слишком поздно. Однако Черчилль остался тем человеком, которым Кеннеди больше всего восхищался». Президент перенял привычку Черчилля — около часа обязательного сна днем в пижаме в постели — и неукоснительно следовал ей, рассчитывая увеличить свою работоспособность.

Как-то Черчилля спросили, каким образом ему удалось при такой интенсивной, насыщенной делами и событиями жизни достичь столь преклонного возраста. Он ответил: «Я никогда не стоял, когда можно было сидеть, и никогда не сидел, когда можно было лежать».

Время от времени Черчилль наведывался в Монте-Карло и играл, но не зарывался, сохраняя контроль над своим азартом.

В апреле 1975 г. американский журнал «Тайм» писал, что в Монако «все еще помнят Уинстона Черчилля, который жил в отеле де Пари, будучи в отставке. Каждую ночь он ковылял к столам с рулеткой и сидел с большим стаканом коньяка «Наполеон» производства 1918 г., жуя незажженную сигару и ставя все время на номера 18 и 22. «Господину необыкновенно везло», — вспоминает работавший тогда сотрудник казино».

В возрасте 87 лет, находясь в Монте-Карло, Черчилль неудачно упал и сломал ногу в бедре. Самолетом английского военно-воздушного флота он был доставлен в Англию и долгое время провел в госпитале. Несмотря на свой возраст, он сумел оправиться после тяжелой травмы. Силы Черчилля, казалось, были неиссякаемы. Но и они подходили к концу.

В 1964 г. Черчилль принимает решение не выставлять больше свою кандидатуру на выборах в парламент. Закончилась длительная парламентская карьера, продолжавшаяся с небольшим перерывом на протяжении 65 лет. Палата общин устроила ему теплые проводы. Один за другим представители различных партий отмечали большие заслуги 89-летнего консервативного деятеля в политической жизни Англии. Друзья и врачи считали, что не следует его лишний раз волновать, и поэтому он не при-

сутствовал, когда палата общин принимала специальную резолюцию, отмечавшую его заслуги в английском парламентаризме. На следующий день Черчилль занял свое место в палате. Ему официально вручили принятую накануне резолюцию и зачитали его краткий прочувствованный ответ.

Фоторепортеры и журналисты время от времени помещали в газетах снимки или репортажи о Черчилле. Однако все меньше и меньше сведений о его жизни появлялось в печати. Американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала в конце 1964 г., что «занавес тактичного молчания, который опущен сейчас над повседневной жизнью сэра Уинстона, не дает возможности судить о том, как проходят его «хорошие дни» и чем они отличаются от всех других». Газета сообщала, что Черчилль с трудом несет тяжкий груз своих лет, но тем не менее не перестал интересоваться прессой, читает все лондонские газеты, а также книги, главным образом исторического характера.

В эти годы появляется несколько интересных воспоминаний, написанных военными лидерами Англии, действовавшими под руководством Черчилля. Историк Артур Брайан опубликовал записки фельдмаршала Аланбрука. Фельдмаршал Монтгомери выпустил свои воспоминания. Генерал-майор Джон Кеннеди, занимавший видный пост в военном министерстве, также поведал миру о том, что думали английские военные о Черчилле в то время, когда он был премьер-министром и министром обороны. В этих книгах содержалась большая или меньшая доза критицизма по адресу Черчилля. Особенно сильной критике подвергался он в двух томах дневников Аланбрука. Уинстон и Клементина очень огорчились тем, что записки Аланбрука были опубликованы. «Это очень плохая книга», — говорил о них Черчилль.

По мере того как последнее 10-летие подходило к концу и силы иссякали, круг интересов Черчилля сужался. Он уже больше не занимался живописью. Страстный любитель скачек и лошадей, он довольствовался тем, что следил за скачками по телевизору. Ушли в прошлое ночи за игральным столом в Монте-Карло, Черчилль вынужден отказывать себе и в этом удовольствии. До конца своих дней он сохранил любовь к кино. В Чартвелле в своем кинозале он смотрел фильмы, любезно предоставляемые

маститому политическому деятелю на покое различными кинофирмами.

Несмотря на то что деятельность Черчилля свертывалась, ему все еще требовалось три секретаря. Он пользовался также услугами личного помощника, предоставленного министерством иностранных дел. На его имя приходило несколько сот писем в неделю. Правда, лишь некоторые из них он читал сам.

В конце 1964 г. Черчилль отметил свое 90-летие. Никаких торжеств по этому поводу не было. Состояние здоровья юбиляра не позволяло ему напрягаться. По случаю юбилея он получил 60 тыс. писем, телеграмм и посылок. Многие лондонцы пришли на Хайд-парк гэйт, к дому Черчилля. Он появился в окне и приветствовал их. В тот день на нем был костюм, сшитый по образцу знаменитого «костюма сирены» военных лет.

Фотографии, сделанные в день 90-летия Черчилля, свидетельствуют, что он уже был очень слаб. Об этом убедительно говорят его глаза, из которых ушли светившиеся в них ранее ум, воля и твердость. Время брало свое. «Парадоксально и даже печально сегодняшнее положение, — писала по поводу 90-летия Черчилля американская газета. — Англия уже занесла его в списки выдающихся личностей в галерее исторической славы страны. А он все еще жив, хотя уже не совсем созвучен своему времени». Газета отмечала, что «сэр Уинстон, как всегда, бросает вызов времени и судьбе. Кажется, что он во всем устанавливает свои собственные сроки. 20 лет тому назад одна лондонская компания кинохроники создала группу кинооператоров, которой поручено было снять документальный фильм о похоронах Черчилля. Трое из этих кинооператоров уже умерли».

В начале января 1965 г. Черчилль простудился и слег. 15 января у него произошло кровоизлияние в мозг, и он потерял сознание. В бессознательном состоянии больной находился более недели. 24 января последовало сообщение о кончине Уинстона Черчилля.

Вероятно, никогда печать Англии, Соединенных Штатов и других западных стран не уделяла столько внимания Черчиллю, как в эти дни. Газета «Таймс» нарушила традицию и на первой странице поместила большой портрет Черчилля. Она дала также его подробную биографию. Был выпущен специальный мемориальный выпуск, содер-

жавший обширный материал о покойном и массу фотографий. Газета «Санди таймс» писала по поводу кончины Черчилля: «Англия скорбит, и весь мир скорбит вместе с ней. Это само по себе является историческим событием, чем-то таким, что сегодняшние маленькие дети запомнят навсегда и, состарившись, будут рассказывать своим внукам... Эта скорбь по Черчиллю является контрастом к общей незначительности современной жизни».

Официальная Англия устроила Черчиллю государственные похороны, по пышности и торжественности равные похоронам королей. Многочисленные официальные делегации из всех стран Британского содружества наций и из многих других государств прибыли для участия в похоронах. Церемония длилась несколько дней и закончилась погребением останков Черчилля на скромном кладбище старинной приходской церкви в Бладоне, где в свое время были похоронены отец и мать Уинстона. Кладбище расположено рядом с дворцом Бленхейм — резиденцией герцогов Мальборо.

Черчилль за несколько лет до смерти подробно разработал церемонию собственных похорон и изложил ее в письменном виде в так называемой «Похоронной книге». Этот вопрос занимал его на протяжении многих лет, когда он еще был активным деятелем. Моран вспоминает, что в 1947 г. Черчилль в его присутствии говорил жене, что хотел бы, чтобы его похоронили, как солдата. Его пожелание было выполнено.

«Черчилль был богатым человеком», — замечает газета «Дейли экспресс». Это, несомненно, так. Точные размеры его состояния неизвестны. Он помалкивал на этот счет, следуя существующей в Англии традиции и опасаясь уплаты налогов.

Задолго до своей кончины, еще в 1946 г., Уинстон Черчилль принял меры, чтобы обойти закон, предусматривающий большие налоги с крупных состояний, переходящих от покойного к наследникам. Он организовал так называемую семейную опеку по обеспечению детей и внуков, в распоряжение которой и передал заранее без уплаты налогов основную часть своего состояния.

Известно, что еще в молодости он литературным трудом и лекционными турне заложил солидную основу своему состоянию. Оно постоянно пополнялось за счет этих

же источников. После первой мировой войны Черчиллю досталось крупное наследство. Газеты сообщали, что только за годы, прошедшие после второй мировой войны, Черчилль получил за свои книги и другие публикации значительно более 1 млн. ф. ст. Все эти средства поступили в распоряжение семейной опеки.

В завещании же Черчилля, вскрытом после его смерти, фигурировала лишь сумма 266 054 ф. ст. Ее бо́льшую часть составляла стоимость лондонского дома и животноводческой фермы. Треть этой суммы по завещанию поступала в распоряжение жены и две трети распределялись среди детей. Небольшие суммы были выделены личному секретарю и некоторым другим лицам.

Клементина намного пережила своего мужа. Она скончалась 12 декабря 1977 г. в возрасте 92 лет. Супруги счастливо прожили вместе 56 лет. «Черчиллю везло в жизни во многих отношениях, — замечает Г. Пеллинг, — но больше всего ему повезло с женитьбой». Черчилль как-то говорил: «Я женился в сентябре 1908 года и жил с тех пор счастливо». Этим он в значительной степени был обязан уму и такту Клементины. Характер у Уинстона был трудным, и ей приходилось нелегко, хотя она никогда этого не показывала. Клементина не пыталась обуздывать своего супруга, исправлять его недостатки или улучшать его характер, как это сделала бы на ее месте менее умная женщина. «Она не ворчала, не придиралась, не приставала к Уинстону, но, когда она говорила, он слушал», — отмечала газета «Сан». Она принимала Уинстона таким, каким он был, и сумела сделать себя необходимой для него и в час неудачи, и в пору большого успеха. Они не проводили много времени вместе: для этого он был слишком занят. Клементина никогда не навязывала Уинстону своего мнения, но очень часто анфилада комнат в их доме оглашалась его зычным криком: «Клемми!» Это означало, что он хотел о чем-то спросить жену, посоветоваться с ней. Ведение дома лежало целиком на ее плечах, и она делала это так, чтобы Уинстон всем был доволен, чтобы его ничто не раздражало. Однажды Клементина Черчилль дала группе девушек совет, как им следует обращаться с мужьями. «Никогда, — говорила она, — не принуждайте соглашаться с вами. Вы добьетесь большего, спокойно придерживаясь своих убеждений. И даже это необходимо делать с известным искусством и юмором»,

Газета «Сан» замечает, что сама Клементина неизменно придерживалась такой позиции.

Клементина была верным помощником мужа. Она всегда деятельно участвовала в проведении избирательных кампаний и в случае необходимости успешно выступала перед избирателями. Свое предисловие к книге Д. Фишмэна о жизни Клементины Черчилль вдова президента Рузвельта Элеонора Рузвельт заключила такими словами: «Ей досталась нелегкая роль в жизни, но она играла ее с достоинством и обаянием».

После смерти Черчилля у него остались сын и две дочери. Старшая дочь Черчилля Диана дважды выходила замуж, и оба раза брак заканчивался разводом. Она скончалась в октябре 1963 г. в возрасте 54 лет. Следователь вынес определение, что Диана Черчилль покончила жизнь самоубийством, приняв большую дозу снотворного. Дочь Сара была замужем трижды: с первым мужем развелась, а два других умерли. Младшая дочь Мэри, родившаяся в 1922 г., была более счастлива. Она вышла замуж за члена парламента и министра, и брак оказался удачным.

Единственный сын Рандольф родился в 1911 г. Политический деятель из него не вышел, хотя он и пытался испробовать свои силы на парламентском поприще. Попытки заняться журналистикой были несколько более успешными. Сына Рандольфа назвали в честь деда — Уинстон Черчилль-второй. У него в свою очередь также родился сын Рандольф Черчилль-второй — правнук Уинстона Черчилля.

После смерти отца Рандольф занялся подготовкой его многотомной биографии, но до своей кончины успел выпустить только два тома. Затем это издание продолжил историк М. Джилберт.

Черчилль был одним из самых популярных государственных деятелей буржуазного мира в XX в. Он приобрел известность давно, еще на заре своей политической деятельности или даже несколько раньше. Его отец Рандольф был фигурой, привлекавшей в течение ряда лет внимание широкой общественности. И Уинстон в начале своей самостоятельной жизни уже пользовался в своих кругах в какой-то степени популярностью как сын известного родителя. Его приключения во время военных походов конца XIX в., разрекламированные прежде всего им

же самим, содействовали росту популярности его персоны. Приобретению Черчиллем известности содействовала и далеко не обычная его политическая биография. Он дважды с большим шумом менял политическую партию, что, естественно, вызывало громкий резонанс в обществе. Многие его экстравагантные выходки очень часто были рассчитаны на то, чтобы обратить на себя внимание.

Ни об одном современном политическом деятеле не написано столько книг и статей. Но никто не сделал так много для собственной рекламы, как сам Черчилль. Его многочисленные книги, главным действующим лицом которых неизменно являлся автор, были лучшей рекламой. Еще до второй мировой войны появилось большое количество его биографий. В тот период об Уинстоне Черчилле писалось и говорилось много правды. Ряд авторов довольно объективно пытались оцепить Черчилля как человека и политического деятеля.

С 1940 г., когда Черчилль возглавил правительство и стал лидером консерваторов, начинается безудержное восхваление его личности. С этого времени поток литературы о Черчилле увеличивается, а ее качество резко ухудшается. Именно тогда рождается легенда о Черчилле, в дальнейшем поддерживаемая и распространяемая пропагандистским аппаратом английских буржуазных кругов. Панегирик следует за панегириком, усердные авторы захлебываются от восторга, живописуя своего героя исключительно розовыми красками. Лишь изредка появляются издания, содержащие, вроде книги Эмриса Хьюза, известную долю критики в адрес Уинстона Черчилля.

Все это было не случайно. Консерваторы и их мощный пропагандистский аппарат, не жалея сил и средств, возвеличивали Черчилля, чтобы за его широкой спиной спрятать свои провалы кануна второй мировой войны. Они сознательно культивировали легенду о Черчилле, ибо, восхваляя своего лидера, тем самым пытались реабилитировать свою партию и поднять ее авторитет в глазах народа. Естественно, что в этих условиях правда о Черчилле зачастую должна была отходить на второй план, уступая место восторженным вымыслам.

Смерть Черчилля вызвала новую волну славословий в его адрес. Английская коммунистическая газета «Дейли уоркер» 25 января 1965 г. справедливо заметила, что

«культ личности... когда он устраивает капиталистический класс, раздувается на Западе до фантастических размеров». Дело дошло до того, что глава английской церкви архиепископ Кентерберийский сочинил и опубликовал специальную молитву о Черчилле, которая начиналась словами: «Черчилль — это дар провидения господня».

В 1974 г. в Англии широко и торжественно отмечалась столетняя годовщина со дня рождения Черчилля. К юбилею вышел ряд новых книг о Черчилле. Этому способствовало и открытие двумя годами ранее доступа к документам британского государственного архива за 1941—1945 гг., включая документы военного кабинета и министерства иностранных дел; одновременно в США была рассекречена переписка военного времени между Черчиллем и Рузвельтом. В последнее время выпущены объемистые тома, прослеживающие весь жизненный путь Черчилля, и исследования, охватывающие отдельные периоды его деятельности, — по выражению одного рецензента, «обзоры при помощи микроскопа». Однако во всех этих работах нет ничего принципиально нового. Появляются на свет дополнительные детали, выдержки из писем, не меняющие установившегося взгляда на личность Черчилля. Именно поэтому даже благожелательная критика скептически отнеслась к новой Черчиллиане.

В связи со столетним юбилеем Черчилля усердно распространяемая и пропагандируемая легенда о нем обрела новую жизнь. Пресса, радио, телевидение, кино внедряли в умы англичан мысль, что Черчилль был величайшим военным гением, что он выиграл вторую мировую войну. При этом начисто игнорировались усилия всех других стран и народов, да и роль самого английского народа сводилась на нет. Не удивительно, что некто Джеймс М. Бэйрд прислал автору настоящей книги в декабре 1974 г. письмо, в котором следующим образом изложил все то, что он усвоил из английской юбилейной пропаганды: «Черчилль спас Россию и весь мир». Это результат того, что Би-Би-Си упорно твердила: «Черчилль в 1941 г. изменил ход человеческой истории». Английская печать убеждала своих читателей: Черчилль — это «человек, который в 1940 г. спас весь свободный мир», а историки в монографических трудах доказывали, как, например, Патрик Косгрейв из Кембриджа, что «Черчилль нанес поражение Германии к концу 1940 г.». В свете этих утверж-

дений неясно, почему же Германия, потерпев поражение в 1940 г., воевала еще более четырех лет, а народы смогли добиться победы над фашизмом лишь к весне 1945 г.

Утрата теми, кто был занят безудержной рекламой Черчилля, чувства реальности претила многим англичанам. Протесты по этому поводу проникали даже в печать. Так, журнал «Нью стейтсмен» 2 августа 1974 г. опубликовал письмо одного из читателей, протестовавшего против раздувания культа Черчилля как великого полководца. «Разве не являются известным оскорблением для народов Британии и Содружества ссылки на Черчилля... как на «Человека, который выиграл войну»», — замечал автор письма.

Сведение исхода крупных исторических событий к действиям той или иной личности характерно для многих представителей буржуазной историографии. В данном случае тон подобным толкованиям истории задавал сам Черчилль. В действительности же, несмотря на его диктаторские возможности в военные годы, во время пребывания на посту главы английского правительства, и присущие его натуре диктаторские замашки, Черчилль, как правило, не мог поступать и не поступал произвольно, считаясь только со своим мнением и желанием. Ни один диктатор, даже с бо́льшими возможностями для этого, чем были у Черчилля, никогда не мог действовать абсолютно свободно: он должен был, во-первых, учитывать объективные условия и возможности своей страны, и, во-вторых, он не мог не считаться с мнением людей, которые его окружали, на которых он опирался и через которых проводил в жизнь свои решения. По мере удаления от исторических событий ряд английских историков все лучше и лучше понимают, что Черчиллю приходилось согласовывать свои действия со многими объективными факторами и со своими соратниками и сотрудниками. Об этом говорят не столько помпезно-триумфальные книги Черчилля или мемуары других английских деятелей, сколько дневниковые записи многих людей, не предназначавших их для опубликования, краткие записки или телеграммы Черчилля своим коллегам по правительству и их пометы на этих документах, выражающие их непосредственную реакцию на то или иное предложение шефа и не предназначенные для его глаз. Эти мате-

риалы в изобилии хранятся в различных официальных и частных архивах. Они все больше и больше воздействуют на оценки историков.

Известный английский публицист и историк Элизабет Баркер в книге, увидевшей свет в 1978 г., пишет, что «еще несколько лет назад у нее была сентиментальная привычка приписывать Черчиллю все, что Англия совершила во второй мировой войне». Однако, ознакомившись основательно с материалами архивов, о которых шла речь выше, Баркер изменила свое «сентиментальное» мнение. Несмотря на сравнительную слабость и пиетет перед Черчиллем, Иден нередко возражал патрону, ибо этого настойчиво требовал стоявший за министром аппарат Форин оффиса. «Диалог, — пишет Баркер, — между Черчиллем и Иденом по внешней политике, раскрываемый, скорее, в их записках военного времени, чем в их мемуарах, представляет собой серию серьезных, а временами и острых споров относительно того, какие акции Англии было лучше предпринять в годы войны. Во внутренних делах, — продолжает автор, — действия Черчилля в той или иной ситуации строго определялись давлением со стороны начальников штабов, лидеров лейбористов и других членов военного кабинета, со стороны руководства и аппарата консервативной партии, парламента и прессы. В сфере внешней политики его действия лимитировались неуклонным падением британской военной и экономической мощи на фоне быстрого роста мощи двух великих союзников — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза».

Легенда изображает Черчилля великим полководцем — это результат главным образом его собственных усилий. С раннего детства Уинстону не давали покоя военные лавры его предка — первого герцога Мальборо. Шеститомные мемуары Черчилля перегружены материалами, характеризующими его собственную деятельность в этой области.

Черчилль действительно активнейшим образом участвовал в руководстве военными действиями, которые вели вооруженные силы Англии во второй мировой войне. Но, как показал ход основных сражений второй мировой войны, его стратегическая концепция, предусматривавшая достижение победы путем нанесения врагу ударов на периферии, а также при помощи воздушных бомбардировок

его промышленных и населенных центров, оказалась несостоятельной. Решающие удары, приведшие к победе, были нанесены на основных фронтах, и прежде всего на советско-германском фронте.

Не кто иной, как сам Черчилль, заявлял весной 1943 г.: «Ни одно правительство не устояло бы перед такими страшными и жестокими ранами, которые нанес Гитлер России. Но Советская Россия не только выстояла и оправилась от этих ран, но и нанесла германской армии удар такой мощи, какой не могла бы нанести ей ни одна другая армия в мире». 9 ноября 1943 г. Черчилль утверждал: «Чудовищная машина фашистской власти была сломлена превосходством русского маневра, русской доблести, советской военной науки и прекрасным руководством советских генералов». 2 августа 1944 г. Черчилль заметил: «Кроме советских армий, не было такой силы, которая могла бы переломить хребет гитлеровской военной машине». И, наконец, 27 сентября 1944 г. Черчилль свидетельствовал, что «именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины».

Видные английские военные деятели периода второй мировой войны довольно единодушны в своем скептическом отношении к Черчиллю как к военному стратегу и тактику. Дневники Аланбрука, воспоминания Кеннеди и ряда других генералов свидетельствуют о том, что многие решения конкретных военных вопросов, предлагавшиеся Черчиллем, вызывали возражения со стороны военных специалистов. «Критики Черчилля, — пишет Джон Кеннеди, — в то время (речь идет о конце 1941 г. — *В. Т.)* искренне верили, что невозможно будет выиграть войну до тех пор, пока Черчилль контролирует нашу стратегию». Известный лейбористский деятель Ричард Кроссмэн, подводя итоги жизненному пути Черчилля, писал: «Черчилль считал себя великим стратегом, и шесть томов его военных мемуаров были составлены главным образом для того, чтобы увековечить его достижения в этой области. Но я сомневаюсь, что будущие историки подтвердят эту оценку, которую Черчилль пытается обосновать лишь путем крайне тенденциозного отбора доказательств».

Легенда гласит, что Черчилль явился архитектором победы антифашистской коалиции государств и народов во второй мировой войне над Германией, Японией, Италией и их союзниками. Действительно, участие прави-

тельства Черчилля в антигитлеровской коалиции содействовало завоеванию победы. Но совершенно бесспорно, что Черчилль до июня 1941 г. был не в состоянии найти пути для достижения победы над Германией. И если бы Германия не пала под ударами вооруженных сил СССР, Англия не только не смогла бы обеспечить за собой победу в войне, но и не сумела бы избежать страшного разгрома.

Консервативная пропаганда, усиленно подчеркивая роль Черчилля в создании антигитлеровской коалиции, совершенно умалчивает о том, что он много потрудился над тем, чтобы уничтожить эту коалицию, как только для Англии миновала непосредственная опасность. В основе таких действий лежали неприязнь к Советскому Союзу и стремление лишить его плодов будущей победы.

Чтобы определить роль, которую сыграл Черчилль в разгроме фашизма, необходимо ответить и на такой вопрос: чем была вызвана борьба Черчилля против немецкого нацизма и итальянского фашизма?

Бесспорно установлено, что Черчилль с симпатией относился к итальянскому фашизму. Об этом он не раз официально заявлял сам. Не подлежит сомнению и то, что Черчилль рассматривал германский фашизм как орудие борьбы против революционного движения в самой Германии и за ее пределами. Черчилль восхищался достижениями Гитлера внутри Германии и желал, чтобы Англия, если бы ее постигло такое поражение, как поражение Германии в 1918 г., смогла найти для себя руководителя, подобного Гитлеру. Все это говорит о том, что с фашизмом, как таковым, он готов был иметь дело.

И если Черчилль вел энергичную борьбу против нацистской Германии и фашистской Италии, то не потому, что в этих странах существовали фашистские порядки, а потому, что Германия и Италия выступили против империалистических интересов Англии. Случилось так, что война, которую Англия в рамках антигитлеровской коалиции вела против Германии и Италии, слилась с войной народов, и прежде всего народов Советского Союза, против фашизма. Для Черчилля это была не столько борьба против фашизма, сколько борьба против политических и экономических противников Англии. Конкретная обстановка в годы войны сложилась таким образом, что война против Германии и Италии являлась в то же время

войной против германского нацизма и итальянского фашизма. Если бы немецкий нацизм и итальянский фашизм не создали угрозу для империалистической Англии, Черчилль никогда бы не выступил против них. Ведь не выступил же Черчилль против испанского фашизма ни в момент прихода Франко к власти, ни в период второй мировой войны, ни после ее окончания.

Главная заслуга перед человечеством, которую легенда приписывает Черчиллю, — его борьба за свободу. Вся жизнь Черчилля свидетельствует об обратном.

В 1957 г. Черчилль писал, что страх и ненависть относятся к числу самых худших отрицательных сторон человеческой натуры. Судя по всему, Черчилль был, бесспорно, лично храбрым человеком и как во фронтовых условиях, так и в многочисленных политических баталиях. Однако ненависть была характерна для него — неудержимая ненависть к социализму, к революционному движению, к национально-освободительной борьбе. Эта ненависть была настолько велика, что часто лишала Черчилля — человека, наделенного недюжинным умом, способности действовать, сообразуясь с требованиями логики и здравого смысла.

XX век — это век революционного преобразования общества. В первой половине и в середине XX в. были две основные линии борьбы народов земного шара за свою свободу: первая — это борьба за социальное освобождение, принявшая форму социалистической революции, установившей на одной трети земного шара социалистический общественный строй; вторая — это борьба за национальное освобождение, в ходе которой народы разрушили существовавшие колониальные империи и самую крупную из них — Британскую империю.

Для того чтобы установить, был ли Черчилль действительно великим борцом за свободу, необходимо выяснить его отношение к этим двум основным линиям освободительной борьбы народов.

История совершенно определенно зафиксировала, что Черчилль был самым упорным, последовательным и настойчивым врагом социального освобождения народов. Когда народы России в 1917 г. совершили социалистическую революцию, Черчилль больше, чем кто-либо другой из буржуазных государственных деятелей, сделал все для того, чтобы задушить эту революцию, отнять власть у тру-

дящихся и восстановить в России буржуазный строй. Когда затем через четверть века народы Восточной Европы в своих странах подняли знамя социалистической революции, Черчилль неистово требовал, чтобы их стремления к социальной свободе были задавлены силой оружия. Не кто иной, как Черчилль, выступил в 1946 г. с идеей применить атомное оружие для ликвидации социалистического строя и восстановления единства капиталистического мира на всем земном шаре.

Аналогичной была позиция Черчилля и в отношении английских трудящихся, ведущих классовую борьбу и стремящихся к социальному освобождению. Если рабочие начинали стачку, а Черчилль находился в это время у власти, для него не существовало вопроса о том, справедливы требования бастующих или нет. Не задумываясь, он бросал против них войска и полицию. Черчилль был таким же упорным врагом социализма внутри Англии, как и за ее пределами. Именно поэтому против Черчилля неизменно вели борьбу (за исключением лишь нескольких лет периода второй мировой войны) Английская коммунистическая партия и другие левые силы страны. Для них он всегда был представителем наиболее реакционных империалистических кругов.

Черчилль последовательно и настойчиво боролся против народов колониальных и зависимых стран, выступавших за свое национальное освобождение. Именно он в начале 20-х годов предложил использовать новейшую для того времени военную технику для подавления национально-освободительных движений. Черчилль упорно сопротивлялся не только ликвидации, но и какому бы то ни было ослаблению английского колониального гнета в Индии. И если народы Британской империи после второй мировой войны завоевали политическую свободу, то они сделали это вопреки Черчиллю, сломив его ожесточенное сопротивление.

Таким образом, Черчилль предстает перед историей не как великий борец за свободу, а как упорный и воинственный враг народов, добивавшихся своего социального и национального освобождения. Следовательно, в действительности личность Черчилля далеко не соответствует тому, что говорит о ней легенда. И мы не можем от этого абстрагироваться, оценивая историческое значение деятельности прославленного буржуазного лидера.

Вместе с тем нельзя не признать, что Черчилль, бесспорно, был крупным государственным деятелем, человеком выдающихся дарований. Природа наделила его незаурядным умом, сильной волей и необычайной энергией. Смелость, целеустремленность, решительность, разносторонняя одаренность и редкостная работоспособность, блестящее ораторское мастерство и талант публициста — все эти качества обеспечили ему заслуженный успех на политическом поприще.

В активе Черчилля, несомненно, есть достижения крупного масштаба. В 30-е годы в отличие от других лидеров консервативной партии Черчилль понял значение германской угрозы для Англии и сделал единственно разумный, а для консерватора весьма смелый вывод о том, что эта угроза может быть ликвидирована лишь в союзе с СССР.

В январе 1968 г. автор этой книги получил письмо от одного из наиболее проницательных английских публицистов периода второй мировой войны Александра Верта. В нем есть интересные строки о Черчилле. «Черчилль, — писал Верт, — фигура, конечно, скорее одиозная — интервенция, второй фронт, Фултон и, еще хуже, его выступление в Лландудно в 1948 г. в пользу превентивной войны. Но, с другой стороны, его роль в 1940 г. была крайне положительной. Если бы он не заменил Чемберлена, то я не исключаю возможности «похабного» мира с Гитлером. Хотя народ Англии держался хорошо, на «верхах» было больше пораженчества, чем обычно думают. Возьмите, например, герцога Виндзорского (б. Эдуарда VIII...). Были, кроме того, в Англии мюнхенцы, кандидаты в английские петэны и лавали и пр. Если бы не Черчилль, то они бы несомненно подняли голову. Пораженчество было и у некоторых «левых»...».

Весной 1940 г. Черчилль сделал важнейший в его политической жизни шаг, решив продолжать войну против Германии и вступить для этой цели в союз с СССР и Соединенными Штатами Америки. В Англии возник единый фронт, в котором народ объединился для отпора смертельному врагу, а Черчилль превратился из лидера консервативной партии в национального военного лидера. Заслуги Черчилля во второй мировой войне стали возможны потому, что его политика опиралась на поддержку английского народа. Призывы Черчилля к сопротивле-

нию фашистским агрессорам не дали бы никакого результата, если бы английский народ не ответил на эти призывы самоотверженным трудом на фабриках и заводах, если бы моряки на морях и океанах не вели свою военную работу с неизменным мужеством, если бы летчики и солдаты не выполняли отважно свой долг в военном небе и на поле боя. Непреклонная решимость, мужество и упорная воля английского народа к победе над фашизмом, проявленные в годы второй мировой войны, — вот истинный источник славы Уинстона Черчилля как военного лидера.

В Советском Союзе помнят об усилиях английского народа, направленных на завоевание победы, и высоко ценят эти усилия. Прошло более трех десятилетий с тех пор, как была одержана великая победа над нацистской Германией и ее союзниками. Празднование в СССР дней Победы всегда демонстрирует, что в сердцах советских людей живо чувство глубокой признательности к английским воинам, принимавшим участие в сражениях второй мировой войны, рабочим, ковавшим оружие и для Англии и для отправки в СССР, морякам, совершавшим трудные рейсы в северные советские порты, к передовой английской общественности, требовавшей своевременного открытия второго фронта и собиравшей средства в «Фонд помощи России», который тогда возглавляла Клементина Черчилль.

Правильный шаг, сделанный Черчиллем весной 1940 г., спас Англию от верного разгрома и дал ей возможность закончить войну в рядах победоносной антифашистской коалиции. Это был наивысший триумф Черчилля как государственного деятеля. Его успех объяснялся тем, что в силу сложившихся обстоятельств его действия в тот период наилучшим образом отвечали национальным интересам Англии, интересам ее народа и поддерживались народом. Лучший час Черчилля как государственного деятеля — это тот час, когда он шел вместе с английским народом.

Владимир
Григорьевич
ТРУХАНОВСКИЙ

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

Редактор
Г. М. КРЫЛОВА

Оформление художника
В. В. СУРКОВА

Художественный редактор
В. В. СУРКОВ

Технический редактор
Т. С. ОРЕШКОВА

Корректор
Л. А. СУРКОВА

ИБ № 729

Сдано в набор 22.04.81. Подписано в печать 09.09.81. А 11653. Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 3. Гарнитура «обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 24,78. Уч.-изд. л. 25,91 + вкл. 0,39 на офсетной бум. Тираж 103 000 экз. Зак. № 310. Цена 1 р. 80 к. Изд. № 12-И/81. Издательство «Международные отношения». Москва, 107053, ул. Садовая-Спасская, д. 20. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Трухановский В. Г.

Т 80 Уинстон Черчилль. 3-е изд. — М.: Междунар. отношения, 1982. — 464 с.

Политическая биография Черчилля была издана впервые в 1968 г. Жизнь и деятельность Черчилля, воинствующего империалиста, апостола антикоммунизма, идеолога «холодной войны», показана в тесной связи с внутренней и внешнеполитической жизнью Англии, а также с важнейшими событиями, происходившими на мировой арене.

После выхода в свет первого издания появились многочисленные публикации архивных документов, обширная литература по истории международных отношений XX в., мемуары и дневники современников Черчилля. Эти новые документы и материалы учтены и использованы автором при подготовке третьего издания.

Т $\frac{11101-07}{003(01)-82}$ 17—82 0801000000 ББК 66.4(0)

ПОПРАВКА

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
429	21-я сверху	1935 г.	1953 г.